ПОЭЗИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ПРАЗДНИКОВ

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ПОЭЗИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ПРАЗДНИКОВ

Вступительная статья, составление,
подготовка текста и примечания
И. И. Земцовского

Общая редакция В. Г. Базанова

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1970

Р С
П 67

Весь год крестьянина-земледельца исстари сопровождался красочными праздниками, богатыми оригинальной поэзией. Встреча нового года, весны, сбор урожая праздновались с песнями, играми, хороводами. В настоящем сборнике впервые собраны воедино лучшие из таких песен, созданные русским народом на протяжении тысячелетий и донесенные им до наших дней. Поэзия крестьянских праздников и сегодня представляет не только исторический, но и большой художественный интерес.

7-4-2
325-70

ПЕСЕННАЯ ПОЭЗИЯ РУССКИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПРАЗДНИКОВ

1

В настоящей книге собраны песни, в большинстве своем мало известные широкому читателю. Песенная поэзия русских аграрных праздников занимала особое место в крестьянском быту. Она была праздничной и одновременно хозяйственно-утилитарной, выполнявшей определенные обрядовые функции. Древность аграрного обряда определила и древность поэзии, сопровождавшей обряд. И обряд и песни имеют давнюю историю. Чтобы лучше понять такую песню, надо иметь представление и о самом празднике.

Хозяйственный год земледельца, находящегося в полной зависимости от природы, был связан с древнейшим календарем зимнего и летнего солнцеворотов, весеннего и осеннего равноденствий. Это и дало основание ученым условно назвать аграрные праздники календарными, а входящие в них песни — соответственно также календарными, или песнями годового земледельческого круга.[1] Название это не вполне удачно, ибо в основе деления празднично-аграрных обрядов и песен лежит, конечно, трудовая деятельность земледельца. Именно она определяет два их основных цикла: один направлен к подготовке и увеличению урожая, другой приурочен ко времени его уборки (август — сентябрь, в условиях России). Первый цикл наиболее продолжителен и включает периоды зимний (октябрь — февраль) и весенне-летний (март — июль). Земледельческий календарь

[1] Брянские крестьяне называют их сезонными песнями (см.: К. Свитова, Народные песни Брянской области, М., «Музыка», 1966, с. 9). Термин «календарные» народу неизвестен.

образуется последовательностью сроков той или иной работы в поле и дома, сопровождаемой теми или иными действиями, песнями, обрядами. Эти обряды совершались либо параллельно с проводимыми работами, либо независимо от них, в виде самостоятельных празднеств. К таким относятся святки (25 декабря — 6 января, период празднования нового года), масленичная неделя (обычно в феврале — за семь недель до Пасхи), встреча весны (1-го, 9-го или 25 марта), Егорьев день (23 апреля), Пасха (справлялась в первое воскресенье после первого весеннего новолуния — не раньше 22 марта и не позже 25 апреля), семицкая (семиковая — от «Семик», или русальная, русальская) неделя — седьмая после Пасхи, Троица — пятидесятый день после Пасхи, Иван Купала (справлялся в ночь с 23 на 24 июня), а затем уже сенокос и жатва.[1] Святки и Купала делили год пополам, приходясь соответственно на зимний и летний солнцевороты, а встреча весны совпадала со временем весеннего равноденствия. И хотя на Руси официально функционировали и гражданский и церковный календари, устанавливавшие новый год то с 1 марта, то с 1 сентября, для крестьянина истинно новогодним праздником оставался день солнцеворста. Так, 12 декабря, в день Спиридона Поворота, говорили: «Солнце на лето, зима на мороз», а 1 января, в новогодний день Василия Великого — «Году начало, зимы середина».

С принятием христианства на Руси церковные святцы стали своего рода канвой для сельскохозяйственного календаря. Будучи переосмыслены народом под влиянием его трудовой практики, они превратились в неписаные производственно-бытовые «святцы»: наполнились пословичными приметами, сельскохозяйственными и природными наблюдениями. Бытовое осмысление получали и имена святых: например в феврале, когда начиналась подготовка к весне, говорили о дне Симеона Богопришельца и Анны Пророчицы, что «Семен с Анной сбрую починяют», а приходящийся на конец месяца Василий Исповедник превратился в Василия Капельника!

Церковь приурочивала свои праздники к наиболее крупным языческим празднествам, тем самым пытаясь поглотить их и уничтожить. Она не только хитроумно приспосабливалась к языческим празднествам, но и активно боролась с ними, беспощадно истребляя все, что было в них исконно народным. Известны многочисленные церковные и правительственные запреты народных праздников, музыкальных

---

[1] Подробнее см.: В. И. Чичеров, Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков, М., 1957, глава 1. Здесь и дальше даты приводятся по старому стилю.

инструментов и песен, начиная со средневековья (постановления Стоглава, указы царя Алексея и мн. др.). Например, в царском указе воеводе Шуйскому 1648 года говорилось: «И мы указали о том учинить на Москве и в городех и в уездех заказ крепкой, чтоб ныне и впредь никакие люди по улицам и переулкам и на дворех в навечери Рождества Христова и Богоявленья «каледь» и «плуг» и «усеней» не кликали и песней бесовских не пели».

В результате борьбы и смешения язычества с христианством и возникло то своеобразное «двоеверие», следы которого постоянно обнаруживаются в календарных обрядах и песнях. Языческий обряд как пережиток просуществовал многие века уже независимо от язычества как религии, как цельной системы верований. Тем самым был дан новый толчок к жизни обрядовой поэзии: «в недрах так называемого «двоеверия» она постепенно освобождалась от веры и становилась явлением художественного творчества по преимуществу. В ней развивались элементы бытовой и эстетический. Этот процесс, начавшийся еще в эпоху раннефеодального государства, особенно развернулся в период феодальной раздробленности, шел неровно и не закончился еще и в XIX веке». [1]

Дошедшие до нас календарные песни в основе своей, конечно, являются образцами аграрно-магической поэзии, порожденной древнерусским земледельческим язычеством. И хотя они известны нам лишь в позднейших записях XIX—XX веков, с многочисленными наслоениями, переосмыслениями, а подчас и искажениями исконного смысла и формы, все же они дают возможность составить более или менее исторически верное представление о былой аграрной праздничности и сопровождавших ее песнях. [2]

Аграрный праздник — явление сложное, комплексное, подлежащее изучению этнографии, фольклористики, этномузыковедения и других наук. Далеко не все в многосоставном обряде имеет непосредственное отношение к песенной поэзии. Собственно фольклор этих праздников также очень разнообразен, ибо он включает в себя

---

[1] Д. С. Лихачев, Народное поэтическое творчество в годы феодальной раздробленности Руси. — В кн.: Русское народное поэтическое творчество, т. 1, М.—Л., 1953, с. 240.

[2] О теории аграрных праздников и календарной обрядности см. в кн.: В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования), изд-во Ленинградского университета, 1963; Его же, Исторические основы некоторых русских религиозных празднеств. — В кн.: «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», вып. 5, М.—Л., 1961, с. 272—296. См. также: В. П. Аникин, Календарная и свадебная поэзия, изд-во Московского университета, 1970, с. 5—66.

не только песни, но и присловья, поговорки, пословицы, заговоры, ритуальные возгласы, инструментальную музыку, разного вида танцы, пантомиму. Поэтому необходимо учитывать все художественные компоненты празднества — обрядовые действия, характер и манеру исполнения, музыкальное сопровождение и т. п. И, конечно же, своеобразие мышления и мировосприятия древнерусского земледельца-язычника.

2

В языческом мире все необычно: под ногами девушек расцветают цветы, по деревенским улицам ходят колосья, русалки просят друг у друга рубашки, на хлебном поле работают святые, береза зовет гулять девушек, в землю по уши закапывают ведьм, а ребятишки переговариваются с самой Весной и т. д.

Уж не сказочный ли это мир? В нем все живет, и даже чудак-покойник, умерший во вторник, весело смотрит на пришедших его хоронить! ..

Нет, это не сказки. Просто для первобытного земледельца, — как тонко заметил известный итальянский художник и писатель Карло Леви, — все реально: и духи, и животные в равной мере, и Христос, и коза. И все настоящее волшебство. «Даже церковные церемонии становятся языческими обрядами, прославляющими единое существование вещей, бесчисленных земных богов поселка». [1]

«Бессилие дикаря в борьбе с природой, — объяснял В. И. Ленин, — порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.». [2] Свой хлеб насущный человек добывал беспрестанным, тяжелым трудом, и оберегал его от злых сил целым комплексом так называемых обрядовых действий, плясок, ритуальных песен. Человек полагал, что песней можно воздействовать на природу и обеспечить себе получение хорошего урожая, приплода скота, благополучия в семье. Украшаясь цветами и листьями, земледелец надеялся тем самым помочь обнаженной земле покрыться зеленью; катаясь зимой на санках, а весной раскачиваясь на качелях, он предполагал, что, чем дальше прокатится и чем выше раскачается, тем длиннее и выше поднимется летом лен и лучше взойдут хлеба, и т. п. О том же самом говорилось по-своему и в праздничных песнях. Песня, как и празднество в целом,

---

[1] К. Леви, Христос остановился в Эболи. Очерки, М., 1955, с. 105.

[2] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, изд. 5, т. 12, с. 142.

выполняла некогда магическую функцию.[1] «Слова для крестьян не условность, — писал Карло Леви, — а реальность, нечто действующее».[2] И «чем далее в старину, тем обычнее и крепче вера в способность слова одним своим появлением производить то, что им обозначено. На такой вере основаны все поздравления и проклятия».[3] На такой же вере основаны и календарные песни. Они наполнены образами родной природы, сельскохозяйственного труда, семейно-бытовых отношений. Так забота об урожае буквально пронизывает все календарные обряды и песни. Главный мотив их — изобилие хлеба. Пожелания хорошего урожая встречаются в песнях всего годового земледельческого круга. Н. Ф. Сумцов, автор специального исследования о хлебе в обрядах и песнях, утверждал: «Песенные пожелания урожая начинаются накануне нового года и затем повторяются при разных случаях семейной и хозяйственной жизни до конца года».[4] И как бы фантастично-сказочны ни казались эти песни, они в конце концов говорят о труде и его результатах. «Под каждым взлетом древней фантазии, — говорил М. Горький, — легко открыть ее возбудителя, а этот возбудитель всегда — стремление людей облегчить свой труд».[5]

По представлениям древнего человека, довольство, изображаемое в обрядовых действиях и воспеваемое в сопровождающих их песнях, должно было вызвать и реальное довольство. Потому в песнях не только желали жизненного благополучия, но и красочно изображали его. Здесь мы встречаемся с так называемой симильной магией, или магией подобия, согласно которой желаемого добиваются путем его изображения.

Несомненно, что между сознанием первобытного земледельца и русского патриархального крестьянина, с чьими песнями мы частично знакомимся, существует некоторая преемственная связь. Только поняв языческую, аграрно-магическую основу календарных обрядов

---

[1] Аграрные праздники известны всем земледельческим народам. Богатейшие материалы по аграрным магическим обрядам из разных концов земли собраны в фундаментальном 12-томном исследовании выдающегося английского ученого Джемса Фрезера «Золотая ветвь» (см. сокращенный русский перевод в четырех выпусках, изданный московским обществом «Атеист», 1928).

[2] Цит. книга, с. 105.

[3] А. Потебня, Объяснение малорусских и сродных народных песен, т. 2, Колядки и щедровки, Варшава, 1887, с. 59.

[4] Н. Ф. Сумцов, Хлеб в обрядах и песнях, Харьков, 1885, с. 100.

[5] М. Горький, Советская литература. — Собрание сочинений в тридцати томах, т. 27, М., 1953, с. 301.

и песен, мы сможем по-настоящему оценить своеобразие календарной поэзии, ее исторические основы. Но и этого еще недостаточно для полного уяснения содержания и стиля песен. Не менее важно представлять себе каждое празднество, как таковое, во всех его обрядовых подробностях, ибо именно в них кроется подчас объяснение на первый взгляд непонятных, затемненных давностью происхождения и бытования, песенных мотивов и образов.

Как показал в своей книге В. Я. Пропп, до конца понять праздник можно лишь проследив все обрядовые элементы годового цикла в их единстве и динамике. Сравнение праздников между собой выявило, что частично они состоят из одинаковых слагаемых. Идя по этому пути и знакомясь с песнями, мы увидим, что то же самое обнаруживается и в них: от типологического сходства до наличия вполне устойчивых поэтических «формул» (величания, пожелания, просьбы, угрозы и т. д.).

Изучение музыкального языка аграрных праздников в свою очередь показало, что и он обладает особого рода единством на протяжении всего календарного года.[1] Не менее устойчивой является и сама манера исполнения этих песен, резко отличная от исполнения песен других жанров и ясно выделяющая их в особую группу.

Наконец, знакомясь с праздниками и праздничными песнями, мы иногда встречаем, наряду с собственно обрядовыми, и другие тексты, внешне как будто бы не связанные с обрядом, но отвечающие живому поэтическому настроению и эмоциональной атмосфере праздника. Для одних песен такая приуроченность к обряду более ясна, для других — менее. Календарные традиции исполнения песен были так сильны в ряде мест, что в годовой их цикл оказались втянутыми многие лирические песни, баллады и даже былины. Отражая реальную картину русских аграрных праздников, такие песни не могут все же считаться собственно календарными.

3

Древнерусский земледельческий новый год начинался торжественно и весело. Двухнедельные зимние святки проходили празднично. «Зима — за морозы, а мужик — за праздники», — гласила поговорка.

---

[1] И. Земцовский, Календарные песни как цикл (К вопросу о музыкальном словаре). — В сб.: «Вопросы теории и эстетики музыки», вып. 8, М.—Л., «Музыка», 1968.

Собирались вечерки, посиделки, проводились игрища с ряженьем, гадания с песнями и без песен; ходили по домам — где небольшой группой, а где и толпой до ста человек, иногда в масках, — и пели поздравительно-величальные песни — пожелания счастливого года; готовили особые кушанья, поминали покойных предков, жгли костры, чтобы на том свете родителям было теплее...

Языческие и христианские элементы тесно сплетены в новогодней обрядности. В канун 25 декабря праздновали рождественский сочельник, в канун 1 января — «щедрый вечер» — праздновали Новый год, а в канун 7 января собирались на крещенский сочельник. Языческие олицетворения праздника — коляда, овсень — смешивались с христианским Рождеством. Пели: «Коляда пришла, Рождество принесла». Гадали в каждый из трех вечеров: «угаданное под первый вечер должно быть в начале лета, под второй — в середине, под третий — к концу». [1]

Из песенной поэзии на святках наибольший интерес представляют три вида: аграрно-магические песни праздничного обхода дворов — так называемые «колядки», песенки-гадания — так называемые «подблюдные», и песни святочных игрищ. Все три вида последовательно представлены в нашей антологии.

Исполнение и содержание колядок, их областные типы изучены наиболее полно В. И. Чичеровым. Несмотря на все их многообразие, основной тип коляд довольно устойчив. Отличаются они внешне припевами — то есть возгласами, повторяющимися регулярно после каждой строфы (чаще всего двустишия). Эти припевы — «коляда», «овсень» (или «таусень», «баусень» и т. п.), «виноградье» («виноградье красно-зеленое»), «святый вечер, щедрый вечер» и, реже, некоторые другие. Слово «коляда» известно почти на всей русской территории; «овсень» — преимущественно в центральных и поволжских областях (это совпадает с границами Московской Руси); «виноградье» — почти исключительно на русском Севере; «щедрый вечер» — в районах, пограничных с Украиной и Белоруссией. Если название «коляда» могло смешиваться со всеми другими, то «овсень» и «виноградье» на одной территории обычно не встречаются.

Колядование состоит в том, что колядовщики обходят все избы своей деревни, величая песнями каждого хозяина и его семью, желая им богатства в виде хорошего урожая, и требуют за это вознаграждение. Когда-то колядование было для земледельца важным маги-

---

[1] Б. А. Шайкович, К вопросу о генезисе и развитии колядных песен и обрядов. — «Советская этнография», 1933, № 1, с. 146—147.

ческим актом: к нему относились серьезно. Суть его заключалась в заклинании урожая, и за столь жизненно необходимое дело колядовщики не просили, а требовали награды. Характерно, что по исконной традиции их вознаграждали специальным печеньем, которое, между прочим, часто имело название, производное от песенного припева колядующих, и пеклось в виде домашнего скота или птиц. Например, подмосковные крестьяне подавали особое печенье, в форме коровы или лошади, под названием «калёдушка»;[1] саратовские новогодние лепешки назывались «колядáшки»;[2] рязанские святочные печенья назывались «овсеньками» и пеклись также в форме коней, коров или птиц (похожих на утку).[3] Колядовщики требуют у хозяев не что попало, а именно это обрядовое печенье. Все прочие просьбы, часто шуточного характера, равно как и пение песен без пожелания урожая и вообще хозяйственного достатка, свидетельствуют о вырождении колядования, о забвении его исконного аграрного смысла.

Традиционный текст колядок состоит из введения, величания, требования подарка и, в ответ на подарок, пожелания или — в случае отказа — угрозы. Сначала, подойдя к избе, спрашивают разрешения спеть, например:

— Хозяин с хозяйкой, велите овсень прокликать!

— Кличьте![4]

В начале песни колядовщики рассказывают о том, что пришла коляда, а они будто бы долго и трудно искали двор величаемого хозяина и нашли его чуть ли не «середи Москвы»!

Мы ходили, мы гуляли
По святым вечерам,
По сугробам, по снегам,
Мы искали, мы искали
Семенов двор...

---

[1] В. И. Чернышев, Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда. — Сборник ОРЯС АН, т. 68, № 3, СПб., 1901, с. 105.

[2] А. Н. Минх, Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии, СПб., 1890, с. 90.

[3] Рязанский краеведческий музей, архив А. А. Мансурова, фонд III—559, Рукопись Г. С. Масловой «Елатьемская волость Касимовского уезда» (1925). Тогда соответственно «кликали»: «Таусень, подай конька! Таусень, родишь сынка!» (Е. Будде, К диалектологии великорусских наречий. — В кн.: «Исследование особенностей рязанского говора», Варшава, 1892, с. 156).

[4] Рязанский краеведческий музей, архив А. А. Мансурова, фонд III—512, № 117. Запись И. Еремина в Рязанском уезде (1918). Оттуда же и цитируемая ниже колядка.

В колядках этого типа величание хозяина составляет основу всей песни. Величание состоит в том, что желаемое богатство изображается как реальность: вместо простой деревенской избы с неказистым плетнем рисуются три златоверхих терема, обнесенных серебряным тыном. Хозяин, хозяйка и их дети сидят каждый в отдельном терему: хозяин сидит, как светлый месяц, хозяйка — как красно солнышко, дети — как часты звездочки. Или же хозяин сравнивается с Адамом в раю, жена его — с оладьей (либо пчелочкой) в меду, а «малы деточки — как пряженчики». Не исключено, что явно позднее сравнение хозяина с библейским Адамом пришло на смену более древнему величанию, зафиксированному, быть может, в следующей поговорке: «Хозяин в дому — как медведь в бору, а хозяюшка в дому — как оладья в меду». [1]

Иногда хозяин величается тем, что он не простой мужик, а рассудительный, богатый господин. Он будто бы едет из Москвы, где «суды судил» и закупал семье роскошные подарки — кунью шубу, златые венцы, коней и т. п. Или же колядовщики восхваляют трудолюбие хозяев, их заботу о детях, о доме, или же просто величают отдельно хозяина, хозяйку и их детей — по типу свадебных величальных песен [2] (см., например, песню «Как у ко́чета головушка краснёхонька, У Степана-то жена хорошо́хонька...»). Хозяйственное и семейное благополучие для крестьянина неразрывно связаны.

Замечательны песни, в которых величания сочетаются с магическим заклятием на урожай. Такова брянская щедровка «Вот дома, дома сам пан хозяин...». Хозяин величается тем, какие великие гости придут к нему: жаркое солнце, ясен месячко и дробен дождичек. И тут же следует заклинание этим гостям, чтобы они взрастили и смочили «жито-пшеницу».

Требуя расплаты за пожелание, поют: «Подарите, не знобите колядовщиков!»; «Ты нас будешь дарить — мы будем хвалить, а не будешь дарить — мы будем корить!»; «Мы вам песни поем, подарочков ждем!»; «Ты хозяин, ты хозяйка, пошевеливайся! Пошевеливайся, поворачивайся! Коляда, коляда! Подавай пирога! Не подашь пирога — отворяй ворота!»; «Неси — не тряси, давай — не ломай!»; «Не подашь коляду (лепешку) — я корову уведу!» и т. п.

---

[1] Е. Авдеева, Воспоминания об Иркутске. — «Отечественные записки», 1848, № 8, отдел 8, с. 132.

[2] В. А. Гребнер записал во Владимирской губернии «таусень», поющийся различно у дома хозяина, жениха, невесты, молодых, маленького мальчика, беременной женщины, священника и т. д. (см. его статью «Коляда и таусень в Меленковском уезде». — «Владимирские губ. ведомости», 1860, 20 февраля, часть неофициальная, с. 33—34).

Требования подарка очень разнообразны. Нередко они сочетаются с угрозой: если не подадут добром, то колядовщики силой отберут свое, разнесут весь дом и все хозяйство.

Вслед за одариванием колядовщики исполняли, как правило, главную по смыслу часть песни, в которой заключалась суть обряда, а именно — пожелание того, без чего невозможна жизнь земледельца: урожая, скота, довольства, здоровья, всяческого благополучия, или, как поется в одной из коляд, «и богачество и рогачество!». Например:

У хозяина в дому
Велись бы ребятки,
Велись бы телятки,
Велись бы ягнятки...

(и т. д.)

Колядовщикам виделся урожай и в зимнюю стужу. Они пели, обращаясь к хозяину:

Стань-ка на лыжи
К пополью поближе,
По мягкий хлеб,
По ярушничек,
По петрушничек. [1]

Подчас колядное пожелание гиперболизировало реальные возможности достатка, ибо такой гиперболизации приписывалась властная сила. Хозяину желали, например, «чтобы рожь родилась, сама в гумно свалилась», чтобы рожь была густа и «ужиниста», чтоб «из колоса осьмина, из полузерна пирог — с топорище долины, с рукавицу ширины!» [2] Желали богатого удоя:

Сметаной бы доили,
А маслом бы цедили!

Но если подарка не было, то в адрес скупых хозяев неслись укоры и угрозы:

---

[1] А. Макаренко, Сибирский народный календарь в этнографическом отношении, СПб., 1913, с. 129.

[2] П. Сумароков, Хозяйственный и этнографический очерк Каширского уезда. — «Сельское хозяйство», 1860, № 8, отдел 6, с. 78.

Дегтем бы доили,
А смолой бы цедили! [1]

Им кричали: «На двор чертей, на огород червей!» [2] и т. п. Скупым сулили страшное будущее — смерть и разорение:

На Новый год
Осиновый гроб,
Кол да могилу,
Ободрану кобылу! [3]

Эти угрозы свидетельствуют о том, что «колядующие приходят не скромными просителями-нищими, а коллективом людей, совершающих магический обряд, который должен вызвать желаемое в грядущем. Активная роль колядующих исключала мотив смиренности и покорности перед восхваляемыми в колядках». [4]

Северорусские колядки — виноградья — родственны среднерусским овсеням, но отличаются от них большим развитием величально-свадебных мотивов за счет исконных аграрно-магических. Производственные цели отступают на задний план или совсем исчезают, оставляя место семейно-бытовым. Виноградья во многом близки текстам свадебных величаний. На русском Севере, кстати, известны величанья свадебные и бытовые под тем же названием «виноградье» и с тем же припевом — «виноградье красно-зеленое мое». Смысл припева не раз обсуждался в науке. Удивляло, что именно на севере поют о столь южной культуре, как виноград. Происхождение этого припева, очевидно, действительно южное. В русской средневековой литературе и в фольклоре слово «виноградье» означает сады. В колядке пели: «Иванов-то двор виноградьем оброс». Однако употребляется припев не в прямом значении, а как поэтический образ, и символизирует довольство, любовь и т. п.

Святочные виноградья исполнялись дифференцированно — холостым («девьи» и «парням»), женатым семейным и женатым бездетным — аналогично дифференциации свадебных величаний. Видимо,

[1] А. Ф. Коляда в Ярославской губернии Мологского уезда Городецкой волости, дер. Столыпино. — «Этнографическое обозрение», 1905, № 4, с. 119.

[2] Рязанский краеведческий музей, архив А. А. Мансурова, фонд III—512, № 117.

[3] Г. К. Завойко, Верования, обряды и обычаи великорусов Владимирской губернии. — «Этнографическое обозрение», 1914, № 3-4, с. 145.

[4] В. И. Чичеров, цит. книга, с. 126.

они не были исконно календарными песнями. В поздней народно-песенной практике встречались тексты, далекие от какой бы то ни было обрядности, но использовавшиеся в качестве величальной песни благодаря припеву «виноградье красно-зеленое мое». Так включались в колядный репертуар песни из разных жанров, вплоть до былин и исторических песен. [1]

Особое место занимают детские колядки. Дети распевали вместо традиционных коляд любые песенки своего репертуара, из которых наиболее часто фиксировались собирателями так называемые кумулятивные песни вопросо-ответной формы (см. №№ 96—98). Известно, что в древности песни-загадки выполняли магическую функцию. Однако детские потешки, исполнявшиеся исключительно ради выпрашивания праздничных угощений, свидетельствуют о забвении исконного смысла колядования.

На святках издавна исполнялись и специфические песни-гадания, получившие название подблюдных. В известной грамоте Алексея Михайловича от 1658 года названы среди других пережитков язычества и «клички бесовские», то есть коляды, и «загадки назагадывают», то есть поют песни-загадки! Первые публикации подблюдных песен принадлежат М. Чулкову, и осуществлены им двести лет назад в журнале «И то и сіо» (1769). К подблюдным песням обращались русские писатели, в частности Жуковский, Рылеев, Бестужев, Пушкин, Островский, Лесков. Из крестьянского обихода эти песенки перешли в города, в среду мелкопоместных дворян, купечества, мещанства, где стали необычайно популярны.

Святочное гадание начиналось обычно с «хлебной песни» — величальной хлебу как живому существу — с песни, не имеющей отгадки. И. Сахаров писал об ее исполнении: «„А эту песню мы хлебу поем“ имеет все признаки древности. Какая-то торжественность в пении, теперь нам непонятная, отличает ее от всех других». [2] Затем пели разные песенки: сначала — предсказывавшие богатство, урожай или разорение; затем — предвещавшие брак или разлуку (особо многочисленные); после них — песни разного содержания, включая более поздние шуточные, и, наконец, предвещавшие смерть.

---

[1] Образец таких песен с описанием исполнения приведен в кн.: А. Макаренко, Сибирский народный календарь в этнографическом отношении, с. 130—135; здесь привлечены былинные мотивы. Подробнее см.: Всев. Миллер, Былины и исторические песни в качестве обрядовых. — «Русская мысль», 1912, кн. 8, с. 1—10; Б. Н. Путилов, Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков, М.—Л., 1960, с. 49—51.

[2] И. П. Сахаров, Сказания русского народа, изд. 3, М., 1841, т. 1, кн. 3, с. 24.

Включаемая в цикл гаданий песня-игра «Я золото хороню...» исполнялась либо до, либо после подблюдных. В. Чичеров считал, что эта игра чужда обрядовому фольклору,[1] однако повсеместное включение ее в цикл святочных игр и гаданий не позволяет обойти столь популярную песню.

Как в колядки попадали разные песни, так и в орбиту подблюдных втягивались со временем тексты, не имеющие ничего специфически святочного, — вплоть до частушек и городских романсов. Произошло это в результате забвения исконного ритуала, когда гадание превратилось в забаву.[2]

Внешне простенькие, незамысловатые подблюдные песенки представляют в действительности серьезную научную проблему, до сих пор по-настоящему не изученную. Их связи с календарными и свадебными заклинательными песнями, с заговорами, гаданиями и загадками достаточно сложны и многосторонни. Наряду с песенками устойчивого толкования есть подблюдные, имеющие в отдельных районах различные отгадки. Многие тексты вообще записаны, к сожалению, без обозначения того, что именно они предвещают. Все еще нет убедительного толкования припевов-возгласов подблюдных песен: «Слава!», «Йлия!», «Лилелю́!», «Иляля́!», «Диво!», «Диво улй ладу!», «Лады́, лады́!» и др., — не исследована ни география их распространения, ни семантика, ни связь с припевными возгласами других обрядовых песен. Совершенно не выяснена природа их музыкального языка. Одно пока несомненно: в традиционных подблюдных гаданиях «словесная формула приобретает активную форму заклятия будущего».[3]

Наконец, неизменным компонентом святок были игрища — зимние сборища, развлечения, игры ряженых — посиделки, вечерки, гулянки, на которых ведущее значение (как и вообще на святках) имела холостая молодежь. Отсюда частое упоминание свадебной обрядности и ее атрибутов:

Ах и дай нам бог нам коляд дождать!
Мы пойдем-пойдем мы на йгрищика,
Мы с игрищек — на заручины,
А с заручинык — на весельлика!..

---

[1] В. И. Чичеров, цит. книга, с. 99 и след.

[2] Записи автора в дер. Иконница Верхне-Спасского сельсовета Пыщугского р-на Костромской области (1959), исп. К. М. Воробьева. Подробнее см.: И. И. Земцовский, Песенный быт современной костромской деревни. — В сб.: «Русский фольклор», IX (1964), с. 287—293.

[3] В. И. Чичеров, цит. книга, с. 96.

Для многих молодых людей святочные игрища превращались в предсвадебные смотрины. Здесь же исполнялись игры и хороводы, так или иначе инсценирующие свадебные мотивы, «женихханье» и т. п. «Повсеместное распространение свадебных игр в русском новогоднем обряде свидетельствует об исконности темы брака на святочном игрище и может быть понято как позднее видоизменение обычных в период зимнего солнцеворота эротических игр и половых общений, упоминавшихся еще Стоглавом по связи с «бесовскими песнями и плясаниями», во время которых „бывает отроком осквернение и девкам растление“».[1] Поэтому не случайно, видимо, попала в святочные песни баллада об инцесте (кровосмесительном браке) брата и сестры, обычно встречающаяся среди купальских песен, псковский вариант которой «Как подходят святки-матки...» впервые публикуется в нашем сборнике.

В специфических песнях о святочных игрищах, поющихся от имени женщины, обычно либо рассказывается о том, как свекор со свекровью не пускают молодую невестку на игрище, заставляя работать, а невестка выходит из послушания, бросая работу ради гулянья; либо говорится о молодой женщине, которую не пускает на игрище муж-старик. Оба типа песен широко распространены. В результате в праздничную песню включаются элементы бытовой драмы.

Атмосфера святочных вечерок отличалась исключительной праздничностью: величанье, игры, ряженье, шутки, песни чередовались подчас всю ночь до утра. Красочно рассказывает о святочных игрищах С. Т. Аксаков в своих воспоминаниях, относящихся к концу XVIII — началу XIX века: в избе «ожидала нас, перенаряженная в медведей, индеек, журавлей, стариков и старух, вся девичья и вся молодая дворня. Несмотря на сальные вонючие огарки, даже дымную лучину, плохо освещавшую просторную избу, несмотря на удушливый мефитический воздух, сколько было истинной веселости на этих деревенских игрищах! Чудные голоса святочных песен, уцелевшие звуки глубокой древности, отголоски неведомого мира еще хранили в себе живую обаятельную силу и властвовали над сердцами неизмеримо далекого потомства! Каким-то хмелем веселья, опьянением радости проникнуты были все. Взрывы звонкого дружного смеха часто покрывали и песни и речи. Это были не актеры и актри-

---

[1] В. И. Чичеров, цит. книга, с. 193. Яркое описание игрищ см. в статье Н. Предтеченского «Баня, игрище, слушанье и шестое января. Этнографические очерки Кадниковского уезда». — «Современник», 1864, № 10, с. 499—522.

сы, представляющие кого-то для удовольствия других, — себя выражали одушевленные песенницы и плясуньи, себя тешили они от избытка сердца, и каждый зритель был увлеченное действующее лицо. Все пело, плясало, говорило, хохотало. . .» [1]

4

Следующим за святками большим зимним праздником была Масленица.

Масленицу встречали и провожали весело и шумно. Об этом рассказывается и в песне:

Назвали гостей ото всех волостей —
Кумовей, зятей, девок, парней!
Всю неделю пили, ели, пели и плясали! . . [2]

В брянской масленичной песне обилие песен передано особо образно: «Напели девки песенок решето, поставили решето на вербу. . .»

В праздничную неделю старались как можно больше съесть и выпить. В песне «На горе стоит дуб зеленый. . .» эта масленичная вакханалия передана шуточной гиперболой: все столько пили, что попадья даже попа пропила, дьячиха — дьячка, старухи пропили стариков, девки — свои венки, а молодцы — свои кушаки! «Ах, матушка Масленица! Пропилась ты, прохарчилася!» — пели в Курской губернии. [3] На Масленице, по пословице, можно и должно было «есть до икоты, пить до перхоты, петь до надсады, плясать до упаду». На Масленице говорили: «Кто хочет веселися — хоть с лавки свалися!»

Образ масленицы рисуется в песнях с поистине карнавальной живописностью — в виде «широкорожей», курносой («курносейка»), «кривошеей», «голошеей», «кургузой» бабы, грязной по уши замарахи, обжоры — «блиноеды, жироеды, полизухи», забияки — «колотухи», воровки — «обирухи», вруньи — «обманухи», которую ждут не дождутся, чтобы всласть повеселиться и потешиться.

Среди прочих увеселений на Масленицу устраивали катание на тройках, скачки, кулачные бои, играли во «взятие снежного город-

---

[1] С. Т. Аксаков, Сочинения, т. 2, М., 1955, с. 70.

[2] Отрывок из масленичной песни, записанной студентами Московского музыкально-педагогического ин-та им. Гнесиных под руководством В. И. Харькова в Калининской области. Публикуется впервые.

[3] П. Шейн, Великорус в своих песнях, обрядах. . ., т. 1, вып. 1, СПб., 1898, № 1011.

ка», катались на санях, делали чучело, а в некоторых местах и два чучела: два снопа, наряженных в виде «молодых» — «масленицы» и «масленика», — что отвечало царившей на празднике атмосфере общественного смотра молодых (женившихся в текущий год), внимания к ним, неизменно проявлявшегося на масленичной неделе. Про чучело пели песни, называли «дорогой гостьей». В эти же дни поминали покойных предков, кликали и «кормили» их, оставляя им на ночь еду на столе, в частности особое печенье — «ма́сленку». Сооружали снежные горы, катались на санях и санках, величали молодоженов на горе. «Бывало, выйдешь на гору — дале́ слышно! Который слов не знает, все равно ведет», — рассказывали торопецкие крестьяне. Думали, чем веселее катанье, тем лучше будет урожай, а чем дальше прокатишься — тем длиннее уродится лен.

В центральных губерниях при катании с гор разделялись на «отряды», причем каждый отряд, скатываясь, запевал свою особую песню. Очевидец вспоминает: «Все пространство катального места усеяно в два ряда движущимися группами, поющими каждая свою песню, стараясь не запеть ту, которую уже поют или пела в этот вечер которая-либо из катающихся партий. Сие строго наблюдают стоящие на горе у начала катального места старухи», а старики смотрят за тем, чтобы партия не смела катиться впереди той, позади которой она катилась, «штрафуя тех, кто не в лад запел или помешал в пляске, отсылая их на другую гору».[1]

В последний день Масленицы чучело хоронили на санях, в сопровождении толпы ряженых, под общий крик. «Шумит вся толпа, — сообщает П. В. Шейн, — кто во что горазд: кто плачет, кто воет, кто хохочет и т. д. А когда масленицу хоронят, то поют песни».[2] «Хоронили» ее поздно вечером, на озимых полях, разжигая костер и разбрасывая горящие головни по всем озимым посевам. Иногда в последний день праздника бегали с куклой масленицы от избы к избе, собирая блины особой песней под окнами. На поданный блин отвечали тем, что показывали хозяйке куклу.

Подобные обычаи и обряды свидетельствуют об аграрно-магической сущности Масленицы, призванной, по мысли земледельца, «способствовать плодородию земли и размножению всего живого».[3]

Масленица — праздник сложный, многосоставный. Когда-то она была грандиозной по продолжительности. Церковь не смогла унич-

---

[1] Н. И. Толубеев, Записки (1780—1809), СПб., 1889, с. 18—19.

[2] П. Шейн, Великорус в своих песнях, обрядах..., с. 333. Этот обряд поэтически воссоздан в «Снегурочке» А. Н. Островского, в одноименной опере Н. А. Римского-Корсакова.

[3] В. Пропп, Русские аграрные праздники, с. 74.

тожить ее и лишь сократила до недельного срока. Каждый день «сырной недели» получал свое название: понедельник — встреча, вторник — заигрыши, среда — лакомка, четверг — разгул, перелом, пятница — тещины вечерни, суббота — золовкины посиделки, воскресенье — проводы, прощенья, целовальник, прощеный день. Соответственно расположены в нашем сборнике и песни: от встречи Масленицы до ее проводов, до прощеного дня, когда люди просили друг друга простить их за все обиды и оскорбления.

Масленичные песни сохранились, видимо, очень неполно. Нам известны четыре их разновидности: немногочисленные песни «малой Масленки», сопровождавшие обходы дворов; песни, рассказывающие о встрече и проводах Масленицы; лирические песни, приуроченные традицией к пению на «горе», во время катаний; песенные припевки, частушки, выкрики, прибаутки. Все они представлены нами в настоящем издании.

Песни масленичных обходов дворов во многом повторяют колядные мотивы. Песни встречи повествуют о том, как Масленицу ожидали, «киселя с молоком не хлебали», «во избушке просидели, в окошечко просмотрели», готовили к катанию горы — набивая их сыром или блинами, поливая маслом, «чтобы Масленица была катлива», и как мечтали о том, чтобы Ма́слена до Пасхи продлилась. Но Масленица — блиноеда, жироеда, обируха, обмануха! — оказалась обманщицей: она прогостила всего семь дней и ушла, оставив один лишь «редьки хвост на великий пост»...

Песни масленичных катаний различны. Наиболее устойчивы сюжеты, связанные с величанием молодоженов, с хвастовством мужа своей женой, с тоской молодой женщины по родному дому, с семейными отношениями в доме молодых, с приездом зятя в гости к теще и т. п., а также с описанием масленичного разгула, включающего подчас непередаваемые печатно подробности. Понятно, что последние имеют ритуальное происхождение и для язычника обладали так называемой продуцирующей силой: должны были способствовать плодородию и размножению. Сам народ ощущал невозможность подобного веселья вне праздника, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные очистительные обряды, к которым относится и масленичное прощеное воскресенье.

Особой научной ценностью обладают те песни прощания с Масленицей, в которых сохранились древнейшие мотивы ее обрядовых похорон. До сих пор таких песен было опубликовано крайне мало. В них рассказывается о том, как масленицу закопали в снег или в яму, притоптав ногами и прихлопав руками. Хороня ее, приговаривали:

Лежи, Масленица, до налетья,
Пока придет добра слетья!

И добавляли:

А на лето мы раскопаем
И обратно ее раскатаем! [1]

Исполнительница этой песни сообщила: «Пели, когда жгли чучело масленицы. Кто пепел в дом нес, а кто на озимые клал, чтоб хлеб был лучше».

Ритуально-магический смысл «закапывания» масленицы на озимых полях с целью «раскопать» ее летом в виде богатого урожая выступает здесь со всей очевидностью. Перед нами поэтическое выражение древнейшего аграрного обряда.

Для понимания масленичных песен существенно знание их напевов. До последнего времени они были почти неизвестны. Но сохранились свидетельства слышавших эти песни, и свидетельства очень любопытные, на первый взгляд совершенно неожиданные. Оказывается, мелодии озорных масленичных песен «не из веселых», [2] а И. А. Гончаров прямо называет их «унылыми». [3] Музыковедческий анализ выявил минорное наклонение масленичных песен, близость их напевов к похоронным мелодиям. Объяснить эту близость можно и тем, что поминальные мотивы входили в состав масленичной обрядности. Но, думается, не они определили столь парадоксальное сочетание веселых текстов с почти трагическими мелодиями. Видимо, это сочетание объясняется характером самого обряда: вспомним, что масленицу хоронили (отсюда подчеркнуто минорные напевы), но хоронили под смех (отсюда веселые тексты, прибаутки и т. п.). По мысли В. Я. Проппа, «магическое значение имело не всякое праздничное веселье, не всякий смех, а смех при растерзании или вообще умертвлении куклы. Смех влиял на природу не непосредственно, а через воскресение умерщвленных антропоморфных олицетворений праздника, которые воскресали в травах и злаках, которые своей смертью и своим воскресением будто бы создавали урожай». [4]

---

[1] И. Земцовский, Торопецкие песни, Л., «Музыка», 1967, № 11, с. 16. Ср. менее полный вариант в сб.: И. Копаневич, Народные песни, собранные и записанные в Псковской губ. (1912), № 9, с. 141.

[2] П. Тиханов, Брянский говор, СПб., 1904, с. 199.

[3] И. А. Гончаров, Фрегат «Паллада», М., 1949, с. 159—160.

[4] В. Пропп, Русские аграрные праздники, с. 104. Амбивалентная — умерщвляющая и одновременно возрождающая, обновляющая сила народного смеха, так ярко сказавшаяся в поэзии русских крестьянских земледельческих праздников, нашла глубокое толкование в книге М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (М., 1965).

Знакомясь с календарными песнями, мы не раз еще встретимся с подтверждением этой гипотезы В. Я. Проппа, помогающей понять специфику самых сложных и загадочных по языку аграрных празднеств.

5

Весенние праздники земледельцев были когда-то особенно разнообразны, многочисленны и красочны. «Время весеннее, праздники частые», — говорит Купава царю Берендею в весенней сказке А. Н. Островского «Снегурочка». Там же, провожая Масленицу, пели:

Телеги с повети,
Улья из клети,
На поветь санки!
Запоем веснянки! [1]

Веснянками встречали весну. В разных местах по-разному: либо, под влиянием церковного календаря, в день Евдокии (1 марта), в день сорока мучеников (9 марта) или на Благовещенье (25 марта), либо же по чисто народной приуроченности — «как тропинки почернеют» или «как снег начнет тревожиться». Сходно датировались и троицкие обряды: либо по дню церковной Троицы, либо — «когда листьем лес покроется».

В той или иной форме весенние (или точнее весенне-летние) праздники отмечались с марта до июня: тут и названные «сброки» (9 марта), и Егорьев день (23 апреля), Великий четверг, Пасха — с волочебными и вьюнишными песнями, Великий день, святая неделя, красная неделя, Красная горка, Радуница, Фомин день, Навий день, русальская неделя (зеленые святки), Семик и Троица, Купала.

Особой поэтичностью отличались песни ранней весны — веснянки. Они пелись тогда, когда весна еще не настала или, вернее, только что настает. «Ключи, которыми отмыкается земля и выпускается на волю и живая растительность, и роса, и теплое время, только что еще бесшумно повернулись в замке». [2]

Весенним праздникам и песням свойственна ярко-чувственная конкретность, лирическая взволнованность и нежность. Но поэзия

---

[1] А. Н. Островский, Полное собрание сочинений, т. 7, М., 1950, с. 68 и 23.

[2] Е. В. Аничков. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян, ч. 1, СПб., 1903, с. 121.

восприятия природы не затемняет аграрного смысла праздника, а наоборот — подчеркивает его. Земледелец ждал от весны помощи в труде, ждал здоровья — «коровьего, овечьего, человечьего», требовал:

Ой, дай, боже, лето!
Зароди, боже, жито! —

и пел весне о том, что не только люди, но и домашний скот, и птица — вся природа ждет и зовет ее. «Вол бушует, весну чует», — поется в одной веснянке. Ей вторит другая:

Коровки ревут — на волю хотят,
Лошадки идут — они травки ждут,
Свинки хрючат — корешков хотят,
Овечки кричат — они травки хотят,
Шелковой травы, ключевой воды.

Птиц, пчел просят взять «ключи весенние», замкнуть зиму, отомкнуть лето. Весну ждут на сохе и бороне, мечтают о пахоте и севе. Весна приносит радость — рожь зернистую, пшеничку золотистую, овес кучерявый, ячмень усатый, всякую садовинку — груши и яблочки, цветы лазоревые, травушку-муравушку! От весны ждут и всего, что нужно для пряжи — палок, клубочков, моточков, спиц, щеток, — и просят птиц принести все это. [1] Весну зовут, весне кричат, весну кличут, потому что зима весь хлеб поела, пожгла все дрова и солому, унесла молоко, потому что крепки морозы, скользки дороги.

Очень колоритны песни-веснянки, однако же в народе их не считают за песни. Чтобы понять это, обратимся к тому, как именно встречали весну, где и как пели веснянки.

В одном из очерков П. И. Якушкина красочно обрисован мужицкий год русской степной деревушки.

«Въезжаем мы в эту деревню на восходе солнышка раннею весной: в оврагах снеговая вода бежит, пруд надувается; но снег еще не сошел, только на пригреве высохло. На сухом-то месте в конце деревни собрались крестьянские девушки, все разряженные: с чистыми полотенцами на голове, с лентами в косе, в белых льняных рубашках, в нарядных поневах, все обутые, — правда, что обуты которые и в лапти, а то есть которые и в коты. Подъезжаете ближе и слышите — девки песни поют:

---

[1] См. в наст. изд. уникальную саратовскую веснянку «Жаворонки, жаворонки, прилетите! . .».

Весна красна,
На чем пришла?
На чем пришла,
Пришла, приехала?
«На кобыле вороной,
С сохою, с бороной!»

— Что девки песни поют? — спросит какой-нибудь заезжий на ту пору в деревушку, — теперь великий пост, а здесь девки песни поют!

— Девки те не песню поют.

— Как не песню?

— А так не песню! — ответит тот, кого спрашивали, — не песню; это весну закликают». [1]

Действительно, древнейшие веснянки не пели, а «кричали»: весну «закликали», «гукали», ибо боялись, чтоб она не запоздала, чтобы вовремя были весенние пахота и сев.

По свидетельству А. Терещенко, в некоторых местах России веснянки представляются в женском облике, и думают, что они сопутствуют весне так же, как зимнянки зиме и осянки осени. В старину на Смоленщине закликанием весны занимались не только дети и девушки, но и пожилые женщины. Взобравшись на крыши домов, скотских сараев или на другое возвышенное место, они перекликались: «Красная весна, что нам несешь?» — кричали одни. «Красное лето, теплое лето!» — отвечали другие.

Этнографы XX века подробно описали пение веснянок в русских деревнях. Их кричали дети, бегая по деревне и подкидывая испеченных «жаворонков»: «Жаворонки прилетели! Весна, весна пришла!» Излюбленным местом кликанья были крыши различных хранилищ хлеба — гумен, риг, сараев, с высоты которых призыв лучше разносится. Коротенькие веснянки повторяли каждую по несколько раз, затем делали маленькую паузу и переходили к новой песенке. «Жаворонки» съедались, а одного оставляли в саду. [2] В Иркутской губернии пекли из муки столько пышек, сколько членов семьи и на каждую скотину: их съедали сами и давали скоту. В Курской губернии дети с печеньем шли на огороды, где стояли стога соломы,

---

[1] П. И. Якушкин, Мужицкий год. — Собрание сочинений, М., 1884, с. 158—159.

[2] См.: М. Е. Шереметева, Земледельческий обряд — «закликание весны» в Калужском крае. — «Сборник Калужского гос. музея», вып. 1, Калуга, 1930, с. 33—60.

клали на верхушки стогов своих «куликов» и, глядя на них, плясали и припевали печальным напевом: «Весна, весна! На чем пришла, на чем приехала? На сошечке, на бороночке. Кулики, жаворонки, слетайтесь в одонки!» Пропев песню, дети схватывали каждый своего «кулика» и убегали без оглядки. Потом возвращались снова, опять сажали на стога своих «куликов» и заклинали их. Так пели и бегали до позднего вечера, после чего отрывали и съедали головки «куликов». На следующий день повторяется то же самое с туловищами птичек (печений), — пока не съедят все без остатка.[1] В Саратовской губернии таких же «жаворонков» зарывали в землю. На Рязанщине дети носили испеченных «жаворонков» в поле, надевали их на вилы и кликали лето, обращаясь к «жаворонку»: «Нá тебе зиму, а нам лето! Нá тебе сани, а нам телегу!» Или же девушки брали их с собой на гумна, где пели что есть силы, как можно громче:

Лето, лето, вылазь из подклета!
А ты, зима, иди туда, —
С сугробами высокими,
С сосульками с морозными,
С санями, с подсанками!
А ты, лето, иди сюда, —
С сохой, с бороной,
С кобылой вороной!
Лето теплое, хлебородное!

Затем пышки съедались, частью вешались на колья: чтобы гумно всегда было полно хлебом.[2]

Понятно, что такие ритуальные возгласы и призывы весны, исполнявшиеся в строго определенные дни хозяйственного года, народ мог не считать песнями в строгом смысле слова. Со временем, однако, этот древний обряд втягивал в себя и собственно песни, так или иначе связанные с весной, с чувством пробуждения природы, с любовными мотивами, — лирические по тексту, исполнявшиеся на короткие весняночные напевы. Для участвующих в обряде девушек процесс словесной поэтизации веснянок был вполне оправдан и естествен. Обряд постепенно утрачивал свою магическую функцию и

---

[1] Р. С. Даньковская, «Кулик» и «лестничка» — обрядовые печенья Фатежского уезда. — «Этнографическое обозрение», 1909, № 2-3, с. 173—174.

[2] Рязанский краеведческий музей, архив А. А. Мансурова, фонд III—508, № 21. Запись 1925 года Н. Илюхина и П. Минакина в Касимовском уезде. Публикуется впервые.

превращался в веселый, жизнерадостный праздник, в торжество земных чувств, в своеобразное театральное представление.

Время весной идет быстро: все оживает на глазах, быстро зеленеет земля. Не успели отзвучать мартовские призывы весны, как наступает время выгона скота в поле — приходит «Юрий-Егорья с шелковой травой». Вербой, припрятанной от вербного воскресенья,[1] выгоняют скотину в апрельский Егорьев день.[2] О вербе поют: «Принесла верба здоровье!», «Верба-хлёст бьет до слез, верба кра́сна бьет не напрасно!». Собирается все село от мала до велика — момент торжественный, долгожданный, ответственный. Как только стадо выйдет за деревню, часть вербных веток втыкают в ржаное поле, передавая ему их весеннюю растительную силу, а часть приносят домой, чтоб скотина возвращалась обратно. В этом празднестве верховодят мужчины. Старики берут с речки столько камней, сколько водится в хозяйстве скотины, зашивают в мешочек и кладут над воротами двора, и, таясь, приговаривают:

Царь полевой, царица полевая,
Царь лесной, царица лесная,
Царь водяной, царица водяная!
Все чурочки, все палочки,
Берегите мою скотину
От сглазу, от злых людей,
От диких зверей и от всех прочих![3]

Ходят вокруг поля, поют «окликание Егория», просят его спасти скотину «в поле и за полем» от всех хищных и лукавых зверей. Накануне выгона скота подростки (или мужики) ходят по деревне и перед каждым домом поют, обращаясь к хозяевам как при колядных обходах. В этих русских егорьевских песнях, до сих пор почти не

---

[1] Вербное воскресенье — последнее перед Пасхой. Известен обычай слегка ударять друг друга вербой — вид контагиозной магии (магии соприкосновения) — сила вербы должна была передаваться на того, кого хлестали. В вербное воскресенье давали вербу в пищу скотине, чтобы предохранить ее на весь год от падежа. Били скот и ребятишек, приговаривая: «Как вербочка растет, так и ты расти!»

[2] Между прочим, имя Егорий происходит от греческого имени Георгий, что означает дословно «земледелец». Приуроченность к этому дню первого выгона скота в поле отразилась в песенном припеве: «Егорьюшка-загонушка».

[3] Е. С. Радченко, Село Бужарово Воскресенского района Московского округа. — «Труды общества изучения Московской области», вып. 3, 1929, с. 126.

известных по печатным материалам, ярко выражена хозяйственно-практическая направленность обряда. Окликальщики заклинают:

Телоньки, телитесь!
Свинки, пороситесь!
Петушок, топчися!
Курочка, несися!
Хозяюшка, добрися!
Хозяин, не скупися!

И в ответ на вознаграждение «за наши труды за егорьевские» желают хозяевам столь же щедро, как и колядовщики: по двести коров, полтораста быков![1] И столь же беспощадны к скупым хозяевам:

Ни кола, ни двора,
Нет ни куричья пера!..
Дай вам бог
Тараканов да клопов!

Публикация егорьевских «окликаний» обогащает наше представление о роли песен типа коляд в русском календарном цикле. Однако сами по себе они не составляют проблемы. Гораздо более сложен вопрос о русских волочебных песнях. Они известны, в основном, на белорусском материале и потому считаются иногда местным белорусским образованием, возникшим вследствие переноса колядования с Рождества на Пасху. Однако следы аналогичных весенних песен обнаружены у русских, украинцев и южных славян. Первое письменное упоминание «волочильных» песен датируется XVI веком.[2] На Псковщине их называют в ряде мест словом «лалынь» или «волынь». Публикуемые нами западнорусские тексты достаточно разнообразны. Следы двоеверия в них весьма определенны. Припев «Христос воскрес, сын божий» явно пасхального происхождения, не может считаться исконным. Бесспорно, что волочебные песни, во многом родственные колядным как песням праздничного обхода дворов, гораздо

---

[1] Редкий случай пожелания богатого урожая (жита) в егорьевских песнях засвидетельствован экспедицией студентов Ленинградской консерватории в Смоленской области (1965).

[2] А. Потебня. Объяснение малорусских и сродных народных песен, т. 2, с. 56. Этимология слова «волочёбные» трактуется по-разному: то как «волшебные», то от имени «скотского бога» Велеса, то от «волочить». Самое простое — последнее — представляется и самым реальным.

древнее Пасхи. Они сохранились от когда-то сильно разветвленного языческого праздника весны и пелись перед самым началом сева яровых.[1] Волочебные песни отличаются от колядок тем, что исполняются не только в самой деревне, но и между селами, и целыми мужскими артелями. Отличаются они и своей музыкой: всегда ритмичной, специфически упругой — как шаг праздничного, радостного шествия; четкая ритмичность сочетается с мажорной разухабистостью. Мелодии их, при весьма протяженных текстах, очень просты, кратки и носят речитативный характер. Они ясно делятся на два раздела: сольный запев и неизменно повторяемый хоровой припев-возглас.

Они исполнялись не только под окнами домов, но и по дороге между деревнями. Известны даже песни-загадки, взаимно предлагаемые встречающимися на пути партиями волочебников. Организация и состав этих партий до конца не ясны. Известно только, что в них входили — судя по песням — «починальничек» (то есть запевала-руководитель), музыкант-дударь, певцы, иногда «скоморох» и мехоноша.

Самостоятельность и оригинальность волочебных песен как остатка древнерусских праздничных шествий при несомненной перекличке их с аналогичными по типу песнями календарных обходов дворов свидетельствуют, на наш взгляд, об исконности их именно в составе весенней аграрной праздничности.

К пасхальной или же послепасхальной субботе (либо воскресенью)оказался приуроченным еще один вид весенних поздравительных песен, сопровождавших обход домов молодых супругов, поженившихся текущей зимой, — так называемый вьюнец, вьюнишник или вьюни́ны, то есть окликание молодых. Наиболее часто их исполнение фиксировали в воскресенье Фоминой (послепасхальной) недели, получившей даже название «вьюнишно», — аналогично тому, как пасхальная суббота в других местах называлась «окликальной». Этот обычай упомянут в одном из вопросов Стоглава: «А о велице дни окличка, на Радуницью вьюнец и всякое в них беснование», — с ответом: «чтобы о велице дни оклички на Радунице не творили и скверными речами не упрекалися».[2]

Известны записи вьюнишных песен из Владимирской, Костром-

---

[1] Об этой исконной аграрной приуроченности волочебных песен пишет акад. Н. М. Никольский в главе из «Истории БССР», вып. 1, с. 47 (Минск, 1946). Ему же принадлежит специальное исследование «Мифология и обрядовость волочебных песен» (Минск, 1931, на белорусском языке).

[2] Стоглав, 25-й вопрос главы 40. Радуница — вторник на Фоминой неделе (первой после Пасхи).

ской, Нижегородской и Ярославской губерний.[1] Сходство их с колядками несомненно: тот же обход дворов, то же величание, то же требование подарка, та же угроза скупым и т. п. Ходили не только дети: в ряде мест обряд совершался всей деревней во главе со стариками или знающими обычай женщинами, и не только по утрам, но и всю ночь до рассвета. Известны случаи, когда окликали молодоженов не только своей, но и всех соседних деревень, — по аналогии с волочебными обходами. Певцы называли себя «окликальщичками да величальщичками». Отдельные песни пелись мужу-вьюнцу, жене-вьюнице, и особая песня предназначалась им обоим. Она, как и колядки, начиналась с просьбы разрешить петь: «Ой, благословляй-ко ты, хозяин, молодых окликать!» Песня величает молодых, говорит о необходимости приспособиться к новой жизни, угождать чужой стороне, рисует идиллическую картину семейного гнезда, сохраняющую свадебные символы и мотивы (жених — соловей; кровать, перина, подушка). Окликальщики «далеко шли», «почитанье несли, уваженьице», и потому требуют подарка:

Ну как будешь нас дарить,
Мы станем тебя хвалить,
А не будешь нас дарить,
Мы станем ругать, бранить.

Собственно аграрные мотивы вьюнцу почти неизвестны. Песни эти поются только раз в году, будучи специфическими для весеннего величания молодоженов, развивающего в особой форме то общественное внимание к ним, которое впервые проявлялось на Масленице. Не исключено, что когда-то вьюнец был более распространен, чем во время известных нам его записей.

Аграрными обрядами отмечен день на пятой неделе после Пасхи, так называемое Вознесенье, приходящееся всегда на четверг. В этот день ярославцы, например, обходят с яичницей поля и съедают ее там, чтобы был урожай (яйцо — символ жизни). Затем катаются по траве, приговаривая: «Расти трава к лесу, а рожь к овину!» Или, кидая куски яичницы вверх: «Рожь к овину, а метелка к лесу!» Или же кидают высоко вареные яйца, — опять же, чтобы рожь была выше.[2]

---

[1] Ярославские записи, помимо приведенных в настоящем сборнике, см. в статье Д. Ушакова «Сведения о некоторых поверьях и обычаях Ростовского уезда Ярославской губернии» («Этнографическое обозрение», 1904, № 2, с. 162).

[2] А. В. Балов, Черты русского народного календаря. — «Русский архив», 1907, кн. 1, с. 127—128. См. также: Н. Троицкий, Из обычаев в окрестностях Углича. — «Ярославские губ. ведомости», 1892, 26 мая.

В Московской губернии в Вознесенье каждый хозяин обедает на своей полосе ржи. Валяются по ржи, говоря: «Расти, рожь, повальная». И также едят яйца.[1] Особых песен в этот день не засвидетельствовано. Так кончается первый период весенней календарной обрядности.

6

Песни появляются вновь в так называемые зеленые святки, объединяющие последние весенние, а точнее весенне-летние праздники. Эти праздники — собственно зеленые святки (иначе — русальная, русальская или гряная неделя), справляемые непосредственно перед Троицей; четверг на русальской неделе (седьмой после Пасхи) — Семик. На этой же неделе могли исполняться и так называемые майские песни. Сама Троица бывала в воскресенье через семь недель после Пасхи (на пятидесятый день), а следующий за ней понедельник получил название Духов день. Такова календарная канва интересующих нас песен весенне-летних празднеств. Но христианский календарь — более позднее наслоение на древнейший цикл аграрных языческих празднеств. Как Пасха должна была поглотить земледельческое празднование весны, так и Троица приурочена церковью к встрече раннего лета. Семик и Троица составляют второй период весенней календарной обрядности, особо богатый песенной поэзией.

Прежде чем перейти к характеристике песен семиковых, троицких, русальских, майских, обратим внимание на огромный комплекс весенне-летних игр и хороводов. Когда-то они начинались с красной недели (Пасха), с Красной горки (первое воскресенье после Пасхи) или с Троицы и продолжались в ряде мест до Петровок (29 июня) включительно. Пели: «Весна пришла — игра пошла». Хороводные игры в этот период занимали почти весь досуг деревенской молодежи. Они выполняли некогда важные функции, органически включаясь в годовой цикл песен земледельческого круга.

В старину хороводы сопровождались многочисленными суеверными обрядами, в том числе поминовением умерших родителей. Хороводы тогда не были простым развлечением: они составляли неотъемлемую часть аграрно-магических праздников и обрядов. Не случайно на Украине веснянками, например, называют не только песенки-заклички, но и хороводные игры. Их тематика, мелодии, припевы — все свидетельствует о теснейшей связи с календарной песенностью. О том

---

[1] См.: Д. К. Зеленин, Описание рукописного ученого архива РГО, вып. 2, Пгр., 1915, с. 713, № 17. То же в Саратовской губернии, но на поле идут только женщины — кидают яйца, поют песни.

же говорит и былая приуроченность их исполнения. Так, на Брянщине песни с припевом «лелемьё» можно было петь только после Пасхи до Петровок, ни раньше, ни позже.[1]

Мы не будем рассматривать подробно тематику хороводных песен: она очень разнообразна и далеко не вся имеет отношение к аграрным праздникам. К исконным трудовым мотивам прибавлялись со временем мотивы сватовства или брачного союза, семейно-бытовые, социальные, шуточные. В нашем сборнике отобраны песни, наиболее тесно связанные с аграрными праздниками, их исполнение было приурочено к тем или иным ритуальным действиям: завиванию березки, венков, гаданию на венках и др. Особое место уделено древнейшим песням, воспроизводящим те или иные трудовые процессы: сеяние проса, льна и т. п.

Эти песни, подробно рассказывающие о всех этапах сеяния, выращивания и обработки проса или льна, сопровождались игровым показом и имели потому известное воспитательное значение для молодежи. Однако первоначальный смысл их, конечно, магический. Подобные песни-игры исполнялись строго, как обязательная часть весенней обрядовости, с целью обеспечить урожай злаков путем магического воспроизведения земледельческих процессов. Исполнение их поручалось только женщинам.

В дошедших до нас формах игровые песни уже переосмыслились. Например, в «просе» упомянуто «топтание» — один из наиболее архаичных способов молотьбы, причем просо у славян — исторически первый возделываемый злак. Позднее «вытоптать» стало пониматься как потрава поля конями, что повело за собой мотив, отражающий былой обычай отдавать девушек в качестве выкупа за нарушение норм обычного права. Припев песни с упоминанием «ла́ды», то есть «милого», также не исконен: ему предшествовал возглас «редила ляду», то есть «прорубала подсеку», что отражало древнейший способ подготовки поля у русских.[2]

В XIX веке «просо» записывалось неоднократно и в разных функциях. Обращает на себя внимание приуроченность исполнения песни среди веснянок в Тульской, Воронежской и других губерниях. Благовещенский обычай «выкликать весну» 25 марта назывался здесь «выкликать просо».[3] И. Сахаров считал такую приуроченность исконной.

---

[1] См.: О. А. Славянина, Народные песни и частушки Севского района Брянской области. (Рукопись хранится в Пушкинском Доме.)

[2] Подробнее см.: Н. Н. Тихоницкая, Русская народная игра «Просо сеяли». — «Советская этнография», 1938, № 1, с. 145—166.

[3] П. Ляметри, Этнографический очерк Мещовского уезда. — «Калужские губ. ведомости», 1860, 9 июля.

Он писал: «Голос этой песни, протяжный, сходный с обрядовыми песнями, имеет особенное отличие от всех других. Старики рассказывают, что в старину она была первою песнею при встрече весны...»[1] Такая приуроченность исполнения отражается и в новейших записях песни.

Помимо весенне-летних уличных игрищ и хороводов в аграрные праздники входили со временем и лирические песни. Не отражая прямо аграрную тематику, они, однако, слились с календарной песенностью, особенно с ее весенним циклом. Для этого были естественные бытовые основания: девушки, накликавшись весну красну, продолжали петь, перекликаясь с соседними деревнями, и тут уже могли звучать разные песни, отвечающие весеннему настроению или просто живописующие все, что попадалось на глаза («А на дворе роса...», «А на горушке церковка...», «По всех сторонах дожди идут...»). Другие лирические песни становились «календарными» в силу тех или иных ассоциативных связей в поэтическом тексте. Так приурочивалось исполнение и ряда баллад (например, баллада о дочке-пташке «Калина с малиною в луге расцвела...»). Эти, как правило высокохудожественные, песни до сих пор поются во многих русских деревнях. Лишь в наиболее архаичных из них мотивы брака и сельскохозяйственного плодородия сплетены так неразрывно, как это могло быть лишь на ранних ступенях развития календарной лирической поэзии. Пример тому — смоленская весенняя «Селезенька касатый». В ней говорится, что парень не женился, потому что ячмень не родился, а девушка не вышла, потому что пшеничка не взошла.

Так называемые майские песни, распространенные преимущественно на Смоленщине, находятся как бы на грани лирических и обрядовых. Для них типична параллель спелой пшеницы и зрелой девушки: как пшеница не может больше стоять в поле оттого, что «буйное колосье суколены ломит», так и девушка не может больше по-девичьи «русых кос носити» и просит батюшку отдать ее замуж. Показательно, что майские песни исполнялись в период колошения ржи. В них поется: «девки, молодухи коло жита ходили». По свидетельству В. И. Харькова, их начинали петь сначала за околицей у края ржаного поля, потом с пением обходили ржаные поля, воспевая жито густое и колосистую пшеницу, а затем в этот же день «завивали» березку (об этом см. ниже). Поются майские песни очень звонко и голосисто, обычно небольшими женскими группами, одновременно в разных концах села и в соседних деревнях, что произво-

---

[1] И. П. Сахаров, Сказания русского народа, т. 2, кн. 7, с. 75.

дит впечатление своеобразной певческой переклички. «Это своего рода гимнодический речитатив, воспевающий весеннюю природу и ее богатую производительную силу в отношении взлелеянных человеческими руками посевов».[1]

Свое название майские песни, известные преимущественно в западнорусских областях, получили от припева «Маю, маю, маю зеленó!». Здесь слово «май» означает не название месяца, а молодую зелень, листву, или, конкретно, черемуху. Эти песни воспевают весеннюю зелень, ее расцвет, магически переносимый на поспевающий урожай.

Майских песен записано мало. Некоторые из них бытуют в качестве семицких и троицких. Оригинальна их строфика: каждый куплет состоит из запева и припева устойчивого стихового строения (6+6 слогов — запев, 4+5 слогов — припев). Мелодии свойствен прихотливый ритмический рисунок с характерным пятидольным оборотом в каждой фразе. Первый слог припева всегда обрывается паузой мелодии. В основе последней лежит обычно простейшая квартовая интонация, неоднократно повторяемая.

7

Семик и Троица — праздники зеленеющей земли. В этих послепасхальных праздниках основную роль играли женщины и девушки. Поэтому буквально в каждый шаг женщин весенне-летней обрядовостью вкладывался особый смысл, особое магическое значение: «Где бабы шли, тута ржи густы, немолотисты!» В Семик они ходили «завивать» березки, пригибать их и переплетать верхушки с травой, связывать концы веток в кольцо, чтобы сохранить силу их роста и в виде венков передать силу жизни полю, воде, людям. Характерно, что и песни, сопровождающие подобные действия, запевала именно та девушка, которая держалась за самые верхушки березы — средоточие весенних сил.

Быстрота весеннего роста этого любимого дерева поражала. Ветвями березы украшали свои дома, в березовых рощах гуляли, водили хороводы.

Береза становилась активной участницей праздника. Судя по песням, ей приписывались свойства живого существа: «Березынька скрипела, всем девушкам кликала», «Береза девочек гукала», звала, гово-

---

[1] В. И. Харьков, Русские народные песни Смоленской области, М., 1956, с. 82.

рила им и приказывала, велела в луга идти, веночки вить, обещала сама согнуться, сама в веночки завиться.

Завивание березок было когда-то настолько важным обрядом, что с участием или неучастием в нем связывалось самое дорогое — жизнь или смерть матери. Об этом пелись песни страшного магического смысла:

Кто венков не вьет,
Того матка умрет!
А кто вить будет,
Того жить будет!

Венки вились на весь праздник — до Троицы, когда по ним гадали девушки о суженом, о том, помнит ли их батюшка, не забыла ли их матушка.

Завивая венки, загадывали: если он за неделю не завянет, то весь год пройдет весело. Но исконная суть завивания была иной: она ясно выражена в смоленской песне: «Мы завьем веночки на все страдные денечки». [1]

С обрядом завивания и развивания венков связан важный для земледельца ритуал — осмотр жита в поле. О нем сложены особые песни, в которых говорится, как ходили в поле чистое, где «нагляделися жита густого, колосистого, ядрянистого», как потом снова шли в поле, где уже «венки развили» и опять «жито глядели».

Песни о троицком осмотре жита оригинальны по композиции: они являются как бы песней о песне, ибо в них пересказывается та особая песня, которая исполнялась непосредственно в поле, около жита. Ее мотивы нам хорошо знакомы: они встречались и в колядках, и в веснянках. Земледелец не устает вновь и вновь заклинать: «Зароди, боже, жито густое! Жито густое, колосистое, Колосистое, ядрянистое!»

Семиковое гулянье девушек в ряде мест чем-то напоминало святочные игрища. Например, на Урале девушки со всей улицы собирались у одной из подруг, куда сносили свои костюмы. Наряжались по-праздничному, причем половина из них одевалась в мужские костюмы, так что получались «парни» и девушки. В действительности же парни в этот день были обычно в поле и в празднике участия не принимали. Если день был пасмурный или дождливый, то девушки одевались в шутовские костюмы, лица мазали краской, сажей, но не было случая, чтобы они нарушили установившиеся традиции и не

---

[1] В. Н. Добровольский, Смоленский этнографический сборник, ч. 4, М., 1903, с. 186, № 4.

справили бы свой праздник. Они им очень дорожили и задолго перед тем готовились. По дороге в лес, идя завивать венки, пели любые песни, а в лесу — только установленные.[1] Среди последних была и лирическая хороводная «Что же ты, березонька, не зелена стоишь? . .». В этой песне береза жаловалась на девушек (как в песнях ранней весны жаловалась на девушек луговая трава), которые «веночки завили, веточки поломали, в речку бросали, судьбу загадали», — и теперь она стоит, будто ее «морозом побило, инеем прихватило, солнцем присушило». Эта семиковая песня, как и большинство ей подобных, отличается исключительной поэтической красотой.

Существовало обыкновение делать в Семик чучело и в Троицу хоронить его, провожать наподобие масленицы. Чаще всего чучелом являлась украшенная березка, которую, как и масленицу, звали «гостейкой». Уничтожали ее либо в воде, чтобы летом была необходимая влага, либо в поле, где ставили в рожь, раскидывая вокруг яйца (символ жизни), «чтобы она, кормилица, лучше уродилась».[2]

Сочетание ритуального плача и веселья, напоминающее масленичный обряд, зафиксировано и в троичных материалах. Например, в Ростовском уезде Ярославской губернии на Троицу, в так называемое «кумитное воскресенье», девушки весело кружатся вокруг мальчика, держащего в руках куклу «куму». Затем «куму» хоронят с причитаниями в реке. «Кумой» оказывается украшенная березка.[3]

В Васильском уезде Нижегородской губернии к праздничному четвергу делали «семика» с «семичихой» (вспомним опять «масленицу» и «масленика»!) — то есть чучела в виде мужчины в красной рубахе и плисовых шароварах и женщины в сарафане. Утром в четверг выносили их с песнями в поле, где ставили под дерево, расположив рядом вино и закуски. Продолжая песни, садились вокруг чучел, потом вскакивали, весело плясали в кругу, затем все целовали чучела и друг друга. Выпив и закусив, снова становились вокруг, поднимая нарочно плач, кружились с неистовством около березы и вили из прутьев ее себе венки.[4]

---

[1] См.: И. С. Зайцев, Завивание венков. Рукопись. Запись 1932 г. от Е. В. Зайцевой в селе Минка Катов-Ивановского района Челябинской области. — ЦГАЛИ, фонд 2901, опись 1, ед. хр. 667.

[2] С. В. Максимов, Нечистая, неведомая и крестная сила, СПб., 1903, с. 464.

[3] См.: А. Преображенский, Кумитное воскресенье. — «Ярославские губ. ведомости», 1892, 3 июля.

[4] См.: Д. К. Зеленин, Описание рукописей. . ., вып. 2, с. 801, № 102. Здесь и дальше пересказывается рукопись 1860-х годов.

Эта часть обряда особенно интересна своим аграрно-магическим смыслом, родственным смыслу продуцирующего обряда Масленицы. Но для Семика всего описанного еще недостаточно. Семик — праздник сугубо женский. В него включался еще один календарный обряд — кумление. Покумившиеся у завитых березок девушки считались подругами на тот или иной срок. Кумились все присутствующие, что объединяло их в некий союз. Кумление должно было передать им растительную силу березы. Обряд, по мысли В. Я. Проппа, магически подготовлял женщин к будущему материнству. После кумления допускались парни и устраивался общий пир. Веселье этого праздника вполне соответствовало святочным игрищам. На троицких игрищах, по словам церковников, «за город ходят на курганы и неподобное творят».[1] Это необходимо помнить при знакомстве и с приведенным нижегородским обрядом. Он продолжен оригинально и касается, в частности, обычая гадать по венкам о своей судьбе.

Каждый участник обряда, заметив свой венок и положив его около чучела, уходит домой. Назавтра все снова собираются к чучелам, целуют их со словами: «Как вы ночку провели, молодица с молодцом?» Потом разоряют чучела, берут венки и, надев их себе на головы, идут с песнями к пруду или к реке, где бросают венки, говоря: «Как бы мой не потонул!» А уплывающим венкам говорят с поклоном: «Как нам ночку провести без милого друга? С милым другом не страшна вьюга и погода». Потом все с песнями расходятся по домам, поют всю дорогу вплоть до ворот. У кого венок потонул, тот либо умрет (архаичный смысл), либо женится (более поздняя интерпретация).

В Троицу хоронили с песнями не только березку, но и «русалку», «кукушку», а иногда и «кострому». Смысл всех этих обрядов родствен и заключается в стремлении обеспечить урожай. Например, русалки, по народным представлениям существа водяные, будучи заманены на поля, способствуют росту хлебов. Существует поверье: «Где русалки бегали и резвились, там трава растет гуще и зеленее, там и хлеб родится обильнее».[2] «Провожая» русалок, поют песни, в которых не всегда называют их своим именем, а упоминают «кострому» или просто вносят на руках девочку в поле ржи, заклиная при этом особой песней уродиться богатый урожай (см. песню «Пошел колос на ниву...»).

---

[1] Цит. по кн.: В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники, с. 131.

[2] С. В. Максимов, Нечистая, неведомая и крестная сила, с. 102.

На Рязанщине хоронили русалку в виде куклы. Ее клали в гроб, несли на берег реки, а девушки рядились дьячками, делали кадило из яичной скорлупы, свечи из стеблей конопли. У реки с русалкой прощались, причем одни плакали, другие смеялись. Гроб бросали в воду и возвращались с песнями.[1]

В Воронежской области, как и в некоторых других, русалку делали в виде чучела коня и хоронили ее под дикий треск трещоток, тазов, заслонов и в сопровождении игры на музыкальных инструментах, что тоже подчеркивает ритуальные моменты праздника. Как и на Масленице, веселье сочеталось с плачем. «Мотив песни был заунывный, протяжный, напоминавший похоронное пение. Пение время от времени прерывалось плясовым мотивом, исполняемым на жалейке, для аккомпанемента пляске „русалки“ и „вожака“».[2]

Помещенные в настоящем сборнике песни о кумовстве, связанные с обрядом «похорон кукушки», имеют достаточно сложную историю. В них сплетены не один, а два обряда; собственно аграрно-магический, аналогичный похоронам масленицы, березки, русалки, и самостоятельный обряд кумления. Чаще всего хоронили не птицу, а ветку, наряженную в женский костюм, и хоронили не где попало, а зарывали на огородах. «Захоронение в земле здесь соответствует разбрасыванию по земле на Масленицу».[3] Р. Е. Кедрина, детально исследовавшая обряд по материалам Калужской, Орловской, Тульской, Курской и некоторых других губерний, пришла к выводу, что он распадается на похороны и вырывание кукушки (1), на крещение ее и кумовство при нем (2). При похоронах кукушки пели песню, близкую троицким: с кукушкой прощались «до новых до берез», «до новой до травы», то есть на весь год, когда кукушка должна будет воскреснуть вместе со всей природой. Самая важная часть обряда — вырывание из земли похороненной куклы, что должно было магически содействовать обилию урожая. При вырывании поется песня, аналогичная веснянкам, что выдает смысл всего обряда, призванного ускорить приход весенне-летнего расцвета. Р. Е. Кедрина показала, что в исконном аграрном обряде фигурировала не птица, ветка или

---

[1] П. В. Шейн. Великорус в своих песнях, обрядах..., с. 367. Ср. описания «проводов русалки» — там же, с. 366; А. Н. Минх, Коленская волость. — «Саратовский сборник», т. 1, Саратов, 1881, с. 115—118 (топили чучело коня). Сроки совершения этого обряда в разных русских областях были различны и приурочивались к Троице, Купале или к Петровским заговеньям. Подробнее см.: Д. К. Зеленин, Очерки русской мифологии, вып. 1, Пгр., 1916, с. 237—263.

[2] См.: Т. А. Крюкова, «Вождение русалки» в с. Оськино Воронежской области. — «Советская этнография», 1947, № 1, с. 187.

[3] В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники, с. 90.

травка, а сноп или пучок колосьев, которым в праздники всегда придавали человеческий облик, заменившийся куклой кукушки уже после сплетения с обрядом кумовства.[1] Крестьянки относились к обряду очень серьезно и тщательно скрывали от посторонних. Сопровождающие его песни записаны собирателями с большим трудом.

Обряд похорон «костромы» не имел церковной приуроченности и потому исполнялся в разные сроки от Троицы до Петровок. Трактовка его вызывает споры ученых,[2] однако аграрная подоплека обряда несомненна, так же как и связь его с календарной песенностью периода зеленых святок (русальской недели).

8

Конец июня. Приближается день летнего солнцестояния — самый длинный день в году. Поспевают хлеба. Календарные праздники, справляемые ради получения богатого урожая, подходят к концу. Позади колядки и веснянки, масленичные и троицкие песни. Но годовой земледельческий круг еще не замкнулся. Его кульминация — здесь, в ночь Ивана Купалы, в последний большой календарный праздник.[3]

Купальские песни поются только в ночь на Ивана Купалу и никогда больше не повторяются в течение года. Любопытно объясняет

---

[1] Р. Е. Кедрина, Обряд крещения и похорон кукушки в связи с народным кумовством. — «Этнографическое обозрение», 1912, № 1—2, с. 101—139 (рецензию Ю. М. Соколова см.: «Живая старина», 1913, № 3—4, с. 426—428); Н. П. Гринкова, Похороны кукушки. — «Советская этнография», 1947, № 1, с. 178—184.

[2] Подробнее см.: В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники, с. 86—89; О. Зилинский, Из истории восточнославянских народных игр (Кострома — Коструб). — В сб.: «Русский фольклор», 11, М.—Л., 1968, с. 198—211.

[3] В названии праздника ярко отразилось религиозное двоеверие. Чисто языческий обряд празднования летнего солнцестояния был использован церковью для своего праздника — дня Иоанна Предтечи (рождество Ивана Крестителя). Отсюда песенный припев «Купала на Ивана», то есть «Купала на (перед) днем Ивана». 23 июня отмечался день Аграфены Купальницы, 24-го — Ивана Купалы, а 29-го — Петров день, с которым связано поверье об «игре солнца» и обряд «караулить солнце». Немногочисленные русские петровские песни приведены нами вслед за купальскими. В день Аграфены Купальницы ходят вечером в лес и рвут травы, приносят домой, ввязывают в веники и приговаривают: «Приехала Купаленка на семьдесят тележеньках, привезла нам Купаленка добра и здоровья, богатства и почести!» (Н. Иваницкий, Материалы по этнографии Вологодской губернии, М., 1890, с. 127).

их сам народ: «Неинтересные это песни, чтобы часто их петь, а на Купалу без них нельзя, — такой уж обычай»; [1] «Швырковые это песни, короткие, раз в году и поем их только, припеваем у костра». [2]

Немногочисленные материалы о праздновании Купалы у русских достаточно красноречивы, а главное, они прекрасно дополняются данными песен.

Сохранилось древнерусское описание купальского празднества: «Егда бо приидет самый праздник Рождество предтечево, тогда в святую ту Нощь мало не весь град возмятется, и в селах возбесяти в бубны, и в сопели, и гудением струнным и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканием и плясанием, женам же и девам их главами киванием и устнами их неприязнен кличь, вся скверные бесовские песни, а хребтом их вихляние и ногам их скакание и топтание; туже есть мужем и отроком великое падение, туже есть и на женское и девичье шатание». [3]

Делали чучело, водили вокруг него хоровод, с ним в обнимку перепрыгивали через магический «живой огонь» (полученный трением), дерево (березку) или что-то другое жгли «с песнями плачевными, за коими следовала попойка». [4] Купальские песни вновь напоминают нам о типичной календарной традиции сопровождать обрядовое уничтожение чучела или дерева песнями, печальными по мелодии. То же засвидетельствовано и на родственном белорусском материале: «...веселые по содержанию, по мотиву же обычно грустные купальские песни». [5]

Костры жгли на меже, вблизи поспевающей ржи, а днем снова, как и в зеленые святки, обходили с песнями житное поле, глядели и величали его: «Чье жито лучше из всех? Наше жито лучше из всех! Колосисто, ядрянисто: ядро с ведро, колос с бревно!»

В празднике должны были участвовать все. Участников созывали песней, напоминающей троицкое заклятие вить венки. Пели: «Кто не выйдет на Купальню, тот будет пень-колода! А кто пойдет на Купальню, тот будет бел береза!» Судя по народным поверьям, в купальскую ночь оживала вся нечисть, появлялись ведьмы и змеи, закликающие

---

[1] Г. И. Цитович, Украинско-белорусские связи в народной музыке. — «Советская музыка», 1954, № 7, с. 40.

[2] Из экспедиционных записей автора статьи (Псковская область, 1967).

[3] Цит. по статье И. Снегирева «Иван Купало, народный русский праздник» («Атеней», 1828, ч. 11, № 5, с. 21).

[4] Там же.

[5] А. Петропавловский, «Коляды» и «Купало» в Белоруссии (Из личных наблюдений). — «Этнографическое обозрение», 1908, № 1, с. 162.

коров, отбирающие у них молоко, ломающие заломы, портящие хлеб, вынимающие его «спор». То был «колдунный день». В песнях поется о том, как Иван звал Марью идти в поле, чтобы стеречь хлеб, беречь коров, жечь ведьм, замыкать им зубы. Песни рассказывают и о праздничном купанье: «где Иван купался — берег колыхался, где Марья купалась — трава расстилалась».

Особые песни-баллады были сложены в связи с легендой о происхождении цветка иван-да-марья. Этот цветок играл заметную роль в купальском празднике — его вплетали в венки, приносили в дома, втыкали в веники, которыми парились только на Купалу, собирали в качестве лекарственного и т. п. Поэтичные баллады, вошедшие в купальский песенный фольклор, рассказывали о том, как встретившиеся родные брат и сестра поженились, не узнав друг друга, и как за этот грех — кровосмесительный брак — превратились в цветок, состоящий из двух красок — синей и желтой. Это и был иван-да-марья...

Существенная для нас запись купальского обряда сделана в 1830-х годах белорусским этнографом А. Киркором.[1] Обряд этот допустимо считать по ряду аграрно-магических деталей исконно древнерусским. Вот его основные моменты: вечером, накануне Иванова дня крестьяне вбивают в землю большой кол, обкладывают его соломой, а наверху привязывают сноп. Это называется у них «Купала». В сумерки его зажигают. Все несут березовые прутья и бросают их в огонь, приговаривая: «каб мой лен был так велик, як этая хварасьцина!» Прежде чем бросить ветвь, трижды обегают костер, припевая: «Ивана на Купала, где Купала ночевала?» Затем молодые и только холостые парни прыгают через костер. Раньше перегоняли через костры и стада, а позже скот запирали в стойла, оберегая от ведьм. Женщины, стоя у костра, съедают вареники из гречи, после чего все пляшут вокруг огня. Собственно купальские песни исполнялись только у костра; по пути к костру пелись еще троицкие песни.

То, что празднование Купалы связано с грядущей жатвой, показывают не только известные этнографические материалы, но и архаичный обряд купальского обхода дворов, до сих пор никогда не фиксировавшийся в русском фольклоре. Уникальные записи его сделаны в Демидовском районе Смоленской области (см. №№ 634, 636). Записи эти чрезвычайно знаменательны. Они позволяют не только глубже понять аграрный смысл купальского праздника, но и наметить один из регулярно повторяемых на протяжении всего хозяй-

---

[1] А. Киркор. Остатки языческих обыкновений в Белоруссии. — В сб.: «Опыты в русской словесности воспитанников гимназии Белорусского учебного округа», Вильна, 1839, с. 481—487.

ственного года важнейших обрядовых мотивов. Вспомним коляды и щедровки — зимние обходы дворов, волочебные, егорьевские и вьюнишные — весенние обходы дворов, наконец сохранившиеся следы семиковых и купальских обходов, — и мы получим единую линию.

То, что смоленская запись купальского обхода дворов не случайна; доказывает факт упоминания такого же обхода и в центральных русских областях. Сохранилось интереснейшее свидетельство в одной из мелких этнографических корреспонденций, опубликованной в середине XIX века Н. Г. Кибардиным.[1] Автор пишет об обычае ходить по домам и «славить» хозяев песней с припевом «Виноградье красное!». «Славцы» ходили большими артелями, в тридцать человек. В их числе непременно были мужчины в годах. Пели всегда очень громко. Н. Кибардин точно указывает, когда именно ходили славцы: «В Петров, Иванов и Троицын дни, также во дни святок до Богоявления молодежь вечерами кличут виноградье. «Колядой» называется только около границы описываемого края, на юго-западе».

Форма исполнения, содержание и назначение всех этих календарных обходов одинаковы зимой, весной и летом: они практиковались, начиная со дня зимнего и кончая днем летнего солнцеворота,[2] неизменно заклиная обильный урожай. Певцы ходили артельно и всегда требовали за свое пение вознаграждения в виде обрядового кушанья. В случае отказа они накликивали беду на головы скупых хозяев. Такие обходы повторялись весь год, с первого до последнего календарного праздника, и на время прекращались только в период уборки урожая, когда они были уже не нужны.

На русском материале эти существенные элементы обряда с такой полнотой обычно не выделялись. Думается, что они искони были присущи не только древнерусской аграрной песенности, но и фольклору всех земледельческих народов. Во всяком случае, известные нам славянские материалы полностью подтверждают это предположение. Например, у южных славян записаны аналогичные песни под названием «коледа» в качестве и зимних (новогодних), и весенних (юрьевских, спасовских, духовских — троицких), и весенне-летних (иванских), — с теми же, что и в русских песнях, магическими пожеланиями доброго года, обильного урожая, с теми же требованиями подарка.[3]

---

[1] См.: «Вятские губернские ведомости», 1848, 3 апреля, с. 99. Корреспонденция из Слободского уезда Вятской губернии.

[2] Связь обрядов зимнего и летнего солнцеворотов осознавалась народом. Известны различные переклички между соответствующими обрядами, например сохранение с коляд до Купалы огарков лучины.

[3] Fr. Kuhač, Južno-slovjenske narodne popijevke, V knjiga, Zagreb, 1941, str. 233—331.

Жатва венчает собой летние и открывает осенние аграрные обряды. Она не имеет единой календарной приуроченности, ибо зависит от климата и погоды. Нельзя считать ее и чисто аграрным праздником: в ней, по удачному выражению Е. Аничкова, «обряд совпадает с работой».[1] Своеобразие жатвенных обрядов и песен состоит в том, что они, с одной стороны, служат апофеозом всего годового календарного цикла, знаменуя получение долгожданного урожая, а с другой стороны, призваны в то же самое время различными магическими средствами вернуть земле плодородные силы и обеспечить будущий урожай.

Жатва (или жниво) определяется народом как «мяженное время», то есть жаркая, страдная пора. Если пахали и сеяли в основном мужики, то уборка урожая почти целиком лежала на плечах женщин. В некоторых местах жницу называли в связи с этим «пострадкой». Почти все жнивные песни поются от лица женщины. Спелость урожая сопоставляется с девичьей зрелостью — в духе все тех же календарных традиций, взаимосвязывающих плодородную силу земли и человеческую плодовитость. Пора жать жито, потому что «колосок налился», — пора и дочь замуж выдавать· ведь у нее уж «голосок сменился».

Большинство жнивных песен наполнены жалобами на тяжесть труда. На несколько недель выезжали в поле целыми семьями, жали вручную, по ночам, до восхода солнца Многие песни посвящены описанию всего процесса жатвы, включая стогование и даже... выпечку пирогов! Когда-то это имело магическое значение. В действительности работали не т лько без пирогов, но и без горячих шей.

П. В. Шейн, записавший большое число жнивных песен русских и белорусских, предложил разделить их по-народному на житные (при жатве ржи) и яровые (при уборке яровых хлебов). И те и другие состоят из песен трех видов: зажиночных (сопровождают ритуальное начало жатвы), собственно жнивных (о содержании которых шла речь только что) и дожиночных или обжиночных (сопровождают конец работы и соответствующие ему обряды). Как правило, дожинают с помощью т локи или пóмочи, то есть объединения нескольких семей для совместной работы на поле каждой из них по очереди. Толокá заканчивалась веселым угощением всех работавших.

Очень интересна обрядовая сторона жатвы. Для правильного понимания песен напомним только основные дожинальные обряды. Они

---

[1] Е. В. Аничков, Весенняя обрядовая песня..., ч. 2, СПб., 1905, с. 310.

заключались в том, что последнюю небольшую горсть колосьев оставляли на поле несжатой и называли ее «бородой». Эту «бороду» завивали (как семиковую березку) или «заламывали» — то есть, не вырывая, пригибали к земле или закапывали в землю вместе с хлебом и солью. Заламывая, говорили: «Дай бог, чтобы на другое лето был хороший урожай». Или так: «Батюшко Илья-борода, уроди ржи, овса, ячменя и пшеницы!» И прибавляли: «Овсяная жнива, подай мою силу на молоченье!»[1] Так делали костромчане. В Рязанской же губернии, когда кончали жать, то в оставленную несжатой рожь ввязывали кусок черного хлеба со словами: «Ныне пожались, а на лето, господь, зароди больше того!» В это время женщины ели яичницу.[2]

«Если предположить, — пишет В. Пропп, — что в «бороде» будто бы сохранена плодородящая сила зерна, то исконный смысл обряда становится ясным. Завивание в венок эту силу сохраняет, а пригибание к земле или закапывание имеет цель возвращения земле тех сил, которые из земли ушли в зерно. Зарывание хлеба можно понимать как дополнительный обряд кормления земли, придачи ей силы на будущий урожай».[3]

Обряды завивания в поле несжатого пучка «бороды» и внесения в избу украшенного последнего снопа призваны были, по языческим представлениям, передать силу, ушедшую из земли в колосья, обратно земле, а также всему хозяйству крестьянина.

Ту же роль играл и последний сноп, вносимый в избу. Иногда его называли «кумушкой».

Наконец, показателен дожиночный обычай катания по полю с заклятием на возврат силы. Закончив жатву, все жнецы и жницы бросаются на спину, валяются и кувыркаются на полосе, — чтобы на будущий год спины не болели и легко было жать. При этом говорят: «Жнивка, жнивка, отдай мою силку в кажду жилку, в каждый суставец!»[4] Кувырканье происходит серьезно и даже торжественно. Приговаривают и так: «Николе борода, коню голова, пахарю коврижка, жнеюшке напышка, а хозяевам на доброе здоровье».[5] Либо, ложась

---

[1] Г. К. Завойко, В костромских лесах по Ветлуге-реке. — «Труды Костромского научного общества по изучению местного края», вып. 8, «Этнографический сборник», Кострома, 1917, с. 16—17.

[2] Рязанский краеведческий музей, архив А. А. Мансурова, фонд III—509. Подробное описание вологодских обычаев см. в очерке Г. Потанина («Живая старина», 1899, вып. 2, с. 202).

[3] В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники, с. 66.

[4] Из записей 1970 года в Киришском районе Ленинградской области (Кабинет фольклора Ленинградского Института театра, музыки и кинематографии).

[5] М. К. Герасимов, Завивание пожинальной бороды. — «Этнографическое обозрение», 1900, № 3, с. 133—134.

на вспаханную землю и катаясь на спине, как кони, трижды кричат: «Пашня, пашня, хлебца нам дай, а силу нашу отдай!» [1]

Все эти обряды нашли отражение и в песнях. Встречающееся в некоторых песнях обращение к «пречистой матери» идти «полоть бороду» есть не что иное, как контаминация двух образов — христианской богородицы и языческой «бороды» — под влиянием позднейшего религиозного двоеверия.

Особого внимания заслуживает характер исполнения жнивных песен. Как и другие обрядовые песни, они могли прерываться коллективными выкриками — «гуканьями». Посторонним наблюдателям жнивные песни казались дикими и монотонными по мелодиям. Поражало то, что один напев повторялся со многими текстами неизменно, как формула. Удивлял и резкий, напряженный тембр пения. Наконец, поражало вообще, что во время столь тяжелой работы люди поют. Так, известный в свое время литератор В. Инсарский писал: «Вообще бабы и особенно девки поют постоянно. Девка поет, когда пашет, когда боронит, поет даже, когда жнет, хотя при этой работе принимает положение, уж вовсе неудобное для вокальных упражнений». [2]

Но дело в том, что жнивные песни вовсе не были «вокальными упражнениями». Как и другие календарные песни, они выполняли некогда магически-аграрную функцию, а кроме того, организовывали трудовые движения и тем самым облегчали труд.

Если во время отдыха и при возвращении домой жнивные песни поются хором, то в процессе самой работы они нередко исполняются соло, с большей свободой и эмоциональной выразительностью. В. И. Елатов, изучавший белорусские жнивные песни в их непосредственном звучании, пишет. «Жнивная песня поется жнеей в согнутом положении. Метрика и акцентировка зависят от характера и ритма работы. Через определенные промежутки времени, когда нужно отложить собранные колосья, перейти на новое место, либо вообще отдохнуть, жнея выпрямляется. К этому моменту в основном приходится конец строфы, либо полстрофы напева с выдохом... Следующий цикл рабочих движений начинается с глубокого вдоха...» [3]

Песни периода летних трудовых работ сохранили до наших дней многие архаичные черты, но в целом они претерпели значительные

---

[1] Г. С. Виноградов, Материалы для народного календаря русского старожилого населения Сибири, Иркутск, 1918, с. 18. Ср.: В. Н. Добровольский, Смоленский этнографический сборник, ч. 4, с. 260, № 34.

[2] В. А. Инсарский, Половодье, СПб., 1875, с. 113.

[3] В. И. Елатов, Ладово-мелодические особенности белорусских жнивных песен (на белорусском языке). — В сб.: «Беларускае мастацтва», Мінск, 1960, с. 159.

изменения. Это и понятно: магическая обрядовость отмирала, уступая место собственно трудовой песне. В условиях же крепостного труда жнивная песня стала отражать тяжелую социальную действительность. Изменился и ее музыкальный язык: она зазвучала как стон, надрывная жалоба, почти причитание.[1] Однако в основе жнивных песен лежат те же самые музыкальные интонации, что и во всех других календарных песнях, что подчеркивает их глубокое родство и взаимосоотносительность.

10

Исторические, экономические, психологические и прочие условия появления обрядовых песен в основе своей едины у многих, если не у всех земледельческих народов, между тем как характер, формы проявления, конкретный состав соответствующих обрядов и песен у разных народов различны. Эти различия, связанные в первую очередь с национальной спецификой фольклора, известного нам всегда в конкретных формах, определяются различиями в складе национального мышления, языка и т. п. Поэтому прелесть и неповторимость русской обрядовой поэзии сказывается прежде всего в ее поэтике, в системе художественных образов, в мастерстве народного обращения со словом.

Календарные песни не сообщают о факте, а как бы предвосхищают его, заклиная желаемое. Мы видим не пассивное отражение действительности, а стремление воздействовать на нее. Календарные песни не могут претендовать на точное отражение действительности. По ним нельзя изучить реальный хозяйственный быт земледельца. Однако именно песни позволяют изучить жизненные идеалы крестьянина, узнать, к чему он стремился, чего страстно желал и что считал прекрасным. Обилие урожая, скота, семейное благополучие — все это постоянно присутствует в песне, составляя ее глубинные, внутренние связи с реальной действительностью, ее своеобразный, внутренний реализм. Именно реальность интересов земледельца, прямое или иносказательное выражение которых лежит в основе каждой календарной песни, и делает ее внутренне реалистичной.

Однако эти связи с повседневной действительностью прослеживаются не во всех песнях. Среди песен есть и такие (и их не мало), где вымысел составляет основное содержание. Таковы, например, ру-

[1] Подробнее см.: З. В. Эвальд, Социальное переосмысление жнивных песен белорусского Полесья. — «Советская этнография», 1934, № 5, с. 17—39. Эта статья имеет первостепенное значение для понимания музыкального языка календарных песен.

сальские песни. Они рассказывают спокойно, как об очевидном факте, что «на гряной неделе русалки сидели», что «русалочки-земляночки на дуб лезли, кору грызли», и т. п. В конечном итоге это очень земная фантастика. Несуществующим и потому неизвестным ему русалкам крестьянин сообщает действия, которые вполне может себе вообразить. Стиль подобных русальских песен ничем не отличается от стиля других, «человечьих» песен, повествующих об обрядах и празднествах периода зеленых святок. Магические возгласы, выкрики, гуканье пронизывают их, придавая им силу заклятий, а одновременно в них — ярчайшее выражение красоты и мощи весенней природы. В живом исполнении эти песни не потускнели с веками: емкость их содержания оказалась намного глубже первоначального замысла.

Народ в своих песнях предстает поэтом исключительной любознательности и силы. Взгляд его удивителен: на что ни обратит он свое внимание — всюду, даже в самом обычном и прозаическом, видит поэзию. Эффект превращения обыденного в необыденное, будничного в праздничное очень силен в календарном фольклоре.

Поэтика календарных игровых и лирических песен близка поэтике тех же песен, бытующих вне обряда. Поэтика календарных заклинательных и величальных песен родственна аналогичным видам свадебной поэзии.

Заклинательные песни, как правило, очень кратки по напеву и стиху. Им свойствен императивный тон. Человек выступает в них в активной функции — он обращается к силам природы, к птицам и растениям, повелевает им, требует: «Приди!», «Отомкни!», «Уродись!», «Иди!» Яркий образец таких песен — веснянки-заклички. Они особенно богаты метафорами (весна, например, приходит, разговаривает, приносит подарки), а в формулах пожеланий — гиперболами («из зерна ему коврига, из полузерна — пирог»; «дай ему бог полтораста коров, девяносто быков»). Повелительная интонация сочетается в них с ласковостью, нежностью обращений («вёснушка», «жавороночки»). Характерно, что дорогим для народа словом «матушка» называют в обращениях и солнце, и рожь, и землю, и сами праздники, и даже... жавороночка!

Тексты песенных заклинаний богаты рифмами. Внешне они весьма примитивны. Рифма существует как один из видов звукового и синтаксического параллелизма, как следствие одинакового размещения в строфе одних и тех же частей речи, и потому обычно смежная. Однако, по предположению В. И. Елатова, в календарных песнях с их обращением к магии слова «рифма сама по себе могла даже иметь некий магический смысл (принимая во внимание хотя бы ее необычность для прозаической речи) и поэтому специально выделяться.

В самом периодическом совпадении фонем первобытному человеку должно было чудиться нечто сверхъестественное, заклинательное».[1]

Четкость стиха заклинательных песен связана также с тем, что многие из них сопровождались приплясыванием. Особенно это относится к колядкам.

Важное значение имеют в них и припевы. Они представляют собой возгласы (часто с названием праздника), выделяемые структурно и интонационно. Когда-то они имели безусловно магический смысл. Во всяком случае, В. Н. Добровольский еще в конце XIX века засвидетельствовал на Орловщине особое внимание народа к календарным припевам.[2] Оказалось, что некоторые из припевов народ называл «божками» и употреблял их строго к определенным песням. Удалось установить, что приуроченность исполнения ритуальных припевов зависела от времени обработки полей: например, до запашки запрещалось петь с припевом «лелим».

Наиболее красочны календарные величания. Они бывают двух типов: описательные, «портретные», и повествовательные, «сюжетные». Первые сравнительно невелики и адресуются членам семьи хозяина, обычно жене и детям. Поэтические средства величания в них — сравнения, художественные параллелизмы, эпитеты, реже метафоры (см. колядки «Как у кочета головушка краснехонька. . .», «Рясна, рясна колынянка в лузе. . .», «А зайка, зайка, бела горностайка! . .»). Вторые — довольно протяженные, многостишные (см. «Виноградие красно-зеленое! . .» в исполнении М. Д. Кривополеновой, см. волочебные, вьюнишные величания). Адресуются они хозяину одному или вместе с хозяйкой. Стиль их почти эпически нетороплив, а эпитеты особенно многочисленны.

Величания очень выигрывают от медленного чтения. Каждый образ их, эпитет, сравнение разворачиваются в целую картину, песня наполняется светом, красками, звуками. Будто бы повторяющие одна другую, эти песни богаты вариантностью выражения сходной мысли. Например, женщину величают тем, как она ходит, сидит и лежит. В одном варианте «она по двору идет, ровно пава плывет», «впереди-то сидит, ровно свечка горит; в пологу-то лежит, ровно зайка дышит». В другом варианте она «по двору идет, как заря взойдет» — сравнение красоты исключительной.

Красота и другие достоинства величаемого называются не прямо, а охарактеризованы через его поступки, занятия или через реак-

---

[1] В. И. Елатов, Ритмические основы белорусской народной музыки, Минск, 1966, с. 54.

[2] В. Н. Добровольский, Песни Дмитровского уезда Орловской губернии. — «Живая старина», 1905, вып. 3—4.

ции окружающих.[1] Например, хозяина величают тем, что он — важное в обществе лицо: едет в Москву, «суды судит», или идет на охоту, как богатый князь, или тем, что «дом у него прекрасный и большой». Добрый молодец прекрасен так, что все в церкви удивляются: уж не породили ли его солнце (или заря), месяц и звезды? В ответ величаемый с достоинством называет своих родителей. Красота девушки тоже не прямо описывается, а показана тем, какое впечатление вызывает она своим появлением: «бояры идут, шляпки скидают», спрашивают, царевна она или королевна. В ответ красавица называет свое имя-отчество, звучащее чудесной музыкой русского слова: «Я Натальюшка что й Михайловна».

Драгоценные камни, богатые меха, сладкая пища, цветущая растительность (даже если речь идет о зимних песнях!), восходящие светила, — все эти и подобные образы придают величаниям необыкновенную пышность и красочность. Например, колядка, по словам исследовавшего ее Н. Ф. Сумцова, «очаровывает воображение чертами и образами неземного счастья, наполняет бедную жизнь фантастическим довольством, из укромной и сумрачной хатенки ведет в чертоги богача, где повсюду блестит золото и серебро, поднимает слушателя в лучезарные надзвездные пространства...» И в результате «мир, представленный через призму поэзии, получает новую привлекательность».[2]

Та же красочность, жизнелюбие, оптимизм проявляются и в мелодиях величальных песен. Л. Н. Толстой писал об исполнении такой песни крестьянским хором: «В пении этом с криком и битьем в косу выражалось такое определенное чувство радости, бодрости, энергии, что сам я не заметил, как заразился этим чувством».[3]

Сто лет назад один из русских литераторов писал: «Нельзя не задуматься над странною судьбою наших поверий и обрядов, над их живучестью, над их несообразностью со всем их окружающим; тут как-то невольно переносишься в сказочный, фантастический мир, перед которым просто ничто все диковинки оперы и балета!»[4]

За сто лет многое изменилось в жизни народа и в его обрядовой поэзии. Для аграрно-магического обряда, как такового, в современной

---

[1] Об этой черте истинной поэзии писал еще Г. Лессинг в своем «Лаокооне».

[2] Н. Ф. Сумцов, Научное изучение колядок и щедровок, Киев, 1886, с. 2—3.

[3] Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 30, М., 1951, с. 144.

[4] Н. Соловьев, Русская песня. — «Всемирный труд», 1867, № 10, с. 299.

жизни нет места: он оказался вытесненным тем «обновлением жизни, подъемом собственной культуры народа», о которых мечтал и которые предсказывал А. Макаренко, политический ссыльный этнограф.[1] Остатки былых обрядов можно обнаружить лишь в игровой форме среди детского фольклора. Своеобразной «вторичной жизнью» обрядов явилось их художественное претворение в профессиональном искусстве — в пьесах А. Н. Островского, романах П. И. Мельникова-Печерского, операх Н. А. Римского-Корсакова.[2] В переосмысленном виде некоторые обрядовые песни исполняются и в наши дни — как величание председателю колхоза на обжинках, как «советское виноградье», зафиксированное в Сибири,[3] и т. п.

Иная судьба у календарных песен. Народ пронес их сквозь века как свое огромное художественное богатство, как бессмертные традиции коллективной праздничности труженика-земледельца.

Важную роль в судьбе календарной песенности играет ее музыкальное исполнение. Народ хорошо понимает силу музыки, без которой календарная поэзия сама по себе, несмотря на всю свою выразительность, бездейственна. Музыкальное исполнение сообщало даже элементарным по поэтике песням особую силу эмоционального воздействия. Властные чары музыкального ритма и интонации пусть бессознательно, но придавали человеку ощущение власти над таинственной и могучей природой, помогали ему подчинять себе мир. Музыка, сопровождавшая обряды, даже простое величание превращала в заклятие. Народ пел, плясал, играл на инструментах с неистовством властелина, и на протяжении веков создал мелодии потрясающей художественной красоты и совершенства. Эти мелодии пережили былую функцию включавших их обрядов, ибо вобрали в себя и донесли до наших дней первозданно-яркое ощущение родной природы, здоровое восприятие жизни и праздничное к ней отношение, так глубоко и неискоренимо свойственное трудовому народу. Объективная художественная ценность календарных песен оказалась выше, сильнее, долговечнее их исходной практической функции. Подлинное искусство не стареет с веками.

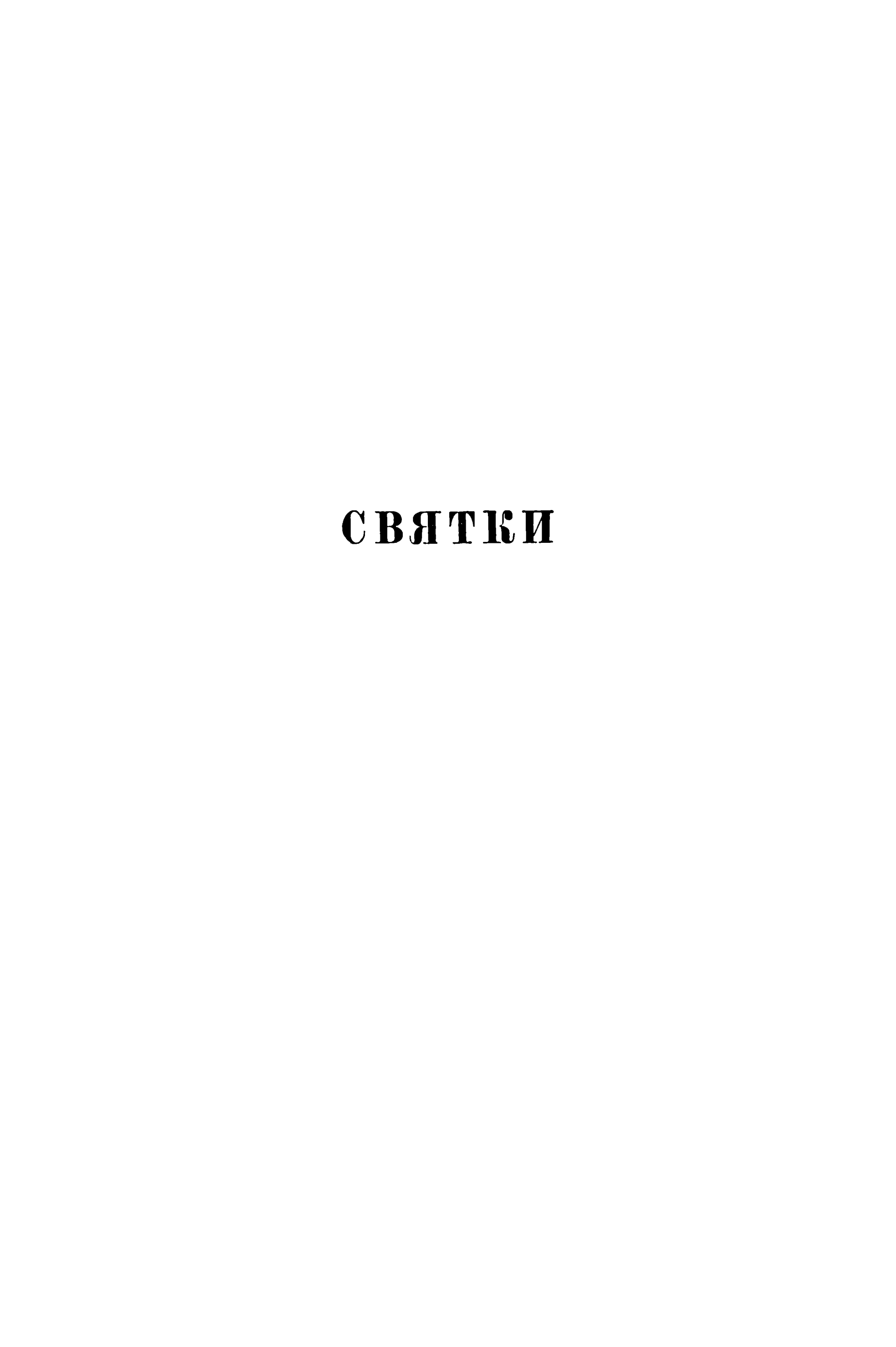
И. Земцовский

---

[1] А. Макаренко, Сибирский народный календарь в этнографическом отношении, с. 201.

[2] Н. А. Римский-Корсаков, Летопись моей музыкальной жизни, М., 1932, с. 133, 163, 183—185.

[3] См. статью В. А. Малаховского в журнале «Сибирская живая старина», 1925, вып. 3—4. Подробнее о судьбе обрядов см.: В. И. Бурдный, Обряды вчера и сегодня, М., «Наука», 1968.

СВЯТКИ

КОЛЯДКИ

1

Новый год пришел,
Старый угнал,
Себя показал!
Ходи, народ,
Солнышко встречать,
Мороз прогонять!

2

Ай во боре, боре
Стояла там сосна
Зелена, кудрява.
Ой овсень, ой овсень!

Ехали бояре,
Сосну срубили,
Дощечки пилили,
Ой овсень, ой овсень!

Мосточек мостили,
Сукном устилали,
Гвоздьми убивали.
Ой овсень, ой овсень!

Кому ж, кому ехать
По тому мосточку?
Ехать там овсеню
Да Новому году!
Ой овсень, ой овсень!

3

Овсей, Овсей
Шел по дорожке,
Нашел железце,
Сделал топорочек,
Ни мал, ни велик,
С игольные уши;
Срубил себе сóсну,
Наснастил мосточек.
По этому мóсту
Шли три братца:
Первой-то братец —
Рождество Христово,
Второй-то братец —
Крещенье господне,
Третий-то братец —
Василий Кесаринский.
Блин да лепешка
На заднем окошке.
Подавай, не ломай,
Не закусывай!
У хозяина в дому
Велись бы ребятки,
Велись бы телятки,
Велись бы ягнятки,
Велись бы жеребятки,
Велись бы поросятки,
Велись бы козлятки,
Велись бы цыплятки,
Велись бы утятки!

4

В бóру, у бóру
Там стоит сóсна,
Всéго вышинée,
Всéго зеленée.
Тáусень, тáусень!

Ре́бята, ребя́та,
Бе́рите-ко то́поры,
Ру́бите-ко со́сну!
    Таусень, таусень!

Рубите-ко со́сну,
Колите-ко доски!
    Таусень, таусень!

Мо́стите-ко мост-от!
«Кому этот мост-от?»
— «Пётру, Василью».
    Таусень, таусень!

«Пётру, Василью!
Чего им возить-то?»
— «Туши да уши,
Поросят да гусят,
Девяносто утят!»
    Таусень, таусень!

5

Коляда, коляда!
А бывает коляда
Накануне Рождества.
Коляда пришла,
Рождество принесла!

6

Проходила коляда
Наперед Рождества.
    Виноградье красно-зеленое мое!

Напала пороша
Снегу беленького;

Как по этой по пороше
Гуси-лебеди летели, —

Коледовщички,
Недоросточки,

Недоросточки,
Красны девушки

Сочили, искали
Иванова двора.

А Иванов двор
Ни близко, ни далёко, —

Ни близко, ни далёко —
На семи столбах;

Вокруг этого двора
Тын серебряный стоит;

Вокруг этого тына
Всё шелко́вая трава;

На всякой тынинке
По жемчужинке.

Во этом во тыну
Стоит три терема,

Стоит три терема
Златоверхие.

Во первом терему —
Светел месяц,

Во втором терему —
Красно солнышко,

В третьем терему —
Часты звездочки.

Светел месяц —
То хозяин во дому,

Красно солнышко —
То хозяюшка,

Часты звездочки —
Малы деточки.

Как самого господина
Дома нетути,

Дома нетути,
Не случилося:

В Москву съехавши
Суды судить,

Суды судить
Да ряды рядить.

Посудивши, порядивши,
Домой едет он;

Он жене-то везет
Кунью шубу,

Кунью шубу,
Кунью шапочку,

А своим-то сынам
По добру́ коню,

Своим доченькам
По злату венцу,

Своим служенькам
По сапоженькам.

Наша-то коляда
Ни мала, ни велика —

Она в двери не лезет
И в окно нам шлет:

Не ломай, не гибай —
Весь пирог подавай!
Виноградье красно-зеленое мое!

7

Коляда́-моляда́!
Ты пришла на двор
Накануне Рождества,
По снежному полю,
Гулять на просторе!
Забежала во двор
К Ивану Иванычу,
К тетушке Прасковье.
Иванов-то двор
Виноградьем оброс,
У Иваныча-сударя
Высок терем,
У Прасковьюшки на дворе
Полным-полно.
Гуси-лебеди летели!
Мы малёшеньки,
Колядовщички,
Мы пришли прославлять,
Хозяев величать!
Иван Иванычу
Житья сто лет!
Прасковьюшке
Всегда здравьице!
Всем детушкам,
Зятьям, снохам,
Сыновьям, дочерям —
Боярышням!

8

К Катеринушке
Подружки пришли,
Святой вечер!
Подружки пришли,
Кличут гуляти,

Кличут гуляти,
Колядовати.

«Подружки мои,
Идите сами,

Идите сами,
А мне не́коли,

А мне неколи —
Братец приехал,

Братец приехал,
Гостинца привез,

Гостинца привез,
Зелёно сукно,

Зелено сукно
Мне на шубочку.

Шубочку пошить —
К обеденке иттить,

К обеденке иттить,
Что и с молодцем,

Что и с мо́лодцем
С Иванушкою,

С Иванушкою
Свет Петровичем!»
Святой вечер!

9

Свети, свети, месяц,
Частые звезды,
Соборная церковь!
Собиралися девицы
Коляду кричати.

«Уж ты дядя Доброхот!
Выдай денег на проход!
Выдашь — не выдашь,
Будем ждать,
У ворот стоять!..
Золотая голова,
Шелковáя борода!
Ты подай пирожка,
Ради праздничка Христова
Пирожка-то хоть преснóго,
Хоть кисленького,
Да пшеничненького!
Отрежь потолще,
Подай побольше!

Сто бы тебе коров,
Полтораста быков!
По ведру бы те доили,
Всё сметаною!
На реку-то бы ходили,
Всё наигрывали!»

10

Таусень!
Вот ходили мы,
Вот искали мы
По проулочкам,
По заулочкам.
Вот Иванов двор.
У Ивана на дворе
Да три терема стоят.
Как и светлой-от месяц —
Сам Иван-от господин.
Красно солнышко —
То Паладьюшка его.
Часты звездочки —
Его детушки.

11

Овсéнь, овсень,
Боý овсень!
Мы ходили, мы гуляли
По святым вечерам,
Мы искали, мы искали
Алексеев дом,
Мы нашли его двор
Середи Москвы.
Середи Москвы
Воротá красны́.
Уж дай тебе бог,
Зароди тебе господь,
Чтобы рожь родилáсь,
На гумно свалилáсь!

12

Таусень, таусень!
Дай блин, дай кишку,
Свининную ножку,
Всем понемножку!
Неси — не тряси,
Давай, не ломай!

Если подадут:

У доброго мужика
Родись рожь хороша:
Колоском густа,
Соломкой пуста!

Если не подадут:

У скупого мужика
Родись рожь хороша:
Колоском пуста,
Соломкой густа!

13

Бай авсень, бай авсень!
Мы ходили, мы блудили
По святым вечерам.

Мы искали, мы искали
Мы и Петрина двора.

Мы по ржам, по межам,
По широким рубежам,

Приблудили ко двору
К генералову.

У генералова двóра
Стоит сóсна зелена.

Как у этой у сосны
Конь и дóброй стоит.

Как и грива-то грéбенкой,
А и хвост-то дугой.

Как на этом на коне
Узда новая.

Уж я села на коня
И поехала.

Генералов двор
Он и тыном обтынен.

Он и тыном обтынен,
И кольцом обведен.

Среди того двора
Стоит горенка новá.

Как во этой во горéнке
Короватка тесова.

Как на этой на кроватке
Перинýшка пухова.

Как на этой на перине
Лизаветушка душа.

Если подадут:

Что светел-то месяц —
А и наш-то он.

Как и красно солнце —
Хозяюшка его.

Как и частые звезды —
Его детушки.

Дай, господи,
Нашему хозяину.

Пожилось, побылось,
На двор много лилось.

Если не подадут:

Не дашь пирога —
Мы корову за рога.

Не дашь кишкý —
Мы свинью за вискý.

Не дашь блинка —
Мы хозяина в пинка.

14

Ой авсень,
Ой коляда!

«Дома ли хозяин?»
— «Его дома нету!

Он уехал в поле
Пашеницу сеять».

Сейся, сейся, пашеница,
Колос колосистый!

Колос колосистый,
Зе́рно зернисто!

15

О́всень, овсень
Ходил по́ всем
По заулочкам,
По проулочкам.
«Кишку, ножку
Сунь кочережкой
В верхнее окошко».
«Здравствуй, хозяин
С хозяюшкой!
Где хозяин
С хозяюшкой?»
— «Уехали в поле
Пшеничку сеять».
— «Дай им бог
Из полна́ зерна пирог!»

16

Пришла коляда
Накануне Рождества.
Дайте коровку,
Масляну головку!
А дай бог тому,
Кто в этом дому!
Ему рожь густа,
Рожь ужиниста!
Ему с колосу осьмина,

РУССКІЯ-СВЯТКИ

Новый Годъ.

Наступаетъ новый годъ
Сколько новыхъ снимъ заботъ
Въ полночь дѣвица встаетъ
Рукой трепѣтной беретъ
Съ собой зеркало она
Съ свѣчами и одна

Въ немъ желаетъ увидать
Кто ей будетъ обладать
Не боясь не чуть грѣха
Видѣть хочетъ жениха
И не думая о томъ
Что свиданье съ женихомъ
Прежде срока и часа

Запрещаютъ небеса
Жениха себѣ ждала
Что же вышло! не къ вѣнцу
Это призракъ къ мертвецу
Но оставимъ мы такихъ
И посмотримъ на другихъ

Из зерна ему коврига,
Из полузерна — пирог.
Наделил бы вас господь
И житьем и бытьем
И богатством,
И создай вам, господи,
Еще лучше того!

17

Наш овсень,
Подавай совсем!
Подавай, не ломай,
А если сломишь —
Со двора не сгонишь,
А не подашь —
На Новый год
Еловый тебе гроб,
Осиновую крышку,
А на помин
Шелудивую кобылу.

18

Ты позволь, сударь-хозяин,
Ты позволь, господин,
Коледá!

Ты позволь, господин,
Да ко двору прийти,

Ко двору прийти,
Да словцó молвити,

Словцо молвити,
Да речь говóрити.

Еще чей же двор стоит,
Чей высок новой терéм?

Еще двор стоит
Павла Макаровича,

Что высок терём
Натальи Васильёвны души.

Против ши́рока двора,
Господинова села

Разливалася Дунай
Да речка быстренькая,

Что со тихими с глубокими
Со за́водями,

Что со кру́тыми, со красными
Со бе́режками,

Что по той ли Дуна́и
Речке быстренькою

Еще плавали две белые
Две лебеди,

Что и серые две малые
Две утушки.

Что из хо́рома, из вы́сока
Из те́рема,

Из хорошего кося́вчета
Окошечка,

Узрела, усмотрела
Молода его жена,

Молода жена Наталья
Васильёвна душа.

Говорила Наталья
Господину своёму,

Господину своёму
Да таковые словеса:

«Я без белыих без лебедей
Обедать не хочу,

Что без серыих без утушек
Не ужинаю!»

Закручинился-то Павел,
Запечаловался,

Выходил-то ли Павел
На конюшный двор,

Выбирал-то и Павел
Себе доброго коня,

Себе доброго коня,
Коня неезженого,

Что неезженого,
Коня не сéдланного.

Он накладывает
Уздечку тесмяненькую,

Он накладывает
Седёлышко черкасское,

Он подстегивал подпруги
Семишелковые,

Он не для ради басы́,
Он ради крепости.

Говорил-то ведь Павел
Своим верным слугам:

«Уж вы слуги мои, слуги,
Слуги верные мои!

Вы подайте-тко, слуги,
Золоты мои ключи;

Поскорее отмыкайте
Окованы сундуки;

И подайте-тко тугой лук,
Разрывчатый,

Поскорее нову стрелочку
Калиновую!»

Поезжал-то Павел
На Дунай речку гулять,

На Дунай речку гулять,
Да белых лебедей стрелять.

Уезжал ли то Павел
Ко Дунаю ко реке,

Соходил-то ведь Павел
Со добро́го со коня;

Он садился-то Павел
За ракитовый куст, —

Он натягивае́т тугой лук
Разрывчатый,

Накладывает стрелочку
Калиновую.

Уж он первый раз стрелил —
Он не мог дострелить;

А в другой он раз стрелил —
Он перестрелил;

Уж он третий раз стрелил —
Не мог устрелить!

Он сдавался во кручинушку,
Во великую печаль,

Он садился-то Павел
На добро́го-то коня,

Уезжал-то и Павел
Ко подворью своему,

Ко подворью своему,
Ко широкому двору.

Что из хо́роша, из вы́сока
Из терема,

Из хорошего косивчета
Окошечка,

Что узрела-усмотрела
Молода его жена,

Молода жена Наталья
Васильёвна душа.

Выходила Наталья
На широкий двор,

Отпирала Наталья
Широки́е ворота,

Что встречала Наталья
Господина своего,

Что снимала Наталья
Со доброго со коня,

Говорила Наталья
Таковые словеса:

«Я без белые без лебеди
Обедаю, суда́рь,

И без серые без утушки
Отужинаю;

Без тебя, моя надежа,
Часу быть не могу,

Ни часу я часовать,
Темной ночи коротать!»

Не пора ли то, хозяин,
Коледовщиков дарить?

Еще наша-то колёдка
Что й не ма́ла, не величка,

Что й не мала, не велика,
Не в рубь, не в полтину,

Что не в рубь, не в полтину,
Ровно сорок алтын,

Ровно сорок алтын
С одной денежкой.

Что во двери ти не во́йдет,
А окном как шьет.
Коледа!

19

Пришли славцы́
К добру́ господину,
В дому получили
И хозяина звали
На пир пировати,
Хозяюшку звали
Столы столовати,
Сыновей его звали
На стрельбище,
Дочерей его звали
На игрище.
Хозяину дали
Сто рублей денег,
Хозяюшке дали
Кунью шубу под атласом,
Сыновьям его дали
По доброму коню по вороному,
Дочерям его дали
По веночку по златому!
Нам же, славцам,
Не рубь-полтина, —
Единая гривна,

Пива братыня,
Яиц коробица,
Скляница вина,
Бочка квасу,
Морда рыбы,
Блюдо шанег,
Сгавец оладий
И масла крыница!

20

Уродилась коляда
Накануне Рождества.
За горою за крутою,
За рекою за быстрою,
За горою за крутою,
За рекою за быстрою
Стоят леса дремучие,
Во тех лесах огни горят,
Огни горят горючие.
Вокруг огней люди стоят,
Люди стоят, колядуют:
«Ой коляда, коляда,
Ты бываешь, коляда,
Накануне Рождества».

21

Колядá-молядá,
Отворяй воротá!
Снеги нá землю падáли,
Перепáдывали.
Со небёс Христос
Что с ангелом Гаврилом,
Со Иваном Призачётом.
Пресвята мати Мария
Божьи дáры собирала,

Ручку к сердцу прижимала,
Всем проведчикам сказала:
«Вы проведчики мои,
Вы проведайте про то
Про Христово Рождество».
Прикатилось Рождество
К господину под окно.
Ты вставай, господин,
Разбужай госпожу,
Хлебом-солью накормлю,
Путь-дорожку укажу!
От села до села
Голова весела,
Сердце радуется,
Перерадуется.
У нашей-то маткú
Телятки-то гладкú,
Копытцáми щелкают,
Хвостами не задевают,
Молокú-то густы́,
Сметáны-то желты́.
Нам по рюмочке винца,
По стакашику пивца,
На закуску калача.

22

Дожидай Рожствá,
Коляда пришла!
　　　　Коляда святá!
　　　　Коляда свята!

Как пошла коляда
По улице гулять,

По улице гулять,
Толкачом побивать,

Толкачом по плечам,
А поленом по коленам!

Как пошла коляда
Ко Сергееву окошку,

А Сергеева жена
Рубашонку дала.

Как пошла коляда
К Степану под окошко,

А Степанова жена
Кусок мяса дала.

Как пошла коляда
К Мишке под окошко,

А Мишкина жена
Кочергою прогнала!
Коляда свята!
Коляда свята!

23

Поехала ступка с конца в конец,
Маку толочь, маку толочь, маку толочь;
Заехала ступка да к Татьянушки души,
А Татьянушка душа она рубашечку дала.

Заехала ступка да к Римки души,
А Римычка душа сарафанчик дала.

Заехала ступка да й к Дарычки души,
А Дарычка душа поясочек дала.

Заехала ступка да й к Зенки на двор,
А Зенычка душа платочек дала.

Заехала ступка к Праскути на двор,
Праскутычка душа фартучек дала,

Заехала ступка к Матрёни на двор,
Матрёнычка душа чулочки дала.

Заехала ступка к Христёни на двор,
Христёнычка душа подвязочки дала.

Заехала ступка к Катички на двор,
А Катичка душа сережечки дала.

24

А ехала каледа́
С конца в конец,
Заехала каледа
К Васи́льку, к Васи́льку.

«Ты, Василька, не гуляй,
Вари пиво,
Жени сына
Иваньку, Иваньку!»

А ехала каледа
С конца в конец,
Заехала каледа
К Егорью, к Егорью.

«Ты, Егорий, не гуляй,
Вари пиво,
Отдавай дочку
Марьичку, Марьичку!»

25

Дедка сви́нушку убил,
Дедка беленькую,
Спинку пе́генькую!
Ай да божья коляда́,
Прилетай к нам с высока́!
Раз в желанный год
Полюбуйся часок!
Мы колбаски чини́м,

Веретенцем сверли́м,
Рыльце лычком напрём,
А туда мяском набьем.
Ай-и-ох! Коляда,
Лети швыдче с высока.
Да морозом не тряси,
Басловья к нам неси.

26

Дайте коровку,
Мазану головку!

Уж ты ласточка,
Ты касаточка,
Ты не вей гнезда
Во чисто́м поле,
Ты завей гнездо
У Петра на дворе!
Дак дай ему бог
Полтораста коров,
Девяносто быков.
Они на реку идут,
Все помыкивают,
А с реки-то идут,
Все поигрывают.

27

Девочки, колядки!
Душечки, колядки!
Да кидайте гребени
За грядки,
Да кидайте гребени
За грядки!

Девочки, колядки!
Душечки, колядки!

Да пеките блины
Да ладки,
Да пеките блины
Да ладки!

28

Коляда-моляда
У Иванова двора,
У Ирины у большой
Купила горшок —
Кутью варить,
Жену кормить,
Чтоб детей родить,
А им пашню пахать,
Переложки ломать!

Подавай пирога!

29

Коляда-моляда,
Накануне Рождества!
Кусочки летят,
Подбирают, доедят.

30

Ай, колядные
Блины ладные!

Не таковские,
Як Микольские!

31

Как пошла коляда
По улице гулять,

По улице гулять,
Толкачом побивать.

«Коляда, коляда,
Где ты раньше была?»

— «Я у поле ночевала,
Теперь к вам пришла».

32

Не летай-ка ты, сокол, высóко,
Таусень!
Не маши ты крылами далёко!
Много бояров во Москве,
Нет боле крестьян по Русе,
Нет такого молодца,
Как Ивана Иваныча.
Он на добром коне поезживает,
Шелковой плеткой помахивает,
На высок терем поглядывает.
В высоком новом тереме
Сидит девица-душа
Зинаида Романовна, —
И бела, и румяна, хороша,
Что на грамотке написанная!
Таусень!

33

То-аóсинь, то-аосинь!
А ты уж Сóнюшка честнá,
С отцом с матерью росла,
Кóсу русу заплела,
Приговаривала:

«Ты расти, расти, коса,
До шелкóва пояса.
Косни́к до пят,
Жених догляд».
То-áбсинь, то-аосинь!

А ты, бабушка, подай,
Ты, Варварушка, подай,
Подавай, не ломай,
Будет сын Николай,
Обломи немножко,
Будет Ермошка.

34

Уж и ходим мы,
Уж и бродим мы
По проулочкам,
По заулочкам.

Уж и ищем мы,
Уж и ищем мы
Иванов двор,
Иванов двор.

У Ивана на дворе
Разливалось море́,
Мóре синее,
Полусинее.

Как по этому по морю
Вырастала трава,
Вырастала трава,
Трава шелковая.

Как по этой по траве
Пробегала куня
Со кунятами,
Со дитятами.

Акулина сговорила:
«Ты, Иван, убей куну
Со кунятами,
Со дитятами,

А ты сшей мне шубу,
Шубу новую,
Мне не долгую,
Не короткую.

Мне не по полу ходить,
Мне по лавочкам ступать,
Мне калачики скупать,
Красных девок оделять».

35

У Ивана на дворе
Стоят сорок коней.
Таусе́нь, таусе́нь!

Ему в Москву ехать,
Ему солод закупать.

Ему пиво варить,
Ему сына женить,

Ему сына женить
Ивана Иваныча!

Ему брать ли не брать
Настасью Лукьяничну!
Таусень, таусень!

36

Середи двора
Широкого,
Ой таусéнь! Ой таусéнь!
Середи крыльца
Высокого

Тут стояла скамеечка
Серебряная.

На скамеечке сидел
Тут Кирей-от со женой,

Тут Кирей-от со женой,
Он и с Марфой со душой.

Они думушку да
Всё подумывают:

Как нам сына-то женить,
Как нам дочку бы отдать?

А нам сына женить
Со добрóго со коня,

А нам доченьку отдать
С высокóго терема.

У Кирея-то у Митрича
Золотая борода,

Золотая борода да
Позолоченный усок,

Позолоченный усок,
По рублю-то волосок.
Ой таусень! Ой таусень!

37

Уж ты ягодка краснá,
Земляниченька красна!
Таусень!
Отчего она красна?
Во сыром бору росла.

Уж ты Катенька умна,
Свет Ивановна умна!

Отчего она умна?
Что у батюшки росла,

У сударыни матушки
Нежилася,

Что и нежилася,
Да лелеялася.
Таусень!

38

Уж ты ягодка краснá,
Во сыром бору росла.
Таусень, таусень!

Вот росла, росла, росла,
Больше выросла.

Не пора ли, не пора ль
Нашу Машу сватать?

Мы и свата пошлем,
И другого пошлем,

Мы и третьего пошлем,
И по рукам убьем.

Мы и Машу уведем
К чужой матери,

На чужую сторону́,
Ко чужому отцу.
Таусень, таусень!

39

Уж ты клюковка красна́,
Во сыром бору росла.
Таусень, таусень!

Василиса хороша
Всё у батюшки росла.

Она тропочку тропила
Всё узёхонько,

Она богу-то молилась
Всё низёхонько.

Тута ехали бояре,
Сдивовалися:

«Да уж чье это дитё
Богу молится,

Богу молится,
Низко клонится?

Мы пойдем, мы пойдем
Посвататься!

Мы не сами пойдем,
Мы людей пошлем,

Мы богатых мужиков,
Мы курашкиных,

Мы курашкиных,
Мы степашкиных».
Таусень, таусень!

40

Ягодка краснá,
Земляниченька красна.
Таусень!

Машенька красна,
Свет Ивановна умна.

Попросилась Маша
Во зеленый сад гулять,

Во зеленый сад гулять,
Соловьев послушать.

Соловьины песенки,
Девочка, заманчивы,

Обманут тебя, дитя,
На чужую сторону,

Ко чужому отцу,
Ко чужой-то матери.
Таусень!

41

Как у кочета головушка
Краснехонька,
Таусень!

У Степана-то жена
Хорошохонька,

Она пó двору идет,
Ровно пава плывет,

Она в ѝзбушку идет,
Ровно буря валѝт,

Впереди-то сидит,
Ровно свечка горит,

В пологу она лежит,
Ровно зайка дышит.
Таусень!

42

У Петровых у ворот,
Таусень!
Вьется, вьется соловей.
Как Петр выходил,
Он Матрену выводил.
«Ты Матренушка душа,
Чем дарила соловья?»
— «Шитой, витой, перевитой
Косыночкой золотой».
Таусень!

43

Не раны́м-рано́ да
Куры запели,
Святый вечер,
Добрый вечер,
Добрым людям
На здоровье!

А еще рано́ —
Белая заря,

А кто у нас девка,
Кто у нас дворянка?

А Полюшка девка,
Пе́тровна дворянка!

Рано уставала,
Голову чесала,

Голову чесала,
Косу заплетала,

Косу заплетала,
Ленту убирала,

Ленту убирала,
Шубу надевала,

Шубу надевала,
К обедне спешила,

К обедне спешила,
У дверей стояла,

У дверей стояла,
Жениха выбирала,

Жениха выбирала:
«Красный поясочек,

Красный поясочек —
Тут мой женишочек!»

Святый вечер,
Добрый вечер,
Добрым людям
На здоровье!

44

Как у месяца
Золоты рога,
Как у солнышка
Лучи ясные.

У Ильи-то же
У Васильича
Кудри русые!

По плечам кудри
Расстилаются,
Серебром кудри
Рассыпаются.

Уж ты тетушка,
Подай!
Ты лебедушка,
Подай!

Ты подай-ка пирог
С рукавичку широк!
Подавай, не ломай!
Ты начинку не теряй!

45

Бласлови-ко нас, бог, утро Новый год!
Таусень, таусень!
Не летай-ко ты, соколик, высоко,
Не маши-ко ты крылом широко.
Не примахивай кручину к молодцу,
Ко Трофиму Алексеевичу.
Собирается Трофим к заутрени,
Надевает кафтан во сто рублей,
Подпоясывает кушак во тысячу,
Надевает шляпу — цены нету.
Как пришел наш Трофим ко заутрени,
Да и все люди сдивовалися:
«Да и чей это такой добрый молодец?
Да кто его воспоил, воскормил?»
— «Воспоила его родна матушка,
Воскормил же его родной батюшка,
Возлелеяла его родна бабушка».
Супротив его двора стоит горенка нова,
Как во горенке любезная его
Погляди-ко ты, любезная, в окно,
Покажи-ко свое белое лицо.
Уж я буду всем товарищам хвалить:
«Хороша девка написанная,
Уму-разуму насыпанная».

IV. ПѢСНИ ИГРОВЫЯ.

КОЛЯДНАЯ.
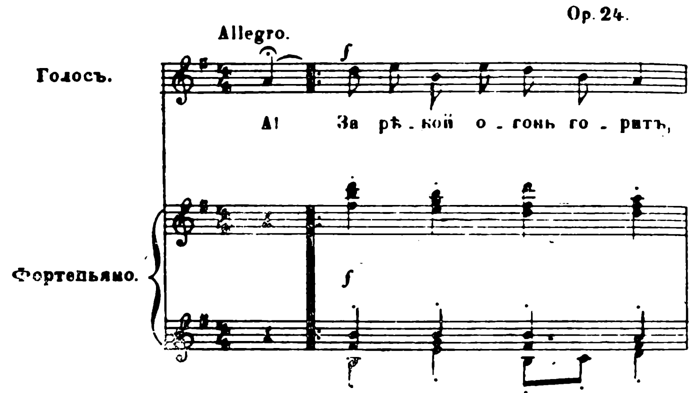
№41.
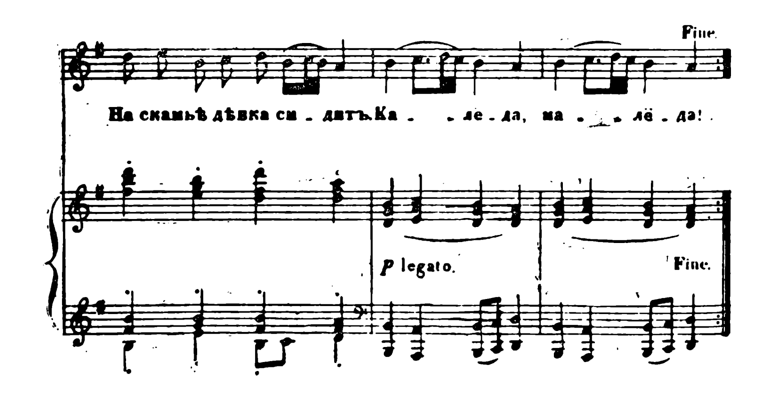
„КАЛЁДА МАЛЁДА"

(Таусень маусень.)

Саратовской Губ.

Н. Римскій-Корсаковъ.
Op. 24.

Он по горенке похаживает,
Он с гривенки на гривенку ступат,
Он полтиною по горенке лукат,
Он рублями-то ворота запират.
Супротив его двора приукатана гора,
Приукатана гора, принаколоты дрова:
Хотят пиво варить, хотят Трошеньку женить.
Да взять ли, не взять ли у Филиппа дочь,
У Филиппа дочь, дочку Танюшку.
Не держите под окном, подарите серебром,
Да и дай вам бог да и в поле-то урод,
Из восьминки три восьминки, из зернышка
пирожок!
Да чего же ты, хозяюшка, пожаловаешь:
Или денег мешок, или каши горшок?
Таусень, таусень!

46

За рекой огонь горит,
Там скамеечка стоит,
Таусень!

На скамеечке
Татьянушка сидит,

Татьянушка сидит,
Косу русую плетет,

Косу русую плетет,
Шелком перевивает,

Шелком перевивает,
Златом, сéребром пересыпает.

«Красна девушка,
Татьяна Михайловна!

Отпирай-ка сундучок,
Вынимай-ка пятачок!

Ты нас будешь дарить —
Мы будем хвалить,

А не будешь дарить —
Мы будем бранить!»
Таусень!

47

У Марьюшки у вдовушки
На сдоро́чках,
Таусень!

Расстилалась мурава
Шелковая,

Убирать ее будет
Марьюшка.

Во тереме у Марьюшки
Милы деточки,

Милы деточки
Что звездочки.

У тетушки у Марьюшки
Часты бровушки.

«Ты тетушка,
Ты Марьюшка!

Подари-ка нас,
Недоросточков!

Ты будешь дарить —
Мы везде будем хвалить,

А не будешь дарить —
Всюду будем корить».
Таусень!

48

На горке ленок,
Коляда!
Зеленехонек растет,
Степанидушка ленок
Тонко прядет,
Звонко точёт.
Ей чарочку винца,
Братыничку пивца,
Коляда!

Если не подадут:

Сена клок,
Вилы в бок!
Коляда!

49

Да виноградиё да красно-зелёноё,
Да уж мы ходим, не ходим спо Нову-городу́,
Уж мы ищем, не ищем господинов двор.
Господинов двор да высоко на горе,
Да высоко на горе, да далеко в стороне,
На семидесят верстах да на восьмидесят столба́х.
Да на каждом ли столбе по маковке,
Да на каждой на маковке по за́мчужке,
Да на каждой на за́мчужке по ленточке,
Да на каждой на ленточке по кисточке,
Да на каждой на кисточке по свечке горит.
Да этот чей стоит дом, да чей высок новой терем?
Да этот дом стоит Филиппа Ивановича,
Да эти горницы Ирины Ивановны.
Да ты позволь, сударь хозяин, ко двору прийти,
Да ко двору прийти, да на круто крыльцо взойти,
Да на круто крыльцо взойти, да за витое кольцо взять,
Да за витое кольцо взять, да спо новы́м сеням пройти,
Да спо новым сеням пройти, да в нову горницу взойти,
Да в нову горницу взойти, да против грядочки встать,
Да нам еще того повыше — на лавочку сесть,
Да нам на лавочку сесть, да «виноградиё» спеть,

Да «виноградиё» спеть, в дому хозяина опеть,
В дому хозяина опеть, в дому хозяйку припеть.
Да как хозяин во дому — да как Адам в раю,
Да как хозяйка во дому — да как оладья в меду,
Да малы деточки — да часты звездочки,
Да нам хозяин-то дарил да золотую гривну,
Да нам хозяйка-то дарила бел крупитчатый калач,
Да малы деточки — да по копеечке.
Да золотую гривну мы в кабак снесем,
Да мы в кабак снесем, да на вине пропьем,
Да бел крупитчатый калач да на закуску съедим,
Да эти копеечки — на конфеточки.
Да виноградиё да красно-зеленоё!

50

Прикажи, сударь-хозяин, виноградью петь!
Виноградьё красно-зеленое!
На святых вечерах не шумят, не гремят,
А мы ходим ребята-виноградчики,
А мы ищем-поищем господинов двор.
Господинов двор на семидесят верстов,
На семидесят верстов, на семи столбов.
Вокруг этого двора всё железный тын,
Как на всякой тыниночке по маковке,
Что по маковке, по жемчужинке.
Нас хозяин одарил золотой гривной,
Нас хозяюшка дарила золотым перстнем,
Малы детушки дарили рытым бархатом.
А мы гривну-ту возьмем, на молебен снесем,
А мы перстень-то возьмем, на вине пропьем,
А мы бархат-от возьмем, по себе раздерем,
По себе раздерем, всем кафтанчики пошьем.
У нас чёботы маленьки, у нас ножки зябут,
Уж перчаточки тоненьки, у нас ручки зябут,
Долгоушечки голеньки, у нас ушки зябут,
Ай кафтан короток, али весь передрог.
Наш хозяин в дому — как Адам во раю,
Как хозяюшка в дому — ровно пчелочка в меду,
Малы детушки — как оладушки.

Прикажи, сударь-хозяин, в нову горенку войти,
В нову горенку войти, вдоль по горенке пройти!

Ты хозяин, ты хозяйка, пошевеливайся!
Пошевеливайся, поворачивайся!
Коляда, коляда! Подавай пирога!
Не подашь пирога, отворяй ворота!
Виноградьё красно-зеленое!

Войдя в избу, поют:

Пришли мы, пришли к добру господину.
Виноградьё, виноградьё красно-зелено!
Добра господина дома не случилось,
Дома не случилось, хозяюшки дома нет.
Хозяина звали пир пировати,
Хозяюшку звали стол столовати,
Сына-то звали на стрельбище,
Дочерь-то звали на игрище.
Хозяина дарили стольным городом,
Хозяюшку дарили куньею шубой,
Сына-то дарили тугим луком,
Дочерь-то дарили золотым венцом.
Виноградьё, виноградьё красно-зелено!

51

Со ве́чера поро́ха выпа́дывала,
Виноградье красно-зеленое!
Сочили, искали господинова двора.
Господинов двор далёко в поле стоит,
На семи верстах, на восьми столбах,
Столбы то́ченые, позолоченные.

Роди вам, господи, рожь густую,
Рожь густую, нажи́нчистую!
Виноградье красно-зеленое!

52

Виноградье красно-зеленое!
Еще ходят же ребята-колядовщики,
Еще ищут же ребята государева двора
Государев-то дворец середи Москвы стоит,
Середи Москвы стоит, середь ярмарки.
А вкруг его двора стоит железный тын,
А на каждой тынинке по маковке,
Что по маковке и по золоту кресту.
А сам-то государь как светел месяц взошел,
А сама-то государыня как утрення заря,
Малы детоньки — часты звездочки.
Сам-то государь на крылечко выходил,
На крылечко выходил и по рублику дарил,
А сама-то государыня по полтине дарила,
Малы детоньки — по копеечке.

Покатится колесница вдоль по улице,
По пироги, по шанги, в печь по кишки;
Нож-то на полице, солоница на божнице.
Режьте и ешьте, и нам подавайте!
Не дашь кишки́, разобьем горшки,
Не дашь пирога, разобьем ворота!
Виноградье красно-зеленое!

53

Ходят девицы о святых вечерах,
Виноградиё красно-зелёноё!
Еще ищут девицы господинова двора.
Господинов двор далеким-далеко,
[На пятидесяти верстах] да на семидесят столбах.
Еще около двора да всё трава-мурава,
Трава-мурава, трава шёлкова.
На каждой на травинке по цветочку цветет,
На каждом на цветочке по жемчужинке висит.
У двора ворота были решётчатые,
Подворотенка была стекольчатая,
У ворот верея была — рыбий зуб.

Ступил во двор — все три терема стоят,
Крутоверховаты, златоверховаты.
Во первом-то терему как светел месяц,
Светел месяц — сударь батюшка,
Во втором-то терему как светлая заря,
Светлая заря — родна мамушка,
Во третьем-то терему да часты звездочки,
Часты звездочки — да ро́дны се́стрицы.
Выходил Алексей на красное крыльцо,
Выносил господин как серебряный алтын.
Выходила и Анна на красное крыльцо,
Выносила госпожа золотую гривну.
Выходили малы деточки на красное крыльцо —
Выносили малы деточки крупитчатый калач.
Садились мы тут да во единый круг,
Во единый круг да думу думали.
Мы серебряный алтын за молебен отдадим,
Золотую гривну на вине пропьем,
А крупитчатый калач на закуску съедим.
Виноградиё красно-зеленоё!

54

Виноградие красно-зеленое!

Да еще кто такой стучит
Да во святых-то вечерах?

Да во святых-то вечерах
Да виноградчики стучат.

Да еще спрашивают ребята
Господина да во дворах.

Да еще около двора
Да всё трава-мурава,

Да всё трава ли мурава,
Цветы лазуревые.

Да ворота́-те тут как были
Да как хрустального стекла.

Да ободверенки те были
Как чисто́го серебра,

Да приворотенки те были
Да все решётчатые.

Да благослови, сударь хозяин,
Да ко двору прийти,

Да ко двору прийти,
Да на красно́ крыльцо взойти,

Со красного со крыльца
Да на новы́ сени ступить,

Со новы́х-то со сеней
В нову горенку зайти,

В нову горенку зайти
Да середи на по́лу стать.

Да благослови, сударь хозяин,
Да виноградие и спеть!

Да как у хозяина Ивана,
Как во горенке у их,

Как во горенке у их
Стоит тесовая кровать,

Да на тесовой на кровати
Да пухова́я перина́.

Да на пуховой на перине
Тут бела́я простыня.

Да как подушечки-те были
У них шелковые,

Одеялышко лежало
Тут черного соболя.

Да тут и спит-опочивает
Тут ведь сам-от господин

Да со своею госпожою,
Да со умною женой.

Меж има-то ведь катался
Да злачён перстень,

Да не злачён перстень катался —
Крепка дума меж има.

Они думали-гадали,
Да ясна сокола сряжали.

Да ясён соко́л летит,
Да им куниц-то догони́т,

На житье им на бытье
Да богатество.

Да выходил ведь господин
Да на прекрасное крыльцо,

Да выносил он господин
Да он серебряный рубль,

Да подарил он господин
Да виноградчицей.

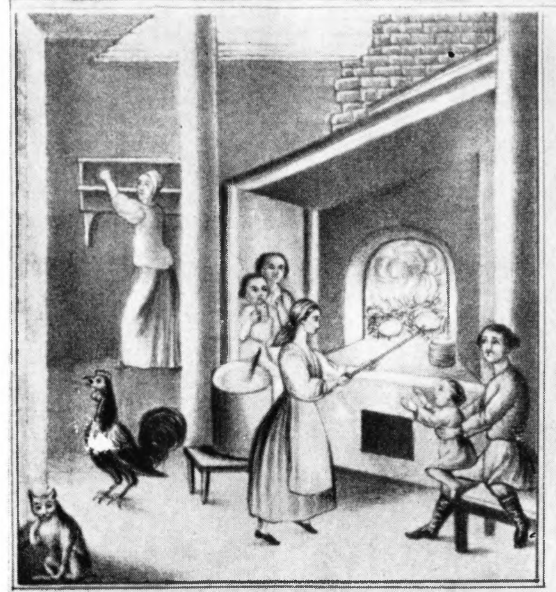
Да выходила госпожа
Да на прекрасное крыльцо,

Да выносила госпожа
Да золоту гривну,

Подарила госпожа
Да виноградчицей,

Маслиница
ВОТЪ КАКЪ МАСЛИНИЦУ ВЪСТРЕЧАЮТЪ

Печ. позв. Москва 30 Сентября 1858 года

Сѣльская масленица

Передъ утренней зарею
Часто намъ Пѣтухъ кричалъ

Ясныя ясно пламенѣли
Золотые угольки

Знать что гости будутъ скоро
Дѣдъ усмѣшкою сказалъ

Зять дородный кудреватый
Съ молодой сидитъ женой

Да выходили малы дети
На прекрасное крыльцо,

Да выносили малы дети
Да бел крупитчатый калач.

Виноградие красно-зеленое!

55

Да виноградиё да красно-зелéноё!
Да не во дáлече, далéче во чистом поле,
Во чистом да поле, да во раздолии, ой,
Да тут стоял ли, постоял да бел полóтняный шатер,
Да бел полотняный шатер да белобархатный.
Да как во этом во шатру столы дубовы стоят,
Да столы дубовы, да ножки тóченые,
Да ножки тóченые, позолоченные.
Да что за этим за столом да красна девица сидит,
Да красна девица сидит Иринья Павловна.
Да она шила-вышивала тонко бело полотно,
Да тонко бело полотно да белобархатно.
Да во первóй раз вышивала светел месяц со лунами,
Да светел месяц со лунами, со частыми со звездами;
Да во второй раз вышивала красно солнце с маревами,
Да красно солнце с маревами, со теплыми облаками;
Да во третьёй раз вышивала сыры боры со лесами,
Да сыры боры со лесами, со рыскучими зверями;
Да во четвертый вышивала сине море со волнами,
Да сине море со волнами, со черными кораблями,
Да со черными кораблями, с мачтовыми деревами,
Да с мачтовыми деревами, со белыми парусами,
Да со белыми парусами, с корабельщиками;
Да что й во-пятых вышивала божью церковь с образами,
Да божью церковь с образами, со чудными со крестами.
Да тут и шел да прошел удалой молодец,
Да удалой молодец Филипп Иванович,
Да он куницами, лисицами обвешался,
Да он черными соболями подпоясался,

Да он строcточкой подпирается,
Да небылыми-то речами похваляется:
«Да кабы был я, кабы жил да на другой на стороне,
Да на другой на стороне, на славной Усть-Цильме,
Да я разбил бы, расшумел да бел полотняный шатер,
Да бел полотняный шатер да белобархатный,
Да кабы взял я, кабы взял Иринью замуж за себя.
Да мы пойдем-ка, Иринья, повенчаемся,
Да золотыми-те кольцами обменяемся.
Да во божью церкву зайдем, золоты венцы примём,
Да золоты венцы примём, веселу свадебку сыграм».
Да виноградиё да красно-зеленоё!

56

Зазвонили честну ранную заутреню,
Виноградиё красно-зеленоё!
Честну ранную заутреню рождественску.
Молодец ото сну да пробуждается,
Со тесовоей кроватки опущается,
Да он ключёвою водой да умывается,
Тонким белым полотенцем утирается,
Он в козловы сапоги обряжается,
Он во цвѐтное платье снаряжается,
Он походит, молодец, во божью церковь,
Он приходит, молодец, ко божьей церкви,
Он заходит, молодец, во божью церковь,
Он ставает, молодец, на правую руку,
На правую руку да всё ко крылосу,
Он ведь крест-от кладет по-писáному,
Он молитву творит сам искусовую,
На все стороны четыре поклоняется,
В три ряда у него кудри завиваются.
Во первой ряд завивались чистым серебром,
Во второй ряд завивались красным золотом,
Во третий ряд завивались скатным жемчугом.
Еще все люди бояра дивовалися кудрям:
«Это чей, это чей, это чей молодец,
Это чей молодец, как по имени зовут?
Как по имени Владимир Васильевич.

Кто это тебя изнасеял молодца?
Изнасеял тебя да светел месяц же.
Еще кто же тебя да воспородил молодца?
Воспородила тебя да светлая заря.
Еще кто же тебя воспелеговал молодца?
Воспелеговали да часты звездочки».
— «Уж вы глупые хрестьяна, неразумные,
Православные друзья-братья, товарищи,
Еще как же изнасеет светел месяц?
Да еще как же воспородит светла заря?
Еще как же воспелеговают часты звездочки?
Изнасеял меня сударь батюшка,
Сударь батюшка Василий свет Антонович,
А спородила меня родна маменька,
Родна маменька Мария Николаевна,
Воспелеговали меня няньки-нянюшки,
Няньки-нянюшки да мамки-мамушки,
Да стары бабушки — Анна Федоровна
с Лукерьей Гавриловной».
Виноградиё красно-зеленоё!

57

Как у города у Архангельского,
Виноградье красно-зеленое!
У того же присталища корабельного
Тут стояла же береза кудреватая,
У этой же березы высок терём,
У этой березы коренье булатноё,
У этой березы кора позолочена,
У этой березы прутья серебряны,
На этих же прутьях листья камчатные.
Тут сидела же душа красна девица,
Она шила-вышивала ширичочку,
Шила-вышивала чистым серебром,
Она строки строчила красным золотом.
А тут зáзрел-засмотрел добрый молодец:
«Я пойду, да добрый молодец, во кузницу,
Искую три пилы, три булатные,
Подпилю же я березу кудреватую,

Уроню же с березы высок терéм!»
А тут услышала душа красная девица:
«И не ходи же, добрый молодец, во кузницу,
Не куй три пилы, три булатные:
Ну и будет время — сама сойду,
Сама сойду, за тебя пойду».
Винограды красно-зеленое!

58

Винограды красно-зеленое!
Стоит сосна кудрявая,
Под той сосной стоит скамья,
На той скамье лежат гусли,
Лежат гусли звончатые, тройчатые.
Кому гусли накладывать?
Накладывать гусли свет Акиму Ивановичу.
Его дома не случилося,
Он уехал во царь-город,
Суды судить, ряды рядить.
Приехал он из царя-града,
Он хвать в карман —
Там сто рублей,
Он хвать в другой —
Там вся тысяча,
Он хвать в третий —
Там счету нет.
Из тех денег шесть гривен вон,
Красным девкам за славинье!

59

Ой рано, рано
Куры запели,
Щедрый вечер,
Добрый вечер!

А раньше того
Млад Иванушка встал,

Млад Иванушка встал,
По двору прошел,

По двору прошел,
Лучком прозвонил,

Лучком прозвонил,
Братьев побудил,

Братьев побудил:
«Вставайте, братья!

Вставайте, братья,
Куйте топóры,

Куйте топоры,
Идите в боры,

Идите в боры,
Рубите сосны,

Рубите сосны,
Стелите мосты,

Стелите мосты,
Забивайте гвозди!

Там будут ехать
Три святителя:

Первый святитель —
Рождество Христово,

Второй святитель —
Василь Кесарецкий,

Третий святитель —
Иван-Креститель».
Щедрый вечер,
Добрый вечер!

60

Пóходя, походя́
Месяц за зарей,
Свя́тый вечёр!

Он кликáл, кликáл
Зáрю за собой.

«Ой, пойдем, заря,
Бога шукати.

Мы найдем богá,
Пана самого.

У того панá
Скамья застланá.

Что на той скамье
Да три кубочки.

Первая кубочка —
Вино пьяное,

Другая кубочка —
Вино зеленó,

Третья кубочка —
Мéдок-солодóк.

Вино пьяное —
Для хозяина.

Вино зеленó —
Для жены его.

Медок-солодок —
Да й для деточек».

Ой, будь же здоров,
Да й с Новым годом!

Да й с Новым годом,
Да й со всем родом!
Свя́тый вечёр!

61

У пана, пана
Умная жена.
Бог ему дал!
Не дивуйтеся, князе-бояры,
Даст бог и вам!

Как закупила
Три городочка,

Что первый город
Всё с казаками,

А второй город
Да всё с панами,

А третий город
Всё с мужиками.

А с казаками
Идти на войну,

А с панами
Да играть в клу́би,

А с мужиками
Орати поле.
Бог ему дал!
Не дивуйтеся, князе-бояры,
Даст бог и вам!

62

А зайка, зайка,
Бела горностайка!
Свя́тый вечер,
Добрый вечер!
А где ты ходишь,
А где гуляешь?

Хожу, гуляю
Около двора,

Около двора
Михайловова.

А в Михайлушки
Ни куниц, ни лисиц,

Одна дочь хороша —
Наталья душа.

По улице шла,
Что пава плыла,

На сени взошла,
Сенюшки гнутся,

Сенюшки гнутся,
Столбы клонются,

А бояры идут,
Шляпки скидают,

Шляпки скидают,
Сыпрашивают:

«Чи ты царевна,
Чи королевна?»

— «Я не царевна,
Я не королевна,

Я Натальюшка,
Что й Михайловна».
Святый вечер,
Добрый вечер!

63

Рясна, рясна
Колынянка в лузе,
Святой вечер!
А рясней того
Ольга у батюшки:

По двору идет,
Как заря взойдет,

По сеням идет,
Как солнце взойдет,

В хоромы входит —
Паны встают,

Шляпы сымают,
Все познавают:

«Чья это дочка?
Чья это дочка?

Чи царевна?
Чи королевна?»

Михалушка скажет:
«То моя дочка,

То Оленька,
То Михайловна».
Святой вечер!

64

Вот дома, дома
Сам пан хозяин.
Свя́тый вечёр!

Хоть же он дома,
Нам не кажется,

Нам не кажется,
Прибирается.

Вставай с постели,
Открывай двери,

Застилай столы,
Клади пироги.

Ой, будет к тебе
Троечка гостей.

Первые гости —
Жаркое солнце.

Другие гости —
Ясен месячко.

Третие гости —
Дробен дождичек.

Ой, пройди, пройди,
Тройчина в ночи!

Ой, смочи, смочи
Жито-пшеницу!

Жито-пшеницу,
Всякую пашницу!

Ой, будь же здоров,
Да й с Новым годом,

Да й с Новым годом,
Да й со всем родом!
Свя́тый вечёр!

65

Раным-рано
Заря занялась,
Святой вечер!
Заря занялась,
Куры запели.

А раньше того
Иван-то вставал,

Звонком зазвонил,
Братьев разбудил.

«Вставайте, братья!
Надевайте платья,

Езжайте, братья,
Во чисто поле

За куницами,
За лисицами.

Вам-то, братья,
Куниц да лисиц,

А мне, молодцу,
Девка в теремцу́,

Девка в теремцу,
Всё-то Оленька,

То Оленька,
То Михайловна».
Святой вечер!

66

А ясён, красён
Маковый цветок.
Свя́тый вечёр
Добрым людям!

А ясней, красней
Пашечка в батьки.

По двору хо́дя,
Весь двор лелея.

В све́тлицу вошла —
Бояре сидят.

Бояре сидят,
Шапки снимают.

Шапки снимают,
С собой сажают.

С собой сажают,
Вино подают.

А я не сяду́,
Вино не приму,

Вино не приму,
Я в садик пойду.

Ой, будь здорова,
Да с Новым годом!

И с Новым годом,
Да со всем родом!
Свя́тый вечёр
Добрым людям!

67

Что й во городе,
Да й на по́торге.
Гей, грай, море!
Грай, море!
Радуйся, земля,
Век да веков!

Молодой Боря
По то́ргу хо́дя,

По торгу ходя,
Коника водя.

Коника водя,
С ко́нем гово́ря.

«Мне тебя продать
Или променять?»

— «Молодой Боря,
Не продай меня.

Не продай меня,
Я сгожусь тебе.

Как поедем мы
В зелены луга,

Как высватаем
Панну в тереме.

Да поедем мы
Через сырой бор,

Через сырой бор
К батюшке во двор».

Ой, будь же здоров,
Молодой Боря!

И с Новым годом
Да со всем родом!
Гей, грай, море!
Грай, море!
Радуйся, земля,
Век да веков!

68

Машка ма́ленька,
Расти ско́ренько.
Щёдрый вечёр
Добрым людя́м!

Приедет к тебе
Король у сваты́.

Король у сваты,
Да ще богаты́.

Привезет тебе
Три подарочка.

Первый подаро́к —
Шелко́вый платок.

Второй подаро́к —
Золо́т перстенёк.

А за третьего —
Сама молода.
Щёдрый вечёр
Добрым людям!

69

Из поля, поля,
Из чиста поля,
Ой авсень!

Пригнали сторожья
К Михаилу на двор.

Михаил-государь
Спит, не проснется.

«Михаил-государь,
Проснись-пробудись!

Твои города
Татары взяли,

Татары взялись,
Торгой облеглись».

Михаил-государь
Исполо́шился:

«Да есть ли при мне
Слуги верные?

Слуги верные,
Послы вольные?

Подайте мне
Коня ворона,

Коня ворона
Неезженого!

Вы дайте-ка мне
Седло новое,

Вы дайте-ка мне
Плеть шелкóвую,

Вы дайте-ка мне
Меч почёлнушка.

Я сам поеду
Во чисто поле,

Я сам поеду,
Татар догляжу,

Татар догляжу,
Конем столочу,

Конем столочу,
Мечом прикочу,

Мечом прикочу,
Плетью прихлыщу».

У Михаила жена
Во добре хороша,

Во добре хороша,
Настасья душа!

Настасья душа
По сеням прошла,

По сеням прошла,
Сени погнула,

Во терем вошла,
Терем осветила.

В этом терему
Гости сидят.

Она этим гостям
Поклон отдала,

Поклон отдала,
По рюмке вина,

По рюмке вина,
По чарке меду.

Не пора ли вам, хозяюшки,
Авсенюшкам дарить?

Пора подарить,
Чем бог наделит!

Не рублем, полтиной, —
Золотой гривной!

А гривенки нет —
По рюмке вина,

По рюмке вина,
По чарке меду!
Ой авсень!

70

Не ясён сокóл во поле увивается,
Таусéнь, таусéнь, увивается.
Что Ваня на коне ти величается,
Таусень, таусень, величается.
Выходила же к нему сера утушка,
Таусень, таусень, сера утушка,
Сера утушка -- родна матушка,
Таусень, таусень, родна матушка.

«Уж ты дитятко-дитё, чадо милое мое!
Таусень, таусень, чадо милое мое.
Не служи-ка королю, ты не ездий-ка в орду,
Таусень, таусень, ты не ездий-ка в орду.
Не служи-ка королю, служи белому царю,
Таусень, таусень, служи белому царю.
Как у нашего царя три беды стряслось,
Таусень, таусень, три беды стряслось.
Три беды стряслось, три церкви сгорело,
Таусень, таусень, три церкви сгорело.
Три соборныих, богомольныих,
Таусень, таусень, богомольныих».
Не пора ли вам, хозявушки, за усенюшку платить,
Таусень, таусень, за усенюшку платить!
Либо каши горшок, либо блюдо кишок,
Таусень, таусень, либо блюдо кишок.
Либо ступу молока, либо блюдо киселя,
Таусень, таусень, либо блюдо киселя.
Либо сена клок, либо вилы в бок.
Таусень, таусень, либо вилы в бок!

71

Чанны ворота́,
Посконная борода,
Спеть ли вам таусе́ньку?

Благослови нас бог,
Завтра Новый год,
Всё святые вечера!
Таусень!

Собирался Иван
Ко заутрени;

Надевал кафтан
Во сто рублей;

Подпоясывал кушак
В тысячу;

Надевал шляпу —
Цены нету.

У Ивана-господина
Молодая жена.

Она часто лежит,
Всё прихварывает,

Ивана-господина
Всё обманывает.

«Поезжай в Москву,
Купи парчу!

Я за эту за парчу
Те сама заплачу:

Либо сына рожу,
Либо дочь хорошу».

Таусень!

Подавайте, не ломайте,
Не закусывайте!
Не дадите пирога —
Сведем корову за рога!

72

Не лес к лесу
Кланяется,
Таусень!

Не вершина
Завивается, —

Завивалися кудерюшки
У Васильюшки,

Завивала ему матушка,
Приговаривала:

«Ты женись, женись,
Васильюшка!

Как не женишься —
Мы на низ сойдем,

Мы на низ сойдем,
Мы коня сведем,

Коня сведем,
Коня сивого.

Продадим мы
Коня сивого,

Мы его, коня,
За сто рублей,

Мы за сто рублей,
Мы за тысячу,

Мы за тысячу,
Мы за мелкую.

Эти денежки
Все по деточкам,

Все по деточкам-
Подросточкам».

Добрый молодец
Васильюшка!

Ты нас будешь дарить —
Мы будем хвалить,

А не будешь дарить —
Мы будем корить.

Отворяй-ка
Собе́дучек,

Подавай-ка
Елда́ечек!
Таусень!

73

Ой баýсень!
Под яблонькой
Под кудрявой,

Под кудрявой
Течет ручей,

По тому ручью
Плывет селезень.

У батюшки
Есть сыночек,

Есть сыночек
Павел-государь.

Просился он,
Молился он:

«Пусти, батюшка,
Пусти, матушка!

На ручей погулять,
Селезня поглядеть».

— «Дитя ль мое,
Дитятко,

То не селезень —
Разлука твоя:

Разлучить тебя хотят
С отцом, с матерью,

С отцом, с матерью,
С родом, с племенем».
Ой баусень!

Подайте коровку,
Масляну головку!
Не обкусывайте,

Не обламывайте,
Не общипывайте!
Не давайте пирога,
А то корову уведем со двора.

74

Летела гаголка,
Таусень!
Красна головка,
Теряла перья.
Братцы миряне,
Собирайте перья!
«На что эти перья?»
— «Мост мостить».
«Кому по нем ездить?»
— «Василию Шандру».
«Чем ему вожжать?»
— «Гузенной кишкой».
«Чем погонять?»
— «Цуцким поросенком!»
Кто скоро дари́т,
Тот парня роди́т:
На коня посадит,
В чисто поле проводит.
Кто не скоро дарит,
Шелудиву девку родит;
Под овраг свалит,
Котяшьями завалит!
Таусень!

75

Мы ходили, мы гуляли
По святым вечерам,
А́всень, а́всень!
Мы искали, мы шукали
Белую березу.

Мы нашли эту березу
У Хлюстовых на дворе.

На этой березе
Сидела тетеря;

Сидела тетеря,
Перышки роняла.

Выходила, выступала
Настенька-лебедка,

Перышки сбирала,
В подушечку клала;

В подушечку клала,
В другу набивала.

«С кем мне спать?
С кем мне ночевать?

С кем мне спать?
Кого на ручку класть?

Кого мне на ручку класть?
Тимофея Никитича!»
Авсень, авсень!

Пышки, лепешки,
Поросячьи ножки
В печи сидят,
На нас глядят,
Поесть хотят!

76

Василий Звездин,
Таусень!
По морю ездил,
Уронил перстень.
«Красная девица, подай!»

— «Я бы рада подала, —
На перине сижу,
Тебе жемчуг нижу!»

Пышки, лепешки,
Свиные ножки!
А вы не скупитесь
И нам поделитесь!
Таусень!

77

Летел соколок,
Таусень!
Через бабушкин дворок.
Уронил сапожок,
Кричит: «Бабушка, подай!»
— «Недосуг подавать,
Я к обеденке спешу,
Над челом поньку сушу,
Кочергой хлéбы мешу,
Решетом воду ношу,
Косарем лапшу крошу».
Таусень!

78

Чанны ворот́а!
Посконна борода!
Кричать ли т́аусин?

Кишки да желудки,
Таусин!
В печи-то сидели,
На нас-то глядели,
Во кошель захотели.
Стояла тут сосна,
На сосне-то пава,

Пава-то упала,
Перья разроняла.
Кому эти перья брать?
Кому подбирать?
Хозяину дома — Онуфричу.
На что ему перья?
Шурьев-то дарити,
Шурья-то спесивы,
С коней не слезают,
Сапог не ломают.
Таусин!

Чанны ворота!
Посконна борода!
Честь была тебе предложена!
Теперь подавай кишки да ножки
В задние окошки,
В честь любимой сношки!

Если не подадут:

На следующий Новый год
Осиновый тебе гроб!

79

Таусень!
Ах ты, тетушка,
Разлебедушка,
Ты подай конька!
Если подашь конька,
Так родишь сынка.
Не подашь конька —
Родишь девицу,
Ни ткать, ни прясть
Не будет знать,
Шемелой играть,
Кочергой подцеплять,
Тебе ведры разбивать.
Таусень!

80

Овсень, овсень!
Кишки да лепешки,
Свиные ножки
В печи-то сидели,
На нас-то глядели.

Уж ты бабушка, подай,
Ты сударушка, подай!

Овсень, овсень,
Давай блин совсем!
Подавай, не ломай,
Будет сын Николай!
Отломи немножко,
Будет Ермошка!
Отломи горбушку,
Будет Андрюшка!
Не подашь куляду,
Я корову уведу!

81

Уж ты бабушка, подай!
Ты Варварушка, подай!
Таусень, таусень!

Ой коляда, коляда,
Посконная борода!

Открывай ворота́,
Выноси-ка пирога!

Кто подаст лепешки —
Золоты́ окошки.

Кто подаст каши —
Золотые чаши.

Кто даст свежины́ —
Золотые чугуны.
Таусень, таусень!

82

Овсень, коляда,
Суконная борода!
Кто не даст ножку —
Расколю окошку,
Кто не даст пирога —
Уведу корову за рога,
Кто не даст хлеба —
Уведу деда,
Кто не даст ветчины —
Расколю чугуны.
Овца яловая,
Свинья жареная,
Пятьдесят поросят,
Одни ножки висят,
Пятьсот гусят,
Одни лапки висят!

С праздником, с Новым годом, с новым счастьем!
На каждую пищу пудов по тыще!

83

Уж ты сивая свинья,
Таусень!
На дубу гнездо свила,
Поросяток вывела.
Поросяты полосаты
По сучкам пошли,
А один упал,

Ко мне в кузов попал,
Веретена перломал.
Веретена неточёны —
У них пятки золочёны.
Таусень!

84

Ой баýсень!
По завалинке
Бежит хóрек,
Тащит кишкý
В рядном мешкý,
Сидит на загнетке
В черной салфетке,
Ой баусень!

85

Ой баýсень!
Наш хозяин богатый,
Гребет денежки лопатой,
Сидит на скамейке,
Считает копейки,
Сидит на лавке,
Считает булавки.
Ой баусень!

86

Коляда, коляда!
В печи сидит,
На нас глядит!

Кто подаст,
У того золотой глаз!
Кто не подаст,
У того коровий глаз!

87

Тешен, потешен,
Хозяин-от повешен
За задний желоб,
За черный волос.
Волос-от сорвался,
Хозяин оборвался.
О камень зубами,
О тын головой,
О щепицу бородой.

88

Пришла коляда
Накануне Рождества,
Ко́ляда, ко́ляда!
Принесла коляда
Решето блинов,
Коляда, коляда!
Поставила на столе,
Сама села на столбе,
Коляда, коляда!
Кто блинок возьмет,
Тому кулак попадет,
Коляда, коляда!

89

Коляда, коляда!
Приходила коляда
Накануне Рождества.
На печном окошке
Блин да лепешка,
Кокурка с дырой,
Пирожок с крупой.
Подавай, не будь скупой!

90

Коляда шла по дорожке,
Коляда нашла топоришко,
Коляда срубила дубишко,
Коляда дров нарубила,
Коляда баню истопила,
Коляда каши наварила,
Коляда детей накормила
И спать положила,
Одеждой накрыла.
Дети встали,
По копейке ей дали!

91

Засей, боже!
Зароди, боже!
Жито, пшеницу,
Всякую пашницу!
В поле колосисто,
В доме пирожисто!
Васильева мать
На престоле стояла,
Золотой крест держала.
Сходитеся, люди!
Молитеся богу!
Богу свечку,
Нам копеечку!
Сею, вею, посеваю,
С Новым годом поздравляю!
Здравствуйте, хозяин с хозяюшкой,
Захарушка с Варварушкой!

92

Сею, сею, подсеваю,
С Новым годом поздравляю!
Со скотом, с животом,

С малым детушкам,
С малолетушкам!
Сколь на кусточке веточек,
Столь бы у вас было детушек!
С Новым годом, хозяин с хозяюшкой!

93

Сето, сето на новое лето!
Куда конь хвостом,
Туда жито кустом.
Куда коза ро́гом,
Туда сено сто́гом.
Сколько дубочков,
Столько сыночков.
Сколько оси́ночек,
Столько свиночек.
Сколько свечек,
Столько овечек.

Здравствуйте, хозяин с хозяйкою!
Дайте сала кусок,
Чтоб кабан был высок,
Со стол вышины
И с грубку толщины!

94

Ходит И́лья
На Василья,
Носит пугу
Дротяную,
А другую
Жестяную.
Сюда махне,
Туда махне —
Жито расте.
Божия мати
Жито жала:

«Роди, боже,
Жито, пшеницу
И всяку пашницу!»

Поздравляем вас
С праздником,
С Новым годом,
И с Васильем.

95

Го-го-го, коза,
Го-го, серая,
Го-го, белая.
Не ходи, коза,
Под Михайловку;
Там стрельцы-бойцы
Козочку сколют,
Ножичком спорют,
Да скрозь полотенце,
Да й в сырое сердце.
Ох, наша коза упала,
Дайте ж кусок сала,
Чтоб наша коза встала,
Весело поскакала!

96

Попрыгала козка
По брусочку, по брусочку.
Таусень, таусень!

«Чего козка ищет?»
— «Брусочек».

«На что те брусочек?»
— «Косу точити».

«На что тебе косу?»
— «Сено косити».

«На что тебе сено?»
— «Корову кормити».

«Зачем те корову?»
— «Масло копити».

«Зачем тебе масло?»
— «Сына женити».

«Которого сына?»
— «Сына Константина».
Таусень, таусень!

97

Ходил козел на базар,
Колёда!
Купил козел косу.
«На что ему косу?»
— «Мураву-траву косить».
«На что траву косить?»
— «Добра коня выкормить».
«На что добра коня кормить?»
— «Дубовый лес возить».
«На что дубовый лес возить?»
— «Мосты мостить».
«На что мосты мостить?»
— «Христу ходить!»
Колёда!

98

«Таусень дуда,
Ты где была?»
— «Коней пасла».
«Что выпасла?»

— «Коня в седле,
В золотой узде».
«А где кони?»
— «За воротами стоят».
«Где ворота?»
— «Водой снесло».
«Где вода?»
— «Быки выпили».
«Где быки?»
— «За горы ушли».
«А где гора?»
— «Черви выточили».
«А где черви?»
— «Гуси выклевали».
«А где гуси?»
— «В тростник ушли».
«А где тростник?»
— «Девки выломали».
«А где девки?»
— «Замуж ушли».
«А где мужья?»
— «На полатях сидят,
Одни лапотки плетут,
Другие шапочки пушат,
Перепушивают.
Одна шапочка пропала,
Знать, татарочка украла».

В переднее окошко
Блин да лепешку,
А в заднее окошко —
Поросячью ножку!

99

Мороз, Мороз Васильич!
Ходи кутьи есть!
Це́пом голову́ проломлю,
Метлой очи высеку!

Мороз, Мороз Васильич!
Ходи кутьи есть!
А летом не бывай:
Це́пом голову́ проломлю,
Метлой очи высеку!

100

К нам наехали святые вечера
На конях, на соболях,
На лисицах, горностаях!
Уж вы кумушки, подруженьки мои,
Вы придите, посидите у меня,
Пособите думу думати,
Пособите мне отгадывати,
Отгадаете — не сказывайте.

101

Ой, да что со вечера Васильевского,
Со полуночи рождественского,
А сидели красны де́вицы,
Они пололи злачены́ перстни.
А кому выпадет злаче́н перстень —
А то и ты, девка, за тем женихом,
А свет Галина Ивановна
За Геннадием Лаврентьевичём.

102

Хоронили мы золото
Во святы во вечера,
Во святые, во рождественские!
Право, золото упало
В мак да во мак,

Да во маков цвет.
Белым порохом запало,
Белым сне́жком занесло,
Призаку́ржевело!
Вы, подружки, не утайте,
Мое золото отдайте!

103

Через сад, через сад,
Через зелен виноград
Гуси-лебеди летели,
Чисто золото ронили.
Девки золото то брали,
Девка всяка говорила:
«У меня, у меня,
Либо подле меня,
У моей сестры,
У голубушки,
На правой ли ручке,
На мизинчике!»

104

Уж я золото хороню да хороню,
Чисто се́ребро хороню, хороню,
Я й у батюшки в терему́, в терему,
Я й у матушки в высоко́м, в высоком!
Мое золото пропало!
Чисто серебро пропало!
Пал, пал персте́нь
В калину́, в мали́ну,
В черную смородину.
Очутился персте́нь
Да у дворянина,
Да у молодого,
На право́й на ручке,
На малом мизинце.

Девушки гадали,
Да не отгадали.
Уж вы кумушки,
Да вы голубушки,
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте!
Меня мати хочет бить
По три у́тра, по три пру́та,
По три прута золотые,
Во четвертой жимолостной!
Гадай, гадай, девица,
В коей ручке би́льице,
Змея́ное крыльице.
Уж я рада бы гадать
Да й отгадывати,
Через поле едучи,
Да русу косу плёточи,
Шелком прививаючи,
Златом присыпаючи.
Я вичу, вичу, вичу,
Да за поповича хочу,
Да которого попа
Да за Романовича.
У Романа у попа
Много хлеба, много соли,
Много кислых штей,
Решето сухарей,
Поваренка вшей,
Рукавица блох.
Да помилуй бог!

105

И я золото хороню,
Чи́сто се́ребро хороню
Я у бабушки в терему,
Я у матушки в высоко́м.
Пал, пал перстень
В ка́лину, в ма́лину,
В черную смородину.

Гадай, гадай, де́вица,
В чужой руке бы́лица!
Еще девицы гадали,
Еще красные гадали,
Да не отгадали.
Очутился перстень
Да у дворянина,
Да у молодого,
На правой на ручке,
На левом мизинце.
Через поле и́дучи,
Русу косу плетучи,
Шелком приплетаючи,
Златом увиваючи.
Куда утка шла,
Туда пыль прошла;
Куда я молода,
Туда рожь густа:
Овиниста, промолотиста,
Еще из зерна коврига,
Из полузерна пирог,
В голенище широк,
В топорище высок.

106

Я из кута иду,
Золото́ похора́ниваю.
А ищите, бояры,
А и где золото,
А и где се́ребро!
А у красной де́вицы
На правой ру́чице,
Да на мизинцу.

Гадай, гадай, красная девка!
Тебе, девка, не отгадати,
А мне, девке, не сказати.
А в городе за ключами,
За ясными за свечами.

А ударьте у ладони,
Чтоб шаты шумели,
Чтоб и перстни звенели!

Гадай, гадай, девица,
Гадай, гадай, красная!
Чия рука бы́лица,
Змеиные крылица,
Через поле ле́тучи,
Русы косы пле́тучи,
Шелком уплета́ючи,
Златом выливаючи.

107

Гадай, гадай, девица,
В коей руке бы́лица,
Былица достанется,
Жизнь пойдет, покатится,
Попригожей срядится,
Молодцу достанешься,
Выживешь, состаришься.
Через поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелком приплетаючи,
Златом первиваючи.
Гадай, гадай, девица,
В коей руке былица,
Былица достанется,
Не ладная выскользнет,
Негаданно выплывет,
Жизнь пойдет, покатится,
Не по жемчугу-золоту.
Через поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелком приплетаючи,
Златом первиваючи.
Гадай, гадай, девица,
В коей руке былица,
Былица на золоте,

На жемчуге, серебре. . .
С молодцем повяжешься,
Поживешь, изведаешь,
С горя не наплачешься.
    Через поле идучи,
    Русу косу плетучи,
    Шелком приплетаючи,
    Златом первиваючи.

ПЕСНИ ХЛЕБУ И СОЛИ

108

Еще ны́нее у нас
Страшны́е вечера
Да Васильевские.
Йлею, и́лею!

Мы не песню поем,
Хлебу честь отдаем.
Илею, илею!

Кому эта песенка
Достанется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Илею, илею!

Тому жить бы богато,
Ходить хорошо!
Илею, илею!

109

Хлебу да соли
Долог век,
Слава!
Барышне нашей
Боле того,

Кому мы спели,
Тому добро,

Кому вынется,
Скоро сбудется,

Скоро сбудется,
Не минуется.
Слава!

110

Жировку хороню
Ко святому вечеру,
Ко Васильевскому!
Жировка маленька,
Окошки велики,
Косящатые,
Верещащатые.
Блоха не проскочит —
Коза проскочила,
Рога завязила,
Хвост прищемила.

Кому поем,
Тому добро,
Кому сбудется —
Не минуется.

ПЕСНИ, ПРЕДВЕЩАЮЩИЕ БОГАТСТВО И СЧАСТЬЕ

111

Нивки ре́деньки,
Снопы ча́стеньки.
Свят вечёр!
Кому выдастся,
Да тому добро.
Свят вечёр!

112

Полоска узенька,
Крестиков многонько.

Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется.

113

О, чия это нивушка
Узёшенька?
На ей снопики усё
Частёшеньки!

Кому эта песня
Достанется,
Тому й добро,
Тому й бо́лози.

114

Летел соловей
Через житенку,
Несет соловей
Жита горсточку.
Ла́до ладу́!
Кому мы поем,
Тому честь воздаем.

115

Катилося зернышко
По току́,
Слава, ладо мое!

Прикатилося
К вороху.

Кому вынется,
Тому сбудется,

Хорошему
Не минуется.
Слава, ладо мое!

116

Катилось, валилось
Одонье ржи,
Погодя маленько —
Скирд овса.

Кому мы спели,
Тому добро.
Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

117

Катится, валится
Оржанки скирд.
Диво!
Кому эта песенка
Достанется,
Тому вынется,
Скоро сбудется.
Диво!

118

Жемчужина окатная!
Слава!
До чего тебе докатиться?
Пора тебе выкатиться

Князьям и боярам
На шапочку.
Да кому мы спели,
Тому добро!
Кому вынется,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

119

Как Николушка-то
По полю ездит,
Суслончики
Пересчитывает
Оржаные,
Пшеничные!
Свят ве́чер!
Кому сбудется,
Да не минуется.

120

Илья ходит пророк
По полю,
Считает суслончики
Частеньки, —
Во первом-то поле
Сто суслон,
В другом-то поле
Тысяча,
Во третьем-то поле
Сметы нет;
А смета его
У царя в Москве,
У царя в Москве,
В золотой казне.

Кому поем,
Тому выпоем,
Кому мечем,
Тому вымечем,
Кому жить богато,
Ходить хорошо!

121

Сус Христос
Конопелькой оброс.
Ладу, ладу!
Кому выйдется,
Правда сбудется,
Тому добро!

122

Исус Христос
У ворот стоит
С скотинкою,
С животинкою.
Ой, боже,
Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется!

123

У бога за дверью
Комар пищит.
Ла́до ладу́!
Кому мы поем,
Тому честь воздаем.

124

На гу́нюшке
Иляля, иляля!
Три ворошка́:
Во первом-то ворошке
Пирожки пекут,
А в другом-то ворошке
Пиво варят,
В третьем-то ворошке
Вино сурят.
Кому вынется,
Тому сбудется.
Иляля, иляля!

125

Сидит старик
За ступкою,
Считает деньги
На три грудочки:
Во первой-то грудочке
Сто рублей,
Во другой-то
Тысяча,
В третьей-то
Сметы нет,
Сметы нет,
Да не сосметовати:
Смета его
У царя в Москве,
У царя в Москве,
В золотой казне.

Кому поем,
Тому выпоем,
Кому мечем,
Тому вымечем,
Кому жить богато,
Ходить хорошо!

126

Ох ты клеточка,
Богатырочка!
За житьем, за бытьем
Не отчиняешься.

Кому эта песня
Достанется,
Тому й добро,
Тому й бо́лози.

127

Мышь пищит,
Коровай тащит,
Еще попищу,
Еще потащу.

Слава девы, слава!
Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

128

Мышь бежит
По завалинке,
Слава!
Тащит ка́зну
На мочалинке.

Кабы та мочалинка
Да покрепче была,

Не порвалася,
Я б казну донесла.

Кому мы спели,
Тому и добро.

Скоро сбудется,
Не минуется.
Слава!

129

Ползет ежик
По завалинке,
Тащит ка́зну
На мочалинке.
Дивоули́ ляду!
Кому спели,
То̀му добро!

130

Ой, ходил жучок
По завалинке,
Ляв, ляв, ляв, ляв.

Выносил добро
На мочалинке.
Ляв, ляв, ляв, ляв.

Кому песня,
Тому и добро,
Ляв, ляв, ляв, ляв.

Тому сбудется,
Нѐ минуется.
Ляв, ляв, ляв, ляв.

131

Бежит мышка
По завалинке,
Несет пирожок
Государыньке.

Кому поем,
Тому добро.
Правда сбудется,
Не минуется,
Млада!

132

Бегала мышка
По закромцам,
И собирала мышка
По зернышкам.

Слава девы, слава!
Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

133

Комар пищит,
Коровай тащи́т,
Комариха верещит,
Гнездо веников тащит.

Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

134

На печи дежа́
Высока взошла.

Кому же мы спели,
Тому добро.
Кому вынется,
Тому сбудется.

135

Де́жечка кваше́нечка ма́ленька,
Утварю малёшеньку —
Взойдет полнёшенька.
Ладу, ладу!
Кому выйдется,
Правда сбудется,
Тому добро!

136

Растворю я квашенку
На донышке,
Слава!

Я покрою квашенку
Черным соболем,

Опояшу квашенку
Красным золотом,

Я поставлю квашенку
На столбичке.

Ты взойди, моя квашенка,
С краями ровна,

С краями ровна
И совсем полна!

Да кому мы спели,
Тому добро!

Кому вынется,
Тому сбудется,

Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

137

Узошла моя квашня
Полным-полна.
Слава!
Узнеси ее господь
Выше того!
Слава!
Кому мы спели,
Тому добро.
Слава!
Кому вынется,
Тому сбудется.
Слава!

138

Еще ходит Никола
По погребу,
Слава!

Еще ищет Никола
Неполного,

Что неполного,
Непокрытого,

Еще хочет Никола
Дополнити.

Да кому мы спели,
Тому добро,

Кому вынется,
Скоро сбудется,

Скоро сбудется,
Не минуется.
Слава!

139

Ходил Иван
По погребу,
Слава!

Ходил Иван
По боярскому,

Искал Иван
Дополнити

Неполное,
Непокрытое,

Хочет Иван
Дополнити

Зелено вино
Со медом.

Да кому мы спели,
Тому добро,

Кому вынется,
Тому сбудется.

Скоро сбудется,
Не минуется.
Слава!

140

Идет корова
На сурепицу
Набивать пузо
Мякиницей.

Кому поем,
Тому добро,
Правда сбудется,
Не минуется,
Млада!

141

Ходила корова
По ре́пищу.
Натыкала брюхо
По те́лище.

Кому поем,
Тому добром!
Кому выйдется,
Тому лучше всего!

142

Идет белянушка
С приполонью,
Со теленочком.
Илия!
Кому вынется,
Тому сбудется.
Илия!

143

Пошла наша коровушка
В лес по дрова.
Думали, коровушка
Дров принесет.
Пришла наша коровушка
С приполоном,
Со теленочком.
Илею, илею!

Кому песню поем,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Илею, илею!

144

Рылся кочеток
На завалинке,
Вырыл кочеток
Жемчужинку.

Кому спели,
Тому добро!

145

Курочка ряба
Из-под ворот
Навоз гребла.
Вырыла курочка
Золот перстень.

Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется,
Слава!

146

На загнеточке сижу,
Кулабашечки жду,
    Слава, ладо мое!

И еще посижу,
И еще подожду,
    Слава, ладо мое!

Кому вынется,
Тому сбудется,
    Слава, ладо мое!

Хорошему
Не минуется,
    Слава, ладо мое!

147

На поли́це сижу,
Конопи́цы грызу.
        Слава!

Еще посижу,
Еще погрызу.
        Слава!

Кому вынется,
Скоро сбудется.
        Слава!

Скоро сбудется,
Не минуется.
        Слава!

148

Бегла кобыла
Из Новагорода.
Свят вечёр!

Грива золотая,
Хвост серебряный.
Свят вечёр!

Кому поем,
Да тому добро!
Свят вечёр!

Кому выйдется,
Тому сбудется!
Свят вечёр!

149

Плывет медведь
По речушке,
Слава, ладо мое!

Он плывет, плывет,
Попыхивает.

Растянул он хвост
На двенадцать верст.

Кому вынется,
Тому сбудется,

Хорошему
Не минуется,
Слава, ладо мое!

150

Сижу на скамейке,
Считаю копейки.
Ляв, ляв, ляв, ляв.

Кому песня,
Тому добро.
Ляв, ляв, ляв, ляв.

Тому сбудется,
Не минуется.
Ляв, ляв, ляв, ляв.

151

Гость на двор!
Иляля, иляля!
Сто рублей на стол.
Иляля, иляля!
Кому выльется,
Иляля, иляля!
Тому сбудется!
Иляля, иляля!

152

На корыте сижу,
Я корысти жду.
Слава!

Я еще посижу,
Я еще погляжу.
Слава!

Как я глядь-поглядь —
Корысть на двор.
Слава!

Корысть на дворе,
Сто рублей на столе.
Слава!

Да кому мы спели,
Тому добро,
Кому вынется,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.

153

Я на стуле сижу,
Из Тулы я жду.
Авось милый приедет,
Калач привезет.
Диво!
Кому эта песенка
Достанется,
Тому вынется,
Скоро сбудется.

154

Сказали, Ивашка
Что в поле завяз.
Слава!

Ижно Ивашка
С возом на двор,

С возом на двор,
Да и с прибылью.

Кому мы спели,
Тому и добро.

Скоро сбудется,
Не минуется.
Слава!

155

Как ваш Иваш
В снегу завяз,
А наш Иваш
С возо́м на дворе.
Диво улй ляду!
Кому спели,
Тому добро!

156

С печки слез,
Слава те!
Весь облез.
Слава те!
К двери подошел,
Слава те!
Трое желудей нашел.
Слава те!

Кому кольцо вынется,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.

157

Как выскочила
Из-под печки чума,
Слава!

Как умылась чума,
Стала бела,
Слава!
Стала бела,
С господами равна.
Слава!

158

Во поле березонька
Не старится,
Всё кужлявится.
Илия!

Что кому эта песенка
Достанется,
Илия!

Тому сбудется,
Не минуется.
Илия!

Тому жить-быть богато,
Ходить хорошо,
Илия!

Ходить хорошо,
Не жалеть ничего,
Илия!

159

Плывет чашечка
Из за́моря.
Куда приплывет,
Тут и расцветет.

Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

160

Чарочка-
Поплывушечка,
Слава!

До чего тебе
Доплывати?

Князьям да боярам
Вино подносить.

Кому мы спели,
Тому добро,

Кому вынется,
Тому сбудется,

Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

161

Шубочка-
Кожевурочка
Под подлавицем
Валяется,
На кут-терем
Узбирается.

Кому поем,
Тому добро.
Правда сбудется,
Не минуется,
Млада!

162

Рассыпался жемчуг,
Иляля, илялю!
По подволоке.
Иляля, илялю!
Кому эта песня
Достанется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Иляля, илялю!

163

Ящички-
Барабашечки,
Иляля, иляля!

Посереде
Катаются,
Иляля, иляля!

Серебром
Насыпаются.
Иляля, иляля!

Кому вынется,
Тому сбудется.
Иляля, иляля!

164

Маленький торчóк,
Большой ворошóк.

Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

165

На стенке сучок,
Слава те!
Мой старичок,
Слава те!
Завалюсь за него,
Слава те!
Не боюсь никого.
Слава те!

Кому кольцо вынется,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.

166

Сын с отцом
Сеял рожь с овсом.
Ди́ва лело́, ладо́ мое!
Кому вынется,
Скоро сбудется,
Не минуется!

167

На горке Егорка
Крупу продает.
Хоть мерка мала,
Да крупа хороша.
Слава!
Кому вынется,
Скоро сбудется,
Скоро сбудется,
Не минуется.
Слава!

168

Сидит девка в клетке,
Коса на поветке.
Ладу, ладу!
Кому выйдется,
Правда сбудется,
Тому добро!

169

Ой, идет кузнец
Да всё из кузницы.
Ой, свят ве́чер!

Да на нем шубонька
Худым-худа.

У ней лева-то пола
В пятьсот рублей,

Еще права-то пола
Да в шестьсот рублей.

Кому сбудется,
Да не минуется.
Ой, свят вечер!

170

Ходит старушка
Посереди,
У нее на сарафане
Сто заплат,
За каждой заплатой
Сто рублей,
За последней заплатой
Сметы нет.
Илею, илею!

Кому песнь поем,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Илею, илею!

171

Идет мужичошечко,
Иляля, иляля!
Из кузницы.
На нем тяжельчёшечко
Худенько,
Сто заплат.
За каждой заплаткой
По сто рублей.
Кому эта песенка
Достанется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Жить будет богато,
Ходить хорошо,
Под иконами сидеть,
Поперек толстеть!
Иляля, иляля!

172

Шел кузнец из кузни́цы,
Свят вечёр, свят вечёр!
На нем шуба худехонька
И коротехонька,
Одна пола — во сто рублей,
Другая — во тысячу,
Хребту и воротнику
Цены нет.
Кому мы поем,

Тому добро будет,
Тому сбудется
И не минуется.
Свят вечёр, свят вечёр!

173

В сутках сидеть,
Поперек толстеть,
Жить-быть богато,
Ходить хорошо.

Что кому же эта песенка
Выльется,
Кому выльется,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.

Кому поем,
Тому вы́поем,
Кому мечём,
Тому вы́мечем,
Тому жить богато,
Ходить хорошо!

ПЕСНИ, ПРЕДВЕЩАЮЩИЕ СВАДЬБУ

174

Вился клен с березою —
Не развился.
Ладу, ладу!
Кому выйдется,
Правда сбудется,
Тому добро!

175

Серая капустка —
Зеленый кочанок.
Они со́йдутся,
Не разо́йдутся.
Диво ули́ ляду!
Кому спели,
Тому добро!

176

Два клубочка ко́тются,
Уместе стро́стются.
Слава!
Кому вынется,
Верно сбудется,
Не минуется.
Слава!

177

Клубок си́ни,
Клубок бе́ли:
Они ко́тются,
Не раскотются,
И тро́стются,
Не растростются.

Кому поем,
Тому добро.
Правда сбудется,
Не минуется.
Млада!

178

Клубочек синенький,
Клубочек красненький.
Ляв, ляв, ляв, ляв.

Вместе скатилися,
Не раскотются.
Ляв, ляв, ляв, ляв.

Кому песня,
Тому и добро.
Ляв, ляв, ляв, ляв.

Тому сбудется,
Не минуется.
Ляв, ляв, ляв, ляв.

179

Катился клубок
Из улицы.
Слава!

Другой клубок
Из другия.

Сокатилися,
Сотростилися.

Кому мы спели,
Тому добро.

Скоро сбудется,
Не минуется.
Слава!

180

За рекою хомут,
За другой дуга:
Быть той дуге
На том хомуте.
Млада!
Кому поем,
Тому добро!
Правда сбудется,
Не минуется.
Млада!

181

Перекину дугу
Да на ту сторону.
Свят вечёр!

Да кому поем,
Да тому добро!
Свят вечёр!

Кому достанется,
Не минуется!
Свят вечёр!

182

Бежит куна
Вокруг гумна.
Слава!

Ищет куна
Черна соболя.
Слава!

Кому мы спели,
Тому и добро.
Слава!

Скоро сбудется,
Не минуется.
Слава!

183

Бежит бобер
За куницею,
Слава!

Бежит-бежит
Да всё к себе манит,

Еще побежит —
Совсем утащит!

Да кому мы спели,
Тому добро.

Кому вынется,
Тому сбудется,

Скоро сбудется,
Не минуется.
Слава!

184

Курочка ряба
По проулочку брела,
Кочет слеп
За ней вслед!
Диво улѝ ляду!
Кому спели,
Тому добро!

185

Идет курочка
По проулочку.
Налетел сокóл,
Растрепал хóхóл.
Слава!
Кому вынется,
Тому правда сбудется,
Сбудется —
Не минуется.

186

А святой вечер
Да й Василийка!
Мы кому споем,
Да й тому добро,
Ой люли-люли,
Да ї тому добро!
Чия шапочка,
Того й песенка!

А святой вечер
Да й Василийка!
Мы кому споем,
Да й тому добро,
Ой люли-люли,
Да й тому добро!
А чей пéрстничек,
Тому й песенка!

А сидит сова
Перед сопýхой,
Прилетел сокóл,
Он сорвал хохóл!

А святой вечер
Да й Василийка!

Мы кому споем,
Да й тому добро,
Ой люли-люли,
Да й тому добро!
Чия шапочка,
Того й песенка!

А святой вечер
Да й Василийка!
Мы кому споем,
Да й тому добро,
Ой люли-люли,
Да й тому добро!
А чей перстничек,
Тому й песенка!

187

Сидит волчище
Да на пунчище,
Слава! Ой ладо мое!
Откинул хвост
На двенадцать верст,
Слава! Ой ладо мое!
Кому вынется,
Правда сбудется,
Слава! Ой ладо мое!
Правда сбудется,
Не минуется,
Слава! Ой ладо мое!

188

Да бежит волк
Косматый же,
Откинул хвост
На двенадцать верст,

Не стреться б
Иде с волком!

Кому поем,
Тому добро.
Правда сбудется,
Не минуется,
Млада!

189

Ходит петух
По палице,
Распустил
Косицы.

Кому вынется,
Тому правда сбудется,
Сбудется,
Не минуется.

190

Уж ты курочка-
Загребушечка!
Загребай сорок
Ты на свой дворок!

Кому эта песня
Достанется,
Тому й добро,
Тому й болози.

191

«Заинька-повиляинька!
Ты виляй, виляй —
Не отвиляешься».

— «Вилял, вилял —
В тенета́ попал».

Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

192

Медведь пыхтун,
Слава!
По реке плывет.
Слава!
Кому пыхнет во двор,
Слава!
Тому зять в терем.
Слава!

Да кому мы спели,
Тому добро.
Слава!
Кому вынется,
Тому сбудется.
Слава!
Скоро сбудется,
Не минуется.
Слава!

193

Плыла щука
Из Новагорода,
Слава!

Она хвост волокла
Из Бела-озера.

Как на щуке чешуйка
Серебряная,

Что серебряная,
Позолоченная;

Головка у щучки
Унизанная,

Унизанная,
Принаряженная.

Да кому мы спели,
Тому добро,

Кому вынется,
Тому сбудется,

Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

194

Идет щучка
Из Бела-озера,
Слава!

Воз везла
Из Новагорода,

На щучке фуфаечка
Серебряна-позолочена,

Как два глаза,
Как два яхонта.

Кому песню поем,
Тому добро,

Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

195

Летит сокол
Из улицы,
Слава!
Голубушка
Из другой,

Слеталися,
Целовалися,

Сизыми крыльями
Обнималися.

Кому мы спели,
Тому добро,

Кому вынется,
Тому сбудется,

Тому сбудется
Не минуется.
Слава!

196

Сидят голубочки
На прорубочке,
Моются, умываются,
Полотенцем утираются.
Ладу, ладу!
Кому выйдется,
Правда сбудется,
Тому добро.

197

На пролубочке
Две голубочки,
Ой ладу!
Вьются, вьются,
Поцелуются.

Да кому мы поем,
Да тому добро,

Кому вынется,
Правда сбудется,

Правда сбудется,
Не минуется.
Ой ладу!

198

На дубчике
Два голубчика
Целуются,
Милуются.
То диво, то слава!
Кому выльется,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.

199

А святой вечер
Да й Василийка!
Мы кому споем,
Да й тому добро,
Ой люли-люли,
Да й тому добро!
Чия шапочка,
Того й песенка!

А святой вечер
Да й Василийка!
Мы кому споем,
Да й тому добро,

Ой люли-люли,
Да й тому добро!
А чей перстничек,
Тому й песенка!

Ходит котик
По лавочке,
Водит кошку
За лапочки.

А святой вечер
Да й Василийка!
Мы кому споем,
Да й тому добро,
Ой люли-люли,
Да й тому добро!
Чия шапочка,
Того й песенка!

А святой вечер
Да й Василийка!
Мы кому споем,
Да й тому добро,
Ой люли-люли,
Да й тому добро!
А чей перстничек,
Тому й песенка!

200

Кот кошурку
Звал спать у печурку:
«У печурке спать
Тепло, хорошо».
Диво улй ляду!
Кому спели,
Тому добро!

201

Кличет кисурка,
Иляля, иляля!
В конурку спать.
Хвост постелю,
Лапой одежу.
Кому вынется,
Тому сбудется.
Иляля, иляля!

202

Ох, зовет кот кошку
В печурочку:
«Тут тепленько,
Тут и мяконько».

Кому эта песня
Достанется,
Тому й добро,
Тому й бо́лози.

203

Уж как кличет кот кошурку
В печурку спать:
«Ты поди, моя кошурка,
В печурку спать!
У меня у кота
Есть скляница вина,
Есть скляница вина
И конец пирога.
У меня у кота
И постелька мягка,
Что мягка, хороша
И теплехонька!»

Да кому мы спели,
Тому добро!

Кому вынется,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.

204

Сидит кошечка
В лукошечке,
Она ширинючки шьет,
За кота замуж идет.

Кому поем,
Тому добро!

205

Ах ты гнутое деревцо,
Черемушка,
Слава!
Куда клонишься,
Туда склонишься.

Кому мы спели,
Тому добро,

Кому вынется,
Тому сбудется,

Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

206

Сидит воробушек
На камушку,
Слава, ладо мое!
Повесивши
Головушку,

Глядит на чужу
Сторонушку.

Кому вынется,
Тому сбудется,

Хорошему
Не минуется.
Слава, ладо мое!

207

Сидит воробей
На перегороде,
Как глядит воробей
На чужу сторону.
Куда погляжу,
Туда полечу!

Кому же спели,
Тому же добро,
Кому вынется,
Скоро сбудется,
Скоро сбудется,
Не минуется.

208

Ласточка,
Касаточка!
Слава!
Не вей гнезда
Во высоком терему,

Ведь не жить тебе здесь
И не лётывати.

Да кому мы спели,
Тому добро!

Кому вынется,
Тому сбудется,

Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

209

Пташечка,
Да касаточка!
Свят вечёр!

Не вей гнезда
Против горницы:

Тебе ле́та здесь
Не ле́товать,

Тебе зи́му здесь
Не зи́мовать;

Тебе быть, пташечка,
На чужой стороне.

Кому поем
Да тому добро!

Кому выйдется,
Тому сбудется.
Свят вечёр!

210

Сидит сироточка
На загнеточке,
Она сидит
Да й в печку глядит.

Кому поем,
Тому добро.
Правда сбудется,
Не минуется,
Млада!

211

Сидит сирота
На загнеточке,
Слава, ой ладо мое!
Ждет сирота
Кулабушечку,
Слава, ой ладо мое!
Кому вынется,
Правда сбудется,
Слава, ой ладо мое!
Правда сбудется,
Не минуется.
Слава, ой ладо мое!

212

Чашечка-
Поплывушечка,
Куда приплывет,
Тут и век проживет.
Илею, илею!

Кому песню поем,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Илею, илею!

213

Саночки-
Самокаточки,
Куда катитесь?
Вы укатитесь —
Назад не воротитесь.

Кому же мы спели,
Тому добро.
Кому вынется,
Тому сбудется.

214

Саночки-
Самокаточки,
Они в лес глядят,
Покатиться хотят,
Слава!

Кому вынется,
Верно сбудется,
Не минуется,
Слава!

215

Брошу я висёлочку
Под горочку,
За ней собачки
Вереничкою.
Слава!
Кому вынется,
Верно сбудется,
Не минуется.
Слава!

216

Твори, мати, квашонку,
Пеки пироги,
Ой, свет, к тебе, мати, гости,
Ко мне женихи.
Свят ве́чер!
Когда сбудется,
Тогда на́йдется,
Когда сбудется,
Да не минуется.
Свят вечер!

217

Бей, мати, опару,
Пеки пироги.
К тебе будут гости,
Ко мне женихи,
К тебе будут в лаптях,
Ко мне в сапогах.

Кому же мы спели,
Тому добро.
Кому вынется,
Тому сбудется.

218

Ты мати, мати,
Порода моя!
Слава!

И ты взгляни, мати,
В окошечко,

И выкини, мати,
Опу́тинку,

Чтоб было чем опу́тать
Ясна сокола,

Что ясна сокола,
То моего жениха.

Да кому мы спели,
Тому добро!

Кому вынется,
Тому сбудется,

Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

219

На корыте сижу,
Корысти жду,
Молю-помолю
Корысть на двор,
Женихов за стол.

Кому мы поем,
Тому добро будет,
Тому сбудется
И не минуется.

220

Корысть на двор —
Женихи за стол.
Слава!
Едут мужики
Из Питера,

Куницами-лисицами
Обтыкалися,

Черным соболем
Опоясалися —

Пиво варить,
Свадьбу заводить.
Слава!

221

Узды гремят —
Жениться хотят,
Слава! Ой ладо мое!

Еще погремят —
Еще захотят,
Слава! Ой ладо мое!

Кому вынется,
Тому сбудется,
Слава! Ой ладо мое!

Правда сбудется,
Не минуется,
Слава! Ой ладо мое!

222

Есть на небе
Да две радуги,
Как у нашего хозяина
Да две радости:
Еще первая радость —
Сына женил,
А другая-то радость —
Дочь замуж отдал.
Еще за сыном
Корабли бегут,

А за дочерью
Сундуки везут.

А кому мы спели,
Тому добро!
Кому вынется,
Скоро сбудется!
Скоро сбудется,
Не минуется.

223

Расцветали на небе
Две радуги,
Слава!
У красной девицы
Две радости:

С милым другом совет,
И растворен подклет.

Пойду, млада,
К вереюшке,

Брякну, млада,
Во колечушко,

Как колечко скажется,
Так суженый откликнется.

Чему быть,
Тому не миновать.
Слава!

224

Из кути по лавке
Всё женишки.
Который в синенькой кошульке,
Тот и мой женишок.
Илею, илею!

Кому песню поем,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Илею, илею!

225

Идет дьякон
По паперти,
Несет дьякон
Книгу в пазухе,
Тебя, млада,
Венчать хочет.

Кому же мы спели,
Тому добро,
Кому вынется,
Тому сбудется.

226

Куют кузнецы
Золотые венцы.
Диво улӣ ляду!
Кому спели,
Тому добро!

227

Кузнец ты кузнец,
Скуй мне венец
Серебряный!
Ла́до ладу́,
Кому мы поем,
Тому честь воздаем.

228

Молодой кузнец,
Скуй мне венец —
Ехать под венец.
Млада!

На этом венце
Я обвенчаюся,
Й-а на этом кольце
Я обручаюся.
Млада!

Кому поем,
Тому добро.
Правда сбудется,
Не минуется.
Млада!

229

Идет кузнец из кузницы.
«Ты кузнец, ты кузнец!
И ты скуй мне венец!
Из остаточков мне
Золот перстень,
Из обрезочков мне
Булавочек.
Уж и тем-то мне венцом
Венчатися,
Уж и тем мне кольцом
Обручатися,
Уж и теми булавкам
Притыка́тися».

Уж кому же мы спели,
Тому добро.
Кому вынется,
Скоро сбудется,
Не минуется.

230

Идет кузнец
Из кузницы,
Слава!
Несет кузнец
Три молота.

«Кузнец, кузнец!
Ты скуй мне венец!

Ты скуй мне венец
И золот и нов,

Из остаточков
Золот перстень,

Из обрезочков
Булавочку.

Мне в том венце
Венчатися,

Мне тем перстнем
Обручатися,

Мне тою булавкою
Убрус притыкать».

Да кому мы спели,
Тому добро!

Кому вынется,
Тому сбудется,

Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

231

Курка рябá
Навоз гребла,
Она выгребла
Золот перстень,
Этим перстнем
Обручатися,
С милым другом
Венчатися.
Слава!

232

Рылася курочка
На завалинке,
Вырыла колечушко
Серебряное.
Лáдо ладý,
Кому мы поем,
Тому честь воздаем.

233

Курочка-копароечка,
Она выкопала
Золотое кольцо.
Диво улú ляду!
Кому спели,
Тому добро!

234

Покачу я колечко
Кругом города,
Слава!
А за тем колечком
Я сама пойду,

Я сама пойду,
Мила друга найду,

Мила друга,
Суженого.

Кому мы спели,
Тому добро,

Кому вынется,
Тому сбудется,

Тому сбудется,
Не минуется,
Слава!

235

Рассыплю я монисто
По закрому.
С кем монисто
Собирать будет?
«Собирать монисто
С милым дружком».

Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется,
Слава!

236

Рассыпались иголочки
По закромцу.
Слава, ладо мое!

Кому эти иголочки
Собирать будет?
Слава, ладо мое!

Кому вынется,
Тому сбудется,
    Слава, ладо мое!

Хорошему
Не минуется.
    Слава, ладо мое!

237

Брякнула иголка
Во ящичек, —
Полно шить
На батюшку,
Полно шить
На матушку,
Пора шить
На младу милую!

Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

238

Полно те, иголочка,
В коробочке лежать,
Пора тебе, иголочка,
Дары припасать.
Ла́до ладу́,
Кому мы поем,
Тому честь воздаем.

239

Брошу я ключи
Среди горницы:
Я вам не ключница,
Я вам не замочница!
Илия!

Кому вынется,
Тому сбудется.
Илия!

240

Катилося зерно
По бархату,
Слава!
Еще ли то зерно
Бурмитское.

Прикатилося зерно
Ко яхонту.

Крупен жемчуг
Со яхонтом.

Хорош жених
Со невестою.

Да кому мы спели,
Тому добро!

Кому вынется,
Тому сбудется,

Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

241

Скачет груздочек
По ельничку,
Ищет груздочек
Беляночку:
Не груздочек скачет —
Боярский сын,
Не беляночку ищет —
Боярышню.

Кому спели,
Тому до́бро слово!
Кому вынется,
Тому скоро сбудется,
Скоро сбудется,
Не минуется слово!

242

Ленивая
Ленивица,
Слава!

Ленилася она
Часто по́ воду ходить.

Она та́яла снег
На печном столбу,

Она вы́таяла
Позоло́т перстень,

Позолот перстень
О трех ставочках.

Да кому этим перстнем
Обручатися?

Еще отроку
С отрочицею,

До́бру молодцу
Со девицею.

Да кому мы спели,
Тому добро!

Кому вынется,
Скоро сбудется,

Скоро сбудется,
Не минуется.
Слава!

243

Я брошу подушку
Чере́з ворота,
Ты пади, моя подушка,
Через ворота,
Что через ворота,
Во высокий тере́м,
Из высока терема́
На тесовую кровать.
Да кому на той подушке
Спать-почивать?
Еще отроку
С отрочицею,
Добру молодцу
Со девицею.

Да кому мы спели,
Тому добро!
Кому вынется,
Скоро сбудется,
Скоро сбудется,
Не минуется.

244

Бро́сали подушки
Через ворота,
Свят вечёр, свят вечёр!

Пади, моя подушка,
Не на землю.

Пади, моя подушка,
В саночки,

В возки́-скачки́
Пошеве́ночки.

Кому в этих саночках
Ехати?

Отроку
Со отрочицею,

Доброму молодцу
Со девицею.

Кому мы поем,
Тому добро будет,

Тому сбудется
И не минуется!
Свят вечёр, свят вечёр!

245

Что не сам парень
За водой ходил.
Слава, ладо мое!

Посылал парень
Красну девицу.
Слава, ладо мое!

Кому вынется,
Тому сбудется,
Слава, ладо мое!

Хорошему
Не минуется.
Слава, ладо мое!

246

Что не сам парень
Рожь зажинал,
Слава, ладо мое!
Посылал парень
Красну девицу,
Слава, ладо мое!
Кому вынется,
Тому сбудется,
Слава, ладо мое!
Хорошему
Не минуется.
Слава, ладо мое!

247

Старик старуху звал
На сено спать:
«Мы с тобой подумаем:
Либо сына женить,
Или до́черю отдать».
Диво ули́ ляду!
Кому спели,
Тому добро!

248

Сидит старик на полатях,
Старуха на печи в углу.
Старик говорит:
«Станем сына женить!»
Старуха говорит:
«Станем дочь отдавать!»

Выпойся, песенка,
На счастливого,
На таланливого!
Кому поем,
Тому выпоем,
Кому мечем,
Тому вымечем,
Тому жить богато,
Ходить хорошо!

249

За столом сижу,
Слава!
Я на чашу гляжу,
Пятернею вожу,
Золото кольцо ищу.
Я еще посижу,
Я еще повожу
И суженого найду!

Кому мы спели,
Тому добро,
Кому вынется,
Скоро сбудется,
Скоро сбудется,
Не минуется.
Слава!

250

Я полю, полю ро́су,
Дево́чью кра́соту.
Да на́но!
У нас кому-то Иван-от
Достанется?

Да сын Иванович-от
Сокол!

Вот кому выльется,
Да тому сбы́дется,

Да на житье-то на бытье,
Да на богачество его.
Да нано!

Анна Ивановна
Ивану Ивановичу.
Ладно ли?

ПЕСНИ, ПРЕДВЕЩАЮЩИЕ ВЕЧНОЕ ДЕВИЧЕСТВО

251

Щеточка-
Заваляшечка
Под лавичью
Валялась.
Слава!
Кому вынется,
Верно сбудется,
Не минуется.
Слава!

252

Венички-
Пошумельнички,
Еще повисят,
Еще пошумят.
Диво лилё,
Ладо́ мое!
Кому спели,
Тому добро!
Кому вынется,
Тому сбудется,
Скоро сбудется,
Не минуется.

253

Я за бочкой сижу,
Я за гвозди держу.
Еще посижу,
Еще подержу.

Кому поем,
Тому добром!
Кому выйдется,
Тому лучше всего!

254

На загнеточке сижу,
Кашки жду:
Либо кашки в рот,
Либо ложкой в лоб.
Диво ули́ ляду!
Кому спели,
Тому добро!

255

На загнетке сижу,
Слава те!
Долги нитки вожу,
Слава те!
Еще посижу,
Слава те!
Еще повожу.
Слава те!

Кому кольцо вынется,
Тому сбудется,
Скоро сбудется,
Не минуется.
Слава те!

256

Я на пе́чи сижу,
Заплатки плачу́,
Еще посижу,
Еще поплачу́.

Кому поем,
Тому добро.
Правда сбудется,
Не минуется,
Млада!

257

За дежой сижу,
Пятерней вожу.
Еще посижу,
Еще повожу.

Кому же мы спели,
Тому добро.
Кому вынется,
Тому сбудется.

258

Сидит кисурка
В печурке,
Ей теплешенько,
Горячешенько.

Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется.

259

Плывет чарка-
Поплывушечка,
Приплыла чарка
На свою сторону.
Свят вечёр!
Кому поем,
Да тому добром!
Свят вечёр!
Кому выйдется,
Тому сбудется.
Свят вечёр!

ПЕСНИ, ПРЕДВЕЩАЮЩИЕ РАЗЛУКУ, ДОРОГУ

260

Стоят санки́ у ли́сенки,
Хотят санки́ уехати.
Ла́ду ладу́,
Кому мы поем,
Тому честь воздаем.

261

Стоят санки
Сонаряжены,
Слава!

На них подушечки
Раскладены,
Слава!

Они к лесу стоят,
Покатиться хотят.
Слава!

Кому песню поем,
Тому добро,
Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

262

Саночки-
Самокаточки!
Слава те!

Сесть на вас
Да поехати.
Слава те!

Кому кольцо вынется,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Слава те!

263

Стоят санки
Снаряженные,
Сесть было
Да поехать,
Засвистати
Да загаркати
Диво!

Кому эта песенка
Достанется,
Тому вынется,
Скоро сбудется.
Диво!

264

Стоят санки
У крыльчика,
Всем санки
Снаряжены:
Они по́лсточкой
Подернуты,
Они сами ка́тятся,
Они сами ехать хотят,
Только сесть в санки
Да поехать.

Кому же мы спели,
Тому добро.
Кому вынется,
Тому сбудется.

265

Золотая парча
Развевается.
Слава!

Кто-то в дорогу
Собирается.

Да кому мы спели,
Тому добро.

Кому вынется,
Тому сбудется,

Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

266

Вставай в стойки́
Да поезжай в прыжки.
Илия!

Кому вынется,
Тому сбудется.
Илия!

267

Сидит воробей
На тычининке,
Глядит воробей
На чужу́ сторону́.
Свят вечёр!

Кому поем,
Да тому добром!
Свят вечёр!

Кому выйдется,
Тому сбудется.
Свят вечёр!

268

Сидит воробей
Под застрехою
Слава!
Глядит воробей
На чужую сто́рону.
Слава!
Кому мы спели.
Тому добро
Слава!
Кому вынется,
Тому сбудется.
Слава!

269

Лодочка
От одно́го берега
Отстала,
А ко другому
Не пристала.
Илия!
Кому вынется,
Тому сбудется.
Илия!

270

Кума у куме
В гостях была,
Другая к ней
В молостве приплыла.

Кому поем,
Тому добро!

271

Перекину дугу
На чужую сторону,
Оставайся, хомут,
На своей стороне.

Кому поем,
Тому добром!
Кому выйдется,
Тому лучше всего!

272

Сидит чечурка
В печурке.
                Слава!
Ей год годовать
И горе горевать.
                Слава!
Кому песню поем,
Тому добро,
                Слава!
Тому сбудется,
Не минуется.
                Слава!

273

Заинька-
Завитаинька!
Завитай, завитай
На чужую
Сторонушку.

Кому вынется,
Тому сбудется!

274

Заинька-
Ковыляинька!
Ковыляй, ковыляй
По чужой стороне!
Диво улй ляду!
Кому спели,
Тому добро!

ПЕСНИ, ПРЕДВЕЩАЮЩИЕ БЕДНОСТЬ, ВДОВСТВО

275

Ходит старушка
Посереде,
На ней сарафан
Весь истрескался,
Извერескался.
Илею, илею!

Кому песню поем,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Илею, илею!

276

Ходит Параня
По ра́менью,
Ищет Параня
Баранины.
Илею, илею!

Кому песню поем,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Илею, илею!

277

Монисты
На закроме повисли.
Ладу, ладу!
Кому выйдется,
Правда сбудется,
Тому добро!

278

Ходит бодрилк по полю,
Он бы рад пободрился,
Да штан коро́ток!
Илею, илею!

Кому песню поем,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Илею, илею!

279

Рад бы гордиться,
Так штаны коротки.
Илия!
Что кому эта песенка
Достанется,

Тому сбудется,
Не минуется.

Тому жить-быть богато,
Ходить хорошо,

Ходить хорошо,
Не жалеть ничего.
Илия!

280

Ходит щеплига
По избе.
Лилею!
«Рад бы я щеплить,
Да штаны черны,

Штаны черны,
Подвто́ки худы́,

Подвтоки худы,
Вто́ки выпали».

Кому же эта песенка
Достанется,

Тому сбудется,
Не минуется,

Тому жить-быть богато,
Ходить хорошо,

Тому в сутка́х сидеть,
Тому вдоль расти,

Тому вдоль расти,
Поперек толстеть!
Иле́ю!

281

Семеры́ штаны,
И подколеночки голы.

Это сбудется,
Да не минуется.
Илею!

282

Скинь портки,
Затыкай вершки!
Ладу, ладу!
Кому выйдется,
Правда сбудется,
Тому добро!

283

Будем перстни тресть,
Будем песни петь,
Лим-лёли!
Мы кому поем,
Мы добра даем.

Ай, чей перстенек,
Того песенка,

Кому выдастся,
Тому справдится.

На гумно иду,
У трубу трублю,

А с гумна иду,
Я потрубливаю.
Лим-лёли!

284

На повете петух
Кукареку поет.
Слава!

Он еще посидит
И еще попоет.
Слава!

Кому мы спели,
Тому и добро.
Слава!

Скоро сбудется,
Не минуется.
Слава!

285

На повйте мужик
Пьяный лежит.
Илия!

Что кому эта песенка
Достанется,

Тому сбудется,
Не минуется.

Тому жить-быть богато,
Ходить хорошо,

Ходить хорошо,
Не жалеть ничего.
Илия!

286

Сидела я
У окошечка,
Ждала себе
Милого,
Не могла
Дождатися,
Спать ложилася.
Утром встала —
Спохватилася,

Гляжу на себя —
Вдова.

Кому мы поем,
Тому добро будет,
Тому сбудется
И не минуется.

287

На дубу свинья
Гнездо свила
С поросятами,
С полосатыми.
Слава!

Кому вынется,
Верно сбудется,
Не минуется.
Слава!

288

В лесу дуга
Намечена,
Ой ладу!
Намечена,
Да не сечена.

Да кому мы поем,
Да тому добро,

Кому вынется,
Правда сбудется,

Правда сбудется,
Не минуется,
Ой ладу!

289

Ленивая
Ленивица
Таяла
На столбе снежок,
Вытаяла
Золот перстень.
Куда с ним
Деватися?
Замуж идти —
Никто не берет!
Надену перстень
На руку,
Замечу себе
Суженого:
Кто придет —
Возьмет,
Тот и суженый мой.

Кому мы поем,
Тому добро будет,
Тому сбудется
И не минуется.

290

Я бежала по поженке,
Добежала до часовенки,
Илия, илия,
Добежала до часовенки.

На часовенке два голубя сидят,
Один голубь ничего не говорит,
Илия, илия,
Один голубь ничего не говорит.

Другой голубь разговаривает,
Меня девушку обманывает,
Илия, илия,
Меня девушку обманывает.

291

Под полом блоха
Толкача родила.
Слава!
Кому вынется,
Верно сбудется,
Не минуется.
Слава!

292

Сидит петух
На воротиках,
Голос до́ неба,
Косы до́ земли.

Кому эта песня
Достанется,
Тому й добро,
Тому й бо́лози.

293

Сидит сова
Над са́пушкой.
Диво ули́ ляду!
Кому спели,
Тому добро!

294

За воротами кони
Заворочены стоят.
Сесть и уехать,
Домой не бывать.
Илия!

Что кому эта песенка
Достанется,
Илия!
Тому сбудется,
Не минуется.
Илия!
Тому жить-быть богато,
Ходить хорошо,
Илия!
Ходить хорошо,
Не жалеть ничего.
Илия!

295

Ходит рыжичек
По лесу,
Ищет рыжичек
Рыжее себя.
Илею, илею!

Кому песню поем,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется,
Илею, илею!

296

Чуж боровок
Подрыл конопляный ровок.
Диво!
Кому эта песенка
Достанется,
Тому вынется,
Скоро сбудется.
Диво!

297

Бегает петел
По наволоку.
Ищет петел
Быка третьяка.

Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

298

Сын батьку спихнул
И голову́ свихнул.

Кому поем,
Тому добро.
Правда сбудется,
Не минуется.
Млада!

299

Обулся не так,
Оболокся не так,
Заехал в ухаб —
Не выехать никак.

Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

ПЕСНИ, ПРЕДВЕЩАЮЩИЕ СМЕРТЬ

300

Идет смерть по улице,
Несет блин на блюдце.

Кому кольцо вынется,
Тому сбудется,
Скоро сбудется,
Не минуется.

301

Стоит корыто
Другим накрыто.
Диво улй ляду!
Кому спели,
Тому добро!

302

Стоит корыто
Желудей намыто.
Диво!
Кому эта песенка
Достанется,
Тому вынется,
Скоро сбудется.
Диво!

303

Полное корыто
Платков намыто.
Илия!

Кому вынется,
Тому сбудется.
Илия!

304

Взял щеплига
Вострый топор,
Лилею!
Пошел щеплига
Во широкий двор,

Начал щеплига
Доски тесать,

Сколотил колоду
О дубовый гроб.

Кому же эта песенка
Достанется,

Тому сбудется,
Не минуется,

Тому жить-быть богато,
Ходить хорошо,

Тому в суткáх сидеть,
Тому вдоль расти,

Тому вдоль расти,
Поперек толстеть!
Лилею!

•

305

Сидела ворона
На столбике, —
Очутилась ворона
Серéдь избы.

Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

306

Сидит ворона
На столбе,
        Слава те!
Очутилась
На скирде.
        Слава те!

Кому кольцо вынется,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.

307

Села ворона
На ма́тицу,
Каркала ворона
Во всю голову:
«В тому дому
Не быть добру!»

308

Сидит баба на овине,
Полотно дерет.
        Илею, илею!
Кому песню поем,
Тому сбудется,
        Илею, илею!
Тому сбудется,
Не минуется.
        Илею, илею!

309

Сидит старушка
Под осиночкой,
Ой ладу!
Она грозится
Хворостиночкой.

Да кому мы поем,
Да тому добро,

Кому вынется,
Правда сбудется,

Правда сбудется,
Не минуется,
Ой ладу!

310

Сидит девка
На сарае,
Слава, ладо мое!
Сидит в синем
Сарафане.
Слава, ладо мое!
Кому вынется,
Тому сбудется,
Слава, ладо мое!
Хорошему
Не минуется.
Слава, ладо мое!

311

Сидит сироточка
На загнеточке,
Печет перепе́чечки.
Ладу, ладу!

Кому выйдется,
Правда сбудется,
Тому добро!

312

Раскройсь, коробья́,
Раскатись, новина́!
Илия!
Кому вынется,
Тому сбудется,
Илия!

313

Под окошком лежит
Сунаряженное
Да повязанное.
Илею, и́лею!
Кому песню поем,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Илею, илею!

314

Пе́лю попе́ли
Бело́ полотно.

Это сбудется
Да не минуется.
Илею!

315

Белснький чулочек —
Вот-то мой женишок.

Кому вынется,
Тому правда сбудется,
Сбудется,
Не минуется.

316

По гуме́нцу хожу,
Полотенце стелю.
Свят вечёр!
Да кому поем,
Да тому добро,
Свят вечёр!
Кому достанется,
Не минуется.
Свят вечёр!

317

Лопатами гребут,
Секе́рами секут.
Илею, и́лею!

Кому песню поем,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Илею, илею!

318

Ишли смерды
Богатые,
Гребли золото
Лопатами.
Свят вечёр!

Кому поем,
Да тому добром!
Свят вечёр!

Кому выйдется,
Тому сбудется.
Свят вечёр!

319

У Спаса в Чигасах
За Яузою,
Слава!
Живут мужики
Всё богатые,

Гребут золото,
Всё лопатами,

Чи́сто се́ребро
Лукошками.

Да кому мы спели,
Тому добро!

Кому вынется,
Тому сбудется,

Тому сбудется,
Не минуется!
Слава!

320

Висит нехтéр
Над мáтицей,
Кто пойдет —
Головой попадет.
Диво улúй ляду!
Кому спели,
Тому добро!

321

Висят рушнички
На воротиках,
А кто идет,
Тот ими утирается.

Кому эта песня
Достанется,
Тому й добро,
Тому й бóлози.

322

В бáенке ледок,
В предбаенке ледок.

Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

323

За печкой марá
Черным-черна.
Сравнялась марá
С господами равнá.

Диво ули́ ляду!
Кому спели,
Тому добро!

324

Куда лес погнулся,
Туда галки полетели.
Дива лело́, ладо́ мое!
Кому вынется,
Скоро сбудется,
Не минуется!

325

На пороге сижу,
За порог гляжу.
                Слава!
Кому мы спели,
Тому добро.
                Слава!
Кому вынется,
Тому сбудется,
                Слава!

326

Бегла́ кобылица
Из Нова-города,
У ней хвост торчит,
А под им ворчит.

Кому поем,
Тому добром!
Кому выйдется,
Тому лучше всего!

327

Ишли старцы
Вереницею,
Ой, за ними воши
Плетеницею.

Кому эта песня
Достанется,
Тому й добро,
Тому й бо́лози.

328

Идет мужик
Из улицы,
Несет дубину
Вязовую.
Ла́до ладу́!
Кому мы поем,
Тому честь воздаем.

329

Лежит кишка,
Слава!
Посередь горшка.
Слава!

330

Середь шестка,
Иляля, иляю!
Протянена кишка.
Иляля, иляю!

Кому эта песенка
Выльется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Иляля, иляля!

331

Обвилась кишка
Вокруг горшка,
Быть кишке
У всем горшке!
Диво улй ляду!
Кому спели,
Тому добро!

332

Едут бояре
Из города,
Торчат ноги
Из короба.

Кому вынется,
Тому сбудется,
Не минуется.

333

Везут бревно
На семи лошадях.
Если семь не повезут,
Восьмую подпрягут,
Далеко увезут
И назад не привезут.

Это сбудется
Да не минуется.
Илия!

ПЕСНИ О СВЯТОЧНЫХ ИГРИЩАХ

334

Пришли святки,
Святые вечера.
Йо ли йо,
Ладо мое!
Увесь молодежь да
На улицу пошел,
Йо ли йо,
Ладо мое!
А меня молоду
Свекор не пустил.
Йо ли йо,
Ладо мое!
Как я со зла
Да овин сожгла.
Йо ли йо,
Ладо мое!

335

Ой святки́ мои, святки́,
Святые вечера!
Ой ди, ой лады моя!
Ой, все девки
На улицу ушли,

А меня-то молоду
Свекор не пустил:

Заставляет молоду
Свое дело делати,

Свое дело делати —
Овин молотить;

Овин молотить,
Другой посадить.

Я овин молочу
И другой посажу.

Другой посажу,
Цепы́ в печь помечу́,

Цепы в печь помечу,
Сама на улицу пойду!
Ой ди, ой лады моя!

336

Уж вы святки, свято́чки,
Вы святые вечера!
О, о, хо, хо, о, охти мне!

Как за горницею,
За пова́лушею,

То не гусли ли рокочут,
Не свирель ли говорит,

А то чибышек-воро́бушек
По улице скакал,

Он и девушек-моло́душек
На и́грище скликал:

«Сюда, девушки, ко мне,
Молоду́шки, ко мне!

А и старые старухи —
Ко семи чертям!»

А меня-то молоду
Да и свекор не пущат:

Заставляет свекор-батюшка
Работу работа́ть, —

Что гумно скрести,
Да метлой мести.

Я во сердце-то войду,
Всё гумно истопчу!

В полусердце-то войду,
Всю метлу изломлю!

Всю метлу изломлю,
Сама в игрище пойду!

Уж вы святки, свято́чки,
Вы святые вечера!

Как за горницею,
За пова́лушею,

То не гусли ли рокочут,
Не свирель ли говорит,

А то чибышек-воро́бушек
По улице скакал,

Он и девушек-моло́душек
На игрище скликал:

«Сюда, девушки, ко мне,
Молоду́шки, ко мне!

А и старые старухи —
Ко семи чертям!»

А меня-то молоду
Да свекровь не пущат:

Заставляет свекровь-матушка
Работу работа́ть,

А работу работа́ть,
Что сукно дотыкать.

Я во сердце-то войду,
Всё сукно изорву!

В полусердце-то войду,
И челнок залукну,

И челнок залукну,
Сама в игрище пойду!
О, о, хо, хо, о, охти мне!

337

Ах и дай нам бог нам коляд дождать!
Ай люли-люли, нам коляд дождать!

Мы пойдем-пойдем мы на йгрищика,
Ай люли-люли, мы на йгрищика,

Мы с игрищек — на заручины,
Ай люли-люли, на заручины,

А с заручиных — на весельлика.
Ай люли-люли, на весельлика.

Я пойду-пойду к свойму батюшке,
Ай люли-люли, к свойму батюшке:

«А дай мне, батюшка, ворона коня!
Ай люли-люли, ворона коня!»

— «За коня, дитя, слова нетути,
Ай люли-люли, слова нетути,

Поезжай, дитя, на веселийка.
Ай люли-люли, на веселийка.

Ты гуляй, дитя, а как сам знаешь,
Ай люли-люли, а как сам знаешь,

Не удивляй, дитя, ты добрых людей!
Ай люли-люли, ты добрых людей!»

338

Как пошел же Дунай
Он на игрища гулять,

Он на игрища гулять,
На святые вечера.

Как садился Дунай
Он на лавочке,

Он на лавочке,
На примосточке,

Уронил шапку
Чернобархатную,

Чернобархатную,
Черноплисовую.

Перед им ходит
Девка красная,

Девка красная,
Слуга верная.

«Уж ты девушка душа,
Черноброва й хороша!

Черноброва й хороша,
Ты послушай-ка меня,

Ты послушай-ка меня,
Ты подай шапку мою!»

— «Не слуга, сударь, твоя,
Я не слушаю тебя,

Я не слушаю тебя,
Не подам шапки тебе!»

Как пошел же Дунай
Нерадостен, невесéл,

Нерадостен, невесéл —
Сударушки не нашел.

339

Диль-диль, перепелка,
Да ладу, молодая!
Да туда, да сюда полетала,
Да диль-диль, перепелка,
Ладу, молодая!
Да тому да сему крылья дáла.
Да свет Верушке крылья дала,
Да свет Давыдовне золотые.
Да не станет она плясати —
Да мы высадим на морозы,
Да на лютые на крещенски.
«Да я морозов да не боюся,
Да я крещенских не стыжуся,
Да золотой казной отдарюся!»
Да диль-диль, перепелка,
Ладу, молодая!

340

Как подходят святки-матки,
Всё святые вечера,
Ай ли, ай люли,
Всё святые вечера.
Собираются девчата
На гулянку идти,
Ай ли, ай люли,
На гулянку идти.
Как из них одна девчонка
Снарядилась лучше их,
Ай ли, ай люли,
Снарядилась лучше их.

Подошел к ней паренек
Познакомиться,
Ай ли, ай люли,
Познакомиться.
«Разреши-ка, девчонка,
Познакомиться.
Ай ли, ай люли,
Познакомиться.
Разреши-ка узнать
Имя-отчество,
Ай ли, ай люли,
Имя-отчество!»
— «Мое имя-отчество
Анастасья Карповна!
Ай ли, ай люли,
Анастасья Карповна!
Разреши-ка, паренек,
Имя-отчество узнать,
Ай ли, ай люли,
Имя-отчество узнать!»
— «Мое имя-отчество
Иван Карпович,
Ай ли, ай люли,
Иван Карпович!
Спасибо, бог узнал,
Что с сестрой не пойграл,
Ай ли, ай люли,
Что с сестрой не пойграл.
Спасибо, бог стерег,
Что с сестрою спать не лег.
Ай ли, ай люли,
Что с сестрою спать не лег!»

341

Ой, скачется, пляшется,
Вина-пива хочется,
Ой люли, ой люли,
Вина-пива хочется.

Пойду я, молода,
На старое сéлище,
Ой люли, ой люли,
На старое сéлище.
Возьму я, молода,
Сырых дров охапочку,
Ой люли, ой люли,
Сырых дров охапочку.
Затоплю я, молода,
Я старую горенку.
Ой люли, ой люли,
Я старую горенку.
Зварю я, молода,
Свойму старому пóливки,
Ой люли, ой люли,
Свойму старому пóливки.
Кину я, рину я
Комарово стягóнышко.
Ой люли, ой люли,
Комарово стягонышко.
Погляжу я, молода,
Ти наварная поливка,
Ой люли, ой люли,
Ти наварная поливка.
Каялась, маялась,
Чито помного кинула,
Ой люли, ой люли,
Чито помного кинула.
Скачется, пляшется,
Вина-пива хочется,
Ой люли, ой люли,
Вина-пива хочется.
Пойду я, молода,
На новое селище,
Ой люли, ой люли,
На новое селище.
Возьму я, молода,
Сухих дров охапочку,
Ой люли, ой люли,
Сухих дров охапочку.
Затоплю, молода,
Я новую горенку,

Ой люли, ой люли,
Я новую горенку.
Зварю я, молода,
Свойму милому кашицы,
Ой люли, ой люли,
Свойму милому кашицы.
Кину я, рину я
Три пудика масельца,
Ой люли, ой люли,
Три пудика масельца.
Погляжу, молода,
Ти наварная кашица,
Ой люли, ой люли,
Ти наварная кашица.
Каялась, маялась,
Что немного кинула,
Ой люли, ой люли,
Что немного кинула.

МАСЛЕНИЦА

ВСТРЕЧА МАСЛЕНИЦЫ

342

Масленица-кривошейка,
Состречаем тебя хорошенько!
С блинцами,
С каравайцами,
С вареничками!

343

Ой, Масленица-кривошейка,
Состречаем тебя хорошенько!
Хорошенько!

Сыром, маслом, калачом
И печеным яйцом.

344

Ой да Масленица на двор взъезжает,
Широкая на двор взъезжает!
А мы, девушки, ее состречаем,
А мы, красные, ее состречаем!
Ой да Масленица, погостюй недельку,
Широкая, погостюй другую!

Масленица: «Я поста боюся!»
Широкая: «Я поста боюся!»
— «Ой да Масленица, пост еще далече,
Широкая, пост еще далече!»

345

Сударыня наша Масленица!
Протянися до Велика дня,
От Велика дня
До Петрова дня!

346

Прошли дворы́,
Наполнили сумы́.
    Ах, Масленица, обманщица!

С конями пошли,
Со двора свели,

Надели зипуны,
По гостям пошли,

Кати домой,
Шевели ногой,

Шевели ногой,
Вовсю рысцой!
    Ах, Масленица, обманщица!

347

Масленица, Полизуха Борисьевна,
Полизала да поехала,
А опять-то не приехала!
Дотяни-тко до Велика дня, —

В Велик день яичко дадут,
А яичко-то красненькое,
Куличика-то сдобненькая!

Подавай, не ломай,
Во весь каравай!

348

Свиньи болота порыли,
Хлопцы по девкам завыли.

Масленая, счастливая,
Простягнися далеко!

А кто сыра не дает, не дает,
Нехай ему погниет, погниет!

Масленая, счастливая,
Простягнися далеко!

349

О, мы Масленицу устречали,
Устречали, лёли, устречали,

Мы сыр с ма́сельцем починали,
Починали, лёли, починали,

Мы блинкам гору устилали,
Устилали, лёли, устилали,

Сверху ма́сельцем поливали,
Поливали, душа, поливали.

Как от сы́ра гора кру́та,
Гора крута, лёли, гора крута,

А от масла гора я́сна,
Гора ясна, лёли, гора ясна.

А на горушке снегѝ сыплют,
Снеги сыплют, лёли, снеги сыплют,

А нас мамочки домой кличут,
Домой кличут, лёли, домой кличут.

А нам домой не хотѝтся,
Не хотится, лёли, не хотится,

Нам хотится прокатиться,
Прокатиться, лёли, прокатиться,

С гору́шки да до елу́шки!
До елушки, лёли, до елушки!

Наша го́рушка всё катлива,
Всё катлива, лёли, всё катлива,

Наши бабушки воркотливы,
Воркотливы, лёли, воркотливы.

Они день и ночь всё воркочут,
Всё воркочут, лёли, всё воркочут.

Они на печке лежат, всё про нас говорят,
Гоголечек, гоголечек, лёли, гоголечек!

«Не пришел бы к нам кто, не принес бы чего,
Гоголечек, гоголечек, лёли, гоголечек!

Или сыра кусок, или мыла брусок».
Гоголечек, гоголечек, лёли, гоголечек!

350

Наша Масленица годовая,
Наша Масленица годовая!
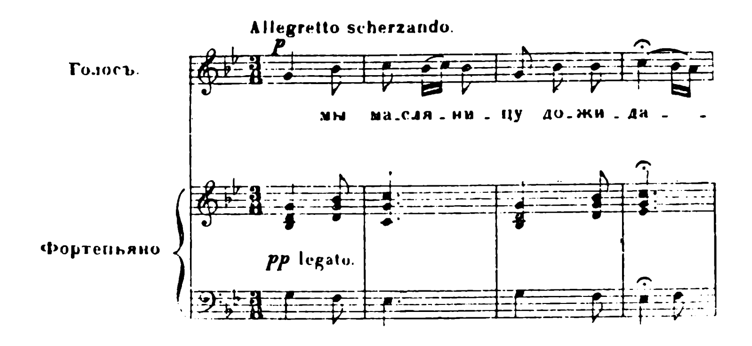
Наша Масленица годовая,
Она го́стика дорогая,
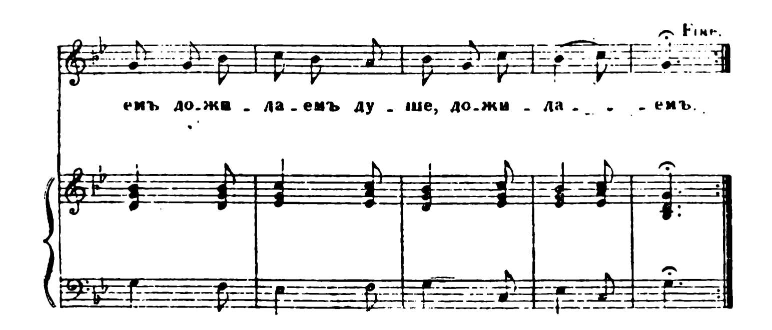
МАСЛЯНИЧНАЯ.

№46.

„А МЫ МАСЛЯНИЦУ ДОЖИДАЕМЪ.“

Смоленской Губ.

Она гостика дорогая,
Она пешею к нам не ходит,

Она пешею к нам не ходит,
Всё на ко́монях разъезжает,

Всё на комонях разъезжает!
Чтобы коники были вороные,

Чтобы коники были вороные,
Чтобы слуги были молодые.

351

Ты весела наша Маслена,
Ты на чем же к нам приехала,
Ты на чем же к нам приехала?

Ох, что сама-то ты под по́логом,
Что сама-то ты под пологом,
Голова твоя под по́лозом,
Голова твоя под полозом!..

352

Дорога́ наша гостья Масленица,
Авдотьюшка Изотьевна,
Дуня белая, Дуня румяная,
Коса длинная, триаршинная,
Лента алая, двуполтинная,
Платок беленький, новомодненький,
Брови черные, наведенные,
Шуба синяя, ластки красные,
Лапти частые, головастые,
Портянки белые, набеленные!

А мы Масленицу дожидаем,
Дожидаем, душе, дожидаем.

Сыр и масло в глаза увидаем,
Увидаем, душе, увидаем.

Как на горке дубок зеленёнек,
Зелененек, душе, зеленёнек,

А вержинский попок молодёнек,
Молоденек, душе, молодёнек.

Попадьихи пили, да попов пропили во гуляньи,
Во гуляньи, душе, во гуляньи,

А дьячихи пили, да дьячков пропили во гуляньи,
Во гуляньи, душе, во гуляньи,

Пономарихи пили, да пономарей пропили
во гуляньи,
Во гуляньи, душе, во гуляньи.

ПЕСНИ МАСЛЕНИЧНЫХ ГУЛЯНИЙ, КАТАНИЙ, ИГР

354

Широкорожая Масленица!
Мы тобою хвалимся,
На горах катаемся,
Блинами объедаемся!

355

Вот вам Масленка пришла да,
Кто нас покатает?
Выйдем, станем на снежок да —
До лужку протает!

356

Масленая-полизуха —
Сыр и масло полизала.
Масленая курносейка,
Покатай-ка нас хорошенько!
Масленая кургузка,
Без тебя груско!

357

А Маслена, Маслена-полизуха!
Полизала блинцы да стопцы, —
На тарельцы, на тарельцы.
А мы свою Маслену прово́жали,
Тяжко-важко да по ней воздыхали:
«А Маслена, Маслена, воротися,
До самого Велика дня протянися!»

358

Ой, Масленая, ай, покургузка, ай!
Покургузка, люли, покургузка!
Проводим тебя, эх, станет груско, ой!
Станет груско, люли, станет груско.

Ой, Масленая, эх, канадуха, ой!
Канадуха, люли, канадуха!
Потянись-ка ты, эх, хоть до Духа, ой!
Хоть до Духа, люли, хоть до Духа.

Ой, Масленая, эх, обманя́ка, ой!
Обманяка, люли, обманяка!
Отдадим тебя, эх, за монаха, ой!
За монаха, люли, за монаха.

Ой, Масленая, эх, полизуха, ой!
Полизуха, люли, полизуха!
Полизала она, ой, курьи яйца, ой!
Курьи яйца, люли, курьи яйца.

Ой, Масленая, эх, полизуха, ой!
Полизуха, люли, полизуха!
Полизала она сыр да масло, ой!
Сыр да масло, люли, сыр да масло.

Сыр да масло, ой, курьи яйца, ой!
Курьи яйца, люли, курьи яйца!
Ох, курьи яйца, эх, и каравайце, ой!
Караваеце, люли, а караваеце.

359

Масленица-кривошейка,
Покатай нас хорошенько!
Ай люли, хорошенько.

Масленица-кургузка,
После тебя будет груско!
Ай люли, будет груско.

Выйду я на горку,
Гляну я под зорьку,
Ай люли, я под зорьку.

Кликну я соловейку:
«Соловейко, родный братец!
Ай люли, родный братец.

Чего ты ко мне не летаешь,
Меня, молодую, не втешаешь?
Ай люли, не втешаешь».

«Сестрица моя канареечка,
Я прилечу, а ты плачешь,
Ай люли, а ты плачешь.

Я прилечу, а ты плачешь,
Я улечу, ты горюешь,
Ай люли, ты горюешь.

Я улечу, ты горюешь,
Я в лу́зи, а ты в ту́зи,
Ай люли, а ты в тузи.

Я в ло́зы, а ты в слезы,
Я в го́ры, а ты в горе,
Ай люли, а ты в горе».

360

Масленая-голошейка,
Сустревай гостей хорошенько:
Кочергами, помелами по зашейкам!

Масленая, я к тебе иду.
Потеряла юбку — никак не найду!
Ехали купцы — юбку нашли,
Я просила, голосила — они не дают!

Масленая, белый сыр,
А кто не женился — сукин сын!
Масленая, белая мочка,
А кто замуж не ишел — сукина дочка́!

Масленая, грязь по вухи,
Остались наши девки вековухи!
Масленая, гололетье,
Остались наши девки да на летье!

Протянися, пост, с мышиный хвост,
А ты, моя Масленушка, и с великий пост.
Протянися, пост, с мышиный хвост,
А ты, моя Масленушка, до Велика дня!

Масленую провожаю,
А великого по́сту дожидаю.
Масленая замараха,
Вышла девка за монаха!

361

Казали, Ма́сленка семь недель,
А рано, рано, раненько, семь недель,

Остается Масленка один день,
А рано, рано, раненько, один день!

Напели девки песенок решето,
А рано, рано, раненько, решето,

Поставили решето на вербу,
А рано, рано, раненько, на вербу.

Откуль взялся воробей-воробей,
А рано, рано, раненько, воробей.

Скинул тое решето до до́лу,
А рано, рано, раненько, до долу.

А все наши девочки до до́му,
А рано, рано, раненько, до дому.

А ты девка, останься, останься,
А рано, рано, раненько, останься,

Да и с хлопцем звенчайся, звенчайся,
А рано, рано, раненько, звенчайся.

362

Запрягу я бугая, бугая,
Куда люди — туда я, туда я.
  Масленая-полизуха,
  Растянися, Масленка,
  Хоть до Духа!

  Я думала, Масленке
  Семь недель, семь недель,
  А дни Масленки —
  Один день, один день!

Запрягу я бугая, бугая,
Куда люди — туда я, туда я.
  Масленая, белое молоко,
  Растянися далеко!

  Я думала, Масленке
  Семь недель, семь недель,
  А дни Масленки —
  Один день, один день!

Запрягу я бугая, бугая,
Куда люди — туда я, туда я.
  Масленица-котофейка,
  Проводили тебя хорошенько!

Я думала, Масленке
Семь недель, семь недель,
А дни Масленки —
Один день, один день!

363

Окулина Савишна,
Вчерашняя, да́вишня!
Купила салазки,
Кру́ты головашки,
Поехала кататься,
А оне — разломаться!

364

Как на Масленой неделе
Со стола блины летели,
И сыр и творог —
Всё летело под порог!

Как на Масленой неделе
Из печи блины летели.
Весело было нам,
Весело было нам!

Прошла Маслена,
Кончилось гулянье,
Идем теперь
На отдыханье!

365

Масленица,
Обманщица!
Обманула, провела,
Нагуляться не дала!

366

Как приехал Степанушка
С Новагорода,
Как ударил Михайлович
Копьем в во́рота,
Очутились воротички
Середи́ двора!
А взбрязнуло колечушко
Серебряное,
А заныло сердечушко
Варварушкино.
«Выйди, выйди, Варварушка,
За новы́е ворота́,
Сустрень, сустрень, ой, Павловна,
Середи́ двора,
Поцелуй, поцелуй, ой, Павловна.
Сахо́рны уста».

367

У нас на го́рушке лен посеян,
Лен посеян, лёли, лен посеян.

У нашей горушки травы нету,
Травы нету, лёли, травы нету.

А хоть есть трава — репеёчек,
Репеёчек, лёли, репеёчек.

А Иванушка — жеребочек,
Жеребочек, лёли, жеребочек.

На воду́ идет — он хохочет,
Он хохочет, лёли, он хохочет,

А с воды идет — гулять хочет,
Гулять хочет, лёли, гулять хочет.

Мы привяжем его ле згоро́ды,
Ле згороды, лёли, ле згороды.

Мы положим ему куль соломы,
Куль соломы, лёли, куль соломы.

Мы соломы ему, аржани́цы,
Аржаницы, лёли, аржаницы.

368

На горе жо́ров крутился,
Крутился, душа, крутился.

Иван своей хвалился,
Хвалился, душа, хвалился:

«Моя женочка молодая,
Молодая, душа, молодая,

Какы клюквинка омхывая,
Омхывая, душа, омхывая.

Земляниченька боровая,
Боровая, душа, боровая!»

— «У Ивана жена — небылица,
Небылица, душа, небылица.

Она спит-лежит, как лосица,
Как лосица, душа, как лосица.

За водой пойдет — застоится,
Застоится, душа, застоится,

Над ребятами заигрится,
Заигрится, душа, заигрится.

На воду понесет — обольется,
Обольется, душа, обольется

За соломой пойдет — волокется,
Волокется, душа, волокется,

За дровами пойдет — разобьется,
Разобьется, душа, разобьется.

На блины станет печь — обожгется,
Обожгется, душа, обожгется.

Блинов напекет — обожрется,
Обожрется, душа, обожрется».

369

Коло ре́чушки всё рябинка,
Всё рябинка, лёли, всё рябинка.

Коло быстрою всё зеленая,
Всё зеленая, лёли, всё зеленая.

Там Иванушка переходит,
Переходит, лёли, переходит,

Он Марусеньку переводит,
Переводит, лёли, переводит.

«Ты иди, Маруся, не шатайся,
Не шатайся, лёли, не шатайся.

За меня, молодца, не хватайся,
Не хватайся, лёли, не хватайся!

На мне шубушка новая,
Новая, лёли, новая,

В мене пуговки медяны́е,
Медяные, лёли, медяные,

Мои петельки шелковы́е,
Шелковые, лёли, шелковые!»

370

А кто двору, а кто двору,
А я двору не хочу,
С кем гуляю — не скажу,
Кого люблю — не объявлю.

У батюшки у саду
Под яблонью в холоду
Разлив разливается,
Широкое озеро.
Как на том на озере
Три лебедя плавали,
Три лебедя белые,
Белые, косатые,
Молодые, хохлатые:
Да и первый же лебедок —
Лебедочек Павлинушка,
Беленький Николаевич,
А другой же лебедок —
Лебедок Алексанушка,
Беленький Григорьевич,
А и третий лебедок —
Лебедок Адислаюшка,
Беленький Адамович!

А кто двору, а кто двору,
А я двору не хочу,
С кем гуляю — не скажу,
Кого люблю — не объявлю.
У батюшки у саду
Под яблонью в холоду
Разлив разливается,
Широкое озеро.
Как на том на озере
Три лебедушки плавали,
Три лебедушки белые,
Белые, косатые,
Молодые, хохлатые:
А и первая лебедка —
Лебедка вот Аннушка,
Белая Николаевна,
Другая лебедка —
Лебедка Натальюшка,
Белая Михайловна,
Третья же лебедка —
Лебедка вот Лидия,
Белая Михайловна.

371

Вот не с гор на гору снеги сыплют,
Снеги сыплют, люли, снеги сыплют.

На меня, младу, свекор смотрит,
Свекор смотрит, люли, свекор смотрит.

«Хороша была у девицах,
У девицах, люли, у девицах.

Теперь хуже того в молодицах,
В молодицах, люли, в молодицах!»

Вот не с гор на гору снеги сыплют,
Снеги сыплют, люли, снеги сыплют.

На меня младу свекровь смотрит,
Свекровь смотрит, люли, свекровь смотрит.

«Плоха была у девицах,
У девицах, люли, у девицах.

Хуже того в молодицах,
В молодицах, люли, в молодицах!»

Вот не с гор на гору снеги сыплют,
Снеги сыплют, люли, снеги сыплют,

На меня, младу, мужик смотрит,
Мужик смотрит, люли, мужик смотрит.

«Хороша была у девицах,
У девицах, люли, у девицах,

Лучше того в молодицах,
В молодицах, люли, в молодицах».

МАСЛЯНИЦА.
Лит. И.А. Голышева въ Голышевкѣ.
Вотъ катитъ и широкая масляница на коняхъ, убранныхъ лентами, въ сарафанахъ цвѣтныхъ съ позументами, съ пивомъ съ пѣснями съ плясками,
съ зеленымъ виномъ и салазками, ѣдятъ до икоты, пьютъ до перхоты, поютъ до надсады, пляшутъ до упаду.

1881го июля: 31го грав: позв: цен: С: аксаковъ
Семикъ:
Или гулянье въ новои деревне
Возле речки | поканавке
вбзле мосту | травка расла

372

Ой, куры вы куры,
Кочеты молодые,
Гребени вы золотые!
Что не пойте вы рано,
Не будите мово зятя.
Зять у тещи гуляет,
Теща в зятя пытает:
«Что зять ты, зятечек,
Дорогой сын гостечек,
Скажи мне всю правду,
Что у свете милее:
Али тесть, али теща,
Али жена молодая,
Али матушка родная?»
— «Теща милая — для привета,
Жена молодая — для совета,
А маменька родная
Милей усего свету».

373

Теща про зятя пирог пекла.
В этом пироге три осьмины муки,
Соли да крупы на четыре рубли,
Лучку да мачку на семь рублей,
Маслица с яичком на восемь рублей;
Этот ли пирог с рублем двадцать стал.
Зять-то сел, у присеста съел.
Теща посéреде похаживает,
Косо на зятя поглядывает:
«Как тебя, зятя, не разóрвало?»
Теща-то зятя употчивала,
В четыре дубинки дубовенькие,
В пятую дубинку вязовенькую.
«Дай-ка мне, теща, домой дойти,
Все эти побои на жене взворочу!»

374

Да вот Масленица
Со двора съезжает,
Кургузая, кургузая
Со подворья!
Ее девушки
И гостевать оставляют:
«Да вот Масленица,
А погостюй недельку!
Да кургузая,
А погостюй другую!»
— «Да вот девушки,
И я поста боюся!»
— «Да вот Масленица,
Пост еще далёко!»

375

Маслена, Маслена,
Приведи святую!
Обманула, провела,
В закоулок завела,
Дала редьки хвост
На великий пост.

376

А мы Масленицу провожали,
Ой ли лёли, провожали.

Во земельку мы закопали,
Ой ли лёли, закопали.

Поносивши воду, ножками притоптали,
Ой ли лёли, притоптали.

377

О, мы Масленицу прокатали,
Прокатали, люли, прокатали,

Дорогую свою потеряли,
Потеряли, люли, потеряли,

И мы в ямочку закопали,
Закопали, люли, закопали,

Белым ручушкам прикляскали,
Прикляскали, люли, прикляскали.

«Лежи, Масленица, до налетья,
До налетья, люли, до налетья.

Пока придет до́бра слетья,
Добра слетья, люли, добра слетья!»

А на лето мы раскопаем,
Раскопаем, люли, раскопаем,

И обратно ее раскатаем,
Раскатаем, люли, раскатаем.

378

А мы Масленицу прокатали,
Прокатали, душа, прокатали,

А мы сыром гору налепляли,
Налепляли, душа, налепляли,

А мы маслом гору поливали,
Поливали, душа, поливали.

Наша горушка некатлива,
Некатлива, душа, некатлива,

Наши девушки неигривы,
Неигривы, душа, неигривы,

Наши молодушки нешутливы,
Нешутливы, душа, нешутливы,

Стары бабушки неворкотливы,
Неворкотливы, душа, неворкотливы.

Да нас Масленица обманила,
Обманила, душа, обманила,

На великий пост посадила,
Посадила, душа, посадила.

Мы рождествен пост весь проспали,
Весь проспали, душа, весь проспали,

А святы вечера проиграли,
Проиграли, душа, проиграли,

А мы мясоед прогостили,
Прогостили, душа, прогостили,

А мы Масленицу прокатали,
Прокатали, душа, прокатали.

379

А мы Масленицу дожидали,
Дожидали, душа, дожидали,

У в окошечко поглядали,
Поглядали, душа, поглядали,

Киселя с молоком не хлебали,
Не хлебали, душа, не хлебали.

А ты Масленица дорогая,
Дорогая, душа, дорогая!

Не куплёная, дармовая,
Дармовая, душа, дармовая!

А нас Масленица сподманула,
Сподманула, душа, сподманула,

Да на большой пост посадила,
Посадила, душа, посадила!..

380

Наша Масленица дорогая,
Дорогая, лёли, дорогая!

Немножечко постояла,
Постояла, лёли, постояла.

Мы думали, семь неделек,
Семь неделек, лёли, семь неделек,

А Масленица — семь денечков,
Семь денечков, лёли, семь денечков.

А нас Масленица подманула,
Подманула, лёли, подманула,

На великий пост посадила,
Посадила, лёли, посадила,

Горьку редьчинку подложила,
Подложила, лёли, подложила.

А тая редьчинка горче хрену,
Горче хрену, лёли, горче хрену!

381

И ох ты Масленица ты матка,
И ох матка, лёли, и ох матка!

Она скорешенько нас обманила,
Обманила, лёли, обманила,

На большой пост посадила,
Посадила, лёли, посадила.

И вот будем мы теперь пост постити,
Пост постити, лёли, пост постити,

И грехи попу относити,
Относити, лёли, относити.

Но и как нам ходить-походити,
Походити, лёли, походити,

Про свои грешки говорити,
Говорити, лёли, говорити?

А мы пойдем к попу справидаться,
Справидаться, лёли, справидаться.

А мы про все грешки да расскажем,
Да расскажем, лёли, да расскажем,

А про один грешок мы не скажем,
Мы не скажем, лёли, мы не скажем,

А как мы в девках да дивили,
Да дивили, лёли, да дивили,

По семи ребенков мы родили,
Мы родили, лёли, мы родили,

А по во́сьмого и загу́били,
Загубили, лёли, загубили.

Мы его в ямочку да закопали,
Закопали, лёли, закопали,

И левой ноженкой да затоптали,
Затоптали, лёли, затоптали,

И правой рученькой да закрестили,
Закрестили, лёли, закрестили.

382

Уж ты гостья наша Масленица,
Ты Авдотьюшка Изотьевна!
То́ненька, высоконька,
На правой руке колечушко,
На колечушке два словечушка:
Что придет-то к нам великий пост,
Принесет-то нам редьки хвост.

383

Дорогая гостья Масленица,
Авдотья Изотьевна!
Много ты добра истратила,
Много вина, пива выпила!

384

Окулина Изотьевна,
Масленица!
Обманула нас!
На великий пост
Дала редьки хвост!

Подайте
Оладушка переженчика,
Подмасленного,
Поджаренного!

385

Масленица-блиноеда,
Масленица-жироеда,
Масленица-обируха,
Масленица-обмануха!
Обманула, провела,
До поста довела,
Все ежи взяла,
Дала редьки хвост
На великий пост.
Мы его поели —
Брюха заболели!

386

Ай, Масленица,
Обманщица!
До поста довела —
Сама удрала́!
Масленица, воротись!
В новый год покажись!

387

Ушла Масленица в Ростов,
Унесла много хвостов,
Оставила хвостик
На великий постик.

388

Масленица загорела,
Всему миру надоела,
Обманула, провела,
Годика не дожила,
До поста довела.
Шла сторонкою к нам,
По заулочкам, закоулочкам,
Несла блинов чугуны,
Надорвала животы!
Блинов напекла,
Сама все пожрала,
А нам редьки хвост
Дала на пост!
Весело гуляла,
Песни играла,
Протянула до поста, —
Гори, сатана!

389

Маслена неделя
В Ростов полетела,
На пенечек села,
Оладышек съела,
Другой закусила,
Домой потрусила.

390

Масленица постов,
Поезжай в Ростов!
Покупай хвостов
На шубки, на юбки,
На пуговки.

391

Маслена! Маслена!
Где же это видно?
Ох, и да что ж тебе, Маслена,
Да не стыдно?

Да не стыдно?
Ох, и мясоед прошел —
А я не женился.

Не женился.
Родимый мой батюшка
Разорился.

392

А, Масленая, воротися!
Мясоед прошел —
Не женился!

А, Масленая, вот и я йду,
Загубила фартушину,
Да не найду!

393

Прощай, Масленица!
Что ты губы-то надула,
Без порток гулять уду́ла!

394

Эй, Масленица,
Непогаслица!
До чего ты довела?
До великого поста!

395

Си́ка, сика, Масленица,
Симеонова племянница!
Через семь недель
Придет светлый день.
Будем па́сочки носить,
Будем яица краси́ть.

396

Прости, прости, Масленица,
До великого за́говенья,
Что до красных яиц,
До Христова дни!

397

«Ты прости́, кума,
Да прости, душа,
Да на семь недель,
До Велика дня!»

«Мы с тобой, моя кумочка,
Мы с тобой не ругалися,
И с тобою, моя душечка,
С тобой не бранилися».

398

«Голубочка наша Масленая,
Протянися хоть немножечко!
Увесь день до вечера,
Усю ночь до по́лночи».
— «Я бы и рада протянуться,
Да в мене голосу нету!»

399

Ой, Масленица, потянися,
Ты за дуб, за колоду зацепися!

Ой, казали: нашей Масленой семь годков,
А у нашей Масленицы семь деньков!

Ой, Масленица, потянися,
Ты за дуб, за колоду зацепися!

ВСТРЕЧА ВЕСНЫ

ВЕСНЯНКИ

400

Благослови, мати,
Весну закликати.
Рано, рано,
Весну закликати.

Весну закликати,
Зиму провожати,
Рано, рано,
Зиму провожати.

Зи́мочку в возо́чку,
Ле́течко в челно́чку.
Рано, рано,
Летечко в челночку.

401

Благослови, боже,
На взго́рочку сести,
Весну загука́ти,
Летечко отмыкати,
Зиму замыкати:
Ле́течко тёпленько,
Зима студёная,
Летечко в като́чку,
Зима в полозо́чку.

402

Бослави, боже,
Весну гукати,
Ай лёли-лёли,
Весну гукати,
Весну гукати,
Зиму забувать,
Ай лёли-лёли,
Зиму забувать.
Зиму забувать,
Лето дожидать,
Ай лёли-лёли,
Лето дожидать.
Зароди, боже,
Жита гу́стые,
Ай лёли-лёли,
Жита густые,
Жита густые,
Ядрянистые,
Ай лёли-лёли,
Ядрянистые,
Ядрянистые,
Колосистые,
Ай лёли-лёли,
Колосистые.

403

Ой, босла́, боже,
Да весну красну кли́кати
На теплые лета,
На густые жита,
Да на яру пшеницу,
Да на зелены конопли!
Ой, со густого жита
Будем пиво варить,
С зеленых конопли
Будем ма́сло бить,
С ярой пшеницы
Пироги будем печь!

404

Благослови, боже,
Благослови, Христос,
Нам весну зачати,
А зиму проклясти!
Ой весна красна́,
Тёпло летечко!
Что нам вынесла?
«Короб житушка,
Два — пшеничушки,
Малым детушкам
По яичушку,
Красным девушкам
По перстёночку,
Молодым молодушкам
По детенышку,
Старым старушкам
По рублевику».

405

Приди к нам, весна,
Со радостью!
Со великою к нам
Со милостью!
Со рожью зернистою,
Со пшеничкой золотистою,
С овсом кучерявым,
С ячменем усатыим,
Со просом, со гречею,
С калиной-малиною,
С черной смородиною,
С грушами, со яблочками,
Со всякой садовинкой,
С цветами лазоревыми,
С травушкой-муравушкой!

406

Весна красна,
Теплое летице!
Ой лели-лели,
Теплое летице!

Лето теплое,
Зима холодная.
Ой лели-лели,
Зима холодная!

Зароди, боже,
Жито гу́стое,
Ой лели-лели,
Жито гу́стое!

Жито гу́стое,
Колосистое!
Ой лели-лели,
Колосистое!

407

Дай, весна,
Добрые годы,

Годы добрые,
Хлебородные!

Зароди жито
Гу́стое,

Жито густое,
Колосистое,

Колосистое,
Ядрянистое, —

Чтобы было с чего
Пиво варити,

Пиво варити,
Ребят женити.

Ребят женити,
Девок отдавати.

408

Весна красная,
Теплое летечко,
 Ай люли-люли,
 Теплое летечко.

Вот пришла весна,
Весна красная,
 Ай люли-люли,
 Весна красная.

Принесла весна
Золоты ключи,
 Ай люли-люли,
 Золоты ключи.

Ты замкни, весна,
Зиму лютую,
 Ай люли-люли,
 Зиму лютую.

Отомкни, весна,
Тёпло летечко,
 Ай люли-люли,
 Тёпло летечко.

Зароди, весна,
Жито гу́стое,
 Ай люли-люли,
 Жито густое.

Жито густое,
Колосистое,
 Ай люли-люли,
 Колосистое.

Чтоб было с чего
Пиво варити,
    Ай люли-люли,
    Пиво варити.

Чтоб было с чего
Пирогов напечь,
    Ай люли-люли,
    Пирогов напечь.

Пирогов напечь,
Сынов поженить,
    Ай люли-люли,
    Сынов поженить.

409

Ох, весна красна
Всё повытрясла,
Из закромов
Всё повыскребла,
Новым веничком
Всё повымела.

410

Жаворонок,
Жаворонок!
На́ тебе зиму,
А нам лето!
На́ тебе сани,
А нам телегу!

411

    Лето, лето!
Лето теплое!
Жавороночки,
Перлетайте вы сюда!

Нам зима-то надоела,
Весь и хлебушек поела,
И суконки подрала,
И лаптишки изорвала,
Еще больше не спросила!

412

Жавороночки,
Прилетите к нам!

Принесите нам
Тёплу ле́тушку!

Нам зима-то надоела,
Весь хлебушек поела,

И соломку подбрала,
И мякинку подмела.

«Весна красна!
На чем пришла?»

«На кнутику,
На хомутику,

На сохе, бороне,
На холодной воде!»

413

Уж ты пташечка,
Ты залетная!
Ты слетай
На синё море,
Ты возьми
Ключи весенние,
Замкни зиму,
Отомкни лето!

414

Жаворонки,
Жавороночки!
Прилетите к нам,
Принесите нам
Лето теплое!
Унесите от нас
Зиму холодную!
Нам холодная зима
Надоскучила,
Руки, ноги
Отморозила!

415

Жаворонки,
Перепёлушки,
Птички-ласточки!
Прилетите к нам!
Весну ясную,
Весну красную
Принесите нам!
На жердочке,
На бороздочке,
И с сохой, и с бороной,
И с кобылой вороной,
С пряльцем, с донцем,
С кривым веретенцем!
Зима нам надоела,
Хлеб и сено поела,
Ручки-ножки познобила,
Скотинушку поморила!

416

Лето, лето,
Поди сюда!
А ты, зима,
Ступай на моря!

Надоела нам,
Надоскучилася,
Э, рученьки
Приморозила,
Все суставчики
Перезно́била,
Метель глазки все
Повыхлестала,
Метель-вьюга
Всё повымела.

Уж вы жаворонки,
Жавороночки,
Прилетите вы к нам,
Принесите вы нам
Лето теплое,
Весну красную!
Хоть под крылышком,
Под буты́лышком!

А соха-борона,
Ступай на поля,
Вспаши, взборони
Хлебца новенького,
Хлебца новенького,
Посолененького!

Две ластушки,
Три касатушки!
Коровки ревут —
На волю хотят,
Лошадки идут —
Они травки ждут,
Свинки хрюча́т —
Корешков хотят,
Овечки кричат —
Они травки хотят,
Шелко́вой травы,
Ключевой воды.

417

Гáлушка-ключница,
Черная ключница,
Да вылети з-за моря,
Да вынеси два ключа,
Два ключа в золоте,
Третий да в сéребре!
Ты замкни зиму,
Зиму да холодную,
Да голодную!
Отомкни лето,
Лето теплое,
Да веселое,
Промышленое!

418

Гáлушка-ключница!
Вылети с зáморья,
Вынеси два ключа,
Два ключа золóтые!

Зáмкни зиму холодную,
Отóмкни лето,
Лето теплое!
Выпускай трáву шёлковую,
Расстилай рóсу жéмчужную!

Пó той по травушке
Хóдили три павушки,
Три павы́-купавы́.

Первая павушка,
Первая купавая
У ясном золоте.

Другая павушка,
Другая купавая
У чистом сéребре.

Третья павушка,
Третья купавая
В атласе у бархате.

У ясном золоте
То жена Иванова
Татьяна Самойловна!

А в чистом серебре
То жена Тихонова
Агафья Федоровна!

В атласе у бархате
То жена Михайлова
Графена Семеновна!

419

Жаворо́нки,
Жаворонки,
Прилетите!
Красну́ вёсну
Принесите!
Зи́му холо́дну
Унесите!
Галки, галки,
При́несите по па́лке!
Голубочки,
Голубочки,
Принесите
По клубочку!
Ку́кушки, куку́шки,
Принесите
По моту́шке!
Си́ницы, сини́цы,
При́несите по спице!
Канарейки,
Канарейки,
При́несите по шве́йке!

Че́чотки, чечо́тки,
При́несите по щетке!
То́гда, утки,
Дуйте в дудки,
Тараканы —
В барабаны!

420

Жаворонки,
Прилетите!
Красну весну
Принесите!
Нам зима-то
Надоела,
Весь хлеб
У нас поела,
Нет ни хлеба,
Ни картошки,
Самовар
Стоит на окошке,
Чай я выпил,
Сахар съел,
Самовар
На кол надел.

421

Маленькая пташка
Высо́ко летала,
Да у бога пытала:
«Отдай, боже, ключи
От новенькой клети!
Зимушку запе́рти,
Ле́течко й отпе́рти».

422

Ты пчелынька,
Пчелка ярая!
Ты вылети за́ море,
Ты вынеси ключики,
Ключики золо́тые.
Ты замкни зимоньку,
Зимоньку студеную!
Отомкни летечко,
Летечко теплое,
Летечко теплое,
Лето хлебородное!

423

Ты пчелычка ярая,
Ты вылети с за́моря,
Ой лялё-лялё,
Ты вылети с заморя!

Ты вылети с заморя,
Ты вынеси ключики,
Ой лялё-лялё,
Ты вынеси ключики!

Ты вынеси ключики,
Ключи золо́тые,
Ой лялё-лялё,
Ключи золотые!

Замкни зи́моньку,
Отомкни летечко,
Ой лялё-лялё,
Отомкни летечко!

Отомкни летечко,
Лето теплое,
Ой лялё-лялё,
Лето теплое!

Лето теплое,
Зима студеная!
Ой лялё-лялё,
Зима студеная!

424

Сама мати Пречистая
На улицу выходила,
Лелемьё-лелем,
На улицу выходила.

Ключи выносила,
Да зиму замыкала,
Лелемьё-лелем,
Да зиму замыкала.

Да зиму замыкала,
А лето отмыкала,
Лелемьё-лелем,
А лето отмыкала.

Ой, дай, боже, лето,
Зароди, боже, жито!
Лелемьё-лелем,
Зароди, боже, жито!

Кусти́сто, ряси́сто,
Да еще колосисто.
Лелемьё-лелем,
Да еще колосисто!

Прасковьюшка ма́ла,
Стоя жито жа́ла,
Лелемьё-лелем,
Стоя жито жала,

Снопов не вязала,
Батюшку ожидала,
Лелемьё-лелем,
Батюшку ожидала.

Батюшка приедет,
Сно́почки повяжет,
    Лелемьё-лелем,
    Снопочки повяжет,

В ку́чечку посносит,
В клеточки положит,
    Лелемьё-лелем,
    В клеточки положит!

425

Кулики, кулики
Куликали,
Весну красную
Закликали:
«Весна красна,
На чем пришла?»

«На сохе, бороне,
На кривой кочерге,
На жёрдочке,
На бороздочке,
На ржаном колоску,
На пшеничном пирожку».

426

«Весна, весна,
На чем пришла?»

«На сохе, на бороне,
На кобыле вороне́!»

Ой вы жаворонки,
Жавороночки!
Летите в поле,
Несите здоровье:
Первое коровье,
Второе овечье,
Третье человечье!

427

«Весна красна,
На чем пришла?»
— «На жердочке,
На боро́здочке,
На овсяном колосочке,
На пшеничном пирожочке».
— «А мы весну́ ждали,
Клочки допрядали».
Летел кулик из за́морья,
Принес кулик
Девять за́мков.
«Кулик, кулик!
Замыкай зиму,
Замыкай зиму,
Отпирай весну —
Теплое лето!»

428

Весна красна,
На чем пришла?
На кнутике,
На хомутике,
На овсяном пучке,
На пшеничном колоске.

429

Весна красна,
Теплое лето,
Весна красна!

Ой, что ж ты на́ма
Да ты вынесла,
Ой, что ж ты нам?

С пуньки лялетку
Да й вытрясла,
    С пуньки лялетку,

С коробов жито
Да ты выгребла,
    С коробов жито?

Ой, красным девкам
По веночку,
    Ой, девушкам,

А ребятам
По яичку,
    А ребятам,

А молодухам,
По люлечке,
    А молодухам,

Старым старухам
По киечичку,
    Старым старухам.

430

Весна красна,
Теплое летечко!
    Люли-люли,
    Теплое летечко.

Весна красна,
Что ж ты нам вынесла?
    Люли-люли,
    Что ж ты нам вынесла?

Малым деточкам
По яичечку,
    Люли-люли,
    По яичечку.

Красным девушкам
По женишéчку,
Люли-люли,
По женишечку.

431

Весна красна,
Почему пришла?
Ой люли-люли,
Почему пришла?

А чтó ты нам
Принесла?
Ой люли-люли,
Ты что принесла?

Девкам по ленточке,
Ребятам по шапочке,
Ой люли-люли,
Ребятам по шапочке.

Солнышко-семенушко,
Вылети из зáморья!
Ой люли-люли,
Вылети из зáморья.

Вынеси-ко ключи,
Ключи зóлоты,
Ой люли-люли,
Ключи золоты.

Ты замкни зиму,
Зиму холодную,
Ой люли-люли,
Зиму холодную.

Отопри лето,
Лето теплоё!
Ой люли-люли,
Лето теплоё.

Рис. И. Егоровъ — Отпечатать позв. С.П.бургъ Января 11 д. 1851 г. Цен. В. Бекетовъ — Печ. въ Лит. А. Сурткина

Семикъ

432

Весна, где бывала,
Весна, где бывала?

В лесу зимовала,
В лесу зимовала,

Горо́д городила,
Горо́д городила,

Капусту садила,
Капусту садила,

Краски заводила,
Краски заводила.

433

Весна моя,
Весняночка,

Весняночка!
Где твоя дочка
Ульяночка,

Ульяночка?
Она в садо́чку
Шиёт сорочку,

Сорочку,
Она на ры́нку
Шиёт ширинку.

434

Синички-сестрички,
Тетки-чечетки,
Краснозобые
Снегирюшки,

Щеглята-молодцы,
Воры-воробьи!
Вы по воле
Полетайте,
Вы на вольной
Поживите,
К нам весну
Скорей ведите!

435

Солнышко-вёдрышко,
Выгляни, красное,
Из-за гóр-горы!
Выгляни, солнышко,
До вешней поры!
Видело ль ты, вёдрышко,
Красную весну?
Встретило ли, красное,
Ты свою сестру?
Видело ли, солнышко,
Старую ягу,
Бабу ли ягу —
Ведьму-зиму?
Как она, лютая,
От весны ушла,
От краснóй беглá,
В мешке стужу несла,
Холод нá землю трясла,
Сама оступилась,
Под гору покатилась.

436

Дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дедову пшеницу,
На девкин лен
Поливай ведром!

Ой, весна! Ой, красна!
Ты куда ушла,
Ты куда ушла,
Куда делася?

Где старухи-то сидели,
Кулаком землю пробили,
Кулаком землю пробили,
Про невестушек судили:

«У меня невестка
Такова́-сякова́,
Неуря́дливая,
Недогадливая!

Без муки́ хлебы́ месила,
Без воды кисель цедила,
Блины по́лбенные,
Неубо́лтанные.

Поставила на дрожжах,
Их не сдержишь на вожжах!
Прибавила ва́ру,
Убегли к амбару,

Прибавила гущи,
Они еще пуще!
Поставила кросна́ —
Им девятая весна,

Им девятая весна,
На десяту перешла.
На коклюшках на стану́
Трава выросла,

На коклюшках на стану
Трава выросла,
На прошести на стану
Клушка цыплят вывела!»

ВЕСЕННИЕ ИГРОВЫЕ И ЛИРИЧЕСКИЕ

438

Веселитеся, подружки,
К нам весна скоро придет,
Весна придет, солнце взойдет,
Сгонит сне́жки, с гор бело́й мороз.
Разольются быстры речки,
Все мелки́е да ручейка́.
Расцветут в поле цветочки,
Все ракитовы куста́.
Промежу́ этих кусточков
Волга-речка протекла,
А на этих на кусточках
Мелки пташечки поют,
Мелки пташки, канарейки,
Весело больно поют.

439

Весна пришла,
Игра пошла.
Ой ка́лин да,
Ой ма́лин да!

Все девушки
На улице,

Молодушке
Нет волюшки.

Дитя плачет,
Домой кричит!

Пойду домой,
Возьму топор,

Срублю сучок
Во весь дубок,

Пущу дитя
По всей реке:

«И спи-усни,
Хоть черт возьми!»

Ой калин да,
Ой малин да!

440

Пришла матка,
Весна красна!

Весна красна,
Дни теплые!

Добры кони
В луга пошли,

Красны девки
На улицу вышли,

Молодушки
Заплакали:

«Воля, воля
Красным девкам,

А нам, молодкам,
И воли нет!»

У молодки
Три заботки:

Перва заботка —
Дитё кричит,

Друга заботка —
Горшок кипит,

Третья заботка —
Старый муж кличет.

Дитё уйму
Белою грудью,

Горшок уйму —
Вон выставлю,

Старого уйму
Поленом с гряд,

Березами
Нетесаными!

Сошью люльку
О семи лубков,

Совью веревку
О семи сажéн,

Повешу люльку
Посередь двора,

Посередь двора
На жердочке.

Положу в люльку
Старого черта,

Стану старого
Я баюкати:

«Ты бай, бай, бай,
Ты старый черт,

Либо усни,
Либо умри,

Меня младу
Гулять пусти,

Гулять пусти
На улицу!»

441

Как пошел чижик
Вдоль по улице.
Чи́жик, чижи́к,
Чи́жичек мой!

А за им бабы
Вереницею:

«Ты скажи, чижик,
А всее́ правду.

А кому ж у нас
Го́ре горевать?»

«Горевать горе́
Молодушечкам!

Первое горе́ —
Колыбель качать,

Второе горе́ —
А жар загребать.

Третье горе́ —
Мужа уважать».
Чижик, чижик,
Чижичек мой!

442

Сходим мы вдоль по ельничку,
Вдоль по ельничку,
Спросим мы
Рощу по ро́щице:
«Роща ль моя рощица,
Вот какова!»

Съездим мы
Вдоль по ельничку,
Спросим мы
Рощу по рощице:
«Роща ль моя рощица,
Вот какова!»

443

«Мы чащобу чистили, чистили,
Ой дид-ладо, чистили, чистили!

А мы хворост таскали, таскали,
Ой дид-ладо, таскали, таскали!

Мы чащобу пахали, пахали,
Ой дид-ладо, пахали, пахали!

Мы чащобу борновали, борновали,
Ой дид-ладо, борновали, борновали!

А мы просо сеяли, сеяли,
Ой дид-ладо, сеяли, сеяли!

А мы просо ломали, ломали,
Ой дид-ладо, ломали, ломали!

А мы просо пололи, пололи,
Ой дид-ладо, пололи, пололи!

А мы просо валили, валили,
Ой дид-ладо, валили, валили!

А мы просо вязали, вязали,
Ой дид-ладо, вязали, вязали!

А мы просо копнили, копнили,
Ой дид-ладо, копнили, копнили!

А мы копны считали, считали,
Ой дид-ладо, считали, считали!

А мы копны возили, возили,
Ой дид-ладо, возили, возили!

А мы просо молотили, молотили,
Ой дид-ладо, молотили, молотили!

А мы просо веяли, веяли,
Ой дид-ладо, веяли, веяли!

А мы просо меряли, меряли,
Ой дид-ладо, меряли, меряли!

А мы меры считали, считали,
Ой дид-ладо, считали, считали!

А мы в амбар ссыпали, ссыпали,
Ой дид-ладо, ссыпали, ссыпали!

А мы амбар запирали, запирали,
Ой дид-ладо, запирали, запирали!

А мы ключи принимали, принимали,
Ой дид-ладо, принимали, принимали!»

— «А мы коней запустим, запустим,
Ой дид-ладо, запустим, запустим!»

«А мы коней изловим, изловим,
Ой дид-ладо, изловим, изловим!»

— «Чем же вы их словите, словите,
Ой дид-ладо, словите, словите?»

«Шелковыми поводами, поводами,
Ой дид-ладо, поводами, поводами!»

— «А мы коней выкупим, выкупим,
Ой дид-ладо, выкупим, выкупим!»

«Чем же вы их выкупите, выкупите,
Ой дид-ладо, выкупите, выкупите?»,

— «Мы дадим сто рублей, сто рублей,
Ой дид-ладо, сто рублей, сто рублей!»

«Нам не надо сто рублей, сто рублей,
Ой дид-ладо, сто рублей, сто рублей!»

— «А мы дадим тысячу, тысячу,
Ой дид-ладо, тысячу, тысячу!»

«Нам не надо тысячи, тысячи,
Ой дид-ладо, тысячи, тысячи!»

— «А мы дадим сметы нет, сметы нет,
Ой дид-ладо, сметы нет, сметы нет!»

«Нам не надо сметы нет, сметы нет,
Ой дид-ладо, сметы нет, сметы нет!»

— «Чего же вам надобно, надобно,
Ой дид-ладо, надобно, надобно?»

«Нам надобно девушку, девушку,
Ой дид-ладо, девушку, девушку!»

— «За девушку денежку, денежку,
Ой дид-ладо, денежку, денежку!»

«За молодца сто рублей, сто рублей,
Ой дид-ладо, сто рублей, сто рублей!»

— «За молодца надо девушку, девушку,
Ой дид-ладо, девушку, девушку!»

444

За лесом, за гаем,
За темным, зеленым,
И-вой ляли́-лёли,
Али-лёй ляли-лёли!

За темным, зеленым
Там наши пахали,

А в четыре сохи,
Пятая боро́нушка,

Пятая боронушка,
Шестая молодушка.

Она лен рассевала,
Приговор держала:

«Зароди, боже, лен, лен,
И тонок и высок!

Да бумажные перья,
Жемчужное семя!»
И-вой ляли-лёли,
Али-лёй ляли-лёли!

445

С по́д-лесу, лесу
Жито колосисто.

На́ские девки
До́бры, голосисты.

По́ полю ходят,
Весело гуляют.

Лен-лено́к сеют,
Зелен расстилают.

«Родись, мой леночек,
Тонок и долог!

Уверх голови́стый,
А вниз коренистый!»

Стал мой леночек
Зреть и поспевати.

Стала молоденька
Плакать-горевати:

«Кто ж со мной будет
Леночек тягати?»

Свекор говорит:
«А я за тобою.

А я за тобою,
Снохой молодою».

«Это мне не радость,
Это не веселье.

Брань да хлопо́ты,
Больше заботы».

Муж мой говорит:
«А я за тобою,

А я за тобою,
Женой молодою!»

«Вот это мне радость,
Вот это веселье».

446

Под лесом, лесочком,
Под темным, зеленым,
Сеяли, сеяли
Девки лен, лен,
Сеявши, говорили:
«Зародися, мой льнище,
И долог, и тонок!

Золотое коренье,
Серебряно семя!»
Стали горевати:
Не с кем и льну,
И льну брати.
Муж говорит:
«Пойду ж я с тобою,
С молодою женою».
— «Какое ж твое бра́нье —
Весь день целованье!»

447

Сею-вею, сею-вею,
Сею-вею леночек,
Сею-вею леночек.

Тонкий-белый,
Тонкий-белый,
Тонкий-белый кужалёчек,
Тонкий-белый кужалёчек.

Не с кем лёну,
Не с кем лёну,
Не с кем лёну выбирати,
Не с кем лёну выбирати.

Свекор кажет,
Свекор кажет,
Свекор кажет, я с тобою,
Свекор кажет, я с тобою.

Я с тобою,
Я с тобою,
Я с тобою, молодою,
Я с тобою, молодою.

То не бральня,
То не бральня,
То не бральня-выбиральня,
То не бральня-выбиральня.

Тяжело́е,
Тяжелое,
Тяжелое воздыханье,
Тяжелое воздыханье.

Сею-вею,
Сею-вею,
Сею-вею леночек,
Сею-вею леночек.

Тонкий-белый,
Тонкий-белый,
Тонкий-белый кужалёчек,
Тонкий-белый кужалёчек.

Не с кем лёну,
Не с кем лёну,
Не с кем лёну выбирати,
Не с кем лёну выбирати.

Свекровь кажет,
Свекровь кажет,
Свекровь кажет, я с тобою,
Свекровь кажет, я с тобою.

Я с тобою,
Я с тобою,
Я с тобою, молодою,
Я с тобою, молодою.

То не бральня,
То не бральня,
То не бральня-выбиральня,
То не бральня-выбиральня.

Тяжело́е,
Тяжелое,
Тяжелое воздыханье,
Тяжелое воздыханье.

Сею-вею,
Сею-вею,

Сею-вею леночек,
Сею-вею леночек.

Тонкий-белый,
Тонкий-белый,
Тонкий-белый кужалёчек,
Тонкий-белый кужалёчек.

Не с кем лёну,
Не с кем лёну,
Не с кем лёну выбирати,
Не с кем лёну выбирати.

Милый кажет,
Милый кажет,
Милый кажет, я с тобою,
Милый кажет, я с тобою.

Я с тобою,
Я с тобою,
Я с тобою, молодою,
Я с тобою, молодою.

Вот то бральня,
Вот то бральня,
Вот то бральня-выбиральня,
Вот то бральня-выбиральня.

Легонькое,
Легонькое,
Легонькое воздыханье,
Легонькое воздыханье.

448

Под дубравою лен, лен,
Под зеленою лен, лен.
Уж я сеяла, сеяла ленок,
Уж я, сея, приговаривала,

Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
«Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!»

«Научи меня, мати,
Как белый лен полоть».
— «Еще так, да вот так, чи дочи,
Вот так, да чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки».

Я полола, полола ленок,
Я полола, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
«Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!»

«Научи меня, мати,
Как белый лен дергать».
— «Еще так, да вот так, чи дочи,
Вот так, да чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки».

Уж я дергала, дергала ленок,
Уж я дергала, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
«Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький».

«Научи меня, мати,
Как белый лен стлати».
— «Еще так, да вот так, чи дочи,
Вот так, да чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки».

Уж я стлала, я стлала ленок,
Уж я стлала, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
«Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!»

«Научи меня, мати,
Как белый лен сушить».
— «Еще так, да вот так, чи дочи,
Вот так, да чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки».

Я сушила, сушила ленок,
Я сушила, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
«Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!»

«Научи меня, мати,
Как белый лен мяти».
— «Еще так, да вот так, чи дочи,
Вот так, да чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки».

Уж я мяла, я мяла ленок,
Уж я мяла, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
«Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!»

«Научи меня, мати,
Как белый лен трепати».
— «Еще так, да вот так, чи дочи,
Вот так, да чи дочки мои,

Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки».

Я трепала, трепала ленок,
Я трепала, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
«Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!»

«Научи меня, мати,
Как белый лен чесати».
— «Еще так, да вот так, чи дочи,
Вот так, да чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки».

Я чесала, чесала ленок,
Я чесала, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
«Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!»

«Научи меня, мати,
Как белый лен прясти».
— «Еще так, да вот так, чи дочи,
Вот так, да чи дочки мои,
Вот так, да голубушки,
Вот так, да голубушки».

Уж я пряла, пряла ленок,
Уж я пряла, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
«Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!»

449

Да посеяли, да посеяли,
Посеяли девки лен.
Танцы, бранцы, веретёнца,
Вертатушки, вертата!

Да посеявши, пололи,
Да посеявши, пололи,

Да посеявши, пололи,
Да белы́ руки́ кололи.

«Да куда тебя шут нес
На корявый мост».

— «Мне сказали, что мой лен
Весь истоптан он,

Я схватила шушпани́шко,
Побежала на лёнишко,

Посмотрела на свой лен,
Весь нетоптанный он».
Танцы, бранцы, веретёнца,
Вертатушки, вертата!

450

Сеяли девушки яровой хмель,
Сеяли девушки яровой хмель, ах,

Сеяли, садили, приговаривали, ах,
Сеяли, садили, приговаривали:

«Расти, хмель, по тычинке в день,
Расти, хмель, по тычинке в день, ах!

Без тебя, хмелюшко, не водится, ах,
Без тебя, хмелюшко, не водится,

Молоды ребятушки не женятся,
Молоды ребятушки не женятся, ах,

Красные девушки замуж нейдут, ах,
Красные девушки замуж нейдут».

Вздумала Дуняшенька замуж пошла,
Вздумала Дуняшенька замуж пошла, ах.

Теща для зятя приудобрилася, ах,
Теща для зятя приудобрилася,

Пива наварила и пирог испекла,
Пива наварила и пирог испекла, ах,

Соли, муки на четыре рубля, ах,
Соли, муки на четыре рубля,

Сахару, изюму на восемь рублей,
Сахару, изюму на восемь рублей, ах,

Стал наш пирог во двенадцать рублей, ах,
Стал наш пирог во двенадцать рублей.

Думала, гадала — семерым пирог не съесть,
Думала, гадала — семерым пирог не съесть, ах.

Зять был смел, за присест пирог съел, ах,
Зять был смел, за присест пирог съел.

Теща по горенке похаживает,
Теща по горенке похаживает, ах,

Косо на зятюшку поглядывает, ах,
Косо на зятюшку поглядывает,

Потихоньку зятюшку побранивает,
Потихоньку зятюшку побранивает, ах:

«Ах и как же тебя, зятюшко, не разорвало, ах,
Как же тебя, зятюшко, не разорвало!»

«Разорви, разорви тещу мою,
Разорви, разорви тещу мою, ах,

Тещу мою со своячинею, ах,
Тещу мою со своячинею!

Приходи-ко, теща, об масленой четверг,
Приходи-ко, теща, об масленой четверг, ах,

Я ж тебе, теща, честь воздам, ах,
Я ж тебе, теща, честь воздам!»

Честь воздавал, три дубины изломал,
Честь воздавал, три дубины изломал, ах!

Первая дубинушка дубовенькая, ах,
Первая дубинушка дубовенькая,

Другая дубинушка вязовенькая,
Другая дубинушка вязовенькая, ах,

Третий кнут по заказу свит, ах,
Третий кнут по заказу свит.

Рвалася, рвалася, насйл вырвалася,
Рвалася, рвалася, насил вырвалася, ах,

Бежала, бежала, приупы́халася, ах,
Бежала, бежала, приупыхалася,

Подбежала ко двору и упала на полу,
Подбежала ко двору и упала на полу, ах:

«Ах, детушки, батюшки, глядите в окно, ах,
Детушки, батюшки, глядите в окно,

Глядите в окно, кабы зять не пришел,
Глядите в окно, кабы зять не пришел, ах!»

«Матушка-ластушка, зять у ворот, ах,
Матушка-ластушка, зять у ворот,

Зять у ворот, на похмелье зовет,
Зять у ворот, на похмелье зовет, ах».

«Ах, детушки, батюшки, скажите ему, ах,
Детушки, батюшки, скажите ему:

С пива, с вина разломила спина,
С пива, с вина разломила спина, ах,

С сахару, с изюму заболела голова, ах,
С сахару, с изюму заболела голова».

451

«Кто с нами, кто с нами
Пашеньку пахати,
Кто с нами?»
— «Мы с вами, мы с вами
Пашеньку пахати,
Мы с вами!»

«Кто с нами, кто с нами
Жито рассевати,
Кто с нами?»
— «Мы с вами, мы с вами
Жито рассевати,
Мы с вами!»

«Кто с нами, кто с нами,
Кто жито косити,
Кто с нами?»
— «Мы с вами, мы с вами,
Мы жито косити,
Мы с вами!»

«Кто с нами, кто с нами,
Кто жито вязати,
Кто с нами?»
— «Мы с вами, мы с вами,
Мы жито вязати,
Мы с вами!»

«Кто с нами, кто с нами,
Кто жито возити,
Кто с нами?»

— «Мы с вами, мы с вами,
Мы жито возити,
Мы с вами!»

«Кто с нами, кто с нами
Жито молотити,
Кто с нами?»
— «Мы с вами, мы с вами
Жито молотити,
Мы с вами!»

«Кто с нами, кто с нами
Жито перьвевати,
Кто с нами?»
— «Мы с вами, мы с вами
Жито перьвевати,
Мы с вами!»

«Кто с нами, кто с нами
Солод солодити,
Кто с нами?»
— «Мы с вами, мы с вами
Солод солодити,
Мы с вами!»

«Кто с нами, кто с нами,
Кто пиво варити,
Кто с нами?»
— «Мы с вами, мы с вами,
Мы пиво варити,
Мы с вами!»

«Кто с нами, кто с нами,
Кто сына женити,
Кто с нами?»
— «Мы с вами, мы с вами,
Мы сына женити,
Мы с вами!»

452

А на дворе ро́са,
А Марьичка бо́са, —
Студено́,
Сту́дено, студено́!

А Си́дорка купчик,
Купи черевички,
Малы-невелички,
Летничкѝ,
Ле́тнички, летничкѝ!

Белевы чулочки
Наденем на ножки, —
Хорошо́,
Хо́рошо, хорошо́!

Шёлковы подвязки
Всем на показки, —
Пригоже́,
При́гоже, пригоже́!

453

«Селезенька косатый,
Селезенька косатый,
Василька усатый!

Чему ж не женился,
Чему ж не женился?»
— «Ячмень не родился!

Марьичка не пошла,
Марьичка не пошла, —
Пшеничка не взошла!»

ЕГОРЬЕВСКИЕ

454

Мы ранешенько вставали,
Белы лица умывали,
Круг поля ходили,
Кресты становили,
Егорья окликали:
«Егорий ты наш храбрый,
Макарий преподобный!
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку —
В поле и за полем,
В лесе и за лесом!
Волку, медведю,
Старому зверю,
Лисице и зайцу —
Пень да колода,
На ра́менье дорога!..»

Если подадут:

Спасибо тебе, тетушка,
На добром слове,
На добром подаяньи!
Дай тебе бог
Сто быков-годовико́в,
Двести тёлушек,
Всё годо́вушек!

Если не подадут:

Злая, тебе, баба,
Пень да колода,
На ра́менье дорога!
В та́ртарары провалиться,
Назад поворотиться,
Чертовы горы пройти,
Назад дороги не найти!

455

Батюшка Егорий,
Макарий преподобный!
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку —
В поле и за полем,
В лесу за горами,
За широкими долами!
Волку, медведю —
Пень да колода,
Да белая береза,
Древеся́нный камешек!
Нашим-то тёлонькам —
Травка-муравка,
Зелененький лужок!
Пастух выйдет на лужок,
Заиграет во рожок.
Хорошо пастух играет,
Выговаривает:
«Телоньки, телитесь!
Свинки, пороситесь!
Курочки, неситесь!»
Хозяюшка, добри́ся,
Хозяин, не скупися,
Богу на свечку,
Ребятам по яе́чку!

Если не подадут:

Кто не даст яйца —
Всю скотинку со двора
Под медве́дюшка!

456

Уж мы к дому подходили,
Хозяина будили:
«Встань, обуди́ся,
Умойся, утрися,
Егорию помолися!»
Егорий батько храбрый,
Макарий преподобный!
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку —
В поле и за полем,
В лесе и за лесом,
За лесом — лесами,
За крутыми горами!
Волку с медведем —
Пень да колода,
По-за́-море дорога!
Зайцу с лисицей —
Горькая осина
По самую вершину!
Во́рону с вороной —
Камешек дресвяный!
Матушке скотинке,
Всей животинке —
Травка-муравка,
Зелененький лужок!
Петушок, топчи́ся,
Курочка, несися,
Хозяюшка, добрися!
Дай нам яичко
Егорию на свечку,
Дай нам другое
За наши труды
За егорьевские!
Мы Егорья окликали,
Мы Егорья окликали,
Трои лапти изодрали,
По бороздкам раскидали!

Если подадут:

Дай вам бог,
Надели́, Христос,

Двести коров,
Полтораста быков,
Семьдесят тёлушек
Лысеньких,
Криволысеньких!
Они в поле-то идут —
Всё помыкивают,
Они из поля идут —
Всё поигрывают.

Если не подадут:

Ни кола́, ни двора,
Нет ни ку́ричья пера!
Одна была корова,
И та нездорова!
Одна была овца,
И та яловица!
Хозяйка дьяволица!
Дай вам бог
Тараканов да клопов!

457

Мы вокруг поля ходили,
Егорья окликали,
Макарья величали:
«Егорий ты наш храбрый,
Макарий преподобный!
Ты спаси нашу скотину
В поле и за полем,
В лесу и за лесом,
Под светлым месяцем,
Под красным солнышком,
От волка хищного,
От медведя лютого,
От зверя лукавого!»

458

Выгоню коровушку
Со двора голико́м,
Приходи ко мне, коровушка,
Со всем молоком!

459

Пришла верба
Из-за мо́ря,
Принесла верба
Здоровья.
Верба хлёст,
Бей до слез!
Еще на здоровье,
До красненького яичка!

460

Погоним Юрья, погоним Юрья
В чисто поле,
Ой, рано, ой,
На мое чисто поле!

В чистом поле, в чистом поле
На кургане,
Ой, рано, ой,
На моем на кургане!

Засею я, засею я
Васильками,
Ой, рано, ой,
На моем васильками!

Хлопчики идут, хлопчики идут,
Васильки рвут,
Ой, рано, ой,
На моем васильки!

Девочки идут, девочки идут,
Песни поют,
Ой, рано, ой,
На моем песни поют!

461

Святой Илья
По межам ходит,
Святой Илья!

По межам ходит,
Жито родит,
По межам ходит!

По межам ходит,
Девок к себе просит,
По межам ходит!

«Ударьте, девки,
У ладошки,
Ударьте, девки!

Чтоб ладошки
Засвербели,
Чтоб ладошки!

Чтоб колосочки
Зазвенели,
Чтоб колосочки!»

462

Разгулялся Юрьев конь,
Юрьев конь, Юрьев конь.

Разбил камень копыто́м,
Ко́пытом, копыто́м.

А в том камне о́гня нет,
Огня нет, огня нет.

В мойго мужа правды нет,
Пра́вды нет, правды не́т:

Чужой жене башмачки,
Ба́шмачки, башмачки́,

Своей жене каверзни́,
Ка́верзни, каверзни́.

«Носи, жена, поблюдай,
По́блюдай, поблюда́й!

По праздни́чкам надевай,
На́девай, надева́й!»

А я мужу догажу,
До́гажу, догажу́,

Шею мужу рубашку,
Ру́башку, рубашку́,

Со стрекивной со листвой,
Со́ листвой, со листво́й,

Чтобы тело не свербело,
Не свербело, не свербело,

Чтобы в баню не хотело,
Не хотело, не хотело,

Чтобы баню не топить,
Не́ топить, не топи́ть,

Чтобы воду не носить,
Не́ носить, не носи́ть!

463

Что-то в саде,
Что-то в саде
Зазвенело,

Зазвенело!
Зазвенела
Юрья вода,

Юрья вода!
Марья млада
В саде была,

В саде была!
В саде была,
Воду брала,

Воду брала!
Воду брала,
Цветы рвала,

Цветы рвала!
Цветы рвала,
Венок вила,

Венок вила!
Венок вила,
В танок пошла.

ВОЛОЧЕБНЫЕ

464

Ну-те, братцы-товарищи!
Собирайтеся до ку́чечки!
Пройдемте в то́е село,
Поздравим их с праздником,

Их с праздником, с Христовым днем,
С Христовым днем красным яйцом!

В том селе лежит брусья,
Лежит брусья тесовая,
Тесовая, дубовая.
На том брусьи сидят мужи,
Сидят мужи, мужи честные,
Радят раду, раду добрую:

«Ну-те, братцы-товарищи!
Дожидаемся мы двух праздников,
Двух праздников веселеньких:
Первый праздник — свет Егорий,
Дру́гой праздник — свет Никола,
Свет Егорий с шелко́вой травой,
Свет Никола с засе́вочком,
С засевочком с овся́неньким».

«Ну-те, братцы-товарищи!
Собирайтеся до кучечки!
Будем радить раду добрую:
Кому у нас, братцы, запахивать,
Запахивать и засевать?»
— «Запахивать пану Ивану,
Засевать его брату!»

465

И не шум шумит, и не гром гремит, —
Христос воскрес на весь свет!
Идут-бредут волочебнички,
Это не волочебнички — разбойнички.
«Хозяинушка ты наш батюшка!
Ай спишь ты лежишь, али так лежишь?
Подари ты нас, волочебников!
Наши дары не велики, малы —
Пару яиц да и рюмку вина,
Рюмку вина да кусок пирога!

Не хочешь дарить — пойдем ты с нам,
Кий волочить, людей смешить!
Хозяинушка наш батюшка!
Что у твоем дворе случилося?
Зажги огонь, сходи ты на двор.
На твоем дворе три радости:
Перва радость — коровка телилася,
Друга радость — овечка ягнилася,
Третья радость — кобыла жеребилася.
Корова телила телочку,
Овечка ягнила ярочку,
Все ярочки по парочке,
Твоим дочкам на приданочки.
Кобыла жеребела коника,
Коника всё вороника!
Сходи в гумно, там три праздника:
Первый праздник — Христов день,
Второй праздник — Егоров день,
А третий праздник — Илья-пророк.
Он межи сжинал, стоги ставил».
Христос воскрес на весь свет!

466

Не гуси летят, не лебеди, —
Христос воскрес на весь свет!
Идут-бредут волочебнички,
Волочебнички, полуночнички.
«Челом здоров, хозяинушка!
Чи спишь-лежишь, аль спочиваешь?
Коли ж ты спишь, так бог с тобой!
Коли ж не спишь — говори ты с нам,
Не хошь говорить — ходи ты с нам,
Ходи ты с нам, с волочебничкам,
По темной ночи грязи толочи,
Собак дразнить, людей смешить!
Не хошь ходить — дари ж ты нас:
Наши подарки малы-велики,
Малы-велики — в двери не лезут,
В двери не лезут, в окны как шиют:

Починальничку сорок яичек,
Сорок яичек, золотой черво́н,
Золотой червон, кварту горелки,
Кварту горелки, сыр на тарелке;
Помощничкам хоть по десятку,
Хоть по десятку, хоть по́лзолотого,
Кварту горелки, сыр на тарелке;
Мехоно́ше пирог с ношу,
Дудари́ню хоть солони́ны:
Дуду помазать, струны погладить,
Чтобы играла, не залегала.
За этим же, хозяинушка,
Живи здорово, живи богато!
Дай тебе, боже, пиво варить,
Пиво варить, сынов женить,
Горелку гнать — дочек отдавать!
Христос воскрес на весь свет!

467

Ишли-брели волочёбники,
Христос воскрёс, сын божий!
Шаталися-пыталися,
К свойму двору припыталися.
«Якой же то богатый двор,
Богатый двор, железный тын,
Воротики тесовые,
Вереики точеные,
Подворотница — рыбное ребро,
Защепочка — сам рыбный зуб!
Да ти дома пан Семен Семеныч?»
Хоть и дома, да не кажется,
Не кажется, прибирается:
Надевает ку́нию шубу,
Надевает кунию шубу,
Сафьянные сапоги, ли́сию шапку.
«Жена моя да й милая,
И милая, любимая!
Да что ж это за шум шумит,
За шум шумит, за як ячит?»

— «Семен Семеныч, ярые пчелы,
Ярые пчелы на полет идут».
Середь двора стоит сосна,
На той сосне сизо́й голубь.
Семенушка натягивает
Калену стрелу,
Он хочет убить сизо́го голубя,
Сизо́й голубь прогласил ему:
«Семен Семеныч, не бей меня,
Не бей сизо́го голубя!
А я сижу не сизо́й голубь,
А я сижу святой Его́рья!»
Святой Егорья животину
У поле гонит с тихим ветром,
С дробным дождем, с красным солнцем.
Святой Илья по́ полю ходит,
Рожь зажинает, ко́пы считает.

Подарите-ка вы нас, певцов:
Починальничку по десяточку,
А нашим певцам по пяти да по шести,
А нашему дударю кусок солонины
Пальцы помазать, дуду наладить,
А нашим мехоно́шам пирог да калоши!
Не хочешь дарить — пойдем с нами:
Ночи́ коротать, грязи́ топтать!
Христос воскрёс, сын божий!

468

А йшли-брели волочёбники,
А йшли-брели да пыталися,
К чиему́ двору пригреба́лися:
«Чей же двор на горе стоит?»
Иванов двор на горе стоит,
Кругом двора железный тын,
Железный тын, медя́ны ворота,
Подворотницы — подзолотницы,
Защепочки все серебряные.
«Ты хозяинушка наш батюшка!

Не томи много да дари скоро!
Возьми сито, внеси жито!
Ай, дай, боже, сивых вопрёв,
Сивых вопрёв — толстых хребтов!
Ты внеси-тка пилясúну,
Пилясину во всю спину!
А починальничку да копá яиц,
А что за им поет, по пяти берет;
Скоморохова горькая доля:
Чарка горелки, сыр на тарелке.
Хозяинушка наш батюшка!
Не томи много да дари скоро!
А не хочешь дарить —
Ходи с нами ходить,
Грязи месить!»

469

По улице по широкой,
По мураве по зеленой
Ишли-брели волочёбные,
Шаталися-пыталися
Того села, того двора:
«Чей это двор — медя́ный забор,
Воротики щитовые,
Вере́юшки дубовые,
Подворотница — рыбья косточка,
Середи́ двора — кипучий колодезь,
Кипит-кипит рыжим золотом,
Рыжим золотом, чистым се́ребром?»
Туда ишла́ пани хозяйка,
Она ишла со ведёрцами,
Со ведерцами с тесовыми;
Размахнула ры́же золото,
Почерпнула чисто се́ребро,
Узнесла она на белы плечи,
Понесла она во светлицы,
Поставила на скамейцы:
«Слава богу, пане хозяин,
Слава богу, добра много!

А что будем с добра чинить?»
— «Закупим мы три праздничка,
Веселые, богомольные:
Первый праздник — Святой Велик день,
Дру́гой праздник — Юрий-Егорья,
Третий праздник — Святой Никола;
Святой Велик день с красным яйцом,
Юрий-Егорья с шелковой травой,
Святой Никола с засевочком».

Пане хозяин, не вели томить,
Не вели томить, прикажи дарить!
Наши дары невеликие,
Невеликие и немалые:
Начинальничку горькая доля,
Горькая доля — по́лик горелки,
А успевальничкам хоть по рюмочке,
Мехоноше мерку жита,
А рожевничку кусок сала,
Яешничку карец яе́ц!
Пане хозяин, ти чуешь ты,
Ти видишь ты,
Как мы тебя звеличаем,
По имени называем,
По отчеству звеличаем,
И с праздничком поздравляем?

470

Хозяюшка наша матушка!
                    Христос воскрес, сын божий!
Дари ты нас, не держи ты нас!
А наши дары невеликие:
Кусок сала да и пара яиц —
У дверь не лезут, у окошко дают!
Не хошь дарить — ходи ты с нам,
Кий волочить, грязи́ толочить,
Собак дразнить, людей смешить!
                    Христос воскрес, сын божий!

471

Далалынь, далалынь! По яиченьку!
Христос воскрес, сыне божий!
«Ты дома, не дома, хозяинушко?»
Он не кажется — величается,
Он сидит за столом, подпершись костылем.

Кто не даст конца пирога —
Мы корову за рога,
Кто не даст пару яе́ц —
Мы прогоним всех овец,
Кто не даст солонины кусок —
Мы свинью завалим!
Христос воскрес, сыне божий!

472

Стояла рыня тонка́, высока́,
Христос воскрёс на весь свет!
Тонка, высока, широ́м широка́.
У той рыни два столика,
Два столика дубовые,
Дубовые, тесовые.
На тых столиках всё скатерти,
Всё скатерти, всё бра́ные,
Всё браные, нашиванные.
На тых столах всё святки́,
Всё святки, всё праздничкн:
Первое свято — Велик Христов день,
Велик Христов день с красным яичком;
Другое свято — Юрий-Егорий:
Во чистом поле статок спасает,
Статок спасает, домой гоняет;
Третье свято — свя́той Микола,
Святой Микола около двора,
Около двора, кануни ва́рит.
Кануни варит, коники гля́дит;
Четвертое свято — свято Вознесенье,
Свято Вознесенье с синим цветом;

Пятое свято — святой Пётар,
Святой Пётар с белым сыром;
Шестое свято — Илья-пророк,
Илья-пророк по межам ходит,
По межам ходит, рожь зажинает,
Рожь зажинает, ярь наливает.
Ясен, красен мак в огороде,
Ясней, красней на поле снопы —
Всё аржаные, всё яровые;
Широк, высок на небе месяц,
Шире и выше на поле копы —
Всё аржаные, всё яровые.
Часты и густы на небе звезды,
Чащей, гущей на поле бабки —
Всё Иваны, всё Михеичи.
За этим же, хозяинушка,
Живи здорово, живи богато!
Дай тебе бог, сколько в поле дубков —
Столько тебе сынков, —
Сколько в поле ялу́шек —
Столько тебе дочу́шек.
Христос воскрёс на весь свет!

473

А что в поле рано гукало?
Христос воскрёс, сын божий!
Христос воскрёс!
Рано гукало жито густое:
«Пане хозяин, прийди ко мне!
Прийди ко мне, погляди мене!»
— «Слава богу на вышнего!
Стой, постой, мое житушко:
Пойду к ковалю, нарублю серпов,
Найму жнеек, красных девок,
Молоденьких молодушек».
Часты, густы звезды на небе,
Чащей того копы на земле;
Широк, высок месик на небе,
Шире того стожок на земле.

Слава богу на вышнего!
Создал нам бог добра много:
Спевальничкам на поличку,
Каждому певцу по красному яйцу.
Христос воскрёс, сын божий!
Христос воскрёс!

474

А что в поле стучит-грючит?
Христос воскрёс, сын божий!
Христос воскрёс!
Стучит-грючит вороная лошадь.
Никто тую лошадь не поймает,
Тот же барин поймает,
Он поймает, забратает,
Забратает, заседлает.
Заседлавши, он сам сядет,
Сам сядет да й поедет;
Он поедет в чистое поле,
Он поедет в чистое поле,
В чистое поле по охотушке.
По охотушке он езживал,
Дичинушку он любливал,
Кунью шубу он нашивал.
Христос воскрёс, сын божий!
Христос воскрёс!

475

На улице на широкой,
На мураве на зеленой
Застланы ковры шелко́вые.
Собралися все апостолы,
Породили себе чаду.
Они думать, они гадать;

Нарекли имя — Святой Илья,
Святой Илья у хозяина на куте.
Дай же бог, зашли, Христос,
Усё доброе, хорошее:
Жито гу́стое, колоси́стое,
Колосистое, ядряни́стое!

Хозяйнушка наш батюшка!
Ты куй серпы золотые,
У тебя жнеи молодые!
Золотым серпом под корешочек,
А белыми ручками на бере́мечко.
Часты-ясны на небе звезды,
Чаще́й того у хозяина копы!
Широк-ясён на небе месяц,
Шире того у его копы!

476

На улице на широкой,
На мураве на зеленой
А сидят-то там мужи честные,
Мужи честные, благочестные,
Радят раду, раду добрую,
Раду добрую, хозяйскую:
«Кто в этом лете запахивать будет?»
— «Запахивать будет паня Мельян:
Его кони воро́ные,
Его сохи дубовые,
Леме́шики булатные!»
«Кто в этом лете засевать будет?»
— «Засевать будет паня Ахрем:
Его рука счастливая,
Счастливая, хлебородная!»
Ай, дай же бог, зароди, Христос,
А в поле ядром, а в дворе добром!

477

Рано-рано солнце играло,
Ля-лёй, ля-лёй, ли-ля-лё!
Раньше того пава летала,
Пава летала, перья роняла.
Красная девка Марусенька
Сзади ходила, перья сбирала,
Перья сбирала, в рукав клала,
З рукава брала, венки плела,
Один венок к заутренке,
Другой венок к обеденке.
Надела венок, пошла к обедне.
Откуда увзнялись буйные ветры,
Буйные ветры, дробные дожди.
Схватили венок с буйной головы,
Понесли венок в чистое поле,
В чистое поле, в синее море.
Пошла Маруся заплакавши.
Навстречу к ей три рыболова,
Три рыболова все молодые,
Все молодые, все холостые.
«Здорово, здравствуй, Марусенька!
Куда идешь, Марусенька?»
— «А я иду, венок ищу».
«А что нам будет, Марусенька?»
— «Николаю я златой перстень,
Володе я поклонюсь-тка,
А за Ваню я сама пойду!»
Николай скочил — ступень помочил,
Володька скочил — по колено вода,
А Ванька скочил — венок схватил!
Ля-лёй, ля-лёй, ли-ля-лё!

478

З-за лесу черного,
Засылай, боже, святой Зосим!
З-за бору з-за щирого,
З-за моря з-за синего
Выходила туча темная, —

То не туча, то й не облачи́на.
Что у той тучи тихо говорила,
Говорила пчелиная мати:
«Ах вы пчелы, пчелы ярые,
В тую деревню в Медведовку,
Куда идете, куда пойдете?»
— «Мы идем, пойдем в тую деревню,
В тее сады Петраковы.
Паня Пётра Прохорович,
Ти есть у тебя столько судён?»
— «Ах вы пчелы, пчелы ярые,
А есть у меня столько судён;
Мои у́льлики понапе́рины,
Мои ко́шики понау́жены,
Мои бо́ртики поначищены.
Ах вы пчелы ярые,
Летите-ка по ульликам!»
Полетели они по ульликам,
Им ульликов недо́стало:
«Ах вы пчелы, пчелы ярые,
Летите-ка по ко́шикам!»
По кошикам не уселися.
«Ах вы пчелы, пчелы ярые,
Летите-ка по бортикам!»
По бортикам уселися.

Что по у́льликам — самому ему,
Что по ко́шикам — то детям его,
Что по бо́ртикам — то на мир божий.
Засылай, боже, святой Зосим!

ВЬЮНИШНЫЕ

479

Вьюнец-молодец!
Пора ти вставати,
Пришли окликати!

Встань-ко ты, проснися,
Во́денькой сплеснися,

Воденькой сплеснися,
Ширинкой утрися!

Ширинка-то шитáя,
Ши́та не доши́та,

Тремя шелкам бра́ныем,
Тремя шелкам ра́зныем:

Первым шелком красныем,
А другим зеленыем,

А другим зеленыем,
Третим шелком черныем.

Богу помолися,
Гостям поклонися,

Гости-те хорошие —
Сватушку со свахонькой,

Сватушку со свахонькой,
Шурину с невестушкой.

Как по сеням-сеням,
По новым высокиим

Ходили-гуляли
Три красны́ дéвицы,

Три красны девицы,
Вьюнцовы сéстрицы.

Самая большая
Коня выводила,

Средняя сéстрица
Коня обседлала,

Коня обседлала,
Вьюнца выспрошала,

Вьюнца выспрошала:
«Куда, вьюнец, едешь?»

«Я еду-поеду
На царскую службу,

На царскую службу,
На солдатску нужду.

Конь у меня добрый:
Правой ножкой топнет —

Всю силу положит,
Всю силу неверную».

Сама молодая
На коня сажала,

На коня сажала,
Вьюнца выспрошала,

Вьюнца выспрошала:
«Когда, вьюнец, будешь?»

«Я буду-побуду
На летний на праздник,

На летний на праздничек,
На самый на Петров денек:

Грязи-те повысохнут,
Травы-те повырастут».

Взволновалось море
Без ветру, без вихорю,

Без ветру, без вихорю,
Без частого дождичка.

Разыгралась рыба,
Рыба-то севрюга,

Выкинула камешек
На крут бережок,

Выкинула камешек,
Камешек дресвянышек,

Рассыпался камешек
На ма́ковы зернышки.

Вырастал тут кустичек,
Кустичек ракитовый,

На ку́сточке ка́шика,
На ка́шике пта́шика.

На кашике пташика,
Пташика соловушек.

Пташика соловушек
Поет-распевает,

Поет-распевает,
Вьюнца утешает,

Вьюнца со вьюницею.
А нам по яичку!

480

Нашаталась ли, вьюница,
По садам и городам?
Вьюнец ты, ой, молодой!
Не хватилась ли, вьюница,
За угожи дерева́?

Как в вершине тех дерев
Соловей гнездо свивал,

В середине тех дерев
Пчелы гнезда вьют,

Во корнях тех дерев
Горностай гнездо свивал,

Горностай гнездо свивал
Да малых деток выводил,

Малых деток выводил
Да на сине́ море́ пускал:

«Вы плывите, не топите,
По сине́му морю вдоль,

По синему морю вдоль,
Да ко вьюнцу прямо во двор,

Ко вьюнцу прямо во двор,
Да ко вьюнице во тере́м».

А вьюница не ленива,
Нову горенку мела,

Нову горенку мела,
Да звончаты гусли нашла.

Вот кому в гусли играти,
Всё выигрывати?

Уж играть ли, не играть ли
Всё вьюнцу-молодцу,

Утешать ли, не утешать ли
Всё вьюницу-молодицу.

А вьюнец в гусли играет,
Приговаривает:

«Если сына принесешь,
Я добра́ коня куплю,

Если дочь ты принесешь,
Я высок терем срублю.

Ой, он не низок, не высок,
Да на пятнадцати рядах,

На пятнадцати рядах
Да на шестнадцати столбах,

Крыша бархатная,
Печь муравленная,

Труба выведена,
Стругом выстругана,

Стругом выстругана,
Другим выглажена.

На передней-то стене
Три окошечка,

Три окошечка
Да три косящатые,

Три косящатые
Да все решетчатые.

Как во этом терему
Да на сосновоем полу,

На сосновоем полу
Дубовы́ столы стоят,

Дубовы столы стоят,
Да ножки то́ченые.

Ножки точеные,
Позолоченные.

Как на тех-то на столах
Белы скатерти лежат,

А на тех ли скатертях
Три угодьица стоят,

Три угодьица стоят
Да три угодливые.

Уж как перво-то угодье
Стоит скляница вина,

А второе-то угодье
Стоит пива яндова́.

А как третье-то угодье
Красны я́ица лежат.

Ах, как бы нам да молодцам
Да по рюмо́шечке винца,

По рюмошечке винца
Да по стаканчику пивца,

По стаканчику пивца
Да на закуску пирожка,

На закуску пирожка
Да по четыре б яйца,

По четыре б яйца
Да по пятому барыша,

Чтобы славушка была
Да про тебя ли про вьюнца,

Про тебя ли про вьюнца
Да со вьюницею.
Вьюнец ты, ой, молодой!

481

На горе было горе,
У Ивана на дворе.
Вьюнец-молодец,
Вьюница, эй, молодая!

Вырастало деревце
Да кипарисовое.

Как во этом деревце
Да три угодьица:

По вершине деревца
Да соловей песни поет,

Посередь-то деревца
Да пчелы яры гнезда вьют.

По коре́нь-то деревца
Да тут беседушка стоит,

Во беседушке сидит
Да удалой-от молодец,

Молодой-от молодец
Да Иваку́шка господин,

Иванушка господин
Да с молодой своей женой,

С молодой своей женой
Да с Парасковьей молодой.
Вьюнец-молодец,
Вьюница, эй, молодая!

482

Как в деревне во Ильинской
У Ефима молодца,
Вьюнец-молодец, молодая!
Вьюнец-молодец, молодая!
Вьюнец-молодец, молодая!
Вьюнец-молодец, молодой!

Что стоял тут терем
Со крутым верхо́м,

Со крутым верхом,
Со косящатым окном.

Против красного крыльца
Вырастало деревцо,

Вырастало деревцо
Трехугодливое.

Что в том ли терему
Дубовы́ столы стоят,

Дубовы столы стоят,
Бра́ны скатерти лежат.

На тех ли на столах
Медвяны́ яства́ стоят,

За теми ли столами
Князья, бояре сидят,

Медвяны яства едят,
Сахарны́е пи́тья пьют.

Сокатайтеся, бояре,
Со высо́ка терема,

Не сшибите деревца
Трехугодливого.

Еще первая угода
Под корень деревца,

А другая-то угода
Посередь деревца,

А третья-то угода
Под вершину деревца.

Под вершиной деревца —
Соловей гнездо вьет,

Он и яйца несет,
Молодых деток ведет.

Посередь деревца —
Пчелы ярые шумят,

Пчелы ярые шумят,
Много меду наносят.

Под коре́нь деревца —
Кровать нова тесова́,

Кровать нова тесова,
Перинушка пухова.

На той ли кроватушке
Ефимушка лежит,

С молодой своей жёной
Со Оксиньюшкой душой.

А у них в головах
Звончаты́ гусли лежат.

И кому в гусли играть,
Кому тешиться?

Играть в эти гусли
Ефиму молодцу,

Ему тешить, утешать
Молоду свою жену,

Молоду свою жену
Оксиньюшку душу.

Чем нас, молодцев,
Станут жаловати?

Пива ендовой
Или скляницей вина?

Скляницей вина
Или золотой казной?

Ничего нам не подашь —
Мы со двора пойдем,

Мы со двора пойдем,
Мы осердимся.

Мы осердимся,
Три беды сокурим.

Первую беду —
Ворота мы растворим,

Ворота мы растворим,
Коней пару уведем.

А другую-то беду —
Избы двери растворим,

Избы двери растворим,
Мы гостей ознобим.

Третью-то беду —
Во терем зайдем,

Во терем зайдем,
Мы заслон унесем,

Во печи остудим,
Гостей охолодим,

И вас, молодых,
На стыд наведем.

Если подадут:

Еще здравствуй, молодой,
С молодой своей женой,
И спасибо тебе, хозяин,
На жалованьи!
Вьюнец-молодец, молодая!
Вьюнец-молодец, молодая!
Вьюнец-молодец, молодая!
Вьюнец-молодец, молодой!

483

Дома ли хозяин
Со хозяюшкою?
Ой, вьюница!
Ой, молодая!

Ой, благословляй-ко ты, хозяин,
Молодых окликать!

Еще есть у тя, хозяин,
Три угоды во дворе:

Уж как первая угода —
Соловей гнезда вьет,

Соловей гнезда вьет,
Малых дётонек взведет.

Как вторая угода —
Белояры пчелы,

Белояры пчелы
Сладкий мед несли,

Сладкий мед несли
Ко вьюнцу-молодцу,

Ко вьюнцу-молодцу
Со обручной со своей,

С Евдокиюшкой душой
Со Васильевной.

Ох, уж как третья угода —
Есть тесовая кровать,

Ножки то́ченые,
Позолоченные.

Ох, на кроватке тесово́й
Лежит перина пухова́,

Ох, на перине пуховой
Лежит подушка парчева́,

Ох, на подушке парчевой
Лежит вьюнец-молодец,

Ох, вьюнец-молодец
Со обручной со своей,

С Евдокиюшкой душой
Со Васильевной.

Ох, что вьюнец-молодец
По сеничкам ходит,

По сеничкам ходит,
По новым гуляет,

По новым гуляет,
В гуслицá играет,

В гуслица играет,
Жéну утешает:

«Ох, ты не плачь-ко, не плачь,
Моя молода жена,

Евдокиюшка душа,
Дочь Васильевна!

Я не силой тебя взял,
Не уводом увел.

Я попéрво того
Сватовéй засылал,

Ох, я после того
Уж я сам заезжал,

Ох, перед батюшком твоим
На коленочках стоял,

Перед матерью твоей
Уж я спину гнул».

Ох, поткатывай деревца
Кипаристовые,

Ох, мы не воры пришли,
Не разбойнички,

Мы пришли певцы
Окликальшички,

Окликальшички
Да величальшички!

Ох, ты бери-ко, бери
Свои золоты ключи,

Отпирай, отпирай
Закованные лачи́,

Ох, вынимай, вынимай
Парчевы́ кошели,

Ох, оделяй, оделяй
Нас певцов-молодцов,

Окликальшичков
Да величальшичков!

Ох, хоть по денежке
Да по копеечке,

Ох, хоть по чарочке пивца,
По стаканчику винца,

Ох, уж как сверх-то того
По красно́му яйцу!
Ой, вьюница!
Ой, молодая!

484

Как жили да были
Три красные девицы,
Вьюнец-молодец!

Три красны девицы,
Вьюнцовы сестрицы.

Первая сестрица
С терему сходила,

С терему сходила,
Во стойло ходила,

Во стойло ходила,
Коня выводила,

Коня выводила,
На коня сажала,

На коня сажала,
Вьюнца воспрошала:

«Вьюнец-молодец!
Куда, вьюнец, едешь?»

«Я еду-поеду
На царскую службу,

На царскую службу
Царю послужити

Верой и правдой
Своей безызменной».

«Когда домой будешь?»
— «Вто́пор домой буду,

Втопор домой буду, —
Я коня изъезжу,

Я коня изъезжу,
Плеточкой измызжу,

Плеточкой измызжу,
Копье изморзую,

Копье изморзую, —
Вто́пор домой буду!»
Вьюнец-молодец!

485

У Василья во дворе
Вырастало деревцо,
Вьюница молодая!

Вырастало деревцо
Кипаристо-высоко,

Кипаристо-высоко,
Оно листьем широко,

Оно листьем широко,
Златоверховато.

Что во этом деревце
Три угоды хороши:

Во комли-то деревца
Кровать нóва тесовá,

Кровать нова тесовá,
Перинушка пуховá,

Перинушка пуховá,
Подушечка парчевá.

На перине пуховой,
На подушке парчевóй,

На подушке парчевой
Спит вьюнец-молодец,

Спит вьюнец-молодец
Со вьюницей со своей,

Со вьюницей со своей
Со Прасковьей госпожой.

Ты поди-тка буди
Свою мóлоду жену,

Парасковью госпожу,
Дочь Ивановну!

«Отвыкай, отвыкай
Своеё стороны,

Своеё стороны,
Свово батюшки,

Свово батюшки,
Своей матушки!

Привыкай, привыкай
Ко моей стороне,

Ко моей стороне,
К мому батюшке,

К мому батюшке,
К моей матушке!»

«Я ко свекру привыкала,
Я рубашечки шивала,

Я к свекрови привыкала,
Я кросéнца дотыкала,

А к деверьям привыкала,
Воды́ на руки давала,

Я к золовкам привыкала,
Русы ко́сы плела,

Я ткала, я пряла,
Я шелком шила,

Я шелком шила
И по золоту ходила!»

Отпирай, отпирай
Все окованы концы!

Вынимай, вынимай
Все парчовы кошели,

Все парчовы кошели,
Все кошелочки,

Все кошелочки,
Все мошоночки!

Оделяй оделяй
Нас певцов-молодцов!

Нас певцов-молодцов
Хошь по денежке,

Хошь по денежке,
По копеечке,

Либо по склянице вина,
Либо пива ендова́!

Покатися, яйцо,
С высокого терему!

С высокого терему,
Не сшибися с шолому!
Вьюница молодая!

486

Вьюница-молодица!
Выходи на крыльцо,
Выноси красно яйцо!
Если вынесешь яйцо —
Сделаем новое крыльцо.
А не вынесешь яйцо —
Разломаем всё крыльцо!

487

Что не пыль в поле пылит,
Не дуброва мать шумит,
Вьюнец молодой,
Вьюница молодая!
Не дуброва мать шумит,
Сила-армия валит.

Приворачивай, ребята,
На крутую на го́ру,

На крутую на гору
Ко вьюнцову ко двору.

Что не этот ли, ребятушки,
Вьюнцов-от стоит двор?

Что вьюнцов-от стоит двор
На семи стоит верстах,

На семи стоит верстах,
На чугунных столбах,

На чугунных столбах,
Всё на медных цепях,

Всё на медных цепях,
На серебряных крючках.

Вкруг вьюнцова-то двора
Всё ограда ведéна,

Всё ограда ведена
Белокаменная.

По ограде-то по этой
Всё железный тын,

На железном на тыну
Всё тычининки,

А на каждой на тычининке
По маковке цветет,

Что на каждой-то на маковке
Соловьюшко поет,

Он поет-таки поет,
Всё высвистывает,

Всё высвистывает,
Выговаривает:

«Как вьюница молодá
Нóвы сéнички мела,

Новы сенички мела,
Звончаты́ гусли нашла,

Звончаты́ гусли нашла,
Под полою пронесла,

Под полою пронесла,
Своему мужу отдала.

Ах, кому у нас ребята
Во гуселечки играть?

Что играть не играть
Вьюнцу-молодцу,

Ему тешить ли не тешить
Молоду́ свою жену,

Молоду свою жену,
Боярыню-госпожу.

„Ты не плачь-ко, не плачь,
Молода моя жена,

Молода моя жена,
Сударыня-госпожа!

Как сегодня к тебе
Будут гости твои,

Придет батюшка
И со матушкою,

Придет дядюшка
И со тетушкою,

Придет милый брат
Со невестушкою,

Придет милый зять
Со мило́й сестрой,

Придет дедушка
И со бабушкою“».

У вьюнца-то молодца
Середи было дворца,

Середи было дворца
Стоит горенка нова,

Нова выстроена,
Гладко выстругана.

В этой горенке новóй
Живет сам молодой,

Живет сам молодой
С молодой своей женой,

С молодой своей женой
Боярыней-госпожой

В этой горенке новой
Дубовы́ столы стоят,

Дубовы столы стоят,
Браны скатерти лежат,

Браны скатерти лежат,
Золоты́ блюда́ стоят,

Золоты блюда стоят,
Красны яйца в них лежат,

Возле красных яиц
Стоит скляница вина.

Ты послушай-ка, вьюница,
Что мы будем говорить:

«Отвыкай-ко, отвыкай
От своей стороны, -

От своей стороны,
Отца-матери свово,

Отца-матери свово,
Роду-племени всего.

Привыкай-ка, привыкай
Ко моей стороне,

К отцу-матери мому,
Роду-племени всему!

Привыкай-ка почитай
Свекра-батюшку свово,

Уж ты свекра почитай —
Постелюшку устилай,

Постелюшку устилай,
Рубашечки помывай.

Свекровушку почитай —
Избушечку помывай,

Деверьев-то почитай —
Платки на руки давай,

Золовушек почитай —
Русы косы заплетай.

Свово мужа почитай —
Крепче к груди прижимай,

Крепче к груди прижимай,
Чаще баню топи!»

Еще слушай-ко, вьюница,
Что мы будем говорить,

Что мы будем говорить,
Станем сказывати:

«Распоясывай, вьюница,
Свой шелко́вый поясок,

Ты снимай-ко, снимай
Золоты́ свои ключи,

Отпирай-ко, отпирай
Дубовы́е сундуки,

Вынимай-ко, вынимай
Золотую казну!

Оделяй-ко, оделяй
Нас вьюнцов-молодцов

Хоть по денежке,
По копеечке,

А как мелких нет —
На целковый накати́м.

А еще-то нам вьюнцам
Хоть по рюмочке винца,

Хоть по рюмочке винца,
По стаканчику пивца,

По четыре бы яйца,
По два пряничка,

По плетюхе киселя,
Молодая весела,

По котомке молока,
Вьюница молода,

По середке пирога,
По кокуре барыша,

По кокуре барыша,
Молодая хороша!

Ну как будешь нас дарить —
Мы станем тебя хвалить,

А не будешь нас дарить —
Мы станем ругать-бранить.

Мы не воры пришли,
Не разбойники,

Добры молодцы
Окликальщики!

Мы далёко шли,
Почитанье вам несли,

Почитаньице,
Уваженьице!
Вьюнец молодой,
Вьюница молодая!

488

Ой лелю, молодая,
О лелю!
Ты вьюная,
Ты по горнице пройди,
Покажи свое лицо
Да в окошечко!
Покажи нам молодца,
Своего-то вьюнца!
Да пожалуй-ко яичко
Еще красненькое,
Что на красном блюде
И при добрых людях!
О лелю!

489

Ты вставай-ка, молодец,
Ты вставай-ка, наш вьюнец!
Ты расчесывай кудри
Костяным гребешком.
Уж ты взгляни, молодец,
В окошко косящатое!
Тебе песню поем,
Тебе честь воздаем!
Награди-ка нас подарком —
Сладким пряником,
Белым сахарным!

Научить ли тебя, вьюница,
Как в чужих-то людях жить?
Ой ли, вьюница, ой, молодая!
Во чужих-то людях жить —
Да надо каждому служить.

Уж как свекру услужить —
Корму ко́ням замесить,

А свекрови услужить —
В и́збу дро́вец наносить,

А деве́рьям услужить —
Пару ко́ней заложить,

Как золовке услужить —
На базар скорей сходить,

На базар скорей сходить
Да белил, мазил купить,

А как мужу услужить —
Чаще банюшку топить,

Чаще банюшку топить
Да с ним париться ходить,

С мужем париться ходить,
Черпачок с собой носить,

Черпачок-то новенький,
Веничек зелёненький.
Ой ли, вьюница, ой, молодая!

СЕМИК, ТРОИЦА

491

Йо, йо, березынька!
Йо, йо, кудрявая!
Семик честной
Да Троица —
Только, только
У нас, у девушек,
И праздничек!

492

Дух да Тройца —
Девкам гулянье,
Придет Илья —
Минется гульня.

493

Дай нам шильце да мыльце,
Белое белильце
Да зеркальце,
Копейку да денежку —
За красную девушку!
Ой дид-ладо!
Семика честного яичницу!

НА ЗАВИВАНЬЕ

494

Мы завьем венки
Мы на все святки́,
Мы на все святки,
На все праздничкн,
На все празднички
На Духовые,
На Духовые,
На венковые.

495

Кто не йдет
Венков завивать,
Положь того
Колодою дубовою,
Детей его
Курчи́жкою сосновою!
Кто венков не вьет,
Того матка умрет!
А кто вить будет,
Того жить будет!

496

Благослови, Троица,
Богородица!
Ай дидо, ой ладо!

Нам в лес пойти,
Нам венки завивать!

Нам венки завивать
И цветы сорывать.

А мы в лес пойдем
И цветов нарвем,

Мы цветов нарвем
И венок совьем,

Свекру-батюшке,
Свекрови-матушке.

Свекру-батюшке
Малиновый,

Свекрови-матушке
Калиновый.

Пойду ль я тишком
Лужком-бережком,

Сломлю ль с сыра дуба
Веточку,

Брошу на быструю
Реченьку, —

Не тонет, не плывет
С сыра дуба веточка,

Не тужит по мне
Свекор-батюшка,

Не тужит по мне
Свекровь-матушка.
Ай дидо, ой ладо!

497

Троица!
О эв леля!
Богородица!
Благослови нас,
Нам во луг идти,

Нам цветов сорвать,
Нам венки завить!
Как увидел свекóр
С высóка теремá:
«Ты невестушка,
Ты завей мне венок».
— «Тебе, батюшка,
Осиновый,
А милу дружку
Березовый».
О эв леля!

498

Пойдем, девóчки,
Завивать веночки!
Завьем веночки,
Завьем зеленые.
Стой, мой веночек,
Всю недельку зелен,
А я, молодешенька,
Увесь год веселешенька!

499

Святой духа Тройца!
Позволь нам гуляти,
Венки завивати!
Завью я веночек
На круглый годочек.
Кругло наше поле,
Кругло, невеличко,
На нем ягод много,
Зрелых и спелых.
Ну я, млада, брáла,
Ох, в фáртушок клáла,
Зрелки на тарелку,
Зеленушки в фартушки.

Зрелки родному батьке,
Зеленушки все свекру,
Чтоб он подавился,
Со мной не бранился!

500

Ты не радуйся, осина,
А ты радуйся, береза:
К тебе девки идут,
К тебе красные идут
Со куличками, со яичками!

Завивайся ты, березка,
Завивайся ты, кудрявая!
Мы к тебе пришли
Со яичками, со куличками.
Яички-те красные,
Кулички-те сдобные.

«Семик, Семик, Троица,
Пресвятая мать Купальница,
Ты на чем приехала?»
— «На овсяном зёрночке,
На оржаном колосе!»

501

Не радуйся, дубник-кленник!
Радуйся, белая березынька!
К тебе девки идут,
К тебе красные идут
Со яишницами,
Со дрочонами,
С пирогами со пшенисными.
Уж как туча-то с громом
Сговаривалась:

«Ты пойдем-ка, туча-гром,
Погуляем со мной,
Что под то ли под село
Под Парфеново.
А парфеновские-то девушки
Хваленые,
А иудинские девушки
Хуленые!»

502

Ты не радуйся, зелен дуб,
Ты не радуйся, зелен дуб.

Не к тебе идем мы гулять,
Не к тебе идем мы гулять,

Зелены венки завивать,
Зелены венки завивать.

Мы идем, идем к березе,
Мы идем, идем к березе,

Которая поближе к дороге,
Которая поближе к дороге.

Осина болото красила,
Осина болото красила,

Береза девочек просила,
Береза девочек просила:

«Ходите, девочки, вы гулять,
Ходите, девочки, вы гулять,

Зелены венки завивать,
Зелены венки завивать!»

503

На поляне, на лугу
Гнулася березонька.
Завивали девушки,
Лентой украшали,
Березку прославляли:
«Белая березонька,
Ходи с нами гулять,
Пойдем песни играть!»

504

Береза девушкам
Приказывала,
    Ой лялё-лялё,
    Всё приказывала:

«Придите вы, девушки,
Придите вы, красные!
    Ой лялё-лялё,
    Придите, красные!

Сама я, березынька,
Сама я оденуся,
    Ой лялё-лялё,
    Сама оденуся,

Надену платьико,
Всё зеленое,
    Ой лялё-лялё,
    Всё зеленое,

Усё зеленое,
Всё шелкóвое,
    Ой лялё-лялё,
    Всё шелковое!

Ветрик повеет —
Всё шуметь буду,
    Ой лялё-лялё,
    Всё шуметь буду,

Дождичек пройдет —
Лопотать буду,
　　Ой лялё-лялё,
　　Всё лопотать буду,

Солнце выблеснет —
Зеленеть буду,
　　Ой лялё-лялё,
　　Всё зеленеть буду»

Не радуйся
Ни кленье-дубье,
　　Ой лялё-лялё,
　　Ни кленье-дубье,

Только радуйся
Да белая береза,
　　Ой лялё-лялё,
　　Белая береза,

Белая береза,
Горькая осина,
　　Ой лялё-лялё,
　　Горькая осина!

Идут к тебе
Девки красные,
　　Ой лялё-лялё,
　　Девки красные,

Девки красные,
Косы русые,
　　Ой лялё-лялё,
　　Косы русые,

Несут тебе
Горелку горькую,
　　Ой лялё-лялё,
　　Горелку горькую,

Горелку горькую,
Скрипку звонкую,
Ой лялё-лялё,
Скрипку звонкую,

Скрипку звонкую,
Яишню смачную,
Ой лялё-лялё,
Яишню смачную!

505

Береза девочек гукала,
Береза девочек гукала.

«Ходите, девочки, в луг гулять,
Ходите, девочки, в луг гулять,

Зеленые веночки завивать,
Зеленые веночки завивать!»

«Мы тебя, березка, не согнем,
Мы тебя, березка, не согнем,

На тебе веночки не забьем,
На тебе веночки не завьем».

«Я вам, девочки, согнуся,
Я вам, девочки, согнуся,

Сама в веночки повьюся,
Сама в веночки повьюся!»

506

Мы пойдем, дево́чки,
В луги гуляти,
Ой лялё-лялё,
В луги гуляти,

У луги гуляти,
Венки завивати,
Ой лялё-лялё,
Венки завивати!

А в лугах, девочки,
Комары кусли́вы,
Ой лялё-лялё,
Комары кусливы,

Комары кусливы,
А водни брыкливы,
Ой лялё-лялё,
Водни брыкливы.

Мы поедем, девочки,
Да к новому торгу,
Ой лялё-лялё,
К новому торгу.

Мы закупим, девочки,
На три рубля шелку,
Ой лялё-лялё,
На три рубля шелку,

На три рубля шелку,
А на рубль полушелку;
Ой лялё-лялё,
На рубль полушелку.

Комаров попутаем,
А воднёв помýздаем,
Ой лялё-лялё,
Воднёв помýздаем.

А мы сами, девочки,
В лугах погуляем,
Ой лялё-лялё,
В лугах погуляем,

У лугах погуляем,
Венков повиваем,
Ой лялё-лялё,
Венков повиваем!

507

Пойдемте, девки, в луг гулять,
Пойдемте, девки, в луг гулять,

Зеленых венков завивать,
Зеленых венков завивать.

А мы веночки завили,
А мы веночки завили,

Мы горелочку попили,
Мы горелочку попили,

Мы яишенку поели,
Мы яишенку поели,

А ребятушкам не дали,
А ребятушкам не дали.

Наши ребята барбосы,
Наши ребята барбосы,

Рвали из косы волóсы,
Рвали из косы волосы!

Попорвися у них души,
Попорвися у них души!

Наши девочки хорóши,
Наши девочки хороши,

Молодушечки пригожи,
Молодушечки пригожи!

508

Лиственный мой венок,
Лиственный дорогой!

Ой, я старость не хочу,
Старость в ногах затопчу.

Лиственный мой венок,
Лиственный дорогой!

Ой, пойдем, лада, в темный лес,
Ой, пойдем, лада, в темный лес!

Лиственный мой венок,
Лиственный дорогой!

509

Пошли девки, ой,
В опёночки,
Молодушечки
В говорушечки.
Пошли девки
В лугú гулять,
У луги гулять,
Венков завивать:
«Завьем венки
На все святкú,
На все святкú,
На все празднички!»
А святой Илья
По межам ходил,
По межам ходил,
Житушко родúл,
Разогнал девок
По чистом полю,
По чистом полю,
По густом житу.
А Дух с Тройцем —
То й сбор девкам,
А святой Илья —
То разгон девкам!

510

Где бабы шли, тута ржи густы,
Где бабы шли, тута ржи густы,
Да йё, йё, йё!

Ржи густы, немолотисты,
Ржи густы, немолотисты.
Да йё, йё, йё!

Где девки шли, тута ржи пусты,
Где девки шли, тута ржи пусты,
Да йё, йё, йё!

Ржи пусты, умолотисты,
Ржи пусты, умолотисты.
Да йё, йё, йё!

511

Где девушки шли,
Тут рожь густа;
Где бабы шли,
Там вымокла;
Где мужики шли,
Там повыросла;
Где ребята шли,
Там повылегла.

512

А мы в поле сходили,
Доли-лёли-лёли-лё!
В поле сходили,
Дело сделали,
Дело сделали —
Венки завили,
Куницу убили,
Зубами лупили,
По шу́боньке сшили,

К обедне ходили,
Молебны служили,
Свечки ставили.
Доли-лёли-лёли-лё!

513

Ой ли, ой ли,
Не клен, не береза
Во ржах стояла,
Во ржах да стояла.

Ой ли, ой ли,
Да на той березе
Сидела кукушка,
Сидела кукушка,

Ой ли, ой ли,
Хорошо куковала,
Всем правду сказала,
Всем правду сказала.

Ой ли, ой ли,
Как заульнески девки
По морёну ходили,
По морёну ходили,

Ой ли, ой ли,
Куницу убили.
Зубами лупили,
Да зубами лупили,

Ой ли, ой ли,
Себе шубы пошили,
К обедне ходили,
Да к обедне ходили.

514

Улье́, улье́!
Не клен, не береза,
Как во ржах ты стояла,
Там сидела кукушка,
Хорошо скуковала,
Всеё правду сказала:
«Вы, бабы, дуры!
Всю зиму прядете,
А всю весну ткете,
Неодеты живете!
Я ли береза, я ли кудрява,
Ни тку, ни пряду,
Хорошо хожу.
В неделю распукну,
В другую раскинусь,
В третью оденусь.
Мне свекровь не матушка,
Мне свекор не батюшка,
Деверья мне не братья,
А золовки не сестры».

515

Береза моя, березонька!
Береза моя белая,
Береза моя кудрявая!
Стоишь ты, березонька,
Осередь долинушки.
На тебе, березонька,
Трава шелко́вая.
Близ тебя, березонька,
Красны девушки,
Красны девушки
Семик поют.
Под тобою, березонька,
Красны девушки,
Красны девушки
Венок плетут.

Что не белая березонька
К земле клонится;
Не шелкова травонька
Под ней расстилается;
Не бумажны листочки
От ветру раздуваются.
Под этой березонькой
С красной девицей,
С красной девицей
Молодец разговаривает.

ГАДАНИЕ НА ВЕНКАХ

516

Пойдем, девки,
В зелену рощу,
Пойдем, девки!

Совьем, девки,
Себе по веночку,
Совьем, девки!

На мне венок
Не сохнет, не вянет
На мне венок!

По мне дружок
Не тужит, не плачет
По мне дружок!

517

Вью, вью колечко
На барашка,
Другое колечко
На матушку,

Третье колечко
Сама на себя,
Четвертое колечко
На своего старика.

518

Когда идут к реке:

Мы в лугах были,
Мы венки вили,
Ой гаю, гаю,
Зеленому маю!
Мы с лугов идем,
Мы венки несем,
Ой гаю, гаю,
Зеленому маю!

Когда бросают венки в воду:

Кумушки, голубушки!
Пойдете вы в венки,
Возьмите й меня!
Сорвете вы по цветику,
Сорвите и мне.
Совьете вы по веночку,
Совейте и мне.
Пойдете вы на Дунай-речку,
Возьмите й меня.
Покидайте на Дунай веночки,
Киньте и мой.
Все венки поверх воды,
А мой потонул.
Усе дружки с Москвы пришли,
А мойго й нет.

519

Все венки посверх воды,
А мой потонул.
Все друзья гостинцы шлют,

А мой не прислал.
Все друзья домой идут,
А мой не пришел.

520

Вью лелю!
Завью я зеленый венок!
Заломаю я березку,
Совью я зеленый венок
На свою буйную головушку.
Опущу я зеленый венок
Я по Волге по реченьке
На родимую сторонушку,
Ко родителю, ко матушке.
Взбунтовались ветры-вихори,
Раскачали легку лодочку.
Подплывала легка лодочка
На родимую сторонушку,
Ко родителю, ко матушке,
К ее красному окошечку.
Выходила моя матушка
На свое красно́ крылечушко,
Смотрела на легку лодочку.
Легка лодочка расколыхалася —
Восплывал тут зеленый венок.
Получила моя матушка
С быстрой речки зеленый венок.
Получа, она призадумалась,
Призадумавшись, слезно плакала:
«Не моя воля, а чада милого!
Не ее ли зеленый венок
Подплывал к моему окошечку?
Не мое ли чадо милое
Во тоске живет иль во гуляньице,
Со своими милыми подружками!»

521

Пойду ль я, молода,
Пойду ль я, хороша,
Тишком лужком, бережком.
Пойду ль я, молода,
Пойду ль я, хороша,
В кленник, в дубняк, в ясенник.
Сломлю ль я, молода,
Сломлю ль я, хороша,
Кленничку, дубнячку, ясенничку.
Совью ль я, молода,
Совью ль я, хороша,
Себе золотой венок.
Пойду ль я, молода,
Пойду ль я, хороша,
На Дунай, быстру реку.
Кину ль я, брошу ль я
Свой золотой венок.
Тонет ли, тонет ли
Мой золотой венок?
Тужит ли, тужит ли
По мне свекор-батюшка?

Не тонет, не тонет
Мой золотой венок,
Не тужит, не тужит
По мне свекор-батюшка.

Пойду ль я, молода,
Пойду ль я, хороша,
Тишком лужком, бережком.
Пойду ль я, молода,
Пойду ль я, хороша,
В кленник, в дубняк, в ясенник.
Сломлю ль я, молода,
Сломлю ль я, хороша,
Кленничку, дубнячку, ясенничку.
Совью ль я, молода,
Совью ль я, хороша,
Себе золотой венок.

Пойду ль я, молода,
Пойду ль я хороша,
На Дунай, быстру реку
Кину ль я, брошу ль я
Свой золотой венок.
Тонет ли, тонет ли
Мой золотой венок?
Тужит ли, тужит ли
По мне миленький дружок?

Тонет, тонет
Мой золотой венок,
Тужит, тужит
По мне милый дружок.

522

Пойду на Дунай на реку,
Стану на крутом берегу,
Брошу венок на воду,
Отойду подале, погляжу:
Тонет ли, не тонет ли
Венок мой на воде?
Мой веночек потонул,
Меня милой вспомянул:
«О свет, моя ласковая!
О свет, моя приветливая!»

523

Красны девицы
Под березки ходили,
Ой люли, ой люли!

По веночку совивали,
На головки надевали,

На Дунай выходили,
По веночку скидали,

В Дунай бросали,
Песенки запевали:

«Тонет ли, не тонет ли
Мой зеленый венок?

Тужит ли, не тужит ли
Мой ⟨миленький⟩ дружок?»

«Мой веночек потонул,
Знать, меня милый вспомянул!»

Красны девицы
Под березки ходили,

По веночку совивали,
На головки надевали.
Ой люли, ой люли!

МАЙСКИЕ

524

Девки, молодухи
Коло жита ходили,
Ай маю, маю,
Маю зеленó!
Коло жита ходили,
Траву заломили.

Как пошла травица
Да к господу богу.

«А господи боже,
Меня девки стоптали,

Меня девки стоптали,
Молодухи сломали!»
Ай маю, маю,
Маю зелено!

525

В поле пашеница
Перестой стояла.
Маю, маю,
Маю зеленó!

Перестой стояла,
Колосом махала.

Колосом махала,
Голосом гукала:

«Девки. молодухи,
Выходите, жните!

Не могу стояти,
Колосом махати.

Буйное колосье
Суколéны ломит».

Маничка младая
Просилася замуж:

«Батюшка, мой родный,
Отдай меня замуж!

Не могу ходити,
Русых кос носити.

Русые косоньки
Плечушки сломили».
Маю, маю,
Маю зелено!

526

У поле пшеница
Перестой стояла,

Перестой стояла,
Колосом махала,

Голосом гукала,
Говором говорила:

«Либо вы меня жните,
Либо жните-косите,

Либо жните-косите,
Либо скот пустите!

Не могу стояти,
Колоса держати:

Колос ядрёнист
К сырой земле клонит.

К сырой земле клонит,
Суколéно ломит».

Сестрица брату
Она речи говорит:

«Ты, мой братец,
Либо сам женись,

Либо сам женись,
Либо меня отдавай!

Не могу я ходити,
Русой косы носити:

Русая косица
Плеченьки обломила,

Дорогие крали
Шею оторвали,

Золотые пéрстечки
Рученьки отлóмали!»

527

А дуброва лугу
Позавидовала:
Ой маю, маю,
Маю зеленóй.

«Добро тебе, лугу,
Добро зеленому!

Что весна — то чистють,
Что лето — то косють,

Что лето — то косють,
Что осень — то возють!»

Молодухи девкам
Позавидовали:

«Добро вам, девушки,
Добро вам, красные,

Добро вам, красные,
В своей воле жити!

А нам, молодухам,
Ни в чем воли нету:

А муж на кровати
Велит обнимати,

Велит обнимати,
Велит целовати.

А я, молоденька,
Всю ночь продрожала,

Пуховы перины
В слезах потонули,

Шелкóвы деялы
В ногах пролежали!»
Ой маю, маю,
Маю зеленой.

528

Дубровушка лугу
Позавидовала:
Маю, маю,
Маю зеленó!

«Добро вам, лужочки,
Добро зеленым,

А что день вы в покосе,
Неделю в погребе,

А меня, дуброву,
Всё секут да рубят,

Всё секут да рубят,
Да на огонь бросают!»

Молодухи девкам
Позавидовали:

«Добро вам, девочки,
Добро вам, сестрицы,

Зимою святочки,
Весною веночки,

А в мене, молодки,
Четыре заботки.

Первая заботка —
Свекор да свекровка,

Вторая заботка —
Деверь да золовка,

Третья заботка —
Висят колыбели,

Четвертая заботка
Лежит на кровати.

Свекор да свекровка
Велят уважати,

Деверь да золовка
Велят работа́ти,

Висят колыбели —
Велят колыхати.

Лежит на кровати —
Велит целовати!»
Маю, маю,
Маю зелено!

529

Зеленые вишни,
Ти все девки вышли,
Маю, маю,
Маю зелено́!

Ти все девки вышли,
Ти все молодухи,
Ти все молодухи,
Старые старухи,
Только Ванька Маньку
Ее не пускает,
Ее не пускает,
В клети запирает.
Маю, маю,
Маю зелено!

530

У ворот верейка,
Там стояла девка,
Маю, маю,
Маю зелено́!

Там стояла девка —
Не гладка головка,

Не гладка головка,
Не бела рубашка.
У этой девки
Не родная матка,
Не родная матка,
Не роден же батька,
Не мыет головку,
Не шиет рубашку.
Маю, маю,
Маю зелено!

КУМИТНЫЕ И «ПОХОРОНЫ КУКУШКИ»

531

Уж ты олень, оленёк,
Твой кудрявый паренек!
Березынька скрипела,
Всем девушкам кликала:
«Святая купальница,
Всем девкам племянница!
Девушки, голубушки,
Сходитеся, кумитеся!»

532

Кума, кума!
Давай покумимся!
На Троицу живы будем,
Тогда раскумимся!

533

Кума, не драться!
Кума, не бороться!
Кума, помириться!

Покумимся, кума,
Подушимся, душа!
Не браниться нам, кума,
До Троицына дня!

534

Во лесу, во лесочке
Росла травка-муравка.
До пояса доросла,
Березку обвила.
Мы веночки плели,
Березоньку завивали,
Кукушечку выкликали:
«Кукушечка рябá,
Проведи нас до двора!»

535

Ты кукушка рябá,
Ты кому же кума?
Покумимся, кукушка,
Покумимся, голубушка,
Чтоб нам с тобой не браниться!

536

«Кукушка кума!
Да иде ж ты была?»
— «Да кумилася,
Да крестилася».

537

Покумимся, кума,
Покумимся,
Мы семицкою березкой
Покумимся.
Ой дид-ладо
Честному Семику!
Ой дид-ладо
Березке моей!
Еще кумушке
Да голубушке!
Покумимся,
Покумимся
Не свар я ся,
Не браняся!
Ой дид-ладо,
Березка моя!

538

Алилей!
Семик, Троица!
Семик, богородица!
На болоте куга!
«У меня новая кума!»
«У меня кукушка кума,
У меня рябая кума!»
«У меня Марьюшка кума!»
«У меня Маврочка кума!»
Мы на круче были,
Мы венки завили!

539

«Ой ре́лим,
Кукушка ряба́,
Ой релим,
Чья ты кума?»

— «Ой релим,
Я кумушкина,
Ой релим,
Голубушкина».

540

«Кума с кумой,
Покумимся!
Чтобы нам весь год
Не бранитися.
Побранимся —
Грешны будем,
Кукушечке
Тошно станет!»

541

«Кумушка, голубушка,
Серая кукушечка!
Давай с тобой, де́вица,
Давай покумимся!
Ты мне кумушка,
Я тебе голубушка!»
— «Кумушка, голубушка,
Горюшко размыкаем!
Будешь мне помощница,
Рукам моим пособница!»

542

«Кукушечка,
Кукушечка,
Птичка серая
Рябушечка,
Кому ты кума,
Кому кумушка?»

— «Красным девушкам
И молодушкам!»
Иде девки красны шли,
Там и рожь густá,
И ужиниста,
И умолотиста!
Иде бабы прошли,
Там и рожь пустá,
И неужиниста,
И неумолотиста!

543

А кума со кумой,
Окумитеся,
Ой ё-иё,
Окумитеся,

Окумитеся,
Не бранитеся,
Ой ё-иё,
Не бранитеся.

Окумилися,
Разбранилися,
Ой ё-иё,
Разбранилися.

А где девки шли,
Тут цветы цвели,
Ой ё-иё,
Тут цветы цвели.

Где ребята шли,
Тута рожь густа,
Ой ё-иё,
Тута рожь густа.

А где бабы шли,
Тут грибы росли,
Ой ё-иё,
Тут грибы росли.

544

Авле!
Я кукушка кума,
Я венок завила!
А и по батюшке,
А и по матушке,
Я по брату, по сестре,
По себе младой!

545

Венчик ли мой веночек,
    Ай да мой веночек!
Во саду розовый мой цветочек!
    Ай да мой цветочек!
На кого этот веночек положити?
    Ай да положити!
Положу этот веночек на головку,
    Ай да на головку!
Я на душечку прекрасну на девицу,
    Ай да на девицу!
На родиму на сестрицу,
    Ай да на сестрицу!

Что не кум со кумой сокумился,
    Ай да сокумился!
Среди кружка становился,
    Ай да становился!
Среди кружка на лужочке,
    Ай да на лужочке!
Что на крутеньком прекрасном бережочке,
    Ай да бережочке!
Что на желтеньком на песочке,
    Ай да на песочке!

Еще ты — мой кум,
Еще я — твоя кума,
Где мы сойдемся —
Поздороваемся.

546

Уж ли вен ты мой веночек,
В саду розовый цветочек!
Мне куда тебя, веночек,
Положити?
Положу тебя, веночек,
На головку
К душе ли красной девице,
К названной сестрице.

Что не брат с сестрой
Сходилися,
Среди темного леса
Становилися,
Золотым кольцом
Переменялися.
«Уж и ты мне не брат,
Да и я тебе не сестра!
Где сойдемся — все поклонимся,
Разойдемся — распростимся,
Распростимся — поцелуемся!»

547

Ой, мы с тобой, кумушка,
Покумимся,
Да лилё,
Лилё, лилё!
Ой, покумимся,
Поголубимся.
Да лилё,
Лилё, лилё!
Ой, сквозь венца
Поцелуемся!
Да лилё,
Лилё, лилё!

548

«Нут-ка, кума,
Нут-ка, кума,
Покумимся,
Покумимся,

Покумимся,
Покумимся,
Полюбимся,
Полюбимся.

Ты мне кума,
Ты мне кума,
И я тебе,
И я тебе.

Твое ко мне,
Твое ко мне,
Мое к тебе,
Мое к тебе».

Кума куме,
Кума куме
Говорила,
Говорила:

«Нейди, кума,
Нейди, кума,
Весной замуж,
Весной замуж!

Весной, кума,
Весной, кума,
Хлеба нету,
Хлеба нету.

Ты йди, кума,
Ты йди, кума,
В осень замуж,
В осень замуж,

В осень, кума,
В осень, кума,
Хлеба много,
Хлеба много!»

549

Вы кумушки-голубушки,
Вы подружки мои,
Кумитесь, любитесь,
Любите и меня.

Пойдете вы в зеленый сад,
Возьмите и меня!
Сорвете вы по цветочку,
Сорвите и мне.

Совьете вы по веночку,
Вы свейте и мне.
Наденете на головку,
Наденьте и мне.

Вы пойдете на быстру речку,
Возьмите и меня!
На быстрой речке на реченьке
Круты бережка,

На крутеньких бережочках
Желтые пески,
На желтеньких песочках
Лесок вырастал,

Из этого лесочка
Соболь выбегал,
За соболем черным
Там моя кума,

За кумушкой, за голубушкой —
Подружки мои.
Кумитесь, любитесь,
Любите и меня!

550

На до́сточке на липовой,
Е льём ладо́, на липовой,

Там стояли две кумушки,
Е льём ладо́, две кумушки,

Две кумушки, две голубушки,
Е льём ладо́, две голубушки.

Покумилися, полюбилися,
Е льём ладо́, полюбилися,

На золоты перстни поменялися,
Е льём ладо́, поменялися.

551

Уж вы кумки,
Вы голубки,
Не потайте!
Гадай, гадай, девица,
Змеиные крыльица,
Через поле едучи,
Русу косу плетучи,
Шелком первиваючи,
Златом персыпаючи.

552

Девушки-голубушки,
Кумушки-подруженьки,
Свейте вы веночки
Из плакучей травки,
Из белой березки!

Мы веночки сложим
Вот так, вот так!

Мы веночки сложим
Вот так, вот так!

Прощай, прощай, кукушечка,
Прощай, прощай, рябушечка,
До новых до берез,
До красной до зари,
До новой до травы!

553

Кукушечка-рябушечка,
Пташечка плакучая!
К нам весна пришла,
Весна красна!
Нам зерна принесла,
Нам аржи на гумно,
В коробью холста!
Будет девкам красный лен,
Старым бабам конопель!

554

Кукушечка-рябушечка
Из куста летела,
Через лес пролетала,
На все стороны глядела,
Себе цветики искала,
Цветики-венок.
А я, молода, выйду-пройду
Через мостик в лесок
На студену на росу́.
«Ты цвети, цветик,
Цвети, не засыхай!
Ты люби меня, мо́лоду,
Люби, не разлюбляй!»

НА РАЗВИВАНИЕ

555

Уж ты радуйся,
Дубник-кленник,
Не радуйся,
Белая береза!
Мы идем тебя
Развивати, —
Со куличиками
Со сдобными,
Со яиченкой
Со жареной.

556

Мы у поле были,
Венки развили,

Венки развили
И жито глядели.

«Зароди, боже,
Жито гу́стое,

Жито густое,
Колосистое,

Колосистое,
Ядрянистое!»

А святой Илья
По межам ходит,

По межам ходит
Да житушко родит, —

Тое житушко
На пивушко,

Дочек отдавать,
Сынов женить,

Сынов женить
И пиво варить.

557

Мы со поля идем,
Мы со чистого,

Нагляделися
Жита гу́стого,

Жита густого,
Колосистого,

Колосистого,
Ядрянистого!

А святой Илья
По межам ходил,

По межам ходил,
Житушко родил:

«Зароди, боже,
Жито гу́стое,

Жито густое,
Колосистое,

Колосистое,
Ядрянистое!

Чтоб было с чего
Пиво варити,

Пиво варити,
Сынов женити!»

Кто сынов женит,
Тот богу молит,

Кто дочек отдает,
Тот слезно плачет.

558

Да уж вы милые девушки мои,
Да вы подруженьки мои!
Да вы зачем меня да раздеваете?
Да чем же, чем же вам да разглянулася?
Да я кудрявая, да я нарядная была,
А теперь, березынька, да оголенная стою.
Все наряды мои да подаренные,
Все листочки мои, да вы свернулися!
Вы подруженьки мои, да отнесите вы меня,
Киньте-бросьте вы меня да в речку быструю,
И поплачьте надо мной да над березынькой!

ТРОИЦКИЕ ХОРОВОДНЫЕ И ЛИРИЧЕСКИЕ

559

Семик да и Троица!
Ой йё-йё-лилё!
Все девушки стронутся.
Да уж вы девки-девушки,
Белые лебедушки!
Выйдем ли на улицу,
Ударим-ти в ла́доши!
Не ладо́ши-те звенят,
Звенят зо́лоты перстни́,
Звенят подвенечные.

Да уж вы девки-девушки,
Белые лебедушки!
А вы не порывайтеся
Замуж за поповича.
Да ведь у поповича
Просвиры-те про́гнили,
Кануны-те кислые.

Уж ты верба-вербушка!
Не стой над речушкой:
Речушка разо́льется,
Коре́ньицы вымоет,
Вершинушку высушит,
Подмочит бумажный лист.
Ой йё-йё-лилё!

560

Пойдем, девки, ло́гом!
Нарвем цветов много,
Совьем по веночку,
Взложим на головку.
Пойдем, девки, в танец!
На нас венки сияют,
Сияют, расцветают,
По нам парни вянут.

561

Скакал-плясал
Воробушек,
Где и где ладу!

Он манил-манил
Красных девушек.

Как и девки говорят:
«Нам своя воля играть!»

А молодки говорят:
«Нам нет воли играть,

Нам нет воли играти,
Нам мужья не велят,

Нам мужья не велят,
Дитя кричит!»

Уж я мужнину грозу
В узелок завяжу,

В узелок завяжу,
В уголок положу.

Узелок-то лежит,
Уголочек-то дрожит!
Где и где ладу!

562

Вы кумушки-голубушки,
Выходите на улицу,
Говорите пословицу!
А чей мужичок старичище,
Широкая бородища,
Сам на улицу не ходит,
И меня, младу, не пускает.
Не пускает молоденьку
На улицу погулять,
А хоть пустит на часочек,
Я гуляю весь денечек,
Я гуляю весь денечек,
Приду дво́ру вечерочек,
Стукну в вёдра — воды нету;
Пойду, млада, за водою,
Стар гони́тся вслед за мною.
«Право, старый, воротися,
Ты за мною не гонися:
Впи́хну в пролубь головою,
Сама остануся вдовою,
Дети мои сиротою,
Распобедною главою!»

563

Я по луженьке хожу,
Цвет калинницы ломлю.
Люли-люляшеньки,
Цвет калинницы ломлю.

Цвет калинницы ломлю,
Во пучечики вяжу.
Люли-люляшеньки,
Во пучечики вяжу.

Во пучечики вяжу
Да веночики совью.
Люли-люляшеньки,
Да веночики совью.

Да веночики совью,
На головочку сложу.
Люли-люляшеньки,
На головочку сложу.

На головочку сложу,
У таночек я пойду.
Люли-люляшеньки,
У таночек я пойду.

А мой све́корка стоит,
На меня косо глядит.
Люли-люляшеньки,
На меня косо глядит.

«Ты не се́рдися, свеко́р,
Ты не сердися, лихой.
Люли-люляшеньки,
Ты не сердися, лихой.

Не ты чеботы купил,
Да не ты червонные.
Люли-люляшеньки,
Да не ты червонные.

А мне батюшка купил,
Их мне родненький купил.
Люли-люляшеньки,
Их мне родненький купил».

564

Что й по улице,
Да й по широкой,
Ой рано-рано,
Да й по широкой.

Девки-молодки
Танки́ водили,
Ой рано-рано,
Танки́ водили.

Меня, молодку,
С собою звали,
    Ой рано-рано,
    С собою звали.

«Пойдем, молодка,
Танки́ водити!
    Ой рано-рано,
    Танки водити».

«Пошла б водити —
Мой не́люб встает,
    Ой рано-рано,
    Мой нелюб встает.

Мой нелюб встает,
Нагайку держит,
    Ой рано-рано,
    Нагайку держит.

Нагайку держит,
На меня грозит,
    Ой рано-рано,
    На меня грозит».

565

Пойду в танок,
Совью венок.
    Эй, василек,
    Девкам на венок!

Что в том та́нку
Мой нелю́бый,

Мой нелюбый
В гусли 'грая.

Его гусли —
Лубяные,

Его струны —
Пеньковые.

Пойду в танок,
Совью венок.

Что в том танку
Мой миленький,

Мой миленький
В гусли 'грая.

Его гусли —
Золотые,

Его струны —
Шелковы́е.
Эй, василек,
Девкам на венок!

566

А на гор-горе всё ка́лина,
Из-под гор-горы всё ма́лина,

Из-под гор-горы всё малина!
Совью я веночек из калины,

Совью я веночек из калины,
А другой совью из малины.

Надену веночек на головку,
А другой надену на золовку,

А другой надену на золовку!
У меня-то свекор, а не батька,

У меня-то свекор, а не батька,
А лютая свекровья, а не матка,

А лютая свекровья, а не матка!
Не велят мне на улицу ходить,

Не велят мне на улицу ходить,
Не велят мне веночек носить,

Не велят мне веночек носить,
А велят мне веночек положить,

А велят мне веночек положить
В тереме на лавке под окошком.

567

По лугам-лугам дево́чки ишли,
Девочки ишли, кра́сочки несли,
Красочки несли, веночки вили,
Веночки вили, на Дунай пускали.
А все венки поверх воды,
Один мой венок потонул.
Одна девка речь говорит:
«А кто мой венок переймет,
За того я замуж пойду!»
Откуль узялся купеческий сын,
Купеческий сын на вороно́м коне:
«Я твой, девка, венок перейму,
Я тебя, девка, замуж возьму».
Привязал коня к ини́цей ло́зе,
Ко иницей лозе, ко белой березе.
Первый раз ступил по колено в воду́,
Другой раз ступил по белы плечи,
Третий раз ступил — шляпа поплыла.
Купеческий сын и речь говорит:
«Рвись, мой ко́ня, рвись, воро́ный,
От иницей лозы, от белой березы!
Беги, мой ко́ня, беги, мой воро́ный,
К мойму батюшке, к моей матушке!
Не кажи ж ты, мой коня, что я залился,
А вспомни, мой коня, что я женился, —
Узял за себя быструю речушку,
Свато́вы мои — у моря начёвья,
Свашечки мои — мелкие пташечки,
Изголовье мое — крутые бережки,
Постеля моя — желтые пески!»

568

Во садику девки гуляли,
Калина моя, малина моя!
Во саду красные гуляли,
Цветки сорывали, венки совивали,
Во Неву-реку бросали.
«Кто венок поймает,
За того замуж пойду».
Где ни взялся молодчик
Из суровского ряда.
Разувался, раздевался,
В Неву-реку бросался.
Как веночек-то дале,
Молодец-то ведь тонет,
Как венок повернулся,
Молодец захлебнулся.
Калина моя, малина моя!

569

Что на нашей улице
Девки танки́ водили.
Ой рано-рано,
Девки танки водили.

Ой, откуль узялся
Молодец с колищем.
Ой рано-рано,
Молодец с колищем.

Он тех девочек
Да й поразгонял.
Ой рано-рано,
Да й поразгонял.

Свою Ниночку
Да й за ручку взял.
Ой рано-рано,
Да й за ручку взял.

А все девочки
Да й заплакали.
Ой рано-рано,
Да й заплакали.

«Ой, не плачьте вы,
Красны девочки!
Ой рано-рано,
Красны девочки.

Не горюйте вы
Раньше времени.
Ой рано-рано,
Раньше времени».

570

Улица моя широкая,
Да йё-йё-йё!
Трава-мурава зеленая!
Чем улица изукрашена?
Изукрашена улица
Травой-муравой зеленою,
И гудками, и волынками,
Молодыми молодицами,
Еще красными девицами.
Чьи девки луга толочали?
Толочали девки луга сторонски.
На них рубашки посконные,
Сарафаньи конопляные,
Крыши на них все рогожные,
В косах ленты полубенные.

Улица моя широкая,
Трава-мурава зеленая!
Чем улица изукрашена?
Изукрашена улица
Травой-муравой зеленою,
И гудками, и волынками,
Молодыми молодицами,
Еще красными девицами.

Чьи девки луга толочали?
Толочали девки луга турдакси.
На них рубашки бумажные,
Сарафаньи все кумашные,
Крыши на них все шелкóвые,
В косах ленты все мишурные!
Да йё-йё-йё!

571

Не дождик березку обмывает,
Здесь в роще девок прибывает.
Скачьте, пляшите, красные девки,
А вы, холостые, поглядите,
С гулянья вам девушек не взяти!
А взять ли не взять ли с доброй воли,
По батюшкину повеленью,
По матушкину благословенью,
По невестину рукоделью.

572

Красно лето подоспело,
Соловьи с моря слетели,

Соловьи с моря слетели,
Молодым гулять велели,

Молодым гулять велели,
На зеленом на лугу,

На зеленом на лугу,
На крутом берегу.

Тамо девушки танцуют
И молодчики гарцуют.

Танцевали, гарцевали,
Молодцов всех призывали:

«Вы придите, молодцы́,
Посмотрите наши танцы́!

Наши та́нцы веселы́е,
У нас девки молодые,

У нас девки молодые,
На них шубы голевые,

На них шубы голевые,
Соболями опушёны».

573

Березонька кудрявая,
Ой да елью-елью, кудрявая!

Ой да у нас молодец неженатый,
Ой да елью-елью, неженатый!

Ой да у нас девица не отдата,
Ой да елью-елью, не отдата!

574

Стой, мил хоровод!
Стой, мил, не расходись!
В этом хороводе
Скакала, плясала,
Скакала, плясала,
Танец сводила,
Танец сводила,
Венок сронила.
Батюшка, поди,
Венок подыми!
Батюшка идет,
Венок не несет.

Стой, мил хоровод!
Стой, мил, не расходись!

В этом хороводе
Скакала, плясала,
Скакала, плясала,
Танец сводила,
Танец сводила,
Венок сронила.
Матушка, поди,
Венок подыми!
Матушка идет,
Венок не несет.

Стой, мил хоровод!
Стой, мил, не расходись!
В этом хороводе
Скакала, плясала,
Скакала, плясала,
Танец сводила,
Танец сводила,
Венок сронила.
Милый мой, поди,
Венок подыми!
Милый мой идет,
Венок мне несет,
Венок мне несет,
За ручку берет.

575

Я посею мак, мак,
Я посею мак, мак
Коло пеньки.

Пролетели пташки,
Пролетели пташки,
Воробейки.

Поклевали мак, мак,
Поклевали мак, мак
Коло пеньки.

Пусти меня, мамка,
Пусти меня, мамка,
Погуляти,

Пташек воробеек,
Пташек воробеек
Погоняти.

Не дожидай, мамка,
Не дожидай, мамка,
У субботу,

А дожидай, мамка,
А дожидай, мамка,
У недельку,

У недельку рано,
У недельку рано
Зятя молодого,

Зятя молодого,
Зятя молодого
Со звонками,

Меня молодую,
Меня молодую
Со венками.

576

В поле де́вица гуляла,
В поле девица гуляла,
  Люли-люли, гуляла,
  Люли-люли, гуляла!

Часты бо́розды гоняла,
Часты борозды гоняла,
  Люли-люли, гоняла,
  Люли-люли, гоняла!

Гу́сту капусту садила,
Густу капусту садила,
Люли-люли, садила,
Люли-люли, садила!

«Зародись, моя капуста,
Зародись, моя капуста,
Люли-люли, капуста,
Люли-люли, капуста!

Кочаниста, ядряниста,
Кочаниста, ядряниста,
Люли-люли, ядряниста,
Люли-люли, ядряниста!»

577

Во лузях, лузях,
Зеленыих лузях
Вырастала трава,
Трава шелковая,
Расцвели цветы,
Цветы лазоревые.
Как я той травою
Выкормлю коня,
А я выкормлю
И выглажу его.
Поведу я коня
Я ко батюшке:
«Государь ты мой,
Ты мой батюшка!
Ты пришли-ка слово,
Слово ласковое,
Отведи слово,
Слово приветливое!»

А не вей, ветер,
Грей, солнце,
Грей, солнце,
Грей, солнце!

Просуши шёлку
На вулку,
На вулку,
На вулку.

А в мене свекор
Не батька,
Не батька,
Не батька,

А свекровушка
Не матка,
Не матка,
Не матка.

Не пустят на вулку
Раненько,
Раненько,
Раненько,

Пустят на вулку
Поздненько,
Поздненько,
Поздненько,

Когда девочки
К двору идут,
К двору идут,
К двору идут,

Молодушки
Ну пошли,
Ну пошли,
Ну пошли.

А я, молода,
Попрошу,
Попрошу,
Попрошу,

Гармониста
Понайму,
Понайму,
Понайму,

А я свою молодость
Вспомяну,
Вспомяну,
Вспомяну.

579

По́дойду, по́дойду,
По́д Царь-город по́дойду!
Вышибу, вышибу,
Ко́пьем стену вышибу!
Выкачу, выкачу,
С ка́зной бочку выкачу!
По́дарю, по́дарю
Лю́ту свекру батюшке!
«Будь добрей, будь добрей,
Как родимый батюшка!»

По́дойду, по́дойду,
По́д Царь-город по́дойду!
Вышибу, вышибу,
Ко́пьем стену вышибу!
Вынесу, вынесу,
Лисью шубу вынесу!
По́дарю, по́дарю
Лю́ту свекровь матушку!
«Будь добра, будь добра,
Как родима матушка!»

580

Ай во поле,
Ай во поле,
Ай во поле
Липынька!

Под липою,
Под липою,
Под липою
Бел шатер,

Во том шатре,
Во том шатре,
Во том шатре
Стол стоит,

За тем столом,
За тем столом,
За тем столом
Де́вица.

Рвала́ цветы,
Рвала цветы,
Рвала цветы
Со травы,

Вила венок,
Вила венок,
Вила венок
С огороды,

Со дорогим,
Со дорогим,
Со дорогим
Яхонтом.

Кому венок,
Кому венок,
Кому венок
Износить?

Носить венок,
Носить венок,
Носить венок
Старому.

Старому венок,
Старому венок,
Старому венок
Не сносить,

Мою молодость,
Мою молодость,
Мою молодость
Не сдержать.

Ай во поле,
Ай во поле,
Ай во поле
Липынька!

Под липою,
Под липою,
Под липою
Бел шатер.

Во том шатре,
Во том шатре,
Во том шатре
Стол стоит,

За тем столом,
За тем столом,
За тем столом
Девица.

Рвала цветы,
Рвала цветы,
Рвала цветы
Со травы,

Вила венок,
Вила венок,
Вила венок
С огороды,

Со дорогим,
Со дорогим,
Со дорогим
Яхонтом.

Кому венок,
Кому венок,
Кому венок
Износить?

Носить венок,
Носить венок,
Носить венок
Милому.

Милому венок,
Милому венок,
Милому венок
Износить,

Мою молодость,
Мою молодость,
Мою молодость
Содержать!

581

Вы луги́ мои,
Вы зеленые!
На вас кра́сочки
Всё багровые.
Я сорву цветок
И совью венок.
«Скажи, венок,
За кого пойду:

Ти за старого,
Ти за малого,
Ти за малого
Ай за ровного?»
— «Быть тебе, де́вица,
За старым мужем!»
— «Я ж тебя, веночек,
В руках сотру,
Под ногой стопчу,
Не померяю!»

Вы лугі́ мои,
Вы зеленые!
На вас кра́сочки
Всё багровые.
Я сорву цветок
И совью венок.
«Скажи, венок,
За кого пойду:
Ти за старого,
Ти за малого,
Ти за малого
Ай за ровного?»
— «Быть тебе, де́вица,
За ровным мужем!»
— «Я ж тебя, веночек,
Померяю,
Я ж тебя, веночек,
На голове сношу!»

582

Из лу́гу, лугу,
Из-за лужечку
Ходили-гуляли
Красные девки,
Рвали-щипали
Со травы цветочки,
Вили-свивали
С огороду веночки,

Свимши, надевали
На буйну головку,
Вокруг становились
Супро́тив старо́го:
Как старой-от взглянет —
Веночек завянет!
Вокруг становились
Супротив ро́вни:
Как ровня-т взгля́нет —
Венок не завянет,
Мое-то сердечко
Оно взвеселится!

583

А сильна-дробна пчела
На полет вылетала,

Ай лой лали-лали!

На полет вылетала,
У лугах садилася,

Разные цветы-тра́вы рвала,
Она себе венок вила,

На свою головушку,
На свою веселую.

«Мой старый, старый муж,
Не выходи на улицу!

Не выходи на улицу,
Не становись против меня,

Не оттопчи мне ноженьки,
Сафьянные сапоженьки!

Сапожки сафьянные,
Чулочки с наческами».

Ай лой лали-лали!

584

Селезе́нько, сер,
Ко са́ду по́плань,
Поближе сам послушай,
Как мы соиграем,
Старые старушки!

«Черт бы им надо —
Не игри́ща!»
Знали бы старухи —
За зыбкою сидели,
Знали бы старухи —
Молодых ребят качали!

Селезе́нько, сер,
Ко саду по́плань,
Поближе сам послушай,
Как мы соиграем,
Мо́лоды молодки!

Складши белы ручки
К ретли́вому сердечку:
«Как мне тошно
На чужой сторонке,
У чужого батьки,
У чужой мамки!»

Селезенько, сер,
Ко саду по́плань,
Поближе сам послушай,
Как мы соиграем,
Красные девицы!

Эдак соиграем,
Красные девицы!
Вздынут белы ручки,
Вздынут белы ручки
Выше буйной головы:

«Воля нам, воля,
Батюшкова воля,

Нега нам, нега,
Матушкина нега,
Хóдить красоваться
Душой краснóй деви́цей!»

585

Повянули́,
Повянули, эх,
Пóвянули вéтерцы и́з поля́,
Повянули ветерцы из поля.

Тут грянули́,
Тут грянули, эх,
Тут грянули грéбчички пó морю́,
Тут грянули гребчички по морю.

Сидела я,
Сидела я, эх,
Си́дела я, девушка, в теремý,
Сидела я, девушка, в терему.

Я думалá,
Я думала, эх,
Я́ думала думушку с батюшкою,
Я думала думушку с батюшкою.

Та ли моя,
Та ли моя, эх,
Тá ль моя думýшка не крепкá,
Та ль моя думушка не крепка.

Я думалá,
Я думала, эх,
Я́ думала думушку с матерью,
Я думала думушку с матерью.

Та ли моя,
Та ли моя, эх,
Тá ль моя думýшка крепче всех,
Та ль моя думушка крепче всех.

586

На море утка купалася,
На бережочку сушилася,

Сушилася!
Дочка у матки просилася,

Просилася!
«Ой, пусти, мати, погуляти,

Погуляти!
Уже ребяток не чувати,

Не чувати!
Пошли до коней ночевати,

Ночевати!
До коников вороненьких,

Вороненьких!
До девочек молоденьких».

587

По морю уточки плавали,
Плавали, душа, плавали.

Отко́ль ни взялся селезень,
Селезень, душа, селезень:

«Я всех уточек разогнал,
Разогнал, душа, разогнал,

Одну уточку к себе взял,
К себе взял, душа, к себе взял».

На улице девки гуляли,
Гуляли, душа, гуляли.

Отколь ни взялся Володька,
Володька, душа, Володька:

«Я всех девочек разогнал,
Разогнал, душа, разогнал,

Одну Валечку к себе взял,
К себе взял, душа, к себе взял».

588

Вот с-по лугу, лугу
Разливалася вода,
С по зеленóму
Не струенька течет,

С по зеленому
Не струенька течет,
По этой по стрýечке
Белá лебедь плывет,

По этой по струечке
Бела лебедь плывет,
Выше-то бережку
Головушку несет,

Выше-то бéрежку
Головушку несет,
Гребешком головушка
Учесанная,

Гребешком головушка
Учесанная,
Шелком коса
Перевúванная.

Завтра у батюшки
Честной пир,
Мне-ка, молоде,
Не бывать во пиру,

Мне-ка, молоде,
Не бывать во пиру,
Пива да вина
Не пивать будет,

Пива да вина
Не пивать будет,
Сладкой водочки
Не кушивати,

Сладкой водочки
Не кушивати,
Пряников, калачиков
Не нáшивать домой!

589

Как по улице репей,
Как по улице репей,
О-ей, млада, мой репей,
О-ей, млада, зеленóй.

Репей стелется,
Расстилается.
О-ей, млада, мой репей,
О-ей, млада, зеленой.

Как по этому репью,
Как по этому репью,
О-ей, млада, по репью,
О-ей, млада, по репью!

Тут шли, прошли да,
Тут шли, прошли да,
О-ей, две сестры родных,
О-ей, две сестры родных.

Что сестра-то у сестры,
Что сестра-то у сестры,
О-ей, стала спрашивать,
О-ей, стала спрашивать:

«Каково тебе житье,
Каково тебе житье,
О-ей, да за старым жить,
О-ей, да за старым жить?»

«А за старым жить,
А за старым жить,
О-ей, да старушкой слыть,
О-ей, да старушкой слыть».

590

«Хозяюшка! Чист ли двор?»

— «Старый, не ходи во двор:
Мой дворик не метен,
Мой и терем не топлен,
Мой и садик весь посох!»

— «Ровня, иди на мой двор!
Мой дворик выметен,
И мой терем вытоплен,
И мой садик весь расцвел».

591

Семик — Тройцын день!
«Криво колесо,
Куда катишься?»
— «Я катюсь-валюсь
По это село,
По это село
По Солдатское,
Закотельное!
Там живут мужики
Всё богатые,
Гребут денежки
Всё лопатами».
Кому более всех
Их достанется?
— «Ой, достанется
Попу Па́велу:
Ему пиво варить

И сына женить, —
Стало быть, больше всех
Ему надобно».
Ой, Семик-Семик,
Семик — Тройцын день!

592

«Лу́ка моя лука,
Лука да зелёная,
Трава моя шелковая!
Чем-чему да не выросла?
Ай, травка-муравка,
Чем-чему не выросла?»

«Как мне зеленети?
Девки притоптали, —
На улицу выходили,
Весну воскликали:
«Ай, дай, боже, ле́тцо,
Народи, боже, житцо!»

593

«Травина ли моя,
Травинушка шелковая!
Еще кто же траву притоптал?»
— «Притоптали меня,
Травинушку шелковую,
Да всё девушки, да всё красные,
В зеленом саду гуляючи,
Золотым мячом играючи,
Всё себя же утешаючи».

594

«Травка-муравка,
Зеленый лужок!
А кто тебя, травку,
Кто травку топтал?»
— «Топтали девки,
Девки ю́шинские».
«Чем топтали?»
— «Башмачками,
Башмачками,
Чулочками белевы́ми,
Чулочками белевы́ми,
Подвязками шелковы́ми,
Подвязками шелковы́ми».

595

У лугах трава
Потоло́чена
И с коренья вон
Поворочена.
Как пошла трава
К богу жалиться,
К богу жалиться,
К самому Христу:
«Исус Христос,
Рассуди ты нас,
Рассуди ты нас
С красными девками,
С красными девками,
С молодухами,
С молодухами
Молоденькими!»
Ах, бог траву
Не пожаловал,
Пожаловал
Красных девушек:
«Тебе, трава,
Завсегда пора́,

Красным девушкам
Только одна пора,
Одна пора,
Одно вре́мечко:
А что Дух с Тройцей —
Да й сбор девкам,
А святой Илья —
То разгон девкам:
Разогнал девок
По чисто́м полю,
По чистом полю,
По густо́м житу».

596

Раскачайте меня,
Разбаюкайте!
Я скажу вам жениха:
На березке сучок,
Так и мой женишок,
Сучок обломился —
Женишок убился!

597

Ле́лим мой ле́лим!
Селезень да утенушку
Да на море покидает,
Сам далёко отлетает.

Ле́лим мой ле́лим!
«Вот тебе, да утенушка,
И луги, болота,
Широки озера».

Ле́лим мой ле́лим!
Николай да Матренушку
А в тереме покидает,
Сам далече отъезжает.

Ле́лим мой лёлим!
«Вот тебе, да Матренушка,
И дворье, подворье,
И новые сени».

598

Лелим-е, лелим!
Задумал мой братик
Маленький жениться.

Не выбирай, братик,
На улице девок:

На улице девки
А все хорошеньки,

А все хорошеньки,
Рубашки беленьки,

Рубашки беленьки,
Сарафаны красненьки!

Выбирай, мой братик,
В поле на загоне,

В поле на загоне,
На широком раздолье:

На широком раздолье,
У которых ста́вушка,

У которых ставушка —
По́стать широке́нька,

Постать широкенька,
Снопочки частеньки,

Снопочки частеньки,
Перевясла крутеньки!

599

Лелим-е, лелим-е!
А в поле конюшок свищет,
Трех коников ищет.
Первый же конюшок — Иванушка,
Другой же конюшок — Сергеюшка,
Третий же конюшок — Алексеюшка.
Лелим-е!

600

Лелим мой лелим!
А в поле пшеница,
А в поле яровая
Да не сжата стояла,
Колосом бурьяла,
Голосом кричала:
«Ой, братцы-ко́зинцы!
Либо вы меня сожните,
Либо скоту напустите!
Либо скоту напустите,
Скоту рогатого,
Хозяина богатого,
Хозяина Васильюшки,
Хо́зяюшки Людмилушки».

601

Лелим мой лелим!
А у нас да на речушке
Виноград зацветает,
Виноград зацветает,
А ягода поспевает.

Виноград Николаюшка,
А ягода Матренушка.
Виноград, ой, Павлович,
А ягода Играфовна.

602

Лелим-е, лелим!
А у ворот ягодничек,
У ворот зелененький,

А он сильно зацветает,
А немножко урожает,

А всего две ягодки,
А всего две красненьких:

Перва ягодка Марьянушка,
А другая Татьянушка!

У ворот орешничек,
У ворот зелененький,

А он сильно зацветает,
А немножко урожает,

А всего два орешика,
А всего два сладеньких:

Первый орешек Иванушка,
А второй орешек Демьянушка!

603

Выходила девушка
В сырой бор,
Выносила девушка
Жар в рукаве,
Зажигала девушка
Борть-сосну,
А на той сосенушке
Три угодья:
Первое угодие —
Яры пчелы,
Второе угодие —
Белый горностай,

А третье угодие —
Сизой орел.
Журят-бранят девушку
Яры пчелы,
Журит-бранит девушку
Бел горностай,
Журит-бранит девушку
Сизой орел:
«Чтоб тебя, девушка,
Сваты не сватали,
Чтоб тебя, девушка,
Поп не венчал,
Чтоб тебя, девушка,
Муж не любил!»

604

«Что же ты, березонька,
Не зелена стоишь?
Люшечки-люли,
Не зелена стоишь.

Аль тебя, березонька,
Морозом побило?
Люшечки-люли,
Морозом побило.

Морозом побило,
Инеем прихватило?
Люшечки-люли,
Инеем прихватило.

Инеем прихватило,
Солнцем присушило?
Люшечки-люли,
Солнцем присушило».

«Нет, меня, березоньку,
Морозцем не било,
Люшечки-люли,
Морозцем не било.

Морозцем не било,
Солнцем не сушило,
Люшечки-люли,
Солнцем не сушило.

Красны девицы
Веночки завили,
Люшечки-люли,
Веночки завили.

Веночки завили,
Веточки ломали,
Люшечки-люли,
Веточки ломали.

Веточки ломали,
В речку бросали,
Люшечки-люли,
В речку бросали.

В речку бросали,
Судьбу загадали,
Люшечки-люли,
Судьбу загадали.

Быстра речка
Судьбу отгадала,
Люшечки-люли,
Судьбу отгадала.

Коим девушкам
Замуж идти,
Люшечки-люли,
Замуж идти,

Коим девушкам
Век вековать,
Люшечки-люли,
Век вековать,

А коим несчастным
Во сырой земле лежать,
Люшечки-люли,
Во земле лежать».

605

Летели пчелы
Через сад вишневый,
Рано-рано,
Через сад вишневый.

Уба́чили пчелы
Три наметки в поле,
Рано-рано,
Три наметки в поле.

Первая наметка —
Шелком вышивана,
Рано-рано,
Шелком вышивана.

Другая наметка —
Шелком посно̇вана,
Рано-рано,
Шелком посно̇вана.

Третья наметка —
Шелком потыкана,
Рано-рано,
Шелком потыкана.

606

Как во поле, поле, поле,
В чистоем поле,
Да еще того подалише
Во раздолье,
Там стояла та́ма
Белая береза.
А да никто вокруг березы,
Никто не гуляет, —
Тут ходил-гулял
Удаленький молодчик.
На березовы коренья
Он наступает,

За вершинушку березу
Он пригинает,
К животу белу березу
Он прижимает:
«Кабы ты, бела береза,
Была красная девка!
Ты сидела бы, сидела
В золотом тереме,
Ты шила бы, вышивала
Золоты узоры.
Как и первый-то узорец —
Светел месяц,
Как другой-то узорец —
Красно солнце,
Как и третий-то узорец —
Часты звезды».

607

На том месте при лужочке,
На прекрасном бережочке,
На мягкой траве,
На лазоревой,

Там девушки гуляли,
Там красные гуляли,
Цветочки рвали́,
Увязывали.

Они цветики срывали,
Они красные срывали,
Веночки плели,
Увязывали.

На венках девки гадали,
Венки в реченьку кидали,
Чей венок плывет —
Милый воздохнет.

Венок по морю ныряет,
Милый клятвой уверяет,

Хочет верен быть,
Одною́ меня любить.

Одна девка не смолчала,
Громким голосом вскричала:
«А мой потонул!
Милый обманул!»

Она подружкам говорила,
Она голубкам говорила:
«Пойду — утоплюсь,
С горя удавлюсь!»

Ей подружки говорили,
Ей голубки говорили:
«Дура глупая,
Безрассудная!»

608

Светили-грали
Четыре месяцы.
        Ой лели-лели,
        Четыре месяцы!

Подсвечивали
Четыре зоречки.
        Ой лели-лели,
        Четыре зоречки!

Ой, Манька-зорька —
Гришкина жёнка.
        Ой лели-лели,
        Гришкина жёнка!

Ой, Настя-зорька —
Васькина жёнка.
        Ой лели-лели,
        Васькина жёнка!

Ой, Сашка-зорька —
Фетисова жёнка.
Ой лели-лели,
Фетисова жёнка!

Ой, Марфа-зорька —
Киреева жёнка.
Ой лели-лели,
Киреева жёнка!

609

Плавала лебедушка,
Плавала белая
Семь лет по морю.
Кликала лебедушка,
Кликала белая
Да своего лебедя.
«Ой, лебедь мой лебедь,
Звонкие крылышки!»
Окликнулся лебедь,
Окликнулся белый
У пана на дворе,
У пани в тереме,
У холопа на ноже,
У холопани в борще!

610

Ржица матушка
Колосилася,
Во ржи свинушка
Поросилася:
Семьдесят поросят,
Да всё свиночки,
Всё свиночки,
Да всё пестренькие,
Хвостики у них
Востренькие.

611

Ты кукуй-кукуй,
Ты кукушечка!
Ой лялё-лялё,
Ты кукушечка!

Немножко тебе
Куковать будет,
Ой лялё-лялё,
Куковать будет!

С Христóвого дня
До Петрового,
Ой лялё-лялё,
До Петрового!

Ты гуляй-гуляй,
Ты Ариночка!
Ой лялё-лялё,
Ты Ариночка!

Немного тебе
Погулять будет,
Ой лялё-лялё,
Погулять будет!

Только летечко
Перелéтовать,
Ой лялё-лялё,
Перелетовать!

С весны красны
Да до осени,
Ой лялё-лялё,
Да до осени!

612

Троица, Троица моя,
Троица зелёна-садова́!

Алыми цветами расцвела,
Алыми цветами расцвела!

Алыми, лазоревыми,
Алыми, лазоревыми!

Что же ты не весело цветешь,
Что же ты не весело цветешь?

Иль тебе студеная зима,
Иль тебе студеная зима,

Иль тебе морозу не дала,
Иль тебе морозу не дала?

613

У нас ныне Семик Троица!
Ой лиле-лиле-лиле!
Царь-государь в поход пошел.
За ним гонят двое, трое, четверо:
«Царь-государь, воротись назад,
Твоя царевна дочку родила!»
— «Для дочери не ворочусь:
Как дочка-та не домашний гость».

У нас ныне Семик-Троица!
Царь-государь в поход пошел,
За ним гонят двое, трое, четверо:
«Царь-государь, воротись назад,
Твоя царевна сына родила!»
— «Для сына-та я ведь ворочусь:
Как сын-от ведь мой домашний гость».
Ой лиле-лиле-лиле!

614

«Уж ты зять, ты мой зятюшка,
Дорогой ты мой зять возлюбленный!
У тебя-то, мой зятюшка,
Ни усов нет, ни бородушки,
Ни сохи нет, ни боронушки,
Ни в чистóм поле полóсыньки,
На гумне нет ни кладушечки,
На столе нет ни краюшечки!»
— «Уж ты теща моя ласковая!
Твоя-то дочка умница:
Что неделя — то ручéни напрядет,
Что годочек — то моточек напрядет;
Поставила кроснá — девятая веснá,
Десятая — масленца;
На прошести трава выросла,
На подножках самоседочка сидит;
Самоседка цыплят вывела,
Семьдесят молóдочков,
Девяносто петушков-молодцов!»
«Уж ты зять, ты мой зятюшка!
Ты поедешь во Китай-город гулять?»
— «Теща ты моя ласковая!
Я куплю тебе кóсу резкую,
И скошу я траву шелкóвую,
А на печнóм столбу стопочку складу».

615

Старенький дядька
По огороду хóдя,
Гу! Рано-рано, у!
По огороду ходя
Да й огород скорóдя,

Да й огород скородя,
Конопельки сéя.

А за ним молодка,
У ступень ступáе,

У ступень ступае,
Голубов зманя́е:

«Летите, голубки,
На мои конопли!

Чтобы мне, молодке,
Конопель не брати,

Конопель не брати,
Снопов не вязати,

Снопов не вязати,
Белых рук не драти,

Белых рук не драти,
Перстней не ломати».
Гу! Рано-рано, у!

616

Сильна птица воро́бьюшик
Через бор пролетела,

Через бор пролетела,
Весь бор поломала.

Только одно остается
Дерево молодое.

Как же это де́ревушко
Мне поможет-поможет?

Я из этого из дерева
Напилю досто́чек,

Напилю я до́сточек,
Помощу мо́сточек.

Через этот через мостик
Пойду к батюшке в гости,

Иттить буду плясаючи,
Платком махаючи!

Я платком буду махати,
Волю вспоминати.

617

Туча с громом сговаривалась:
Доли-лёли-лёли-лё!

«Пойдем, туча, гулять на поле,
На то поле на Заводское!
Ты с дождем, а я с милостью,
Ты польешь, а я выращу!»

Туча с громом сговаривалась:
«Пойдем, туча, гулять на поле,
На то поле на Лопьяльское!
Ты с грозой, а я с молнией,
Ты стукнешь, а я выпалю!»
Доли-лёли-лёли-лё!

618

«Ти не тошно тебе, речка,
Ти не тошно тебе, речка,
С толстым с льдом расставаться,
С толстым с льдом расставаться,

Со крутыми бережками,
Со крутыми бережками,
И всё с желтыми песками,
И всё с желтыми песками?»

«Хоть и тошно, да расстанусь,
Хоть и тошно, да расстанусь,
Хоть и жалко — распрощаюсь,
Хоть и жалко — распрощаюсь».

А вдогонь за ним не по́йдешь,
А вдогонь за ним не пойдешь,
Хоть и по́йдешь — не догонишь,
Хоть и пойдешь — не догонишь.

Только ноженьки прито́мишь,
Только ноженьки притомишь,
Черны глазы приморгаешь,
Черны глазы приморгаешь,

Белы руки примахаешь,
Белы руки примахаешь,
Тонки пальцы прищелкаешь,
Тонки пальцы прищелкаешь.

РУСАЛЬСКИЕ

619

На гряной неделе
Русалки сидели.
    Ой, рано й ру!
    Русалки сидели.

Русалки сидели,
Сорочки просили.
    Ой, рано й ру!
    Сорочки просили.

«Ай, девочки, подружки,
Дайте сорочки,
    Ой, рано й ру!
    Дайте сорочки.

Дайте сорочки,
Завити веночки,
    Ой, рано й ру!
    Завити веночки.

Завити веночки
На святы духовые,
    Ой, рано й ру!
    На духовые».

620

У ворот береза
Зелена стояла,

Зелена стояла,
Ветьтиком махала.

На той на березе
Русалка сидела,

Русалка сидела,
Рубахи просила:

«Девки, молодухи,
Дайте мне рубахи!

Хоть худым-худеньку,
Да белым-беленьку!»

621

Русалка у русалки
Рубашечки просит:
«Русалка-сестрица,
Ты дай мне рубашку!
Хоть худую — альняную,
Косые рукавы́!»

622

На гряной неделе
Русалки сидели.
Гу! Рано-рано, у!

Сидели русалки
На кривой дороге,

На кривой дороге,
На кривой березе.

Просили русалки
И хлеба, и соли,

И хлеба, и соли,
И горькой цибули.
Гу! Рано-рано, у!

623

Русалка-царица,
Красная девица!
Не загуби ду́шки,
Не дай удавиться,
А мы тебе кланяемся!

624

Ходит колос по яри́,
По белояровой пшенице.
Где парни шли,
Тут па́рина,
Где девки шли,
Тут и рожь густа,
Колосиста,
Семениста,
Нажиниста,
Умолотиста:
Как из каждого из ста
По четыреста!
Как из колосу осьмина,
Из зерна-то коврига,
Из полузерна пирог,
Еще собинничек —
Семисаженничек!

625

Костромушку да наряжали,
Девки весну провожали.
Пройдет весна да Троица,
Все забавы скроются!

626

Уж ты свет моя Кострома,
Государыня Кострóмушка была,
Не Костромушка, кумушка моя!
Не покинула при нужде ты меня,
При нужде, при старости.

627

Кострома моя Кострóмушка,
Моя белая лебедушка.
У моей ли Костромы
Много зóлота-казны.
У костромского купца
Была дочка хороша,
То Кострóмушка была!
Костромýшка-Кострома,
Лебедýшка-лебедá!

ПѢСНЯ.

Ай во полѣ! ай во полѣ!
Ай во полѣ липанька!
Подъ липою, подъ липою
Подъ липою бѣлъ шатеръ
Въ томъ шатрѣ столъ стоитъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица

Рвала цвѣты со травы
Вила вѣнки съ городы
Кому вѣнокъ носити?
Носити вѣнокъ старому
Старому вѣнокъ не сносить

Мою молодость не сберечь
Ай во полѣ липанька!
Подъ липою бѣлъ шатеръ
Въ томъ шатрѣ столъ стоитъ
За тѣмъ столомъ дѣвица!

Рвала цвѣты со травы
Вила вѣнки съ городы
Кому вѣнокъ носити?
Носити вѣнокъ молодцу
Молодецъ тотъ вѣнокъ сноситъ
Мою молодость сбережетъ

У Костромы-то родства —
Кострома полна была,
У Костро́мина отца
Было всемеро.
Кострома-то разгулялась,
Кострома-то расхвалилась.
Как Костромин-то отец
Стал гостей собирать,
Гостей собирать,
Большой пир затевать;
Кострома пошла плясать,
А чужие-то пританцовывать:
«Кострома-Кострома,
То Костро́мушка была!
Я к теé, кума, незваная пришла;
Я ли тея, Костромушка,
За рученьку возьму,
Вином с маком напою,
В хоровод тебя введу».
Стала Кострома поворачиваться,
С вина-маку покачиваться;
Вдоль по улице пошла,
На подворьице зашла,
На подворье костромское,
На купецкое.
Кострома ли Кострома,
То Костромушка была!
Костромушка расплясалась,
Костромушка разыгралась,
Вина с маком нализалась.
Вдруг Костромка повалилась:
Костромушка умерла.
Костромушка-Кострома!
К Костроме стали сходиться,
Костромушку убирать
И во гроб полагать.
Как родные-то стали тужить,
По Костромушке выплакивати:
«Была Кострома весела,
Была Кострома хороша!»
Кострома-Костро́мушка,
Наша белая лебедушка!..

628

Кострома, Кострома,
Ты нарядная была,

Развеселая была,
Ты гульливая была!

А теперь, Кострома,
Ты во гроб легла!

И к тебе ль, Костроме,
Сошлись незваные сюда.

Стали Кострому
Собирать-одевать,

Собирать-одевать
И оплакивать:

«Кострома, Кострома,
Костромушка моя!

У тебя ль, Кострома,
Блины масленые,

Блины масленые,
Браги сыченые,

Ложки крашеные,
Чашки липовые».

629

Во поле было в поле,
Стояла береза.
Она ростом высока,
Листом широка.

Как под этой березой
Лежала Кострома;
Она убита не убита,
Тафтою покрыта.
Девица-красавица
К ней подходила,
Тафту открывала,
В лице признавала:
«Спишь ли, милая Костромка,
Или чего чуешь?
Твои кони вороные
Во поле кочуют,
Дороженьку чуют».
Девица-красавица
Водицу носила,
Дождика просила:
«Создай, боже, дождя,
Дождичка частого,
Чтобы травоньку смочило,
Костроме косу остру притупило».
Как за речкой, за рекой
Кострома сено косит, —
Бросила ко́су
Середи́ покосу.

630

Помер наш батюшка, помер!
Помер родимый наш, помер!
Клали его во гробочек,
Зарывали его во песочек.
«Встань, батюшка, встань!
Встань, родимый, вздынься!»
Нет ни привету, нет ни ответу —
Лежит во гробочке,
Во желтом песочке.
Помер наш батюшка, помер!
Помер родимый наш, помер!
Приходили к батюшке четыре старушки,
Приносили батюшке четыре ватрушки:

«Встань, батюшка, встань!
Встань, родимый, вздынься!»
Нет ни привету, нет ни ответу —
Лежит во гробочке,
Во желтом песочке.
Помер наш батюшка, помер!
Помер родимый наш, помер!
Приходили к батюшке четыре молодки,
Приносили батюшке четыре сочовки:
«Встань, батюшка, встань!
Встань, родимый, вздынься!»
Нет ни привету, нет ни ответу —
Лежит во гробочке,
Во желтом песочке.
Помер наш батюшка, помер!
Помер родимый наш, помер!
Приходили к батюшке четыре девчонки,
Приносили батюшке четыре печенки!
«Встань, батюшка, встань!
Встань, родимый, вздынься!
Ждем твово привету, ждем твово ответу,
Встань из гробочка,
Вздынься из песочка!»
Ожил наш батюшка, ожил!
Вздынул родимый наш, встал!

631

Кострома, Кострома,
Государыня моя!
У нас есть для тебя
И кисель, и вода,
Пироги с таврогóм,
Каша масленая,
Брага сы́ченая!

632

Костромушка-Кострома
Поехала в острова,
Зацепила за пенек,
Простояла весь денек.

Давай, кума, шерсти,
Полысти валяти,
Куму одевати
На шелквой кровати!

633

Костромушка-Кострома,
Чужедальня сторона!
У Костромушки в дому
Ели кашу на полу.
Каша масленая,
Ложка крашеная.
Кашу брошу, ложку брошу,
Душа пó миру пойдет.
«Где Костромушка?»
— «В лес ушла».
Костромушка-Кострома,
Чужедальня сторона!
Зачем в лес забрела?
В лесу частые пеньки,
Смотри, ногу не сломи,
Нас по мúру не пусти!
«Где Костромушка?»
— «В бане».
Костромушка-Кострома,
Чужедальня сторона!
Зачем в баню забрела?
В бане редкий потолок,
Расшибешь себе носóк,
Спину гвоздем расскребешь,
На тот свет скоро пойдешь!
«Где Костромушка?»
— «Костромушка умерла».

Умер, умер наш покойник
Ни в среду, ни во вторник,
Его стали кадить —
А он глазками глядит!
Стали Кузькой величать —
Он ногами стучать,
Костромушкой величать —
Стал он спинку расправлять,
А как стали отпевать —
Он за ними бежать!

КУПАЛА

634

Купала, Купала,
Ой, где ты бывала,
Ой, где ты бывала?

Купала бывала
У Ваньки на дворе,
В Домны в тереме.

Простая ты Домна,
Неси кулаги,
Неси кулаги!

А в твоей кулаге
Пчёлушки бруяли,
Медок пускали.

Если не подадут:

Скупая Домна,
Неси кулагу,
Неси кулагу!

А в твоей кулаге
Лягушки квовтали,
Квовкать пускали́!

635

Пойдем, девки,
Пойдем, девки,
Кругом жита,
Кругом жита.

В нашем жите,
В нашем жите
Ведьма сидит,
Ведьма сидит.

«Иди, ведьма,
Иди, ведьма,
С нашего жита,
С нашего жита,

Наше жито,
Наше жито
Свячённое,
Свячённое!

Иди, ведьма,
Иди, ведьма,
У Сеньково,
У Сеньково, —

Та́ма жито,
Тама жито
Не свячёно,
Не свячёно».

636

Иван да Марья,
Где ваше гулянье,
Где ваше гулянье?

А у Марьи на дворе,
В Клима в тереме,
В Клима в тереме.

Простая Марьенка,
Неси кулагу,
Неси кулагу!

В твоей кулаге
Пчелыньки бруяли,
Пчелыньки бруяли.

Если подадут:

Роди, боже,
Чисто жито!

Если не подадут:

В твоей кулаге
Лягушки квовтали,
Лягушки квовтали,

Лягушки квовтали,
Лягушки квовтали
И квокот носили!

637

Девки, бабы —
На Купальню!
    Ладу-ладу,
    На Купальню!

Ой, кто не выйдет
На Купальню,
    Ладу-ладу,
    На Купальню!

Ой, тот будет
Пень-колода,
    Ладу-ладу,
    Пень-колода!

А кто по́йдет
На Купальню,
    Ладу-ладу,
    На Купальню!

А тот будет
Бел береза!
    Ладу-ладу,
    Бел береза!

638

Марья Ивана,
Марья Ивана
В жито звала,
В жито звала:

«Пойдем, Иван,
Пойдем, Иван,
Жито глядеть,
Жито глядеть!»

Чье жито,
Чье жито
Лучше из всех,
Лучше из всех?

Наше жито,
Наше жито
Лучше из всех,
Лучше из всех!

Колосисто,
Колосисто,
Ядрянисто,
Ядрянисто,

Ядро в ведро,
Ядро в ведро.
Колос в бревно,
Колос в бревно!

639

Марья Ивана,
Марья Ивана
В жито звала!
Марья Ивана:

«И пойдем-ка, Иван,
Пойдем-ка, Иван,
В наше жито!
Пойдем-ка, Иван!

В нашем жите,
В нашем жите
Сам бог ходит!
В нашем жите

Сам бог ходит,
Сам бог ходит,
Жито родит!
Сам бог ходит,

Жито родит,
Жито родит:
Ядро с ведро!
Жито родит,

Ядро с ведро,
Ядро с ведро,
Колос с бревно!
Ядро с ведро».

640

Иван да Марья,
Иван да Марья!

Иван Марью кличет,
Иван Марью кличет:

«Ходи, Марья, домой,
Ходи, Марья, домой!

Неси, Марья, ключи,
Неси, Марья, ключи!

Замкнем ведьме зубы,
Замкнем ведьме зубы!

Которая ведьма
Коров закликает,

Коров закликает,
Молоко сбирает, —

Ой, чур, чур, ведьма!
Ой, чур, чуровница!»

641

Сбирайтеся, девки,
Ивана пияти,

Ивана пияти,
Трех змей пельновати!

Да як одна змея
Коров сокликала,

А другая змея
Молоки сбирала,

А третья змея
Спор хлеба сбирала,

Спор хлеба сбирала,
На людей пускала,

На ста́ток упадок,
На людей поморы.

642

Как на горушке, ой, на горы́,
На высокою на крутой,
На раздольицы широко́й
Там горит огонь высоко́й.

Как у том огню жгли три змеи:
Как одна змея закликуха,
Как вторая змея заползуха,
Как третья змея веретейка.
Закликуха-змея коров закликает,
Заползуха-змея заломы ломает,
Веретейка-змея зажин зажинает.

643

Зарождалися три ведьмы,
На Петра да на Ивана:
Первая ведьма
Закон разлучает,
Другая ведьма
Коров закликает,
Третья ведьма
Залом ломает.
Первой ведьме,
Что закон разлучает,
Ее по уши в землю,
Ей прощенья нет!
Другой ведьме,
Что коров закликает,
Ту по плечи в землю,
Ей прощенья нет!
Третью ведьму,
Что залом ломает,
Ту по пояс в землю,
Ей прощенья нет!
Вы катитесь, ведьмы,
За мхи, за болоты,
За гнилые колоды,
Где люди не бают,
Собаки не лают,
Куры не по́ют, —
Вам там и место!

644

«Чур, ведьма чуровая!
Где ты ночушку ночевала?»

«Одну ночушку под кусточком,
Другу ночку под грудочком».

645

Чи́я жена,
Чия жена козой была,
Козой была?

На дуб лезла,
На дуб лезла — свалилася,
Свалилася,

Свалилася,
Свалилася, забилася,
Забилася,

Забилася,
На пень боком, на сук оком,
На сук оком.

646

«Да Купаленка!
            Рано, рано!
Где досюль была?»
— «За рекой была,
За быстро́й была».
«Что ты робила?»
— «Кужали пряла!
Кужали пряла,
Ткала, белила,
Замуж дочек
Выдавала».
            Рано, рано!

647

Купаленка,
Купаленка,
Ночь маленька,
Ночь маленька!

«Темная ночка,
Темная ночка,
Где твоя дочка,
Где твоя дочка?»

«Гряды полет,
Гряды полет,
Руки колет,
Руки колет.

Руки колет,
Руки колет,
Цветочки рвет,
Цветочки рвет.

Цветочки рвет,
Цветочки рвет,
Веночки вьет,
Веночки вьет.

Свойму дружку,
Свойму дружку
На головушку,
Свойму дружку:

Носи, мой друг,
Носи, мой друг,
Не складывай,
Не складывай,

Люби меня,
Люби меня,
Не покидывай,
Люби меня».

648

Темная ночь,
Где твоя дочь?

А моя дочь
В чистом поле,

В чистом поле
Бел лен полет.

Удайся ж, мой лен,
Тонок, долог!

Тонок, долог,
Бел волокнистый,

Бел волокнистый,
Шелк шелковистый!

649

«Ой, чей то лен
Да неполеный?»
Купала на Йваня,
Купался Иваня!

«Это Манечкин лен
Да неполеный».

«Ой, зачем же она
Да не поп́олола?»

«То за тем, то за сем,
То за толстым снопом,

То за толстым снопом,
За хорошим женихом,

За хорошим женихом
Да за Йванечкою!»
Купала на Йваня,
Купался Иваня!

650

Купаленка,
Ночь маленька!
«Темная ночка,
Йде твоя дочка?»
— «У горóде,
В горóде
Гряды полет,
Руки колет
Крапивою
Стрекливою!»
«Чей же лен
Под болотом
Непóлотый,
Травой зарос,
Мокрицею?»
— «Павликов лен
Под болотом
Неполотый,
Травой зарос,
Мокрицею!»

651

«Купало, Купало!
Где ты зимовало?»
— «Летовало в лесе,
Зимовало в стресе».

652

Купалка, Купалка!
«Где Купалка ночь ночевала?»
— «У сурнывке, да и в сувалках,
А в тростéлках — на качелках».

653

«Святой Иван,
Что ты робишь?»
— «Ах, мой боже,
Ляды полю».
«Святой Иван,
На что ляды?»
— «Ах, мой боже,
Ячмень сеять».
«Святой Иван,
На что ячмень?»
— «Ах, мой боже,
Пиво варить!
Пиво варить,
Сынов женить,
Дочек отдавать,
Пасаг делить».

654

«Медуница,
Медуница
Медовая,
Медовая!

Чего не растешь,
Чего не растешь
По всем лугам,
По всем лугам?

По всем лугам,
По всем лугам
По зеленым,
По зеленым?»

«Как же мне рость,
Как же мне рость
По всем лугам,
По всем лугам?

По всем лугам,
По всем лугам
По зеленым,
По зеленым?

Весной меня,
Весной меня
Скотом травят,
Скотом травят,

Летом меня,
Летом меня
Косой режут,
Косой режут,

В осень меня,
В осень меня
С корнем рвут,
С корнем рвут»

«Молодуха,
Молодуха
Молодая,
Молодая!

Чего нейдешь,
Чего нейдешь
На улицу,
На улицу?»

«Как же мне итить,
Как же мне итить
На улицу,
На улицу?

Свекор скажет,
Свекор скажет:
«Подворница,
Подворница».

Свекровь скажет,
Свекровь скажет:

«Медведица,
Медведица».

Деверь скажет,
Деверь скажет:
«Растащиха,
Растащиха».

Золовка скажет,
Золовка скажет:
«Подбледни́ца,
Подбледница».

Муж мой скажет,
Муж мой скажет:
«Жена моя,
Жена моя,

Жена моя,
Жена моя
Молодая,
Молода́я!

Не вмеешь ты,
Не вмеешь ты
Отказывать,
Отказывать!

Подворница,
Подворница —
Свинья в хлеве,
Свинья в хлеве,

Медведица,
Медведица —
В темном лесе,
В темном лесе,

Растащиха,
Растащиха —
Мышка в клети,
Мышка в клети,

Подбледни́ца,
Подбледница —
Сковорода,
Сковорода!»

655

Как Иван и Марья,
На горе у них Купальня.

На горе Купальня,
Под горой у них кулага.

Как у той кулаги
Яры пчелы брояли.

Яры пчелы брояли,
Они мед собирали.

656

Сегодня, девочки, Купала,
Сегодня, девочки, Купала.

А кто сделал что — пропало,
А кто сделал что — пропало.

657

Купаленка,
Купаленка,
Ночь маленька,
Купаленка!

«Темная ночка,
Темная ночка,

Где твоя дочка,
Темная ночка?»

«Моя дочка,
Моя дочка
Гулять пошла,
Моя дочка.

День гуляла,
День гуляла,
Венок потеряла,
День гуляла».

«Едь-ка, батька,
Едь-ка, батька,
За моим венком,
Едь-ка, батька!»

Батька едет,
Батька едет,
Венок не везет,
Батька едет.

«Едь-ка, мамка,
Едь-ка, мамка,
За моим венком,
Едь-ка, мамка!»

Мамка едет,
Мамка едет,
Венок не везет,
Мамка едет.

«Едь-ка, милый,
Едь-ка, милый,
За моим венком,
Едь-ка, милый!»

Милый едет,
Милый едет,
Венок везет,
Милый едет.

658

Иван Марью,
Иван Марью звал у жито,
Звал у жито.

«Пойдем, Марья,
Пойдем, Марья, глядеть жито,
Глядеть жито.

А в том жите,
А в том жите не́любср́дит,
Нелюб сидит.

Нелюб сидит,
Нелюб сидит, ко́со гля́дит,
Косо глядит.

Косо глянет,
Косо глянет — венок вянет,
Венок вянет.

Прямо глянет,
Прямо глянет — зеленеет,
Зеленеет.

Та́я девка,
Тая девка веселеет,
Веселеет».

659

На Петра хлеба пекла,
А на Ивана выбирала.
Иваню й Васечка!

Ночевала ночку
Я в лужочку,

А другую —
Под дугою,

А третию —
Под клетию,

Четвертую —
Под хвортою.
Иваню й Васечка!

660

Ходил чижик по улице,
Сбирал девок на Купальню:
«Ну, девки, на Купальню,
Ну-те да вы, девки, на Купальню!
Вам, девки, своя волюшка!»
Ажно женочкам воли нету,
Нету во́ли а нико́ли!
Нету воли а николи:
Горшочек кипит на загне́ти,
Дитя плачет в колыбели,
Свекор лежит на постели,
А свекровка против печи,
А деве́ри коло сто́лу,
А золовки коло по́лу!
Покуль млада пробра́лася,
И Купаленка миновалася!

661

Ходил Иван по улице,
Люли, рано!
Сбирал девиц на Купальню.
А вам, девицы, своя воля,
А женщинам воли нету:
Лежит милый на постели,
Мало дитя во колыске!
Я у свекорки попрошуся,
А свекровке поклонюся,
А милого не·боюся.

Покуль млада собралася,
Мало дитя раскричалося.
Купаленка разошлася,
Млада дома осталася.
Люли, рано!

662

Девицы цветы щипали
Да у Ивана пытали:
«Что это за цветы?»
— «Это цветы Купáлы,
Дéвицам — умывáлы,
А пáреням — воздыханья!»
Сохнут-сохнут пáрени,
За гря́дами си́дючи,
На дéвицей смóтрючи,
Что дéвицы хороши́,
А пáрени — голыши́:
Не мают копейцы про души́!

663

Иван да Марья
В реке купались:

Где Иван купался,
Берег колыхался,

Где Марья купалась,
Трава расстилалась.

Купала на Ивана!
Купался Иван,

Да в воду упал.
Купала на Ивана!

664

Да кто ж там купался,
Берег колыхался?

Иванька купался,
Берег колыхался.

Иванькова мамка
По бережку ходит,

По бережку ходит,
Иванечку кличет:

«Ванютка, дитятка,
Ближе к бережочку,

Ближе к бережочку,
Желтому песочку!

Пошею кошулю
С косым воротóчком,

С косым вороточком,
Простым рукавочком.

Сноси ты эту,
Пошею другую,

Пошею другую
Да всё и такую».

665

Ивашка молодчик!
Не стой под рекою,
Не махай рукою!
Не быть мне за тобою.

Обещай моему татке
Коня вороного,
А мамке коровку,
Брату жеребенка,
А сестрице теленка!

666

Пойдем же, сестрички,
По ясну зори́чку!
Ночка мала́ купальная!
Возьмем же, сестрички,
По жменьке песочку

И засеем, сестрички,
У таткиных ворот.

Пойдем же, сестрички,
Поглядеть же песочек —

Чи всходит, чи зеленеет?
Чи всходит, чи зеленеет?

А знайте, познайте —
Песочек не всходит!

Знать, моя сестричка,
У татки не быти,

У татки не быти,
В красных девках не жити.

Пойдем же, сестрички,
По ясну зоричку!

Возьмем же, сестрички,
По жменьке пшенички,

Засеем, сестрички,
У свекорковых ворот.

Пойдем же, сестрички,
Поглядеть пшеничку —

Чи всходит, чи зеленеет?
Чи всходит, чи зеленеет?

А знайте, познайте —
Пшеничка всходит!

Знать, моя сестричка,
У свекорка нам жить.
Ночка мала купальная!

667

Горела Купала,
Купала на Йвана!
Я, молода, тушила,
Решетом воду носила.
Как у решете воды нет,
Так и у мойго свекра правды нет.

Горела Купала,
Я, молода, тушила,
Кубочком воду носила.
Как у кубочку вода есть,
Так и у мойго батюшки правда есть.
Купала на Йвана!

668

Как на горушке, на горы́,
На высокою, на крутой,

На высокой, на крутой,
На раздольице широко́й,

На раздольице широко́й,
Жарко́ дубьё горело,

Жарко дубье горело,
А в том жару свекор мой,

А в том жару свекор мой.
Пойти дубье тушити,

Пойти дубье тушити,
Решетом воду носити,

Решетом воду носити,
Своего свекра решати.

669

Мойго свекра широкий двор,
На Йвана свя́того!
Да широкий двор по самый бор.
А в том бурьяне волки гу́дут,
А волки гуду́т, бурьян толо́чут,
Бурьян толочут, свекра воло́чут.
«Ай, невесточка, поряту́ночка!
Порятуй меня, невесточка!»
А невесточка послушала
Да на волчиков потю́кала:
«Волчок серый, во́локи смело!
Волчок карий, во́локи ско́рей!»
На Йвана свя́того!

670

Иван Марью
Звал на Купальню,
Иван Марью:

«Пойди, Марья,
Со мной на Купальню,
Пойди, Марья!»

«Совью венок,
Пойду в танок,
Совью венок!»

671

Купала на Ивана!
Купала на Ивана!
Через село печь вéзена,
У той печи девять канашóв:
Усим девкам по канашéчку,
Авдотье канаша нéтути, —
Лучший канашá — Николай душа!
Купала на Ивана!

672

А Иван Марью
Звал на Купальню,
Купала на Ивана!

«Где, Купала,
Ночь ночевала?»
— «Под осинкою
С Максимкою
Под орешкою
С Терешкою».
«Что, Купала,
Вечеря́ла?»
— «А варенички
С цибулею,
Кулажищу-
Неуважищу».
Купала на Ивана!

673

Еще что кому до нас,
Когда праздничек у нас!
Завтра праздничек у нас —
Иванов день!
Уж как все люди капустку
Заламывали.

Какъ на улицѣ шумятъ,
Сарафанъ бабы дѣлятъ,
Ой вы дѣвки!
Ой вы бабы молодыя!
Кому клинъ, кому станъ,
Кому весь дати сарафанъ,
Ой вы дѣвки!
Ой вы бабы молодыя!
Одна вышла дѣвка молода,
Порасхвасталась она,
Ой вы дѣвки!
Ой вы бабы молодыя!
Какъ вечоръ меня милой
Цаловалъ и миловалъ
Ой вы дѣвки!
Ой вы бабы молодыя!

Крѣпко къ сердцу прижималъ,
Онъ сударушкой называлъ,
Ой вы дѣвки!
Ой вы бабы молодыя!
Ты сударушка моя
Вѣрно любишь ты меня!
Ой вы дѣвки!
Ой вы бабы молодыя!
Какъ мнѣ тебя не любить!
Не могу тебя забыть!
Ой вы дѣвки!
Ой вы бабы молодыя!
Не могу тебя забыть!
Ой вы дѣвки!
Ой вы бабы молодыя!

Уж как я ли, молода,
В огороде не была.
Уж как я за кочан,
А кочан закричал,
Уж как я кочан ломить,
А кочан в бо́розду валить:
«Хоть бороздушка у́зенька —
Уляжемся!
Хоть и но́чушка ма́ленька —
Понаба́емся!»

674

Иван, Иван да Марья,
А на горе Купальня.
Там девочки сидели,
Там девочки сидели,
Кулаком землю пробили,
Кулаком землю пробили!

«Иван, Иван старый дед,
Иван, Иван старый дед!
Сказали, в тебя штанов нет,
Сказали, в тебя штанов нет».

«У мене штаны были,
У мене штаны были,
Штаны девки украли,
Штаны девки украли,
На носырки разодрали,
На носырки разодрали!»

675

По бору,
По бору,
По вересу,
По вересу,

Ходит коник,
Ходит коник
Вороненький,
Вороненький.

На том коне,
На том коне
Седло лежит,
Седло лежит.

На том седле,
На том седле
Иван сидит,
Иван сидит,

За ним Марья,
За ним Марья
Вдогон бежит,
Вдогон бежит:

«Постой, Иван,
Постой, Иван!
Скажу нечто,
Скажу нечто!

Скажу нечто,
Скажу нечто, —
Тебя люблю,
Тебя люблю,

Тебя люблю,
Тебя люблю,
С тобой пойду,
С тобой пойду!

Загадаю,
Загадаю
Три загадки,
Три загадки.

«А что растет,
А что растет
Без ко́реня,
Без кореня?

А что горит,
А что горит
Без полымя,
Без полымя?

А что бежит,
А что бежит
Без повода,
Без повода?»

«Сейчас, Марья,
Сейчас, Марья,
Разгадаю,
Разгадаю!

Разгадаю,
Разгадаю
Три загадки,
Три загадки:

Камень растет,
Камень растет
Без ко́реня,
Без кореня.

Сажа горит,
Сажа горит
Без полымя,
Без полымя.

Вода бежит,
Вода бежит
Без повода,
Без повода».

676

За лесом-то лесом
Ко́нюшок свищет,
Трех коней ищет.
Как первый конь —
Колесом грива,
А другой конь —
У во лбу звезда,
А третий конь —
Долженный хвост.
Колесом грива —
Николаев конь!
У во лбу звезда —
Владимиров конь!
Долженный хвост —
Михайлов конь!

677

Нонче Купа́лы,
Завтра Ива́ны.
Купалы́ на Ива́ны!
Купался Иван
Да в воду упал.

Ох, брат сестру
Дво́ру кли́чет.

Двору кличет,
Загубить хочет.

«Ой, братец мой
Иванушка!

Не губи меня
У буде́нный день,

Загуби меня
У воскресный день.

Положи меня
У ограды,

Обсади меня
Стрели́цами,

Обвешай меня
Наме́тками,

Обсей меня
Василечками!

Молодцы идут,
Стрелицы рвут.

Старушки идут,
Наметки берут.

Девицы идут,
Василечки рвут,

Василечки рвут,
Веночки вьют.

Меня, младу,
Поминать будут».
Купалы́ на Иваны́!

678

Налетели соколы́
С чу́жой да́льней стороны,
Сели-пали на ральли́, —
Промеж собою гурку́ют:
«Лучше та́я скородьба́,
Чем се тая наралья:
На скородьбе пшеница,
На ральле метлица».
А в го́роде на торгу
Да два мо́лодца идут,
Да два молодца идут,
Промеж собой говорят:

«Лучше первая жена,
Чем се тая другая:
А я с первой женой
А я детушек прижил,
Й а с другою женой
Я детушек разогнал!»
А что в лесе свищет? —
Батька детушек ищет:
«Ах вы детушки мои,
Собирайтеся ко мне!
Ти царю будете служить,
Ти мачехе норовить?»
— «Лучше царю служить,
Чем мачехе норовить:
Царю служо́мши — услужи́шь,
А мачехе не внорови́шь!»
А в го́роде на торгу
Да два молодца идут,
Два молодца идут,
Промеж собой говорят:
«Шинка́рочка молода,
Продай меду фунта два!»
— «А я меду не продам,
За тебя дочку свою отдам».
А в скресенье венча́ли,
В понедельник спать кла́ли.
Стал пытати детина,
Якого роду девчина.
«Я с Киева войто́вна,
По батюшке Карпо́вна!»
Стала пытати девчина,
Якого роду детина:
«Я с Киева войто́вич,
По батюшке Карпо́вич!»
— «Ах, и где ж тому было,
Чтоб сестра за брата шла?
Сестра за брата не йдет,
А брат сестру не берет!
Мы пойдем у поле,
Мы скинемся травою,
Мы скинемся травою,
А что братец с сестрою!»

679

Да мала́ ночка петровочка,
Реля, реля, реля!
Да й не выспалась удо́вушка.
Реля, реля, реля!
Да й ложилася спать колодою,
Реля, реля, реля!
Да й колодою смоло́вою.
Реля, реля, реля!

680

Петровская ночка,
Ночка невеличка,
А рельё, ладо,
Невеличка!

А я, молодая,
Не выспалася,
А рельё, ладо,
Не выспалася!

Не выспалася,
Не нагулялася,
А рельё, ладо,
Не нагулялася!

Я с милым дружком
Не настоялася,
А рельё, ладо,
Не настоялася!

Не настоялась,
Не наговорилась,
    А рельё, ладо,
    Не наговорилась!

Я пришла до дому,
С печали свалилась,
    А рельё, ладо,
    С печали свалилась!

А пока, молода,
У сени войду,
    А рельё, ладо,
    У сени войду!
В сени войду,
Постель постелю,
    А рельё, ладо,
    Постель постелю!

А ложуся спать,
Слезой оболькось,
    А рельё, ладо,
    Слезой обольюсь!

681

Петровская ки́ла
По зо́рям ходила,
Усех побудила,
Афросинью забыла.
По́ двору ходила,
Ошметки сбирала,
Фроси́нью 'бува́ла.
Фросинья уснула,
Про всё она забыла.
А девушки хо́дют,
Песни по́ют,
Фросинью величают,
Килу́ Фросинье прицепляют!

682

А я роду,
А я роду хорошего,
А я роду.

А я батьки,
А я батьки богатого,
А я батьки.

А мой батька,
А мой батька — ясен месяц,
А мой батька.

И моя матка,
Моя матка — красное солнце,
Моя матка.

И мои браты,
Мои браты — соловьи в лесе,
Мои браты.

И мои сестры,
Мои сестры — в жите перепелки,
Мои сестры.

Ясен месяц,
Ясен месяц ночью светит,
Ясен месяц.

Красное солнце,
Красное солнце летом греет,
Красное солнце.

Сизые соловьи,
Сизые соловьи летом поют,
Сизые соловьи.

В жите перепелки,
В жите перепелки жать зазывают,
В жите перепелки.

«Василя мой,
Василя мой
Багровенький,
Василя мой!

Когда ты рос,
Когда ты рос,
Когда вырос,
Когда ты рос?»

«Ай, рос я рос,
Ай, рос я рос
У пятницу,
Ай, рос я рос.

А вырос я,
А вырос я
У субботу,
А вырос я.

А в скресенье,
А в скресенье
Девки рвали,
А в скресенье!»

ЖАТВА

684

Лели мое, лели!
Два братца родные
Да сено косили.

Лели мое, лели!
Сестрица Аленушка
Обед выносила.

Лели мое, лели!
Обед выносила —
Творог и сметану,

Лели мое, лели!
Творог и сметану
И молочную кашу.

685

Что и в лузе, да на перевозе,
Там Левонька да траву ко́ся,

Там Левонька да траву кося,
Да на берег вынося,

Да на берег вынося,
Вороного да коня прося,

Вороного да коня прося:
«Ешь, коник, да траву зеленую.

Ешь, коник, да траву зеленую!
Привези мне да жену молодую,

Белую да румяную,
Да девочку разудалую».

686

Как на речке-речке,
На мату́шке Волге,
На́ матушке Волге
Два брата косили.

На матушке Волге
Два брата́ косили,
Два́ брата косили,
Два брата родные.

Два брата косили,
Два брата родные,
Два брата родные,
Две сестры родные.

Два брата родные,
Две сестры родные,
Две сестры родные,
Обе молодые.

Две сестры родные,
Обе молодые,
Обе молодые!
На́встречу сестрицам,

Обе молодые!
Навстречу сестрицам,
Навстречу сестрицам
Двое дворянина.

Навстречу сестрицам
Двое дворянина,
Двое дворянина,
Оба молодые.

Двое дворянина,
Оба молодые,
Оба молодые!
Дали вот сестрицам,

Оба молодые!
Дали вот сестрицам,
Дали вот сестрицам
Пó коню держати.

Дали вот сестрицам
По коню держати,
По коню держати!
Давай-ко, сестрица,

По коню держати!
Давай-ко, сестрица,
Давай-ко, сестрица,
Одну думу думать!

Давай-ко, сестрица,
Одну думу думать,
Одну думу думать!
Нам коней держати,

Одну думу думать:
Нам коней держати,
Нам коней держати
Али отпускати?

Нам коней держати
Али отпускати,
Али отпускати?
Мы отпустим коней,

Али отпускати?
Мы отпустим коней!

Мы отпустим коней
В яровое поле!

Мы отпустим коней
В яровое поле!
В яровое поле,
Кинем-бросим узды,

В яровое поле!
Кинем-бросим узды,
Кинем-бросим узды
В ракитовы ку́сты!

Кинем-бросим узды
В ракитовы кусты!
В ракитовы кусты,
Кинем-бросим сани,

В ракитовы кусты!
Кинем-бросим сани,
Кинем-бросим сани
Во матушку Волгу!

Кинем-бросим сани
Во матушку Волгу,
Во матушку Волгу!
Теки-теки, Волга,

Во матушку Волгу!
Теки-теки, Волга,
Теки-теки, Волга,
Во синее море!

Теки-теки, Волга,
Во синее море
Во синее море!
Дуйте, ветерочки,

Во синее море!
Дуйте, ветерочки,
Дуйте, ветерочки,
Со́ чисто́го поля.

Дуйте, ветерочки,
Со чистого поля,
Со чистого поля
Доносите вести,

Со чистого поля
Доносите вести,
Доносите вести
До родимых братцев,

Доносите вести
До родимых братцев,
До родимых братцев!
Братья услыхали,

До родимых братцев!
Братья услыхали,
Братья услыхали —
Косы прибросали,

Братья услыхали —
Косы прибросали,
Косы прибросали,
Зéлены покосы,

Косы прибросали!
Зелены покосы,
Зелены покосы,
Сено проклинали!

Зелены покосы!
Сено проклинали,
Сено проклинали:
«Чтобы это сено!»

Сено проклинали:
«Чтобы это сено,
Чтобы это сено
На огне сгорело!

Чтобы это сено
На огне сгорело,

На огне сгорело!
Весь бы этот пепел,

На огне сгорело!
Весь бы этот пепел,
Весь бы этот пепел
Ветром разносило!»

687

Ой ты зелёна дубровочка,
Чего так рано спустоши́ла?

Спустошила!
Трава на сено покошёна,

Покошена!
Ай, покошёна, погребёна,

Погребёна!
В ве́лики стоги покида́на.

688

Да як сел воробеї
Да й на маковку, —
Весь мак подолбал.

Что Иванечка
Да й за Анночку
Три ко́почки дал.

689

И говорило
Аржаное жито,
В чистом поле стоя,
В чистом поле стоя:

«Не хочу я,
Аржаное жито,
Да в поле стояти,
Да в поле стояти.

Не хочу я,
Аржаное жито,
Да в поле стояти —
Колосом махати,

А хочу я,
Аржаное жито,
Во пучок завязаться,
В засенку ложиться.

А чтоб меня,
Аржаное жито,
Во пучок взвязали,
З меня рожь выбирали».

690

Пора же, мати, жито жати,
Ох, и колосок налился.

Колосок налился!
Пора же, мати, дочку дати,
Ох, и голосок сменился.

691

Жали мы, жали,
Жали, пожинали, —
Жнеи молодые,
Серпы золотые,
Нива долговая,
По́стать широка́я;
По месяцу жали,
Серпы поломали,
В краю не бывали,
В краю не бывали,
Людей не видали.

692

Жните, жнеечки, жните,
В жите горелочка буде.

А як дожнитеся,
Горелочки напьетесь.

Если б моя родная мати
На этой постати,

Она б меня пожалела,
Мою постать подогнала.

693

А вы, девочки, жните!
Перепелочка в жите.

А мы постатьку сгоним,
Перепелочку словим,

Перепелочку словим,
Ей головочку сломим.

Перепелочку в юшку,
А перьячко в подушку.

694

Петрочкова женка
На свою нивку
Раненько выходила,
Дочек-лебедок,
Невесток-перепелок
С собой выводила.
«Пожинайте, невестки,
Пожинайте, дочки!
Дочки-лебедки,
Невестки-перепелки!
Поутру раненько,
Вечером поздненько, —
Чтобы было с чего жити
Добре́нько, ладне́нько».

695

А я, молоденька, рожь топчу́,
Рожь то́пчу, рожь топчу́.

Травку-муравку вытопчу,
Вы́топчу, вытопчу́.

Зеленое жито вырастет,
Вырастет, вырастёт.

А я, молоденька, буду жать,
Буду жать, буду жать.

И да у снопочки вязать,
Да вязать, да вязать.

И в сарай буду возить,
Да возить, да возить.

И на раю буду садить,
Да садить, да садить,

И цепами буду молотить,
Молотить, молотить,

У печи буду сушить,
Да сушить, да сушить,

У квашне буду творить,
Да творить, да творить,

И рабочих всех кормить,
Всех кормить, всех кормить.

696

«Добра ночь да чистому полю,
Широкой постати!
Вечер добрый свёкору, свекрови
Да нелюбому мужу!»
— «Ой, пойди-ка, чужое дитяте,
А наша невестка,
У чистое поле житушко жати!
Ти не боялась в чистом поле полевать,
Серпом воевать?

Ти не боялась лютого зверя,
Злого человека?»
— «Не боялась зверя, злого человека,
Только боялась да темненькой ночки,
Да сильного дождя».

697

За горою жито жала,
Ой, я снопов не вязала,

Снопов не вязала!
Тогда я буду снопы вязать,
Ой, да як месячко взойдет,

Як месячко взойдет!
Сколько я с парнем ни гуляла,
Ой, да правды не казала,

Правды не казала!
Тогда я буду правду казать,
Ой, да як миленький возьмет.

698

Ах и дай, боже,
Ах и дай, боже,
Два Илюшки в году,
А Петрушки хоть и ни о́дного!
Илюшка и накормил,
И накормил и напоил,
А Петрушка было
С голоду уморил!

699

Ох, чие то поле
Задремало стоя?
Янцовское то поле
Задремало стоя
Как ему не дремати,
Когда некому жати?

Ой, чие то поле
Загремело стоя?
Цызуревское-то поле
Загремело стоя.
Чего ему не гремети,
Коли есть кому жати?
Есть кому жати,
Во стога метати,
В закрома ссыпати,
Жней награждати.

700

В бору тетерлюк
Болбочет,
Из бора лететь
Не хочет.

В бору ягодки
Сладки,
Солодей меду
И вина.

Солодей меду
И вина,
Пошеничного
Пирога.

«Дожни, дочушка,
Овесец,
Тогда тебе бог сватов
Принесет!»

701

Ой, пора до двора,
Да на дворе не рано,

На дворе не рано,
Да сильная роса пала.

А еще попозднее
Да роса посильнее.

Ай, пора до двора,
Да поела нас комара́.

Ой, не так комара,
Да як дробные мушки.

702

Пора жнейкам домой идти,
Пора жнейкам домой идти.

Потеряла заря ключи,
Потеряла заря ключи.

«А кто мои ключи найдет,
А кто мои ключи найдет,

За того замуж пойду,
За того замуж пойду».

Отозвался старый старик,
Отозвался старый старик:

«Я твои ключи нашел,
Я твои ключи нашел».

«Пропадайте, мои золоты ключи,
Пропадайте, мои золоты ключи,

А за старого замуж не идти,
А за старого замуж не идти».

703

Пусти, паня, домой рано,
Пусти, паня, домой рано.

У меня дома беда стала,
У меня дома беда стала:

Свекровь с тыну свалилася,
Свекровь с тыну свалилася,

У крапиву ввалилася,
У крапиву ввалилася!

Ой, мне не жалко свекровушки,
Ой, мне не жалко свекровушки,

Ой, мне жалко крапивушки,
Ой, мне жалко крапивушки.

Я крапиву — на нивушку,
Я крапиву — на нивушку.

А свекровку — в могилочку,
А свекровку — в могилочку.

Я крапиву поливать буду,
Я крапиву поливать буду,

А свекровку проклинать буду,
А свекровку проклинать буду.

704

А все люди двору йдут,
А все люди двору йдут,
А я, млада, горюша,

А я, млада, горюша,
А я, млада, горюша,
Одна в поле остаюся!

Одна в поле остаюся,
Одна в поле остаюся,
У двору йтить боюся,

Двору йтить боюся,
Двору йтить боюся,
И я свойго нелюбого!

705

Не пойду домой,
Я тут заночую, горя не почую,
Не пойду домой.

В меня дома
Не родная мамка, не родненький татка,
В меня дома.

Не пытают,
Что я заморилась, что я притомилась,
Не пытают,

А пытают,
Много ли я сжала, много ли нажала,
А пытают.

Я жала,
Жала не гуляла, снопы не считала,
Я жала,

Я нажала
Девять копья жита, десятую пшенку,
Я нажала,

Наварила
Девять бочек пива, десятую вина,
Наварила.

706

Пора, бабки, у двор,
На дворе не рано.
У меня мати чужая,

Я у двор не пойду,
Тута заночую,
Журбы не почую.

Буду ночевать
У темненьком лесе,
Под белой березой.

Буду проклинать
Свекора, свекровку,
Деверя й золовку.

«Побей, боже,
Свекора у поле
Да сохами, боронами!

Побей, боже,
Свекорку ли пе́чи
Кирпичиной в плечи!

Побей, боже,
Деверьку в дорозе
На лютом морозе!

Побей, боже,
Золовку в тано́чку,
В червонном веночку!

Побей, боже,
Милого ли сто́ла
Мягкими пирогами!»

707

Не пойдем мы домой, —
В поле поночуем.

Станем в поле ночевати,
Станем куковати.

Станем куковати,
Свекра проклинати,

Лютого свекра
Да люту свекрову:

«Уж ты дай, дай, боже,
Чтоб их громом убило,

Чтоб моего мужа
Молоньей спалило!

А я б, молоденька,
Вышла за иного,

За иного, за милого,
За дворянина молодого.

Уж как тот дворянин
Научён читати,

Научён читати,
Читати и писати,

Читати и писати,
На гуслях играти,

А я, молоденька,
Пети да плясати,

Скакати, плясати,
Руками плескати.

Проскакала-проплясала
Я бурую коровку.

Я пропела-проплескала
Себя, молоденьку.

А тот мой дворянин,
А тот мой дворянин

Прочитал да проплясал
Вороно́го коня,

Да пропил-проиграл
Самого себя с горя».

708

Выходила туча,
Выходила туча
С-под темного леса.

Не бей, не бей, боже,
Не бей, не бей, боже,
Ни ржи, ни пшеницы.

Ни ржи, ни пшеницы,
Ни ржи, ни пшеницы,
Ни всякого хлеба!

Убей, убей, боже,
Убей, убей, боже,
Мойго лютого свекра!

Свёкыра горозою,
Свёкыра горозою,
Свекровь цепелою!

709

На лен роса пала,
На лен студеная.
Раным-рано!

Кому роса теплая,
А мне холодненькая.

На чужой сторонке,
Во чужого батьки,

Во чужого батьки
Поздно спать ложатся,

Поздно спать ложатся,
Рано побужают,

Рано побужают,
К делу принужают,

К делу принужают,
Ко тяжкой работе,

Ко тяжкой работе,
Ко белому камню,

Ко белому камню,
Ко сырой пшенице,

Ко сырой пшенице,
К болотной водице.
Раным-рано!

710

Закатилося жаркое солнце
За темненький лес,

А чтоб нашему пригонятому
Язычок облез.

А вже наши белы рученьки
Привломалися.

А вже наши белы ноженьки
Пристоялися.

А вже наши пригонятые
Прибрехалися.

711

Стреклива, стреклива
Крапива болотная.

Журлива, журлива
Свекрова неродная.

Посылала младу
В воскресенье жать.

Я жала, жала
День до вечера.

Как солнце за лес,
Так я дво́рочку.

Так я дворочку,
За доёночку.

Восемь коровок
Подоила я.

Под девятую
Только подошла,

Там и вздумала
Про свое дитя —

С рук доёночку
Я выпустила.

Пойду я в поле
За своей дитей.

Дли моей дити
Четыре няньки,

Четыре няньки,
Серые волки.

Один говорит:
«Я б поколыхал,

Боюсь того —
Колоды сорву».

Другой говорит:
«Я б поцеловал,

Боюсь того,
Что укушу его».

Третий говорит:
«Я б понянчил,

Боюсь того,
Что уроню его».

Четвертый говорит:
«Давайте делить —

Кому ручоньку,
Кому ножечку!»

Родной мамочке
Хоть головочку,

Хоть головочку
На утешенье,

Лютой свекрови
На поругание.

712

Нивку жита я дожала,
Девять сто́гов наметала,

А десятый ячменю —
На утеху на мою.

Девять ва́рей наварила
Из того из жита пива,

А из я́чменю горелку —
То десятую варейку.

Как пошлю я, молода,
Мово скорого посла,

Мово скорого посла
Да по ми́лого гостя́ —

По родного батьку,
По родную матку.

Сама стану, молода,
У калинова моста,

Глядеть стану за реку́,
На родиму сторону́.

Ноженьки я простояла,
Глазоньки я проглядела,

Не дождалась я, млада,
Ни посла, ни по́зову, —

Только всего дождала́ся
К себе лю́та свекра,

К себе люта свекра
С лютой свекровью,

С лютой свекровью
Да с ревнивым мужем.

Уж ты дай, дай, боже,
Уж ты дай, дай, боже,

Чтобы люта свекра
Да громом убило,

Чтобы ревнивый муж
На войну поехал,

На войну поехал,
С войны не приехал.

713

Серая ты зозуленька,
Лесом летишь да не кука́ешь.

Усё тебе да минуется
Весняное кукованье,

Весняное кукованье,
Летнее жированье.

714

А я жала до вечера,
Ай, а я жала до вечера!

Болит моя сере́дина,
Ай, болит моя сере́дина!

Я всё поле рачко́м сошла,
А я всё поле рачком сошла.

А под межой венок нашла,
А под межою венок нашла.

А катился венок с поля,
А катился венок с поля,

Прикатился до покоя,
А прикатился до покоя.

«Кто веночек да выкупит,
А кто веночек да выкупит,

Бочку меду да выкатит,
Ай, бочку меду да выкатит?»

«Я веночек да выкуплю,
А я веночек да выкуплю,

Бочку меду да выкачу,
Ай, бочку меду да выкачу.

Три барелки да горелки,
А три барелки да горелки,

Чтоб напились мои жнейки,
Ай, чтоб напились мои жнейки!»

715

Ой, да заходила
Да й темная туча
З-за темного леса.

Ой, да приносила
Да буйного дождя,
Да буйного дождя.

«Ой, дай, боже, дождя,
Да (й) на три недели,
Да (й) на три недели!

Батракам на отдыханье,
Хозяину на воздыханье,
Хозяину на воздыханье!»

Мы придем, домо́вки,
Мы сядем на лавки,
Да поближе к хозяйке:

«Хозяйка-тетерька,
Ти готова ль вечерька,
Ти готова ль вечерька?»

А в нас не пытают —
Ти хотите вы исти,
Ти хотите вы исти?

А только пытают —
А ти много вы жали,
Да ти много нажали?

716

Видит мое око,
Что край недалеко,
По́стать не широ́ка.
До краю дожнемся,
Горелки напьемся.
Хозяин-соловейко,
Поезжай за горелкой!
Хозяйка-хляптуха,
Ти готова болтуха?

717

Ой, зелена-зелена
В поле трава.

Чего ж она зелена?
Что коса не была.

А молода-молода
У Андрея жена.

Чего ж она молода?
Что во поле не была,

Что во поле не была,
Она жита не жала.

Сказывает молода
Своему мужу жена:

«Запрягай, Андрюша,
Вороных коней!

Поедем, Андрюша,
На нивку скорей,

Поедем с тобою
Мы прогуляемся,

С молодыми жнеями
Мы повидаемся».

«Уж вы жнеи, вы жнеи,
Мои молодые!

Жнеи молодые,
Серпы золотые!

Уж вы жните, жните,
Жните, не ленитесь,

А обжавши нивку,
Пейте, веселитесь!»

718

Слава богу!
На нашей нивке
Сегодня дожинки!
Слава богу!

719

Вы зазвоньте, звоны,
Во всем чистом поле!

Взвеселите господыню, —
Мы обжали ей ниву.

Уж мы жали, жали,
Уж мы ей радели,

А обжавши ниву,
Горелочки захотели.

Видит наше око,
Что край недалеко.

Как до краю дожнемся,
Так горелочки напьемся,

Пирогов наедимся,
Песен напоемся.

720

Ох и слава богу,
Что жито пожали!
Что жито пожали
И в ко́пы поклали:
На гумне стогами,
В кле́ти закромами,
А с печи пирогами.

721

Слава тебе, боже,
Слава тебе, боже,
Что в поле пригоже!

У поле копами,
У поле копами,
На гумне стогами!

На гумне стогами,
На гумне стогами,
В клети закромами!

В клети закромами,
В клети закромами,
В печи пирогами!

Ти рад наш хозяин,
Ти рад наш хозяин,
Что в поле пожали?

У поле пожали,
У поле пожали,
У копы поклали.

722

А на нас сказали,
Что мы лено жали,
Что мы лено жали.

Ажно мы пожали,
И в копы поклали,
В стоги пометали.

А в поле копами,
На гумне стогами,
На гумне стогами,

На гумне стогами,
На току ворохами,
А с току мехами.

723

А слава богу
До нового году,
Слава богу
До нового году!
Егорий обжался,
Яковлевич обстрадался!
Ниву пожали,
Страду пострадали!
Слава богу
До нового году,
Слава богу
До нового году!

724

Слава богу!
Мы два полюшка пожали
И третие запахали!

Хозяюшка наша!
Варила ль ты кашу,

Гречишную с маслом,
Мажитную с салом?

Слава богу!
Мы пожалися!
А вашевски жнеи
Дома пролежали!
Как черные змеи
Под межой лежали!

Слава богу!
Спасибо богу за подмогу
Нам доброе здоровье дать!

725

Слава тебе, боже,
Что мы всё пожали,
У копы поклали,
У поле копами,
На гумне стогами,
Во клети четвертями,
В печи пирогами!
Мы придем домой же —
Напечено пирогов,
Наварено каши,
Набрано горелки.
Кабы чарка горелки,
Пирог на тарелке!
Чии ж это жнеи,
Жнеи молодые,
Серпы золотые?
Серпо́чки брезго́чут,
Горелочки хочут.
Мы жали, радели —
Горелки хотели!
Мы жали, поспешали,
На край поглядали.
Жнеи молодые,
Серпы золотые!

726

Нивка, нивка,
Отдай мою силку!
Ну я тебя жала
И силку потеряла!

Жнивка, жнивка,
Отдай мою силку,
На яровинку,
На овес, на гречиху,
На конопельки!
Чтоб мне постараться,
Конопелек набраться!

727

Уж мы вьем-вьем бóроду
У Василья нá поле,
Завиваем бороду
У Ивановича нашего
На ниве великоей,
На полосе широкоей!

728

Егорий, приходи,
Коня приводи,
И наших коней корми,
И овечку корми;
И коровку корми!

729

Ты Пречистая мать,
Ты Пречистая мать,
Ходи бороду полоть!

Ходи бороду полоть,
Ходи бороду полоть
Своей правою рукой,

Своей правой рукой,
Своей правой рукой,
Своим золотым серпом!

730

Ходил ко́зел по меже,
Ходил козел по меже,
Дивовался бороде:

«А чея́ й-то борода,
А чея й-то борода
Черным шелком повита́?

Черным шелком повита́,
Черным шелком повита,
Сы́той-медой полита́?»

«Иванова борода,
Иванова борода
Черным шелком увита́,

Черным шелком увита,
Черным шелком увита,
Сытой-медой полита.

Марусенька, не лежи,
Марусенька, не лежи,
Ему бороду оближи!»

731

А в нашего пана
Дожиночки рано,
Люлюшки-люли,
Дожиночки рано.

А мы свойму пану
Славу доказали,
Люлюшки-люли,
Славу доказали.

Всё жито пожали
И в копы поклали,
Люлюшки-люли,
И в копы поклали.

А в нашего пана
Серед двора яма,
Люлюшки-люли,
Серед двора яма.

А мы ту́ю яму
Ширс раскопаем,
Люлюшки-люли,
Шире раскопаем.

Шире раскопаем,
Попьем-погуляем,
Люлюшки-люли,
Попьем-погуляем.

А мы в свойго пана
Попьем-погуляем,
Люлюшки-люли,
Попьем-погуляем.

«Вот тебе, пано́чек,
Несем те веночек,
Люлюшки-люли,
Несем те веночек.

За этот веночек
Дай ты нам рублечек!
Люлюшки-люли,
Дай ты нам рублечек».

732

Ишел роёк
Дорогою,
Ишел роёк
Широкою:
Никто его
Не перенял.
«Вот перейми
Его, панок,
На свой дворок!»
Вышел панок,
Перенял роёк.
«Наши дворы
Метёные,
Наши столы
Тесовые,
Наши убру́сы
Шелковые,
Наши хлеба
Ситковые,
Наши травки
Сахо́рные!»

733

Петрушечка-господырёк!
Отгреби-тко свой роёк,

Отсыти ты нам сыты́,
Жней за стол усади!

Жней за стол усади,
Пива, меду поднеси!

Ты напой меня, жнею, —
Я те песенку спою!

734

Ой, рада-рада, наша господыня,
Да что мы тебя обжали,

Ой, что мы тебя обжали,
Во снопы повязали,

Ой, во снопы яровые
И в копы аржаные!

735

А чие ж то поле
Загремело стоя?

Ольгино поле
Загремело стоя!

Мы жито пожали,
Мы в копы поклали.

А в поле копами,
А в гумне стогами.

Ох и часты-часты
В поле ко́пы,

Широк-велик
Ме́сик на небе,

Ширше-больше
Стоги в гумне!

736

«Эй, чей это двор,
Высоки хоромы
Да й дощатые вороты?

Ой, чей это сын,
Ой, по двору гуляет
Да й добра доглядает?»

«Ой, Андреев двор,
Высоки хоромы
Да ї дощатые вороты!

Ой, Андреев сын
По двору гуляет
Да й добра доглядает».

737

«А кто ж то у нас
Кудреват-кудреват?»

«Степанушка Борисович
Кудреват-кудреват!

Он кудрями, кудрями
Потрясет-потрясет,

Жницам горелочки
Поднесет-поднесет».

738

Яровая спорыня!
Иди с нивушки домой,
Со поставушки домой,
К нам во Ко́щено село,
Во Петро́вково гумно.
А с гумна спорыня
Во амбар перешла.
Она гнездышко свила,
Малых деток вывела, —
Пшеной выкормила,
Сытой выпоила.

739

А наш пригонятый
Белый, кудреватый,
Пó полю ходит
Да жней пригоняет.
Мы жали, радели —
Горелки хотели.
«Спасибо, спорышенчик,
Что пó полю ходил,
Что пó полю ходил,
Что пó полю гулял,
Молодых жней пригонял!»
Полетел спорышень
К Федору Николаичу на двор,
За тесовый за стол.
Про тебя, спорышенчик,
Пиво, пиво, пиво вáреное,
Вино нáбраное,
Мёды сы́ченые.

740

Усё лето спорыня,
Усё лето спорыня
С нам на нивушке была.

А теперя спорыня,
А теперя спорыня
Сорвалáся сы корня́.

И сорвáлася с корня,
И сорвáлася с корня,
С чиста полюшка долой,

С чиста полюшка долой,
С чиста полюшка долой,
С круглой нивушки домой.

Как пошла спорыня,
Как пошла спорыня
Да в колхозный огород,

Во колхозный огород,
Во колхозный огород
И в высокий узород.

Тама гнездышко свила,
Тама гнездышко свила,
Детей высидела,

Детей высидела,
Детей высидела,
В поле выпустила,

В поле выпустила,
В поле выпустила,
Сытой выкормила,

Сытой выкормила,
Сытой выкормила,
Водой выпоила.

741

Дожáли, дóжили,
Оспожинки встретили,
Коровая пóчали,
Толокнá процвéдали,
Гостей угостили,
Богу помолили!

Хлебушко, расти!
Времечко, лети, лети!
До новой весны,
До нового лета,
До нового хлеба!

742

На горýшке на крутой,
На раздольице широкóй

А стоит народ всей толпой,
Глядит народ толокý.

А чья это толокá?
Богатого мужика,

Богатого мужика,
Акимова толока.

Он ходит по двору,
Повесивши головý,

Повесивши голову,
Расчесавши он бородý,

Расчесавши бороду,
И кричит он да жену:

«Жена моя барыня!
Выходи, жена, на крылец,

Выходи, жена, на крылец,
Сострекай, жена, гостей!

Эти гости не частые,
В годок разóк толокá!»

743

Ах вы столики мои,
Вы тесовенькие!
А чего ж вы стоитé
Не застеленные?

Ах вы скатерки мои,
Вы белевенькие!
А чего ж вы лежитé
Не расстеленные?

Ах вы жнеечки мои,
Вы молоденькие!
А чего ж вы сидитé,
Хлеба-соли не ястé?

А чего ж вы сидитé,
Хлеба-соли не ястé?
Ой, ти хлебушка пушён,
Ти хозяин не весéл?

Коли хлебушка пушён,
Дак мы вы́пылаем,
А хозяин не весел —
Дак мы вы́пытаем!

744

Ай, спасибо хозяину
За мягкие пирожки!
Ой лели, ой что лели,
За мягкие пирожки!

Ай, спасибо тому,
Кто хозяин у дому!
Ой лели, ой что лели,
Ой, что лелюшки мои!

745

Выше-выше ясный месяц
За всех облаков,
Лучше-лучше наш хозяин
За всех мужиков!

Он умеет, он умеет
Поле полевать,
Он умеет, он умеет
Жнеек честовать!

746

А чей это двор,
Медя́ный забор,
Подворотница серебряная?

А чей это сын
Да по двору ходит,
Да ключики носит,

Ворота отмыкает,
Гостей зазывает,
Гостей зазывает?

747

Ивановы пчелки
По полю летали,
    Честь ему, хвала ему,
    По полю летали!

По полю летали,
Медок собирали,
    Честь ему, хвала ему,
    Медок собирали!

Медок собирали,
В кубки наливали,
Честь ему, хвала ему,
В кубки наливали!

В кубки наливали,
Жнеек честовали!
Честь ему, хвала ему,
Жнеек честовали!

748

Ай, на мосту да под мостом
Да всё желтые краски,
Да всё желтые краски.

Ай, ти маем, ти не маем
Иванькиной ласки,
Иванькиной ласки?

Ай, хоть маем, хоть не маем —
Еще погуляем,
Еще погуляем,

Горелочки соло́дкие
Еще попиваем,
Еще попиваем!

749

А хозяйка-тетерька,
Ти готова ль вечерька?
Охи люлюшки-люли,
Ти готова ль вечерька?
А я пьяна напила́ся,
Вдоль по улице прошлася!
Охи люлюшки-люли,
Вдоль по улице прошлася.

А хозяин-соловейка,
Ти готова ль горелка?
　　Охи люлюшки-люли,
　　Ти готова ль горелка?

«Ти сказать тебе, молодка,
Что в твоем дому несчастье?
　　Охи люлюшки-люли,
　　Что в твоем дому несчастье?

Что в твоем дому несчастье —
Мужик с печи свалился!
　　Охи люлюшки-люли,
　　Мужик с печи свалился.

Мужик с печи свалился,
Он в корыто увалился!
　　Охи люлюшки-люли,
　　Он в корыто увалился».

«Когда б знала я несчастье,
Я б погуще замесила!
　　Охи люлюшки-люли,
　　Я б погуще замесила.

Я б погуще замесила,
Свойго мужа накормила!
　　Охи люлюшки-люли,
　　Свойго мужа накормила».

750

Хозяйка-тетерька,
Хозяйка-тетерька,
Готова ль вечерька?

Хозяин-соловейка,
Хозяин-соловейка,
Готова ль горелка?

Когда не готово,
Когда не готово,
Не сидеть было дома!

Не сидеть было дома,
Не сидеть было дома,
Шевелить у поле!

Шевелить у поле,
Шевелить у поле
На широкой постáти!

ПРИМЕЧАНИЯ

Первые наиболее крупные собрания песен русских аграрных праздников относятся к 30—40-м годам XIX в.[1] Это «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» И. М. Снегирева, «Сказания русского народа» И. П. Сахарова и «Быт русского народа» А. А. Терещенко. Изданные без строгой научной систематизации и паспортизации, материалы их ценны, однако, сами по себе в тех случаях, когда достоверны. Атрибуция их (т. е. проверка подлинности текстов) весьма трудна и возможна лишь на основе больших сравнительных данных. В этом нам помогают позднейшие записи и, в частности, самое крупное собрание календарных песен (250 текстов), включенное в «Великорус» П. В. Шейна (1898). Ни один из названных сборников в XX в. не переиздавался и потому широкому современному читателю неизвестен.

Для настоящего издания просмотрен многочисленный и очень пестрый как по источникам, так и по качеству записи материал. В результате его критического просмотра оказалось возможным установить основной состав русской календарной песенности в целом. Отдельный сборник русских календарных песен издается впервые.

Настоящее издание ограничено песнями *земледельческих* крестьянских праздников русского народа. Песни семейных праздников (свадебные и др.) в книгу не включены.

Отбор материала для сборника производился по трем принципам: предпочтение отдавалось вариантам песен наиболее художественных, важных в научно-познавательном отношении и малоизвестных широкому читателю. Эти принципы не всегда совпадают: текст, ценный в научном отношении, может не соответствовать общепринятым эстетическим нормам, а малоизвестный материал может быть интересен уже в силу того, что он впервые вводится в научный обиход.

Все тексты располагаются в последовательности основных крестьянских земледельческих праздников — зимних, весенне-летних и осенних, начиная с зимнего (новогоднего) колядования и кончая жатвенной толокóй. Внутри праздничного цикла песни следуют соот-

---

[1] Подробнее см.: М. К. Азадовский, История русской фольклористики, М., 1958.

ветственно праздничному ритуалу. Подблюдные песни-гадания сгруппированы особо — по их значению (песни, предсказывающие богатый урожай, свадьбу, разлуку, смерть и т. п.). Подчас это делалось гипотетически, ибо в источнике записи разгадка песен нередко вообще не указана, а некоторые песни в разных областях России могли иметь разное значение. Однако такая группировка способствует выявлению единства поэтики, специфики образного строя подблюдных песен каждой группы.

При подготовке текстов к печати особое внимание обращалось на их фольклорную подлинность и соответствие реальному песенному исполнению. Дело в том, что одни песни записаны небрежно, с пересказа, или даже отрывочно, подвергались произвольному «редактированию», «приглаживанию»; другие, напротив, дошли до нас в фонетически скрупулезной записи опытных лингвистов-диалектологов. И то, и другое неприемлемо для научно-популярного издания. Согласно принятым в серии фольклорных изданий «Библиотеки поэта» текстологическим принципам, все включенные в настоящий сборник тексты были заново проверены по первоисточникам.

Наиболее частому искажению подвергалась в старых записях песенная строфика — непоследовательно фиксировались так называемые цепные повторы, рефрены и припевы; деление на стихи (строчки) осуществлялось без учета реального музыкального исполнения песни. Везде, где это было возможно, подобные искажения исправлялись составителем аналитическим методом на основе законов народнопесенной строфики и стихосложения. В таких случаях приходилось повторять отдельные стихи, сгруппировывать их в характерные для календарных песен короткострочные однотипные строфы, разбивать хаотически встречающиеся длинные строки на реальные двух-, трехстишия и т. п.

Стремясь к унификации певческой строфики, составитель должен был как реконструировать искаженные при филологической записи тексты, так и приводить в удобную для чтения форму тексты из современных музыкальных сборников (снимать выкрики — «гуканья», словоразрывы и т. п.). То и другое в каждом конкретном случае оговорено в примечаниях.

Что касается припевов, то полностью (на протяжении всей песни) они приводятся только в том случае, если не имеют строфического строения, т. е. повторяются через неравное количество строк; исключение сделано лишь для самых коротких (преимущественно подблюдных) песен, где припев повторяется не более четырех раз. Во всех остальных случаях припевы фиксируются сокращенно, а именно: если припев повторяется регулярно (*после* каждого стиха, двустишия и т. д.), то приводится дважды — в начале и в конце песни; если же он повторяется *перед* первым и каждым последующим стихом или двустишием, то приводится лишь один раз, в начале песни. В обоих случаях даются оговорки в примечаниях.

Наибольшей пестротой отличаются публикации подблюдных песен. В настоящем издании их строфика унифицирована: деление на короткие строки, соответствующее типичному музыкальному исполнению, принято за основу. Соответственно разбиваются на полустишия длинные строки, нередко встречающиеся в филологических публикациях, что дополнительно в примечаниях не оговаривается. Иногда

в источнике повторяемость припева неясна или он вообще отсутствует. В последнем случае традиционный рефрен подблюдных (например, «кому вынется, тому сбудется») графически отделяется пробелом от основного текста.

Следуя традициям «Библиотеки поэта», все фонетические записи с их детальной фиксацией говоров (цоканье, чёканье, иканье, оканье, яканье) приводились в соответствие с нормами литературного произношения. В первую очередь это касается текстов из «Смоленского этнографического сборника» В. Н. Добровольского, широко использованного в нашей антологии (такой тотальный перевод в примечаниях к отдельным песням не оговаривается). Не сохранялись также написания типа «сарахван», «хвартук», «эвтот», «ищо» и т. п.

Лексические, морфологические и синтаксические особенности народного языка сохранены в настоящем издании, включая разнобой в произношении отдельных слов («коля́да», «коледа́», «колёда»; «овсень» и «авсень»; «пови́т» и «пове́т(ь)», и т. п.). То же касается написания ласкательных и уменьшительных («березонька», «берёзынька») и разнобоя в припевах («Свят вечёр» и «Свят ве́чер», «Виноградиё» и «Виноградье»). Сохраняются такие грамматические особенности песенной речи, как глагольные и местоименные стяжения («ступат», «запират», «сыграм», «свово», «мово», «мому»), диалектные падежные окончания, особенно во множественном числе («на семидесят верстов», «на семи столбов», «рукавы́», «на тых», «к души», «меж има», «перво́й», «до дни», «у соседу», «у куме»), форма обращения («князе», «бояры») и другие особенности («на ей», «у их», «як», «посереде», «забувать», «по яе́чку», «вухи», «востренькие»).

Сохраняется частая в песенной речи огласовка согласных, входящая в ритмический строй стиха («короватушка», «сыпрашивают», «чито», «шиёт» и т. п.). Неслоговое «у» («ў») не сохраняется, меняясь на «в» без оговорок; но слоговое «у», употребляемое вместо «в», везде сохраняется («усё»). Сохраняются также искажения некоторых слов, вроде «скрозь», «кипаристовый» и т. п., но такие написания, как «круписчатый» (калач) и «ядренистое», исправляются соответственно на «крупитчатый» и «ядрянистое».

Сохраняются и отдельные украинизмы в текстах, записанных в пограничных с Украиной русских областях.

Старые записи переводились на современную орфографию. Пунктуа́ция, вообще крайне пестрая в фольклорных публикациях, приводилась в систему согласно с принятой в последних советских изданиях нормой. Например, в обращениях не выделяются запятыми междометия и личные местоимения («Ох ты матушка весна!»). Что касается ударений, то они проставлялись нами везде, где отступали от обычных и где это было необходимо для правильного чтения стихов. Названия праздников («Масленица», «Семик» и т. п.) всюду даются с прописной буквы.

Цель примечаний к текстам по существу состоит в указании источника публикации и необходимом объяснении содержания песни. Варианты не указываются. Разъясняются непонятные фразеологические обороты, а также специфическое употребление обычных слов. В специальный словарь вынесены объяснения малоизвестных, диалектных и архаичных слов применительно к контексту приведенных песен.

В примечаниях сообщаются не все библиографические сведения, известные по каждой песне. Используются три вида паспортизации: 1) полная паспортизация, с подробным указанием места и года записи, фамилии и возраста исполнителей (последнее дается только для тех песен, которые в настоящей антологии публикуются впервые); 2) краткое обозначение места записи (губерния для дореволюционных и область для советских) дается лишь для песен, перепечатываемых из таких источников, название или место публикации которых не содержат таких сведений, а обозначение даты записи — лишь тогда, когда она намного расходится со временем публикации; 3) место и время записи вообще не сообщается в тех случаях, если они ясны из названия источника или же просто неизвестны.

Географические указания даны строго по источникам публикации, т. е. в дореволюционных и пореволюционных записях соответственно старому и новому административному делению и номенклатуре.

Название источника публикации, печатного или рукописного, дается в примечаниях, за некоторыми исключениями, сокращенно. Список сокращений приводится ниже.

Составитель приносит благодарность всем лицам, оказавшим помощь в подготовке настоящего издания: докторам филологических наук профессору В. Я. Проппу и Б. Н. Путилову и собирателям, которые любезно предоставили свои еще неопубликованные записи (В. В. Дубравин, И. М. Ельчева, С. В. Пьянкова, О. А. Славянина, В. К. Соколова и др.), С. Я. Требелевой и особенно С. М. Вильскер за большую практическую помощь при подготовке рукописи к печати.

Список сокращений

Авдеева I — Записки и замечания о Сибири, Соч. ...ы ...ой, с приложением старинных русских песен, М., 1837.

Авдеева II — Русский песенник, или Собрание лучших и любимейших песен, романсов и водевильных куплетов известных писателей, изданный К. Авдеевой, в двух частях. Часть 2 — Песни народные, СПб., 1848.

Андронников — В. Андронников, Народные песни, сказания и легенды Махловской волости Юрьевского уезда Костромской губернии. — «Костромская старина», вып. 7, Кострома, 1911.

Аничков — Е. В. Аничков, Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян, ч 1 — СПб., 1903; ч. 2 — СПб., 1905.

Балов — А. В. Балов, С. Я. Дерунов, Я. Ильинский, Очерки Пошехонья. — «Этнографическое обозрение», 1898, № 4.

Богораз — Областной словарь колымского русского наречия. Собрал на месте и составил В. Г. Богораз. — «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 68, № 4, СПб., 1901.

Будде — Е. Ф. Будде, О говорах Тульской и Орловской губернии. — «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 76. № 3, СПб., 1904.

Бутова — Е. Бутова, Песни, поющиеся в станице Ищерской, Грозненского округа. — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 15, Тифлис, 1893.
Веселовский — К. Веселовский, Вьюнство в Мордвиновской волости Гороговецкого уезда. — «Владимирские губернские ведомости», 1863, 12 октября.
ВГВ I — «Воронежские губернские ведомости», 1850, 13 мая, 24 июня. Статьи «О поверьях и предрассудках прибитюцких жителей» (А. Богданов и др.).
ВГВ II — «Вятские губернские ведомости», 1860, 9 июля, часть неофициальная (статья Е. Петухова «Взгляд на народный быт в некоторых местностях Орловского уезда»).
Виноградов — Г. С. Виноградов, Материалы для народного календаря русского старожилого населения Сибири, Иркутск, 1918.
Владимиров — М. Владимиров, Празднование Троицына дня в селе Солдатском Нижнедевицкого уезда, между крестьянами. — «Воронежские губернские ведомости», 1850, 25 февраля, часть неофициальная.
Гребнер I — В. А. Гребнер, Коледа и Таусень в Меленковском уезде. — «Владимирские губернские ведомости», 1860, 2 февраля, часть неофициальная.
Гребнер II — В. А. Гребнер, Село Тетюши (этнографический очерк). — «Симбирский сборник», вып. 2, 1870.
Гринкова — Н. П. Гринкова, Обряд вождения русалки в селе Б. Верейка Воронежской области. — «Советская этнография», 1947, № 1.
Добровольский I — Смоленский этнографический сборник. Составил В. Н. Добровольский, ч. 4, М., 1903.
Добровольский II — В. Н. Добровольский, Некоторые поверья, песни и обряды Орловской и Калужской губерний. — «Живая старина», 1902, вып. 2.
Добровольский III — В. Н. Добровольский, Песни Жиздрицкого уезда Калужской губернии. — «Живая старина», 1898, вып. 3—4.
Добровольский IV — В. Н. Добровольский, Песни Дмитровского уезда [Орловской губ.]. — «Живая старина», 1905, вып. 3—4.
Дубравин — В. В. Дубравин, Рукописное собрание песен, записанных в русских селах Сумской области УССР в 1964—1968 годах. Хранится у собирателя.
Елеонская — Е. Елеонская, Гаданье под Новый год в Козельском уезде (Калужской губернии). — «Этнографическое обозрение», 1909, № 2—3.
Ефименко — П. С. Ефименко, Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, т. 1 — М., 1877; т. 2 — М., 1878.
Зеленин I — Д. Зеленин, Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. — «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 76, № 2, СПб., 1903.
Зеленин II — Д. К. Зеленин, Очерки русской мифологии, вып. 1. Умершие неестественною смертью и русалки, Пгр., 1916.
Зеленин III — Д. К. Зеленин, Описание рукописей ученого архива Русского географического общества, вып. 1—3, Пгр., 1914—1916.

Земцовский — Торопецкие песни. Песни родины М. Мусоргского. Запись, составление и комментарии И. Земцовского, Л., 1967.

Зернова — А. Б. Зернова, Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском уезде. — «Советская этнография», 1932, № 3.

Зимин — М. М. Зимин, Ковернинский край. Наблюдения и записи. — «Труды Костромского научного общества по изучению местного края», вып. 17, Кострома, 1920.

Иваницкий — Н. А. Иваницкий, Материалы по этнографии Вологодской губернии, М., 1890.

Ильинский — Я. Ильинский, Коледа во Владимирской губернии Вязниковского уезда. — «Живая старина», 1898, вып. 3—4.

Истомин — Дютш — Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году. Записали: слова — Ф. М. Истомин, напевы — Г. О. Дютш. Издано императорским Русским географическим обществом, СПб., 1894.

Истомин — Ляпунов — Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году. Записали: слова — Ф. М. Истомин, напевы — С. М. Ляпунов. Издано императорским Русским географическим обществом, СПб., 1899.

Кедрина — Р. К. Кедрина, Обряд крещения и похорон кукушки в связи с народным кумовством. — «Этнографическое обозрение», 1912, № 1—2.

Киреевский I — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. 1, М., 1911; вып. 2 — ч. 1, М., 1917; ч. 2, М., 1929 (нумерация песен сплошная).

Киреевский II — Песни, собранные писателями. Новые материалы. Из архива П. В. Киреевского. — «Литературное наследство», т. 79, М., 1968.

Колосов — М. А. Колосов, Заметки о языке и народной поэзии в области северо-великорусского наречия. — «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 17, № 3, СПб., 1877.

Коринфский — А. А. Коринфский, Народная Русь, М., 1901.

Коробов — Я. И. Коробов, Народная песня в северной части Покровского уезда (из записей старожила). — «Старый владимирец», 1914, 1 февраля.

Красноженова — М. В. Красноженова, Из народных обычаев крестьян деревни Покровки (Томской губернии). — «Известия Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества», т. 2, вып. 6, Красноярск, 1914.

Кулаковский — Л. В. Кулаковский, Искусство села Дорожева (Брянской обл.). У истоков народного театра, М., 1959.

Курские песни — Курские народные песни. Составили П. Бульбанюк, П. Лебедев, Курск, 1962.

Листопадов — А. М. Листопадов, Песни донских казаков, т. 4, М., 1953.

Лядов — А. Лядов, Русские народные песни, Под ред. Н. Бачинской, М., 1959.

Ляметри — П. Ляметри, Этнографический очерк Мещовского уезда. — «Калужские губернские ведомости», 1860, 25 июня, 2 июля, 9 июля, часть неофициальная, с. 338 и след.

Макаренко — А. А. Макаренко, Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь, Енисейская губерния. — «Записки Русского этнографического общества по отделению этнографии», т. 36, СПб., 1913.

Мансуров — фонд Гос. краеведческого музея г. Рязани. Этнологический архив Общества исследователей Рязанского края. Труды А. А. Мансурова.

Маслов — А. Л. Маслов, Песни с Поволжья. — «Труды Музыкально-этнографической комиссии при этнографическом отделе ОЛЕАЭ», т. 1, М., 1906.

Машкин — А. С. Машкин, Быт крестьян Обоянского уезда Курской губернии. — «Этнографический сборник», вып. 5, СПб., 1862.

МГК — Рукописные материалы кабинета народной музыки Московской дважды ордена Ленина Гос. консерватории имени П. И. Чайковского.

Мельников-Печерский — П. И. Мельников-Печерский, В лесах, М., 1955.

Минх I — А. Н. Минх, Коленская волость. — «Саратовский сборник», т. 1, Саратов, 1881.

Минх II — А. Н. Минх, Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861—1888 годах, СПб., 1890.

Некрасов I — 50 песен русского народа для мужского и смешанного хора из собранных И. В. Некрасовым и Ф. М. Истоминым в 1894—99 годах. Положил на голоса И. В. Некрасов. Сочинение литера Г, М., 1903.

Некрасов II — 50 песен русского народа для мужского хора из собранных И. В. Некрасовым и Ф. И. Покровским в 1901 году в Нижегородской губернии. Положил на голоса И. В. Некрасов. Сочинение литера Е, М., 1903.

Некрасов III — 50 песен русского народа для мужского хора из собранных в 1902 году в Саратовской губернии И. В. Некрасовым и Ф. И. Покровским. Положил на голоса И. В. Некрасов. Сочинение литера Ж, М., 1907.

Некрасов IV — 50 песен русского народа для смешанного хора, из собранных И. В. Некрасовым и Ф. М. Истоминым в 1894—97 годах. Положил на голоса И. В. Некрасов, СПб., 1902.

Озаровская — О. Э. Озаровская, Бабушкины старины, изд. 2, М., 1922.

ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Пальчиков — Н. Е. Пальчиков, Крестьянские песни, записанные в селе Николаевка Мензелинского уезда Уфимской губернии, СПб., 1888.

ПД — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Рукописный отдел, фольклорный архив.

Первушин — П. Ф. Первушин, Песни, святочные гадания..., собранные в Катайской волости Камышловского уезда Пермской губернии. — «Записки Уральского общества любителей естествознания», т. 15, вып. 1, Екатеринбург, 1895.

Песни Мезени — Песенный фольклор Мезени. Издание подготовили Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов, Л., 1967.

Песни Печоры — Песни Печоры. Издание подготовили Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский, М.—Л., 1963.

Песни Пинежья — Песни Пинежья. Материалы фонограмархива, собранные и разработанные Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд. Под общей редакцией Е. В. Гиппиус, кн. 2, М., 1937.

Песни Поволжья — Русские народные песни Поволжья, вып. 1 — Песни, записанные в Куйбышевской области. Составители: Б. М. Добровольский, Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Г. Г. Шаповалова, М.—Л., 1959.

Попова I — Т. В. Попова, Русское народное музыкальное творчество, вып. 1, М., 1955.

Попова II — Т. В. Попова, Русское народное музыкальное творчество, изд. 2, т. 1, М., 1962.

Рабинович — Харьков — Б. И. Рабинович и В. И. Харьков. Русские народные песни Владимирской области. Рукопись. Находится в печати.

Разумихин — С. Разумихин, Село Бобровки и окружающий его околоток Тверской губернии Ржевского уезда. — «Этнографический сборник», вып. 1, СПб., 1854.

РГО — Русское географическое общество.

РГПИ — Фольклорный архив литературного факультета Рязанского гос. педагогического института. Записи студенческих экспедиций под руководством доц. В. К. Соколовой.

Римский-Корсаков — Н. А. Римский-Корсаков, Сто русских народных песен для голоса с фортепиано, СПб., 1876.

Рубцов — Ф. А. Рубцов, Рукописный сборник народных песен Смоленской области (ПД).

Руднева I — А. В. Руднева, Народные песни Московской области, М., 1964.

Руднева II — А. В. Руднева, Народные песни Курской области, М., 1957.

Рязанов — В. Рязанов, К диалектологии великорусских наречий. Особенности живого народного говора Обоянского уезда Курской губернии. — «Русский филологический вестник», т. 38, № 3—4, Варшава, 1897.

Рязанова — Е. Рязанова, Материалы по этнографии Курской губернии. — «Труды Курской губернской ученой архивной комиссии», вып. 1, Курск, 1911.

Сахаров — И. П. Сахаров, Сказания русского народа, изд. 3, т. 1, кн. 1—4 — СПб., 1841; т. 2, кн. 5—8 — СПб., 1849.

Свитова — К. Свитова, Народные песни Брянской области, М., 1966.

Святки — Святки, или Подарок на Новый год милым девушкам и любезным женщинам, заключающий в себе подблюдные и свадебные песни, с объяснением правил святочных игр и с показанием, когда какая песня поется, М., 1831.

СДНТ — Смоленский областной Дом народного творчества. Рукописные материалы экспедиций, проведенных по области совместно с Музыкальным училищем, под руководством С. В. Пьянковой.

Семевский — М. И. Семевский, Торопец (1016—1863). — «Записки РГО», 1864, кн. 1—2.

Симбирский сборник — Симбирский сборник, вып. 2, 1870 (отдел 3, этнографический).
Скворцова — С. Скворцова, Народные песни Вятской губернии. — «Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1894 год», год 15-й, Вятка, 1893.
Славянина — Народные песни и частушки Севского района Брянской области. Записаны О. А. Славяниной. Рукопись хранится в ПД.
Смирнов А. — А. И. Смирнов, Песни и предания, записанные в селе Иудине Александровского уезда Владимирской губернии. — «Русский филологический вестник», 1879, № 2.
Смирнов В. — В. Смирнов, Народные гаданья в Костромском крае. — «Труды Костромского научного общества по изучению местного края», вып. 41, Четвертый этнографический сборник, Кострома, 1927.
Смирнов М. — М. И. Смирнов, Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде (Владимирской губернии) по этнографическим наблюдениям. — «Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведного музея», вып. 1, Старый быт и хозяйство Переславской деревни, Переславль-Залесский, 1927.
Снегирев — И. М. Снегирев, Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. 1—4, М., 1837—1839.
Соболев — А. Н. Соболев, Детские игры и песни. — «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», кн. 16, Владимир, 1914.
Соболевский — А. Соболевский, Купало. — «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 88, № 3, СПб., 1910.
Соколов Г. — Г. Соколов, Этнографические сведения о государственных крестьянах Тульской губернии. — «Этнографический сборник», вып. 6, СПб., 1864.
Соколов М. I — М. Е. Соколов, Великорусские весенние и хороводные песни, записанные в Саратовской губернии. — «Труды 3-го Областного историко-археологического съезда», Владимир, 1909.
Соколов М. II — М. Е. Соколов, Обряды, поверья и суеверия великорусов Саратовской губернии. — «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», вып. 33, 1916.
Соколов Ю. — Ю. М. Соколов, Русский фольклор, М., 1938; 2-е изд. — М., 1941.
Соколова — Гришин — Устное народное творчество Рязанской области. Составители В. К. Соколова и В. П. Гришин. — «Ученые записки Рязанского гос. педагогического института», т. 38, М., 1965.
Соколовы — Ю. и Б. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, М., 1915.
Станиловский — А. М. Станиловский, Записки..., Иркутск, 1912, («Труды Восточно-Сибирского отдела РГО», № 7).
Степанов — Н. П. Степанов, Народные праздники на святой Руси, СПб., 1899.
Сумароков — П. Сумароков, Хозяйственный и этнографический очерк Каширского уезда. — «Сельское хозяйство», 1860, № 7 и 8.
Сухов — П. М. Сухов, Несколько данных по народному календарю и о свадебных обычаях крестьян Саратовской губернии. — «Этнографическое обозрение», 1892, № 2—3.

Терещенко — А. В. Терещенко, Быт русского народа, чч. 5—7, М., 1847—1848.
Титов — Из писем М. Диева к И. Снегиреву (1838) о Галицком уезде Костромской губернии. — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1887, кн. 1, М., 1887. Публикация А. Титова.
Тиханов — Н. Тиханов, Брянский говор, СПб., 1904.
Троицкий — А. И. Троицкий, Народные песни Пензенской губернии. — «Сборник Пензенского губернского статистического комитета», вып. 6, Пенза, 1905.
Усов — Н. А. Усов, Русские песни (фольклор Горьковской области), Горький, 1940.
Успенский — М. И. Успенский, Обычай славить детей накануне Нового года (в Тульской губернии). — «Этнографическое обозрение», 1899, № 4.
ФК — Объединенная фольклорная комиссия Союза композиторов РСФСР и Московской композиторской организации, Отдел музыкально-фольклорных записей и экспедиций Музыкального фонда СССР, рукописный архив.
Фридрих — И. К. Фридрих, Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда (ныне Псковская обл.), Рига, 1936.
Халанский I — М. Г. Халанский, Народные говоры Курской губернии. — «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 76, № 5, СПб., 1904.
Халанский II — М. Г. Халанский, О некоторых особенностях народного говора северной части Путивльского уезда Курской губернии. — «Русский филологический вестник», 1886, № 4.
Харьков I — В. И. Харьков, Русские народные песни Смоленской области, М., 1956.
Харьков II — Н. Мохирев, В. Харьков, С. Браз, Народные песни Кировской области, М., 1966.
Харьков III — Рукописный архив Кабинета народной музыки Музыкально-педагогического института имени Гнесиных, руководитель В. И. Харьков.
Харьков IV — Русские народные песни Красноярского края. Вып. 1. Составитель В. И. Харьков, М., 1959.
Хор Пятницкого — Сто русских народных песен. Записи Вл. Захарова, М., 1958 (хор имени Пятницкого).
Христиансен — Л. Христиансен, Уральские народные песни, М., 1961.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
Чернышев — В. И. Чернышев, Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда. — «Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 68, № 3, СПб., 1901.
Чичеров — В. И. Чичеров, Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI — XIX веков, М., 1957.
Шейн — П. В. Шейн, Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п., т. 1, вып. 1, СПб., 1898.
Шереметева — М. Е. Шереметева, Масленица в Калужском крае. — «Советская этнография», 1935, № 2.

Шишков — В. Шишков, Песни, собранные в селениях Подкаменской и Преображенской волости Киренского уезда Иркутской губернии, расположенных по течению Н. Тунгуски, в 1911 году. — «Известия Восточно-Сибирского отделения РГО», т. 43, Иркутск, 1914.

Шишонко — Отрывки из народного творчества Пермской губернии. Собрал В. Шишонко, Пермь, 1882.

ЭО — «Этнографическое обозрение».

Якушкин — П. И. Якушкин, Сочинения, СПб., 1884.

СВЯТКИ

Колядки

1. Соболев, с. 29. Поют, приплясывая, дети.

2. Снегирев, вып. 2, с. 111.

3. Смирнов М., с. 15. Накануне Нового года детвора гурьбой поет под окнами. *Овсей* — овсень. *Заднее окошко* — окно для выпускания дыма в задней стене курных изб. Исполнив песню, спрашивали хозяев: «Будет ли подаяние-то?»

4. Некрасов II, № 8.

5. Шейн, № 1043. Оренбургская губ.

6. Шейн, № 1030. Псковская губ. Образец песни, содержащий почти все основные поэтические мотивы колядного величания. Исходя из указания Шейна о повторении припева через каждые две строки, строфика частично исправлена составителем (восстановлено цепное строение стиха).

7. Соболев, с. 24. *Виноградьем оброс* — окружен садом.

8. Дубравин. Записано от М. М. Павловой (р. 1901 г.) в с. Каменецкое Тростянецкого р-на. Пение предваряется словами: «Добрый вечер! Колядовать вам?» — «Колядуйте!» Припев после каждого стиха.

9. ПД, Р V, к. 173, п. 3, № 4, с. 8. Собрание А. Д. Титова. Песни, обряды, частушки Ярославской области, 1898—1930. Записано в б. Даниловском уезде в 1926 г. А. Д. Титовым.

10. Лядов, № 36. Рязанская губ. Припев перед каждым стихом.

11. Шейн, № 1041. Тульская губ. *Боу овсень* — одна из диалектных модификаций известного припева (ср. «Бай овсень», «Таусень», «Та-аосин» и т. п.). Первые два стиха являются, очевидно, припевными и повторяются в пении через каждые две строки.

12. Христиансен, № 35. Начальный возглас «Таусень, таусень!» не является припевным и больше не повторяется.

13. Лядов, № 35. Рязанская губ. *Блудили* — здесь: блуждали. Припев перед каждым двустишием.

14. Лядов, № 34. Рязанская губ. Начальный возглас «Ой авсень, ой коляда!» не является припевным и больше не повторяется.

15. Шейн, № 1040. Рязанская губ. Упоминание окошка вызвано тем, что колядовщиков всегда отдаривали только через окно. Словами «уехали в поле пшеничку сеять» отвечают, по свидетельству Шейна, из избы.

16. Шейн, № 1032. Тверь. *Коровка, масляна головка* — обрядовое печенье в форме домашнего скота.

17. РГПИ. Записано от П. В. Антиповой (р. 1887 г.) в с. Василёво Касимовского р-на. *На Новый год еловый тебе гроб* — угроза колядовщиков, совпадающая с типичной подблюдной формулой, предвещающей смерть: «На Новый год сосновый гроб!»

18. Колосов, с. 168. Олонецкая губ. Поется целою толпою в первый день Рождества перед домами тех семей, в которых в течение прошедшего года была свадьба. Мотив охоты — символа брака, а также встреча мужа и жены сближают эту колядку со свадебной величальной поэзией. Собиратель считал эту запись «одним из перлов народной поэзии: столько в ней художественной цельности, поэтических частностей и древних эпических мотивов» (с. 133). Редкий образец эпической по стилю колядки. *Окном как шьет* — войдет в окно (устойчивая метафора колядок, см. примеч. 15).

19. Колосов, с. 253. Вятская губ. *Господин* — здесь: хозяин избы.

20. Шейн, № 1046. Оренбургская губ. Необычность обстановки колядования — вокруг лесных огней — объясняется связью с песней из сказки «Сестрица Аленушка и братец Иванушка». Подробнее см.: В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники, с. 47—48. В ст. 9-м исправлена описка Шейна: огни *горючие*, а не *пылающие*. Песенная строфика в записи искажена: возможно, что в пении 7 и 12-я строки повторяются дважды.

21. Песни Печоры, № 122. *Господин* — здесь: хозяин избы.

22. Печ. по записи составителя от У. А. Буренковой (р. 1906 г.) в с. Усмынь Псковской обл. в 1964 г. Припев после каждого двустишия.

23. Добровольский I, с. 15, № 4. *Ступка* (в других вариантах — коляда) едет по деревне, где ее одаривают полным женским нарядом — от рубашки до серег. Припев перед каждым двустишием.

24. Рубцов, № 2. Записано от И. Н. Сорокиной в с. Ольша Руднянского р-на в 1920 г.

25. Терещенко, ч. 7, с. 48. Смоленская губ. По свидетельству собирателя, в первый день праздника смоленские крестьяне ездят к обедне на невыезженных молодых лошадях и надевают на них новую сбрую; мальчики, забравшись в угол, спеваются славить коляду. Хозяйка и девушки начиняют колбасы при пении приведенной песни. Эта песня называется *чукать* (звать) коляду, и ее поют несколько раз в вечер, пока не начинят колбасы. По окончании работы ужинают непременно с *кутьей*.

26. Чичеров, с. 127. Московская обл. Записано от А. И. Поляковой (р. 1851 г.) в 1944 г. Упоминание ласточки связано с поверьем: ласточка приносит счастье в тот дом, где вьет гнездо.

27. Рубцов, № 1. Записано от Х. С. Василенковой в с. Ольша Руднянского р-на в 1920 г. Текст, очевидно, не полный. *Да кидайте гребени* — призыв к святочному гаданию гребнем.

28. Зеленин III, вып. 2, с. 712, № 17. Московская губ. Запись 1850-х годов. Первая строка оригинала «Коляда молода» исправлена по аналогии с другими текстами на «Коляда-моляда».

29. Смирнов М., с. 15. В последнем стихе, возможно, опечатка: следует — «подбирают да едят».

30. Добровольский I, с. 23, № 17. *Микольские* — блины, которые пекутся в Николин день; обычно бывают меньше колядных.

31. Печ. по записи составителя от К. Л. Михайловой (р. 1909 г.) в с. Усмынь Псковской обл. в 1964 г. Пели женщины вечером перед Новым годом.

32. Покровский, с. 358. Колядное величание. Исполняли девушки-невесты в праздничных нарядах, ходившие в Новый год в сопровождении женщины только по тем домам, где есть женихи. В ответ каждый жених угощал невест, а провожавшей их женщине давал ржаной пирожок. Текст песни лишен исконных для коляд аграрных мотивов. Припев после каждой строки.

33. Печ. по записи составителя от Е. Е. Роговой (р. 1905 г.) в с. По́лтевы Пеньки Ка́домского р-на Рязанской обл. в 1967 г. Величание девушкам называют здесь «коса», а парням — «кудри», — по началу соответствующих песен. *Жених догляд* — жениху на смотренье. Здесь же бытует пародийное шуточное авсеньканье детей: «Той, ау́сень! Подай, мы закусим!» Пение предваряется разговором колядовщиков:

«Пойдем авсе́нькать!
— «Пойдем!..»

Подойдя к дому:

«Хозяин велел авсéнь кликать».
— «Чьёй ватаге?»
— «Шматовой Палаги!»

Или же:

«Бабушка с дедушкой, аýсеньки скричать, что ли?»
— «Кричи!»
— «Кому?»
— «Соньке! Кóсу!»

После чего хором запевают громко приведенную песню. Припев после каждой строки. Просьба «подать» припевом не сопровождается.

34. Мансуров, III — 509. Записано в д. Ерденево Касимовского уезда в 1923 г. Строфическое членение песни исправлено составителем: из бесформенных 17 строк оригинала реконструировано восемь четверостиший.

35. Зеленин III, вып. 1, с. 186, № 67. Владимирская губ., Меленковский уезд. Девушки в масках ходят толпой в канун Нового года и поют под окнами каждого жениха (ср. № 39). В ответ хозяйка выносит решето пшеничных или ржаных лепешек. Колядовщиц сопровождает музыка: стук в железное ведро, сафьянная гармоника или трехструнная балалайка. К полуночи песни затихают. Девушки тайно угощают женихов собранными лепешками. Припев после каждого двустишия.

36. Некрасов III, № 3. Припев после каждого двустишия.

37. Пальчиков, № 121, текст 1. Величание дочери хозяина. Припев после каждого двустишия.

38—40. Троицкий, №№ 19, 15, 13. Колядные величания невесте. Припев после каждого двустишия.

41. Пальчиков, № 121, текст 3. Величание хозяйке. Припев после каждого двустишия.

42. Мансуров, III — 510. Записано в с. Степаново Касимовского уезда в 1923 г. Величание хозяину и хозяйке. Припев после каждой строки.

43. Листопадов, № 151. Колядное величание. «Обыгрывают девушек». Припев после каждого двустишия.

44. Некрасов II, № 12. По окончании песни кричат: «Тетка, подай пирог!»

45. Лядов, № 72. Пензенская губ. Припев после каждой строки.

46. Соболев, с. 31. Величание девушке. Припев после каждого двустишия.

47. Соболев, с. 34. Величание вдове. *На сдорочках* — здесь: на дорожках (?). Припев после каждого двустишия.

48. Терещенко, ч. 7, с. 50. Саратовская губ. Поет толпа молодежи накануне Рождества. Величают всегда младшую девочку в доме. *Точёт* — здесь: ткет. Припев после каждой строки.

49. Песни Печоры, № 126. «Виноградие женатое» — исполнялось семейным хозяевам. Припев после каждой строки.

50. Богораз, с. 279, № 115. Начинают петь на дворе. При входе в избу мелодия песни меняется. Оба припева после каждой строки.

51. Фридрих, № 474. Псковская обл. Припев после каждой строки.

52. ВГВ II, с. 188. Гурьбой ходят под окнами изб в своей и соседних деревнях весь вечер, пока видят по деревням огни, и нестройно поют. Припев после каждой строки.

53. Песни Мезени, № 183в. «Виноградие женатое, семейное». Припев после каждой строки.

54. Озаровская, с. 101. Поется на Рождество семейным. Записано от выдающейся сказительницы былин пинежской крестьянки М. Д. Кривополеновой (1844—1924) в 1916 г. Это и следующие виноградья близки свадебным величальным песням. Припев после каждого двустишия.

55. Песни Печоры, № 124. «Виноградие холостое» — исполнялась в тех домах, где была молодежь. Образ девушки, вышивающей узоры, сближает эту колядку со свадебными величаниями. Припев после каждой строки. В предпоследнем стихе исправлена явная опечатка: «золотым венцы» на «золоты».

56. Песни Мезени, № 183г. «Виноградие холостое» парню. Припев после каждой строки.

57. Колесов, с. 251, № 16. Вятская губ. Припев после каждой строки.

58. Мансуров, III — 511, № 76. Записано в с. Степаново Касимовского уезда в 1923 г. Исполнялась в канун Нового года. Припев после каждой строки.

59. ПД, Р V, к. 247, п. 1, № 2, с. 30. Сб. «Наша старина в бытовых и обрядных песнях». Машинопись, 1964. Запись Д. Р. Глушенко в Сумской обл. УССР. Девушки и молодые женщины пели вечером под окнами хат, за что им выносили хлеб и сало. В песне названы три основных святочных праздника — Рождество, открывающее святки, Васильев день (собственно Новый год, 1 января) и Крещенье — последний колядный день. Припев после каждого двустишия.

60. Свитова, № 67. Новогодняя щедровная песня. Оригинал второй строфы — «он кличаў» (диалектный украинизм) — заменен литературным «он кликал». Припев после каждого двустишия.

61. Свитова, № 58. Щедровная. Припев после каждого двустишия.

62. Халанский I, с. 122, № 83. Величают хозяйскую дочь в первый день Рождества. Разбивка на строфы — составителя. Припев после каждого двустишия.

63. Красноженова, № 2. *Рясна колынянка в лузе* — красна ягода на лугу. Разбивка на строфы — составителя. Припев после каждого двустишия.

64. Свитова, № 64. Щедровная. Припев после каждого двустишия. О ней см. вступит. статью, с. 13.

65. Красноженова, с. 69. Колядуют накануне Нового года молодые женщины и девушки. Подходя к окнам домов, обращенным на улицу, говорят: «Щедры-ведры, богатый вечер! Можно коляду сказать?» Получив разрешение, поют. Разбивка на строфы — составителя. Припев после каждого двустишия.

66. Свитова, № 62. Щедровная. Припев после каждого двустишия.

67. Свитова, № 65. Щедровная. Припев после каждого двустишия. Припевы брянских щедровок вообще очень разнообразны. Приведем еще три (Свитова, № 66):

Я́горю! Ягорю, дерево Кудряво, зелено. Ягорю!	Со́колю! Соколю ясен, Коничек красен. Соколю!	Ка́лина! Калина моя, Ти тебя вода Поняла!

68. Свитова, № 60. Щедровная. Припев после каждого двустишия.

69. Троицкий, № 7. Колядка мужу с женой. В тексте соответственно контаминированы два поэтических мотива: хозяин едет, под стать былинному герою, побеждать татарское войско; величание хозяйки аналогично величанию в колядке № 66. Припев после каждого двустишия.

70. Маслов, с. 464, № 22. Саратовская губ. Припев восстановлен по указанию собирателя. Припев «таусень» правильнее было бы записать как «та усе́нь», ибо песня называется «усе́нюшка». Песня сохранила память о татарской орде.

71. Троицкий, № 1. Колядуют девушки-подростки вечером под Новый год. Первые три и последние четыре стиха исполняет одна

из колядующих. После слов «ко заутрени» припев повторяется через каждые две строки.

72. Соболев, с. 30. Разбивка на строфы — составителя. Припев после каждого двустишия.

73. Успенский, с. 109. Детская колядка. Поют дети — ба́усники — тем детям, которые сами еще не ходят славить. Поют целой ватагой, стоя перед дверью дома. *Не давайте пирога* — отказываются от простого угощения, требуя лишь обрядовое печенье: *коровку масляну головку*. Разбивка на строфы — составителя. Припев после каждого двустишия. В 10-й строфе исправлена опечатка: «не то селезень» на «то не селезень».

74. Соколов М. II, с. 100. Записано в 1887 г. Припев после каждой строки.

75. Сухов, с. 239. Редкий для колядок мотив — ищут не дом, а березу. Известно, что береза в ряде мест считалась покровительницей хозяйства. Не случайна здесь и свадебная символика собирания перьев: святки были предбрачным сезоном в деревне. Разбивка на строфы — составителя. Припев (в оригинале «А-а-авсень!») после каждого двустишия.

76. Минх I, с. 110. Поют на Васильев день. Припев после каждой строки.

77. Мансуров, III — 509. Записано в д. Ерденево Касимовского уезда в 1923 г. Поют дети, собирая «авсеньки» (обрядовое печенье). Там же в с. Васильево в 1968 г. записан вариант с характерным началом: «Бабушка Марья, подай мне таусень!» (РГПИ, исп. П. В. Антипова, р. 1887 г.), где *таусень* — обрядовое печенье. Припев после каждой строки.

78. Терещенко, ч. 7, с. 119. Пензенская губ. Поют мальчики и девушки в канун Нового года. Первые три стиха и последние восемь — выкрикиваются. Во время пения пляшут. Такую же колядку поют в честь дочери или жены хозяина дома. Припев после каждой строки.

79. Гребнер I, с. 33. Припев после каждой строки.

80. Печ. по записи составителя от А. И. Слоновой (р. 1902 г.) в д. Заулки Кадомского р-на Рязанской обл. в 1967 г. Слово «коляда» в значении святок или святочной песни здесь неизвестно. Исполняется без припева.

81. Руднева I, № 14. Припев после каждого двустишия.

82. Песни Поволжья, № 96. Куйбышевская обл.

83. Троицкий, № 3. Детская «усе́нька», напоминает небылицы. Припев после каждой строки.

84—85. Успенский, с. 110. Детские колядки. Поются подряд. Их отдельные поэтические образы близки подблюдным песням. Припев после каждой строки.

86. Гребнер II, с. 44. Исполняется без припева.

87. Песни Мезени, № 186. Шуточная колядка. Пелась хозяевам, скупым на отдаривание колядовщиков.

88. Печ. по записи составителя от П. Г. Якушенко (р. 1890 г.) в д. Сенютино Плисского с/с Невельского р-на Псковской обл. в 1964 г. *Сама села на столбе* — речь идет о печном столбе в деревенской избе. Припев после каждого двустишия.

89. Ильинский, с. 483, № 1. Детская колядка.

90. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 23, Тифлис, 1897, с. 52. Ставропольская губ.

91. Красноженова, № 3. Поют мальчики, разбрасывая по пути хлебные зерна. Эта и следующие песни связаны с новогодним обрядом «сеяния хлеба», которому некогда приписывалось заклинательное значение — воздействие на урожай зерновых.

92. Виноградов, с. 6.

93. Курские песни, № 5. Песня, аналогичная № 91—92. Строфика исправлена составителем.

94. Терещенко, ч. 7, с. 109. Исполнялась при посыпании зерном на Новый год.

95. Свитова, № 63. Песня новогоднего обхода дворов с «козой» (ряженым). Козе приписывалась сила вызывать плодородие.

96. ФК, Т-2684. Записано С. Пушкиной и Е. Медведевой в с. Николаевке Мензелинского р-на Татарской АССР (б. Уфимская губ. — место записей Н. Е. Пальчикова) в 1960 г. Исп. хор из 8 человек. Образец кумулятивной колядки, типичной для детского репертуара. Припев после каждого двустишия.

97. Киреевский II, с. 594, № 4. Нижегородская губ. Записано П. И. Мельниковым-Печерским. Припев после каждой строки.

98. Минх II, с. 88. Детская колядка, пелась в 1860-х годах, вечером накануне Нового года, хором. Использован текст детской кумулятивной песенки.

99. Добровольский I, с. 69, № 1. Закликание мороза в Васильев вечер (под Новый год).

Песни святочных гаданий

100. Первушин, с. 80, № 9.

101. Песни Мезени, № 184. Исполнялась на молодежных посиделках под Новый год (Васильев вечер). Перстень вынимался при словах: «Тая девушка за тем женихом». Пелась по количеству присутствующих.

102. Первушин, № 1.

103. Первушин, № 7.

104. Истомин — Ляпунов, с. 177. Вологодская губ. Особенности диалекта («оцюдилсе», «на руцьке» и др.) нами не сохранены, за исключением подударной огласовки («змея́ное») и устойчивого «шти» (щи).

105. Авдеева II, с. 143. Конец песни — оригинальная контаминация мотивов семиковых и колядных.

106. Добровольский, I, с. 14, № 1з. Исходя из нормативного для песни восьмистрочного периода, последняя строфа исправлена составителем по аналогии (добавлены 2-я и 8-я строчки).

107. Балов, с. 73. «Хоронить золото» — здесь: гадание с песней. Четыре девушки берут по блюду. Одна, не участвующая в гадании, кладет в первое блюдо уголь, во второе — печинку (кусок глины от печки), в третье — щетку, в четвертое — кольцо, после чего закрывает их платками. Затем поют приведенную песню. Под нее четыре из гадающих девушек вынимают по очереди из закрытых блюд, что кому достанется. Если девушка вынет уголь, то у нее муж будет негодяй и пьяница, если печинку — то она сама вскоре умрет, если щетку — значит, у нее муж будет некрасивый, старый и житье нескладное, если же вынет, наконец, кольцо — то, значит, муж у нее будет молодой и житье счастливое. То же, сообщает Балов, и для мужчин.

Подблюдные

Об исполнении подблюдных песен собиратели сообщают: «В вечер под Новый год не бывает ни песен, ни плясок, но все, даже пожилые, собравшись, только гадают о своей участи на следующий год. Для этого берут шапку и каждый кладет в нее кольцо, серьгу или что-либо такое; после шапку встряхивают и поют подблюдные песенки-стишки» (Разумихин, с. 275). Подблюдные песни в Енисейском уезде поют при участии девушек и «холостяжника» (парней). За один стол более десяти человек не садится, чтобы на каждого человека пришлось по одной песне. Стол покрывают белой скатертью. Каждый из участников, взяв кусок хлеба, кладет его под скатерть перед собою. На поданную тарелку складывают десять колец, причем требуется хорошо знать свои кольца или класть на них «приметки».

Тарелку закрывают «натуго» платком; тогда поют песню. Перед окончанием ее кто-нибудь из неучаствующих в игре (девушка или парень), встряхнув тарелку, вынимает сквозь щелочку в платке первое попавшееся кольцо. Чьим оно окажется, тот и «завечает» на себя (загадывает). Ему поют протяжным мотивом (Макаренко, с. 42). «Собирали кольца, перстни, запонки, сережки, клали их в блюдо и накрывали салфеткою; нарезывали маленькие кусочки хлеба и клали сверх салфетки. Сначала пели песню хлебу и соли и брали кусочки; ложась спать, клали их под головы, загадывая, что приснится. Потом пели песни; по окончании каждой из них трясли блюдо, и один ловил, что попадалось, по одной вещице» (Авдеева I, с. 58). После традиционной игры «Уж я золото хороню» (с кольцом), начинают готовиться к подблюдным особой игрой: одна девушка берет тарелку и припевает остальным, каждой особо, следующие песни:

Вился, вился соловей,
Да привился молодой
К Маланье Фадеевне.
Маланьюшка хороша́,
Фадеевна пригожа́;
Она меня подарит
С буйной главы ве́нчиком,
С правой руки пе́рстеньком.

Холостому мужчине:

Пожалуй-ко, молодец.
Чем сад насади́ти,
Зёлен наградити...
и т. д.

Кольца собирают и при других песнях, например:

Пошли гусли
Вдоль по лавке,
Слава!
Вперед по скамейке.
Мы дойдем до умника,
До разумника
Ивана Михайловича.
Ты пожалуй нам, умник,
С правой руки
Золот перстень,
С буйной головы
Золот венец.
Кому спели,
Тому добро,
Кому вынется,
Тому сбудется,
Тому сбудется,
Не минуется.
Слава!

Пошли гусли
Вдоль по горнице,
Ай, вдоль да по скамеечке,
Дошли гусли
До столечника,
Что до дубового.
Ты возьми, возьми, умница,
С правой руки
Золот перстень,
С своей ли головы
Золот венец.

Девушка перемешивает вещи и берет одну наудачу:

Кому вынется,
Скоро сбудется,
Скоро сбудется,
Не минуется.
Сла́ва!

(Терещенко, ч. 7, с. 174).

При пении «Славы» поднимают руки вверх и по окончании каждого стиха притоптывают ногой. Потом сажают одного из гостей на высоком месте, и, когда пропоют песню, снимают его оттуда и качают на руках. После все немедленно бросаются к блюду, разбирают вещи наугад и по ним выводят свои замечания. Досталось ли мужчине кольцо девушки, а ей кольцо или перстень мужчины, то непременно выйти ей замуж. Играющие должны завязать глаза свои и, взявшись за руки, ходить вокруг стола (Терещенко, ч. 7, с. 223). Среди других святочных гаданий, сопровождаемых поэтическим словом, можно назвать сеянье проса. Оно состоит в следующем: наберут в «припо́л» снегу, раскидают его, приговаривая:

Сею-сею про́су
На де̂вичью ко́су.
Где собачка взлает,
Тут мой женишок, —

и слушают на перекрестках, завечая согласно с приговором.

Или иначе: около избы девушки кладут кольца из правого уха в чашку под платок. Половина девушек в избе поет:

Девицы просо не сеяли,
Красные просо не сеяли
От Рожства до Крещенья,
До великого мясоеду.

Другая половина девушек на улице поет:

Девицы просо сеяли,
Красные просо сеяли
От Рожства до Крещенья,
До великого мясоеду.

Пропев трижды хором, одна девушка садится на порог, спиной в избу, и кидает кольцо через плечо. Чье попадет в *сутки*, та не выйдет замуж, чье к порогу — та выйдет. Все разбирают свои кольца (Зеленин I, с. 130). Или же в самую полночь шли на перекресток, «пололи снег в фартуки» (вид гадания. — *И. З.*) и приговаривали:

Полю, полю беленький снежок,
За батюшкову хлеб-соль,
За матушкино удовольствие.
Где залает кобелек,
Тут и мой женишок.

Падали вслед за тем все наземь и слушали, с какой стороны лает собака (Смирнов М., с. 17). В конце святочных гаданий девушки выходят вечером на двор «примечать звезды», дабы убедиться в том, что гадание сбудется. Одна девушка с пирогом, остальные вокруг нее скороговоркою причитывают:

Ай, звезды, звезды,
Звездочки!
Все вы, звезды,
Одной матушки!
Белорумяны вы
И дородливы!
Засылайте сватей
По миру крещеному,
Состряпайте свадебку
Для мира крещеного,
Для пира гостиного,
Для красной девицы,
Свет родимой
Анны Ивановны!

(Сахаров, т. 2, кн. 7, с. 5).

ПЕСНИ ХЛЕБУ И СОЛИ

108. Печ. по записи медсестры пос. Боровской Пыщугского р-на Костромской обл. Н. Рыжовой из ее письма к составителю (февраль 1961 г.). По ее сообщению, знатоки поют новогодние «йлею» в определенной последовательности. Первая песня — «хлебу» — «как вступление», — с нее начинают гадание, но она сама ничего не предвещает.

109. Терещенко, ч. 7, с. 172. Начальная песня гаданий. Припев после каждого двустишия.

110. Паша Горемыка, Святки в вологодской деревне. Очерк. — газ. «Голос» (Ярославль) 1913, 6 (19) января, с. 3. Предновогодняя игра-гаданье: четыре девушки, ухватившись за решето, хоронят «жировку», припевая заунывным голосом приведенную песню. При последнем ее слове решето перестают вертеть и смотрят, кому что досталось. А на решете лежат закрытые платком кольцо серебряное,

печень, хлеб и уголь. Если достанется кольцо, тому весь год жить будет весело; хлеб — богато; печень — печально; уголь — предвещает смерть.

ПЕСНИ, ПРЕДВЕЩАЮЩИЕ БОГАТСТВО И СЧАСТЬЕ

111. Добровольский I, с. 71, № 2 г (37). К урожаю.

112. Смирнов М., с. 16. По свидетельству собирателя, «накануне Нового года девицы и парни собирались в «отхожую», специально нанятую избу. Садились кругом стола, посредине которого стояла глубокая тарелка с водой, а в ней крест из лучинок, воткнутый в кусок хлеба. Все клали в тарелку свои кольца и перстни, закрывали салфеткой; одна из девиц отыскивала под салфеткой чье-либо колечко, водила пальцем «серéдышем» по тарелке, а все пели».

113. Добровольский I, с. 72, № 2 д (51). Припев восстановлен по указанию собирателя. Исправлена ошибка оригинала: «ивушка» вместо требуемого «нивушка».

114. Соколовы, № 356.

115. Ляметри, с. 369, № 6. Припев после каждого двустишия.

116. Шейн, № 1093. Рязанская губ. Ср. песню № 117 как вариант.

117. Соколов Г., с. 7.

118. Снегирев, вып. 2, с. 78, № 14. Припев после каждой строки.

119. Шишков, с. 92.

120. Колосов, с. 256. Вятская губ.

121. Добровольский I, с. 73, № 2 е (69).

122. Некрасов I, № 9. Тульская губ.

123. Соколовы, № 349.

124. Скворцова, с. 368, № 2. *На гунюшке три ворошка* — на гумне три вороха. Припев после каждой строки.

125. Колосов, с. 256. Вятская губ. Ср. № 150.

126. Добровольский I, с. 72, № 2 д (48).

127. Шейн, № 1087. Тульская губ. Явная опечатка 2-го стиха исправлена по аналогии (ср. № 133): вместо напечатанного «коровать трещит» следует «коровай тащит».

128. Семевский, № 63. Ср. № 129. Припев после каждого двустишия.

129. Шейн, № 1112. Тульская губ. Ср. № 128. Припев восстановлен по указанию собирателя.

130. СДНТ. Записано от М. Л. Колосовой (р. 1928 г.) в д. Мыльницы Демидовского р-на в 1969 г. Исполнительница назвала подблюдные песни колядками.

131. Добровольский I, с. 70, № 2б (11) — «хозяйкой быть»; тот же текст на с. 73, № 2е (68) — «к богатству».

132. Шейн, № 1085. Москва. Припев восстановлен по указанию собирателя.

133. Шейн, № 1088. Костромская губ. Припев восстановлен по указанию собирателя.

134. Смирнов В., с. 77, № 556.

135. Добровольский I, с. 73, № 2е (63).

136. Снегирев, вып. 2, с. 74, № 8. Припев после каждого двустишия.

137. Некрасов I, № 39 (текст 6). Тульская губ.

138. Авдеева I, с. 123. Припев после каждого двустишия.

139. Сахаров, т. 1, кн. 3, с. 18. Припев после каждого двустишия. Сахаров сообщает в примечаниях: «Несколько раз мне случалось слышать эту песню с особенною припляскою и каким-то отважным напевом, совершенно отличным от напева святочных подблюдных» (с. 24).

140. Добровольский I, с. 70, № 2б (17). Припев восстановлен по указанию собирателя.

141. Добровольский I, с. 71, № 2в (30). «К беременности». Ср. предыдущую песню. В записи Разумихина («набила пузище тинищею») означает богатство.

142. Печ. по письму уроженца д. Середняя Воздвиженского с/с Пыщугского р-на Костромской обл. Л. Н. Замураева (р. 1887 г.) к составителю (январь 1963 г.).

143. Печ. по записи медсестры пос. Боровской Пыщугского р-на Костромской обл. Н. Рыжовой из ее письма к составителю (февраль 1961 г.).

144. Снегирев, вып. 2, с. 84, № 29.

145. Шейн, № 1084. Москва.

146. Ляметри, № 11.

147. ВГВ I, № 9. Ср. №№ 255—257.

148. Разумихин, с. 275.

149. Ляметри, № 4. Припев после каждого двустишия.

150. СДНТ. Записано от М. Л. Колосовой (р. 1928 г.) в д. Мыльницы Демидовского р-на в 1969 г. Ср. № 125.

151. Скворцова, с. 370, № 18.

152. Святки, с. 17.

153. Соколов Г., с. 8.

154. Семевский, № 60. Припев после каждого двустишия.

155. Шейн, № 1119. Тульская губ. Вариант продолжения: «С возом на двор, сто рублей на стол» (Соколов Г., с. 7).

156. Шейн, № 1135. Тульская губ. Припев восстановлен по указанию собирателя. Исполняется после каждой строки.

157. Е. Из-за куска хлеба. — В сб. «Гражданин», № 1, СПб., 1872, с. 59. Ср. № 323.

158. Печ. по письму уроженца дер. Середняя Воздвиженского с/с Пыщугского р-на Костромской обл. Л. Н. Замураева (р. 1887 г.) к составителю (январь 1963 г.).

159. Шейн, № 1100. Новгородская губ. Вторая строка оригинала исправлена: вместо «из-за морья» — «из заморя».

160. Терещенко, ч. 7, с. 157. Припев после каждого двустишия.

161. Добровольский, I, с. 70, № 26 (10). Означает: девушке вековухой быть, женщине — богатство.

162. Скворцова, с. 370, № 13.

163. Скворцова, с. 370, № 19.

164. Шейн, № 1090. Костромская губ.

165. Шейн, № 1131. Тульская обл. Ср. там же в № 1117. В Вятской же губ. поется с заменой слова «мужичок» или «старичок» на слово «женишок», и означает тогда столько женихов, сколько на стенке сучков. Эту песню поют последнему колечку в блюде, называемому завалень (см. Зеленин I, с. 54). Известна также в качестве плясовой припевки (Шейн, № 663, Курская губ.).

166. Елеонская, с. 174. Калужская губ. Гадание записано со слов 54-летней крестьянки: вечером под Новый год девушки на кочерге

отправляются за водой, черпают воду в кувшины, называя имя того, за кого хотят выйти замуж, и приговаривая: «лезь в кувшин». Принесут воды, нальют в чашку, туда насыплют овса, положат крест, кольца, угольки. Покроют чашку. В передний угол садится веселая баба, преимущественно вдова, водит мизинцем по воде и запевает песню. Кончив пение, воду выливают на снег, причем ловят овес и угольки, заворачивают их в рукав рубахи и ложатся спать. Виденный в эту ночь сон исполнится в году.

167. ВГВ I, № 5. К замужеству или счастью.

168. Добровольский I, с. 73, № 2е (67).

169. Шишков, с. 92. Припев после каждого двустишия.

170. Печ. по записи медсестры пос. Боровской Пыщугского р-на Костромской обл. Н. Рыжовой из ее письма к составителю (февраль 1961 г.).

171. Скворцова, с. 369, № 10. Припев после каждой строки.

172. Макаренко, с. 42. Припев после каждой строки.

173. Зеленин I, с. 86.

ПЕСНИ, ПРЕДВЕЩАЮЩИЕ СВАДЬБУ

174. Добровольский I, с. 73, № 2е (62).

175. Шейн, № 1116. Тульская губ.

176. Рязанова, с. 194.

177. Добровольский I, с. 70, № 2б (24).

178. СДНТ. Записано от М. Л. Колосовой (р. 1928 г.) в д. Мыльницы Демидовского р-на в 1969 г.

179. Семевский, № 59. К свиданию с другом. Припев после каждого двустишия.

180. Добровольский I, с. 69, № 2б (6).

181. Земцовский, № 1.

182. Семевский, № 57.

183. Сахаров, т. 1, кн. 3, с. 15, № 35. Припев после каждого двустишия.

184. Шейн, № 1126. Тульская губ.

185. Будде, с. 63. Орловская губ. К бедному жениху («плохая загадочка»).

186. Добровольский I, с. 69, № 2а. Припев (два четверостишия) повторяется до и после песенки.

187. Хор Пятницкого, № 99. В репертуаре хора с 1916 г. Записано от В. Клодниной (очевидно, уроженки Воронежской обл.) в 1934 г. Окончив песню, говорили:

«Ребята, чье кольцо?»
— «Мое».
«Тебе нонешним годом жениться».

188. Добровольский I, с. 70, № 2б (16). *«Не стреться б»* — не встретиться бы.

189. Будде, с. 65. «Молодому жениться».

190. Добровольский I, с. 72, № 2д (53; ср. там же 26). «Зятя в дом принять». *Загребай сорок* — загребай сор, мусор.

191. Шейн, № 1082. Тульская губ.

192. Сахаров, т. 1, кн. 3, с. 14, № 31.

193. Святки, с. 16. К браку с «иногородним». Припев после каждого двустишия.

194. Staниловский, с. 151, № 7. Припев после каждого двустишия.

195. Терещенко, ч. 7, с. 154. Припев после каждого двустишия. По свидетельству Сахарова (т. 1, кн. 3, с. 24), эта песня исполнялась на свадьбах без припева.

196. Добровольский I, с. 73, № 2в (66).

197. Попова I, с. 52. Припев после каждого двустишия.

198. Шейн, № 1138. Тульская губ.

199. Добровольский I, с. 69. Припев (два четверостишия) повторяется до и после песенки (ср. № 186).

200. Шейн, № 1115. Тульская губ. Ср. у Пушкина, «Евгений Онегин», гл. 5, строфа 8: «Милей кошурка сердцу дев». Ср. костромской вариант: «Кысы-кысы, кысулька, в конурку спать» (см. примеч. 158).

201. Скворцова, с. 368, № 1. К свадьбе или к смерти. Припев после каждой строчки.

202. Добровольский I, с. 72, № 2д (42).

203. Святки, с. 14.

204. Чичеров, с. 110. Записано в Подольском р-не в 1947 г.

205. Терещенко, ч. 7, с. 156. Припев после каждого двустишия.

206. Ляметри, № 2. Припев после каждого двустишия.

207. Киреевский II, с. 603.

208. Снегирев, вып. 2, с. 80, № 19. Припев после каждого двустишия.

209. Разумихин, с. 275. Припев после каждого двустишия.

210. Добровольский I, с. 70, № 26 (15) — «хозяйкой быть».

211. Хор Пятницкого, № 99. Записано от В. Кладниной в 1934 г. Окончив песню, говорили:

«Девки, чье кольцо?»
— «Мое».
«Тебе нонешним годом замуж идти!»
— «Ну что ж, пойду. А я рада-то».

Припев после каждого двустишия.

212. Печ. по записи медсестры пос. Боровской Пыщугского р-на Костромской обл. Н. Рыжовой из ее письма к составителю (февраль 1961 г.).

213. Смирнов В., с. 77 — описание, текст № 543.

214. Рязанова, с. 192.

215. Рязанова, с. 193.

216. Шишков, с. 91.

217. Смирнов В., с. 77, № 530.

218. Снегирев, вып. 2, с. 81, № 23. Припев после каждого двустишия.

219. Макаренко, с. 44.

220. Чичеров, с. 110. Записано в Московской обл. в 1940 г. Припев после каждого двустишия.

221. Хор Пятницкого, № 99. Окончив песню, говорили:

«Ребята, чье кольцо?»
— «Мое».
«Тебе нонешним годом жениться».

222. Авдеева I, с. 172.

223. Терещенко, ч. 7, с. 173. При пении ведущая брякала кольцами в блюде и потом показывала их присутствующим. Припев после каждого двустишия.

224. Печ. по записи медсестры пос. Боровской Пыщугского р-на Костромской обл. Н. Рыжовой из ее письма к составителю (февраль 1961 г.).

225. Смирнов В., с. 79, № 523.

226. Шейн, № 1122. Тульская губ.

227. Соколовы, № 359.

228. Добровольский I, с. 70, № 26 (8).

229. Киреевский II, с. 602, № 4. Записано П. В. Киреевским от московской мещанки в 1830-е годы.

230. Снегирев, вып. 2, с. 72, № 4. Припев после каждого двустишия.

231. Ляметри, с. 155.

232. Соколовы, № 355.

233. Шейн, № 1125. Тульская губ.

234. Терещенко, ч. 7, с. 156. Припев после каждого двустишия.

235. Шейн, № 1081. Тульская губ.

236. Ляметри, № 8.

237. Шейн, № 1102. Новгородская губ.

238. Соколовы, № 857.

239. Печ. по записи медсестры пос. Боровской Пыщугского р-на Костромской обл. Н. Рыжовой из ее письма к составителю (февраль 1961 г.).

240. Снегирев, вып. 2, с. 71, № 2. Припев после каждого двустишия.

241. Киреевский I, № 1078. Записано в Рязанской губ. в 1838 г.

242. Авдеева I, с. 172. Припев после каждого двустишия.

243. Авдеева I, с. 173.

244. Макаренко, с 43. Припев после каждого двустишия. Предсказывает жениха из другого селения.

245. Ляметри, № 15.

246. Ляметри, № 14.

247. Шейн, № 1114. Тульская губ.

248. Колосов, с. 257. Вятская губ.

249. Терещенко, ч. 7, с. 175. Припев после каждой строки.

250. Песни Мезени, № 185. Припев после каждого двустишия. Три последние строчки — говорком, без напева.

ПЕСНИ, ПРЕДВЕЩАЮЩИЕ ВЕЧНОЕ ДЕВИЧЕСТВО

251. Рязанова, с. 192.

252. Шейн, № 1145, Калужская губ.

253. Добровольский I, с. 71, № 2в (31).

254. Шейн, № 1120. Тульская губ.

255. Шейн, № 1137. Тульская губ. Припев после каждой строки.

256. Добровольский I, с. 70, № 2б (22).

257. Смирнов В., с. 77.

258. Смирнов М., с. 16.

259. Разумихин, с. 275.

ПЕСНИ, ПРЕДВЕЩАЮЩИЕ РАЗЛУКУ, ДОРОГУ

260. Соколовы, № 355. *Лйсенка* — лесенка.

261. Станиловский, с. 151, № 6. Припев после каждого двустишия.

262. Шейн, № 1131. Тульская губ. Припев восстановлен по указанию собирателя.

263. Соколов Г., с. 7.

264. Смирнов В., с. 77, № 540.

265. Снегирев, вып. 2, с. 83, № 26. Припев после каждого двустишия.

266. Печ. по письму уроженца д. Средняя Воздвиженского с/с Пыщугского р-на Костромской обл. Л. Н. Замураева (р. 1887 г.) к составителю (январь 1963 г.).

267. Разумихин, с. 275.

268. Некрасов I, № 39 (текст 4). Тульская губ. «К солдатству».

269. Печ. по записи составителя от Ф. И. Коврыжниковой (р. 1889 г.) в д. Голыши Пыщугского р-на Костромской обл. в 1959 г.

270. Киреевский I, № 1085. Записано в Рязанской губ. в 1838 г. «К приезду».

271. Добровольский I, с. 71, № 2в (33). «К солдатчине».

272. Станиловский, с. 152, № 12.

273. Киреевский I, № 1087. Записано в Рязанской губ. в 1838 г.

274. Шейн, № 1123. Тульская губ.

ПЕСНИ, ПРЕДВЕЩАЮЩИЕ БЕДНОСТЬ, ВДОВСТВО

275. Печ. по записи медсестры пос. Боровской Пыщугского р-на Костромской обл. Н. Рыжовой из ее письма к составителю (февраль 1961 г.).

276. Печ. по записи медсестры пос. Боровской Пыщугского р-на Костромской обл. Н. Рыжовой из ее письма к составителю (февраль 1961 г.).

277. Добровольский I, с. 73, № 2е (64).

278. Печ. по записи медсестры пос. Боровской Пыщугского р-на Костромской обл. Н. Рыжовой из ее письма к составителю (февраль 1961 г.).

279. Печ. по письму уроженца д. Средняя Воздвиженского с/с Пыщугского р-на Костромской обл. Л. Н. Замураева (р. 1887 г.) к составителю (январь 1963 г.). Припев после каждого двустишия.

280. ПД, P V, к. 229, п. 3, № 41. Материалы экспедиции ПД. Записано А. Н. Мартыновой от М. Ф. Девятовой (р. 1906 г.) в д. Завод Михайловский Чайковского р-на Пермской обл. в 1963 г. Исполнялись в полночь под Новый год. Припев после каждого двустишия.

281. Печ. по записи составителя от Т. У. Хариновой (р. 1893 г.) в д. Бобылица Верхне-Спасского с/с Пыщугского р-на Костромской обл. в 1959 г.

282. Добровольский I, с. 72, № 2е (58).

283. Г. Павлова, Народные песни Смоленской области, напетые А. И. Глинкиной, М., 1969, № 18, с. 29. *Тресть* — трясти. Припев после каждого двустишия.

284. Семевский, с. 151, № 64. Припев восстановлен по указанию собирателя.

285. Печ. по письму уроженца д. Средняя Воздвиженского с/с Пыщугского р-на Костромской обл. Л. Н. Замураева (р. 1887 г.) к составителю (январь 1963 г.). Припев после каждого двустишия.

286. Макаренко, с. 45. Строфика исправлена составителем.

287. Рязанова, с 193.

288. Попова I, с. 52. Припев после каждого двустишия.

289. Макаренко, с. 44.

290. Печ. по записи учительницы К. Боборыкиной от А. М. Воробьевой (р. 1888 г.) в д. Иконница Верхне-Спасского с/с Пыщугского р-на Костромской обл. из ее письма к составителю 1959 г.

291. Рязанова, с. 192.

292. Добровольский I, с. 72, № 2д (41; ср. там же № 60). «К пожару». Та же песня с зачином «Сидит петух на тычининке» в Тверской губ. означает «почести» (см. Разумихин, № 6).

293. Шейн, № 1128. Тульская губ. Ср. № 186.

294. Печ. по письму уроженца д. Средняя Воздвиженского с/с Пыщугского р-на Костромской обл. Л. Н. Замураева (р. 1887 г.) к составителю (январь 1963 г.).

295. Печ. по записи медсестры пос. Боровской Пыщугского р-на Костромской обл. Н. Рыжовой из ее письма к составителю (февраль 1961 г.).

296. Соколов Г., с. 7.

297. Шейн, № 1098. Новгоро́дская губ. *Третьяк* — трехлетнее животное.

298. Добровольский I, с. 70, № 2б (14). «К дележке».

299. Шейн, № 1097. Новгородская губ.

ПЕСНИ, ПРЕДВЕЩАЮЩИЕ СМЕРТЬ

300. Шейн, № 1136. Тульская губ. *Блины* — поминальная еда. «На блюдце» исправлено из ошибочного «да блюдце».

301. Шейн, № 1127. Тульская губ. Корыто в фольклоре всегда означает гроб.

302. Соколов Г., с. 8.

303. Печ. по письму уроженца д. Средняя Воздвиженского с/с Пыщугского р-на Костромской обл. Л. Н. Замураева (р. 1887 г.) к составителю (январь 1963 г.).

304. ПД, Р V, к. 229, п. 3, № 41. Материалы экспедиции ПД. Записано А. Н. Мартыновой от М. Ф. Девятовой (р. 1906 г.) в д. Завод Михайловский Чайковского р-на Пермской обл. в 1963 г. Исполнялись в полночь под Новый год. Припев после каждого двустишия.

305. Шейн, № 1106. Рязанская губ.

306. Шейн, № 1133. Тульская губ. Припев восстановлен по указанию собирателя.

307. В. И. Чичеров, Русское народное поэтическое творчество, М., 1959, с. 367.

308. Печ. по записи медсестры пос. Боровской Пыщугского р-на Костромской обл. Н. Рыжовой из ее письма к составителю (февраль 1961 г.).

309. Попова I, с. 52. Припев после каждого двустишия.

310. Ляметри, № 12. Вариант разгадки — к замужеству.

311. Добровольский I, с. 73, № 2е (71). Вариант разгадки — к замужеству.

312. Печ. по письму уроженца дер. Средняя Воздвиженского с/с Пыщугского р-на Костромской обл. Л. Н. Замураева (р. 1887 г.) к составителю (январь 1963 г.).

313. Печ. по записи медсестры пос. Боровской Пыщугского р-на Костромской обл. Н. Рыжовой из ее письма к составителю (февраль 1961 г.).

314. Печ. по записи составителя от Т. У. Хариновой (р. 1893 г.) в д. Бобылица Верхне-Спасского с/с Пыщугского р-на Костромской обл. 1959 г. Возможно чтение: «Белю-побелю бело полотно».

315. Будде, с. 65.

316. Земцовский, № 1.

317. Печ. по записи медсестры пос. Боровской Пыщугского р-на Костромской обл. Н. Рыжовой из ее письма к составителю (февраль, 1961 г.).

318. Разумихин, с. 275.

319. Святки, с. 11. Означает пожилым смерть, а незамужним — вступление в брак. *У Спаса в Чигасах за Яузою* — место в Москве.

320. Шейн, № 1113. Тульская губ.

321. Добровольский I, с. 72, № 2д (47; ср. 19).

322. Шейн, № 1101. Новгородская губ. *Баенка* — баня.

323. Шейн, № 1110. Тульская губ. Ср. № 157.

324. Елеонская, с. 174. Калужская губ.

325. Некрасов I, № 39 (текст 3). Тульская губ.

326. Добровольский I, с. 71, № 2в (32). Вариант разгадки: «Много женихов, а толку мало».

327. Добровольский I, с. 72, № 2д (50).

328. Соколовы, № 353.

329. Якушкин, с. 706, № 90. Орловская губ.

330. Скворцова, с. 370, № 12.

331. Шейн, № 1124. Тульская губ.

332. Шейн, № 1095.

333. Печ. по записи 1959 г. учительницы К. Боборыкиной от костромчан, отдыхавших в Крыму, — из ее письма к составителю.

ПЕСНИ О СВЯТОЧНЫХ ИГРИЩАХ

334. Некрасов I, № 40. Орловская губ.

335. Шейн, № 1049. Орловская губ. Припев после каждого двустишия. В 4-й строфе восстановлено явно пропущенное слово «молоду».

336. Пальчиков, № 120. Ср. Шейн, № 1051 — близкий вариант из Симбирской губ., и колоритную костромскую запись в статье: Л. Каруновская, Несколько песен Костромской губернии. — В сб. статей «Музыкальная этнография», Л., 1926, с. 20, № 6. Припев после каждого двустишия.

337. Добровольский I, с. 23, № 16. *Коляды* — здесь: название праздника, святки.

338. Добровольский I, с. 34, № 45. Строфика исправлена составителем по принципу двустишной цепной строфы, лишь намеченному в оригинале.

339. Харьков II, № 192. Припев после каждой строчки.

340. Печ. по записи составителя от Е. А. Кротовой (р. 1908 г.) в с. Усмынь Куньинского р-на Псковской обл. (уроженка Сучевского с/с) в 1964 г. Редкая запись святочной песни-баллады об инцесте (кровосмесительный брак). Близка известной балладе «Иван-да-Марья», чаще всего бытующей в качестве купальской песни. См. № 678. Подробнее: Земцовский, № 93, с. 126—128. Приуроченность баллады к святочным игрищам может быть объяснена характерным для святок обрядовым эротизмом. О последнем подробнее: В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники, с. 115—122.

341. СДНТ. Записано от М. Н. Березенковой (р. 1900 г.) в д. Гора Демидовского р-на Смоленской обл. в 1969 г. «Святкозская».

МАСЛЕНИЦА

Встреча Масленицы

О встрече Масленицы собиратели сообщают:

В мясопустную субботу перед заговенами мать, начиная печь блины, посылает кого-либо из своих ребят (лет 8—10) «встречать Масленицу»: она сунет мальчику блинок, с которым он должен ездить по огороду верхом на ухвате или кочерге, крича:

Прощай, зима сопливая!
Приходи, лето красное!
Соху, борону —
И пахать пойду!

(Шереметева, с. 104).

В некоторых переславских деревнях Владимирщины Масленицу начинали праздновать с субботы предшествующей недели: это так называемая «малая Масленка». В этот день дети ходят артелями под окнами, поют, собирают лапти и встречают возвращающихся из города или с базара с покупками вопросом: «Везешь ли Масленицу?» Кто ответит: «Нет», того бьют этими лаптями. В этот день ребята катаются с гор с особым задором: есть примета — кто дальше из них закатится, в семье того мальчика лен уродится долгий (Смирнов М., с. 18). В некоторых местах Масленицу открывают деревенские ребятишки, которые, высыпав гурьбою на улицу, устраивают снежные горы и скороговоркою произносят такое приветствие Масленице: «Звал-позывал честной Семик широкую Масленицу к себе в гости на двор. «Душа ль ты моя Масленица, перепельные косточки, бумажное твое тельце, сахарные твои уста, сладкая твоя речь! Приезжай ко мне в гости на широк двор — на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешиться Уж ты ль, моя Масленица, красная

краса, русая коса, тридцати братов сестра, сорока бабушек внучка, трехматерина дочка, кеточка-ясочка, ты ж моя перепелочка! Приезжай ко мне в тесовый дом душою потешиться, умом повеселиться, речью насладиться». Как навстречу Масленице выезжал честной Семик на салазочках, в одних портяночках, без лапоток. Приезжала честная Масленица, широкая боярыня, к Семику во двор — на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешиться. Ей-то Семик бьет челом на салазочках, в одних портяночках, без лапоток. Как и тут ли честная Масленица на горах покаталася, в блинах поваляласяа, сердцем потешалася. Ей-то Семик бьет челом, кланяется, зовет во тесовый терем, за дубовый стол, к зелену вину. Входила честная Масленица, широкая боярыня, к Семику во тесовый терем, садилась за дубовый стол, к зелену вину. Как и она ль, честная Масленица, душою потешалася, умом повеселилася, речью наслаждалася». После этой встречи ребятишки сбегают с гор и кричат: «Приехала Масленица! Приехала Масленица!» (Степанов, с. 34—35).

В день открытия праздника взрослые и малолетние ряженые, или в обычном костюме, ходили по домам — «сбирали Масленицу». Перед ледышкой, вырубленной в виде иконы, славильщики пели:

Славите, славите,
Сами бога знаете!
Напойте вином,
Накормите пирогом,
Дайте по рублю,
Сам уйду.
Не жалейте гро́ши,
У вас девки хоро́ши:
По печи валяются,
В лапти обуваются,
Гулять здобляются
К Ваньке-татарину
По репу по па́рену.
Подавай, не ломай,
Не закусывай!
Хоть кисленького
Да пшенисненького:
Вам поспоре́е,
Нам поскоре́е.

(Смирнов М., с. 19. Стихи 14—15 буквально совпадают с типично колядковыми требованиями подарка).

342. Халанский I, с. 131, № 98.

343. Дубравин. Записано от Н. Г. Бончуковой (р. 1902 г.) в с Малушино Путивльского р-на.

344. Шереметева II, с. 114. Поют в понедельник, встречая Масленицу, наверху «горы».

345 Халанский I, с. 121, № 99.

346. Соболев, с. 37. Ребятишки ходят большой гурьбой по деревне, останавливаясь у окон и распевая· «Подайте блинка для Маслены!» Обойдя всю деревню, поют в кругу приведенную песню. Припев после каждого двустишия.

347. Смирнов М., с. 19. Образец масленичной песенки детей, которые в первый день праздника ходят под окнами с мешочками, торбочками и корзинками и поют. По окончании пения один из участников входит в избу и просит: «Подайте широкой Масленице!»

Там же зафиксированы еще две аналогичные песни:

Ах ты Домнушка,
Красно солнышко!
Вставай с печи,
Гляди в печь,
Не пора ли
Блины печь!

Если хозяйка скупа и подает плохо, ребята уходят из избы с криком:

Паршивые блины
По аршину длины!

348. МГК. Записано от П. К. Володиной в с. Манюки Новозыбковского р-на Брянской обл. в 1966 г. Припев завершается коллективным выкриком «у!».

349. Земцовский, № 5.

350. Шейн, № 1171. Псковская губ. Эта песня заканчивалась иногда возгласом: «Здравствуй, Масленица!» (Коринфский, с. 158). Строфика восстановлена согласно указанию собирателя. Повтор последней строчки снят как ошибочный.

351. ПД, Р V, к. 229, п. 3, № 19. Материалы экспедиции ПД 1963 г. Записано А. Мартыновой и З. Власовой в Пермской обл. Зачин лирической песни, приуроченной к Масленице. Песня целиком не приводится, ибо является контаминацией двух текстов, из которых только первый говорит о Масленице.

352. Зернова, с. 18.

353. Римский-Корсаков, № 46. Смоленская губ. *Вержинский* — название прихода. Близкий псковский вариант песни о всеобщем масленичном разгуле см.: Семевский, с. 143, № 30.

Песни масленичных гуляний, катаний, игр

О масленичных гуляниях собиратели сообщают: «На масленой неделе повсюду устраиваются катанья на лошадях или с гор на салазках и «корежках»... В Кадниковском у. катанье с гор на Масленице заканчивается сожжением на берегу реки дегтярной бочки;

тут же разбивают об лед и корежки. В Заднесельской волости того же уезда вечером с воскресенья на чистый понедельник. чуть только стемнеет, зажигаются так называемые «масленки», т. е. груды хвороста и всякого сора, сношенного из деревни ребятами за несколько времени до этого дня. В церемонии сожжения участвуют больше дети, но бывают и взрослые. Зажегши масленку, дети прыгают вокруг нее и кричат:

Наша Масленка,
Гори вплоть до Петрова дня!»

(Иваницкий, с. 128).

354 ПД, Р V, к. 69, п. 15, № 254. Записано в Яранском уезде Вятской губ в 1927 г Исполнялась при катании с масленичных гор.

355. ФК Т-1073. Масленичная припевка Горьковской обл.

356 Добровольский I, с. 74, № 3.

357. Шейн, № 1173. Курская губ.

358. Кулаковский, с. 82 *До Духа* — до Духова дня.

359. Тиханов, с. 199. *Я в лузи, а ты в тузи* — архаический оборот, означает. «я в луга, а ты в печаль».

360 Славянина. Записано от Е. Ф. Ефремовой (р. 1912 г.) в д. Липница в 1966 г.

361. МГК. Записано от А. Д. Кундик (р. 1891 г.) в с. Верещаки Новозыбковского р-на в 1966 г.

362. Свитова, № 70. *До Духа* — см. примеч. 358.

363. Зернова, с. 19.

364. Шереметева, с. 120. Песни на «горе».

365. Смирнов М., с. 21, № 6.

366. Халанский I, с. 134, № 106. Этой песней на масленой неделе величают женатых, венчавшихся в текущем году.

367. Земцовский, № 9. Образец масленичной дразнилки.

368. Земцовский, № 6. По словам исполнительницы: «Кто молодой оженится, тому и поют. Начинаем ругать, чтоб не хвалился». *На воду, на блины* — диалектный синтаксический оборот, означает: воду, блины.

369. Печ. по записи составителя от А. А. Степановой (р. 1893 г.) в д. Завыково Крестовского с/с Великолукского р-на Псковской обл. в 1964 г. Величание молодоженов. Поют во время масленичных при-

сздов зятей к тещам. Если молодые запаздывали, ребята бросали в них лапти.

370. Рязанов, с. 139, № 22. Масленичное величание молодоженов.

371. Печ. по записи составителя от А. Т. Титовой (р. 1894 г.) в г. Торопце Калининской обл. в 1964 г. Исполнялась во время масленичных катаний с гор.

372. Дубравин. Записано от М. Д. Бесединой (1890—1968) в с. Каменецкое Тростянецкого р-на. Песня связана с традиционными масленичными приездами молодоженов к теще.

373. Киреевский I, № 2838. См. примеч. 372.

Проводы Масленицы

374. Шереметева, с. 120.

375. Коробов, с. 3. *Приведи святую.* Имеется в виду «святая неделя».

376. Попова II, с. 116. Калининская обл. Записано Б. Ф. Смирновым.

377. Земцовский, № 11. Варианты 3-го стиха: «и у снег ее закопали», 6-го стиха: «до худого худослетья», то есть до плохого лета, когда магическая помощь погребенной Масленицы будет особо необходима. По словам исполнительницы, во время сожжения чучела Масленицы «кто пепел в дом нес, а кто на озимые клал, чтоб хлеб был лучше».

378. Семевский, с. 145, № 34.

379. Печ. по записи составителя от О. В. Михайловой (р. 1883 г.) в д. Немково Сережинского с/с Торопецкого р-на Калининской обл. в 1964 г.

380. Земцовский, № 10.

381. Земцовский, № 12. Аналогичные окончания по публикациям неизвестны. Описание похорон ср. с песней № 377, дающей исконный образ закапывания Масленицы, а не ребенка.

382. Зернова, с. 19, № 5.

383. Зернова, с. 19, № 6.

384. Зернова, с. 20. Под вечер в прощеное воскресенье ребята делают большую соломенную куклу, ставят на салазки и бегут от избы к избе, собирая блины приведенной песней, которую поют, останавливаясь под окнами. Когда хозяйка подает ребятам в окно блин, ей в ответ показывают куклу-Масленицу, что должно было, как пола-

гали крестьяне, обеспечить хозяйственное благополучие каждой деревенской семьи.

385. Соболев, с. 397.

386. Соболев, с. 40.

387. И. М. Ельчева, Народные песни Ивановской области, Ярославль, 1968, № 105. Масленичная припевка-выкрик.

388. Соболев, с. 39. Пропев, добавляют: «Здорово, прощай! На тот год приезжай!»

389. Смирнов М., с. 21, № 5.

390. Смирнов М., с. 21, № 7.

391. Руднева I, № 62.

392. Дубравин. Записано от А. Ф. Мороки (р. 1912 г.) в с. Чуйковка Ямпольского р-на. Исполнялась на «заговины» — в последний день Масленицы.

393. Печ. по записи И. М. Ельчевой в с. Холуй Ивановской обл. в 1966 г. Припевка-выкрик при проводах Масленицы.

394. Печ. по записи составителя в с. Верхне-Спасское Пыщугского р-на Костромской обл. в 1959 г.

395. Смирнов М., с. 21, № 2. *Светлый день* — Пасха.

396. «Вятские губ. ведомости», 1848, 3 апреля, с. 90.

397. Славянина, записано от П. Е. Сулиной (р. 1885 г.) в с. Сенное в 1965 г. Масленичная песня, исполнявшаяся в прощеное воскресенье — последний день Масленицы.

398. Славянина. Записано от Е. Р. Думчевой (р. 1892 г.) в с. Шведчиковы Дворы в 1965 г.

399. Дубравин. Записано от Н. Г. Бончуковой (р. 1902 г.) в с. Малушино Путивльского р-на.

ВСТРЕЧА ВЕСНЫ

Веснянки

400. Свитова, № 2.

401. Добровольский I, с. 99, № 38г. Очевидно, строфика искажена: второй стих должен быть повторен для образования двустишной строфы.

402. ФК, Т-2291. Записано от Ф. Д. Лукьяновой (р. 1902 г.) в д. Балаховке Шумячского р-на в 1965 г. Поется, «когда тает снег».

403. Добровольский I, с. 98, № 38в.

404. Шейн, № 1178. Смоленская губ.

405. Красноженова, № 8.

406. Харьков I, № 1. По свидетельству собирателя, «песни такого рода обычно поют торжественно, не торопясь, с произвольно длительными перерывами между строфами. Каждую строфу начинает запевала, затем к нему присоединяются один-два других певца, а припев со слов «ой лели-лели» поют все» (с. 78).

407. Курские песни, № 3.

408. СДНТ. Записано от Д. С. Егоровой (р. 1898 г.) в г. Починка в 1969 г.

409. Шейн, № 1180.

410. Мансуров, III—517, № 237. Сапожковский уезд, с. Мордово. Поется на «Сóроки» — 9 марта.

411. Печ. по записи составителя от В. П. Лоскутовой (р. 1880 г.) в д. Котелино Кадомского р-на Рязанской обл. в 1967 г. Веснянки называются здесь «лето». Подобный припев по печатным источникам не известен. Повторяется перед каждым стихом.

412. ФК, Т-1882. Записано А. Носковым от М. И. Камоловой и Е. А. Журановой в с. Падовка Пестровского р-на Куйбышевской обл. в 1965 г.

413. Добровольский I, с. 97, с. 37в.

414. Аничков, ч. 1, с. 93.

415. А. Кузнецов, Встреча весны у крестьян Оренбургского уезда. — «Оренбургский листок», 1889, 12 марта (№ 10, с. 3). Встреча весны называется здесь «кричанье жаворонок». Поют на крышах изб и сараев, после чего кидают вверх тестяных птиц: если они упадут в чистое место, то съедают их сами, если же нет, то отдают животным.

416. Печ. по записи составителя от А. И. Слоновой (р. 1902 г.) в д. Заулки Кадомского р-на Рязанской обл. в 1967 г. Поют 9 марта, сидя на крышах изб с печеньем в виде жаворонков. После пения головки «птичек» отрывают и натыкают на солому крыш, а остальное съедают. Поют небыстро, мелодично, четко донося каждое слово этой поэтичнейшей песни-заклички.

417. Курские песни, № 4.

418. Добровольский, IV, с. 437. По указанию собирателя, исполнялась на Масленице. В последних трех куплетах «тоже на Иванова» как ошибочное исправлено составителем на «то жена Иванова» и т. п.

419. Соколов М. с. 97. Исполнялась 9 марта. При восходе солнца, на крышах домов, сараев и амбаров бросали выпеченных из теста жаворонков в разные стороны и пели, «закликали весну».

420. ПД, Р V, к. 156, п. 3, № 17. Материалы экспедиции ПД 1957 г. Записано О. Б. Алексеевой в Саратовской обл.

421. Добровольский I, с. 97, № 37д. *Запéрти* — запереть.

422. Шейн, № 1181.

423. Добровольский I, с. 96, № 37а. В первоисточнике песня завершается ремаркой собирателя: «Пчелка жужжит: „К нам, к нам, к нам!“»

424. Славянина. Веснянка Брянской обл. Рукопись хранится в ПД.

425. Красноженова, № 7.

426. Соколов Ю., 1938, с. 149. Из рукописных материалов Центрального музея народов СССР (Москва).

427. Шейн, № 1175. Курская губ. По сообщению собирателя, поется детьми в «Сóроки» (9 марта) на огородах, куда приносят с собою испеченных куликов, называемых иногда жаворонками. Их привязывают нитками к шестам, которые втыкают в *одóнки* (подстожье). Ветер качает куликов, так что они представляются как бы летящими. Или же куликов качают, подкидывают, сопровождая все это пением приведенной песни, а шесты с куликами держат в руках, или же, отвязав куликов, берут их руками за крылышки, то опуская вниз, то подымая вверх, и таким образом они кажутся летящими (с. 337).

428. Курские песни, № 1.

429. Добровольский I, с. 96, № 36б. *С пуньки лялетку* — т. е. с риги мелкую мякину, отлетающую при веянии зерна. *По киечичку* — по кию.

430. ФК, Т-2283. Записано от А. О. Морозовой (р. 1900 г.) в д. Иванов Стан Шумячского р-на в 1965 г.

431. ФК, Т-2299. Записано от Е. Е. Скачковой (р. 1902 г.) в д. Полулихи Монастырщинского р-на в 1965 г.

432. СДНТ. Записано от У. В. Бондаревой (р. 1892 г.) в д. Бабичевка Шумячского р-на в 1969 г. По словам исполнительницы, этой песней «кличут весну».

433. МГК. Брянская обл. Записано студенческой экспедицией под руководством Н. И. Петровой-Савельевой от М. К. Сиваевой (р. 1894 г.) в с. Катичи Новозыбковского р-на в 1966 г. Приводим образец точной фиксации особенностей исполнения веснянок-закличек —с характерными словообрывами и «гуканьями»:

Весна моя, весняно... у!
Весняночка...
Где твоя до... у! .. чка, Ульяно... у!
Ульяночка...
Она в садо...у! .. чку, шиет соро...у!
Сорочку...
Она на ры...у! ...нку, шиет шири...у!

434. Коринфский, с. 196. Поют на Благовещенье, при весеннем выпускании птиц на волю.

435. Коринфский, с. 200.

436. Терещенко, ч. 5, с. 12.

437. Троицкий, № 19. В данном месте (д. Аришка Городищенского уезда Пензенской губ.) исполнялась на Троицу, когда шли завивать венки.

Весенние игровые и лирические

438. Соколовы, № 360. Особенности диалекта («рицька», «кустоцькоф» и др.) не сохранены, за исключением подударных («все ручейка́» и т. п.).

439. ПД, Р V, к. 156, п. 3, № 29. Материалы экспедиции ПД 1957 г. Записано О. Алексеевой и Л. Емельяновым от Е. А. Козлецовой (р. 1903 г.) в с. Алексеевка Базарно-Карабулякского р-на Саратовской обл. Весну встречали: песня пелась в последний день Пасхи, на Красную горку. Припев после каждого двустишия.

440. Киреевский I, № 1097. Записано в Рязанской губ. в 1830-е годы. Строфика исправлена составителем. В строфе 4-й слова «А красные девушки» исправлены на «Красны девки» согласно ритмической норме стиха. Строфа 9-я восстановлена гипотетически: при перечне трех забот в оригинале названо лишь две.

441. Харьков I, № 4. Пели, по словам исполнительницы, «когда весну гукали и играли коло бани», а бани находились в конце усадьбы, у края поля. *Мужа уважать* — здесь: покоряться мужу. Припев после каждого двустишия.

442. Некрасов, IV, с. 21, № 14. Пензенская губ. Поют весной, «при растении хлеба». В конце песни хлопают в ладоши, обозначая этим игровой момент: срубили рощу.

443. Троицкий, с. 20, № 22. Последние три двустишия явно спутаны исполнителями. Приводим более характерное окончание псковского варианта (Земцовский, № 64):

— «Нашей девке имя есть, имя есть,
Ой дид-ладо, имя есть, имя есть!»

«А нам надо Нюрочка, Нюрочка,
Ой дид-ладо, Нюрочка, Нюрочка!»

— «А в нас Нюра дурочка, дурочка,
Ой дид-ладо, дурочка, дурочка!»

«А мы ее выучим, выучим,
Ой дид-ладо, выучим, выучим!»

— «А чем же вам выучить, выучить,
Ой дид-ладо, выучить, выучить?»

«А мы ее плеточкой, плеточкой,
Ой дид-ладо, плеточкой, плеточкой!»

— «В нашем полку выбыло, выбыло,
Ой дид-ладо, выбыло, выбыло!»

«В нашем полку прибыло, прибыло,
Ой дид-ладо, прибыло, прибыло!»

— «В нашем полку слезы льют, слезы льют,
Ой дид-ладо, слезы льют, слезы льют!»

«В нашем полку пиво пьют, пиво пьют,
Ой дид-ладо, пиво пьют, пиво пьют».

— «В нашем полку булочки, булочки,
Ой дид-ладо, булочки, булочки!»

«Так оставайтесь дурочки, дурочки,
Ой дид-ладо, дурочки, дурочки!»

Запись Троицкого интересна тем, что традиционный для песни, повсеместно известный диалог начинается в ней только с 20-й строфы, а в начале идет очень подробное, редко встречаемое описание всего трудового процесса, связанного с выращиванием проса. По свидетельству Сахарова (т. 1, кн. 3, с. 75), «голос этой песни протяжный, сходный с обрядовыми песнями, имеет особое отличие от всех других». Оригинально завершение псковского варианта (Шейн, № 384): певцы получали угощение, аналогичное тому, которым завершался колядковый обход дворов.

444. Халанский II, с. 228, № 10. «В четыре сохи» — исправлено составителем вместо «в четыре сасе» первоисточника. Припев после каждого двустишия.

445. Земцовский, № 67. По свидетельству исполнителей, поют, когда идет сев или прополка. В конце эта весенняя игровая песня переходит в пляс. Каждая строка повторяется дважды. *Наские* — от названия деревни.

446. Добровольский I, с. 158, № 141. Обращение ко льну с заклятием на рост.

447. СДНТ. Записано от М. С. Боровиковой (р. 1887 г.) в д. Корсики Ершичского р-на в 1969 г. Вариант предыдущих игровых песен о льне. В данном месте записана в качестве духовской, то есть исполнявшейся на Духов день.

448. Шейн, № 388. Оренбургская губ. Собиратель сообщает: «Участвующие, преимущественно девушки, становятся в круг. В средину его выступает одна и под пение хоровода приведенной песни начинает плясать и выражать пантомимой все те приемы обработки льна, о которых говорится в песне» (с. 81).

449. Гринкова, с. 179. Песня исполнялась на плясовой мотив во время обряда похорон русалки. (О смысле употребления веселого напева в обрядовых похоронах см. вступит. статью, с. 22). Обряд совершался обычно в заговенье после Троицы, то есть в последнее воскресенье перед Петровским постом. Процессия женщин и девушек во главе с «попом» (ряженый) шла с куклой русалки под песню через все село в ржаное поле, где ее раздевали и бросали. Обряд совершался в двух целях: чтоб хлеб рос лучше и чтобы русалки летом не пугали. Приведенная песня — типичная игровая весенняя, близкая предыдущим — явно включена в обряд позднее, почему мы и приводим ее среди весенних, а не русальских. Однако такое включение не случайно, ибо в представлениях народа русалки связывались со льном. Например, был обычай бить «русалок» кнутом, причем длина кнута якобы могла магически повлиять на длину льна (см. Зеленин II, с. 239). Припев после каждого двустишия. Вторая строка оригинала исправлена составителем: «посеяли девки» вместо «девкам».

450. Лядов, № 58. Рязанская губ. Игровая веснянка. Записана в качестве «масленской». Последним объясняется контаминация с шуточной масленичной «Теща про зятя пирог пекла» (см. № 373).

451. Листопадов, № 183.

452. Рубцов, № 14. Записано от Х. С. Василенковой в с. Ольша в 1920 г. Пели девушки за селом, сидя на погребе и перекликаясь песнями-веснянками с соседними деревнями.

453. Рубцов, № 11. Записано от Х. С. Василенковой в с. Ольша в 1920 г. О песне см. вступит. статью, с. 33.

Весенние обходы дворов

ЕГОРЬЕВСКИЕ

454. ПД, Р V, к. 191, № 40 (микрофильм). Окликанье, записанное А. Шебреневым в д. Кузимове Чухломского уезда Костромской губ. в 1922 г. Песня егорьевского обхода дворов.

455. ПД, РV, к. 191, № 40 — м/ф. Записано К. Курочкиным в Коровской волости Костромской губ. Поют 23 апреля дети при обходе домов.

456. ПД, Р V, к. 191, № 35 — м/ф. Записано В. М. Королевым в Макарьевском уезде Костромской губ. в 1914 г. Накануне 23 апреля, вечером, подростки ходят по деревне и перед каждым домом поют «окликание Егория». Им подают яйца, хлеб, деньги. Уникальный образец полной записи оригинального текста колядного типа, исполнявшегося во время весеннего (егорьевского) обхода дворов. «По-за́ море» исправлено из ошибочного в первоисточнике «по заморю».

457. Терещенко, ч. 6, с. 32. Исполняется в некоторых уездах Костромский губ. при выгоне скота в поле, под названием «Егорья окликать». Терещенко подчеркивает: «За несколько недель до Юрьева дня поля зеленеют быстро, трава растет скоро, и к Егорию она уже готова для скота» (с. 32).

458. ПД, Р V, к. 69, п. 15, № 88. Архив О. И. Капицы. Записано от В. П. Боткиной (р. 1872 г.) в д. Рощи Топальской волости Бежецкого уезда Тверской губ. в 1929 г. Пели в Егорьев день, выгоняя скот со двора.

459. ПД, Р V, к. 69, п. 15, № 271. Архив О. И. Капицы. Возможно, из записей Г. Потанина (ср.: «Живая старина», 1899, вып. 2) в Вологодской губ. Поют, стегая скот вербой в Егорьев день.

460. Свитова, № 12.

461. Добровольский I, с. 163, № 6. Поется в день первого выгона скота в поле, а также ранней весной, «как снег начнет тревожиться». Яркий пример поэтизации аграрно-магических представлений. Повтор 10-й строки первоисточника не воспроизводится как ошибочный (нарушает трехстишную строфу).

462. Записано составителем от А. А. Степановой (р. 1893 г.) в д. Завыково Крестовского с/с Великолукского р-на Псковской обл. в 1964 г. *В мойго мужа правды нет* — здесь: у моего мужа нет правды, справедливости. *Шею мужу* — здесь: сошью мужу. Вместо «Юрьев конь» произносят «Юрин конь». Хотя в песне использован широко известный бытовой мотив, начальный образ ее («Юрьев конь») характерен именно для егорьевских песен. День «Егорья храброго» считался конским праздником, например, на Рязанщине. В этот день под вечер делают «коня», который в сопровождении народа обходит де-

ревню, а сидящий на нем пастух играет на жалейке, после чего сходится с «конем» из другой деревни на выгоне, где происходит «бой» двух коней. В старину после этого водили круги («курагоды»), причем один из парней изображал собою коня, скакал и прыгал как можно выше. При этом пели:

Около сырого дуба,
Около молодого,
Вырастала чечевинка;
По той чечевинке
Черные кони скачут:
«Поскачь, поскачь, ко́ня,
Поскачь, молодая!
Ко́ня новая на сене,
Выбирай себе подружку
Что любимую сеструшку!»
— «Выбрала себе подружку
Что любимую сеструшку».

(О. П. Семенова, Праздники Рязанской губернии, Дальновского уезда. — «Живая старина», 1891, № 4, с. 199).

463. Свитова, № 13. Юрьевская таночная. Каждая строфа кончается в пении коллективным выкриком «у!». В 4-й строфе гипотетически исправлено составителем: «Марья млада» (воду брала) из бессмысленного повтора «Юрья вода» (ослышка или опечатка).

ВОЛОЧЕБНЫЕ

464. Добровольский I, с. 182, № 24. *Радить раду* — совещаться. По указанию собирателя, песня сопровождается припевом «Христос воскрес, сыне божий, Христос воскрес!», но не ясно, через сколько строк (очевидно, после каждой строки, которая делится в пении на два полустиха). Встречающиеся на пути партии волочебников задавали друг другу загадки, что имело ритуальное значение, ибо считалось способом магического подчинения сил природы. Например:

«А что это за загадка:
А что едет без повода?»
— «Вот что это за загадка:
Вода едет без повода».
«А что это за загадка:
А что иржет без голоса?»
— «Вот что это за загадка:
Лошадь иржет без голоса».
«А что это за загадка:
Поле лубяно, усходы зеленые?»
— «Гусей садят в дорабочку,
Дорабочек лубяной бывает,
А усходы зеленые бывают».

(Добровольский I, с. 172, № 14)

Лубяной дорабочек — плетеное лукошко.

465. Земцовский, № 13. После 24-го стиха исполнительница прервала пение: «Очень длинно здесь надо соблазнять, я уж уморилась», — и, продолжая, явно сделала купюру. Привожу отрывок из торопецкого же варианта (там же, № 14), частично восполняющего купюру:

«Другая радость явилася —
Сорок коров телилося.
А все ж они по телочке,
По телочке по рыженькой,
По рыженькой, по лысенькой!»

Вариант окончания (запись составителя от К. Л. Михайловой (р. 1909 г.) в с. Усмынь Псковской обл. в 1964 г.):

Не часто мы ходим,
Не много мы просим.
С году в годочек
Один разочек!
Заводчику пару яичек,
А дударю пирог с дуду!

Припев после каждой строки.

466. Шейн, № 1193. Псковская губ. *В окны как шиют.* Имеется в виду получение даров через окно, аналогичное колядному (см. примеч. 15 и 18). Особенности диалекта («ходзи», «погладзить» и др.) не сохранены.

467. Добровольский I, с. 173, № 16. Текст записан частично с пересказа, отчего нарушена песенная строфика. Припев после каждой строки. В сюжете контаминировано несколько поэтических мотивов, характерных для волочебных песен.

468. Добровольский I, с. 178, № 20.

469. Добровольский I, с. 180, № 21г.

470. Печ. по записи составителя от А. А. Степановой (р. 1893 г.) в д. Завыково Крестовского с/с Великолукского р-на Псковской обл. в 1964 г. Припевка волочебников. Припев после каждой строки.

471. Римский-Корсаков, № 47. Смоленская губ. Припев исправлен составителем вместо «сына божья» у Римского-Корсакова. Припев после каждой строки.

472. Шейн, № 1192. Псковская губ. *Ко́ники глядит* — следит за конями. Особенности диалекта («ходзиць», «святый Пя́цер» и др.) не сохранены. Припев после каждой строки.

473. Добровольский I, с. 184, № 26. В первоисточнике припев приведен лишь в конце текста. Очевидно, он должен исполняться после каждой строки. *«Богу на вышнего»* — видимо, вместо «всевышнему».

474. Добровольский I, с. 184, № 27. О припеве см. примеч. **473.**

475. Добровольский I, с. 183, № 25.

476. Добровольский I, с. 183, № 24б. *Радить раду* — см. примеч. 464. *Паня* — пан. *Мельян* — Емельян.

477. Печ. по записи составителя от А. А. Степановой (р. 1893 г.) в д. Завыково Крестовского с/с Великолукского р-на Псковской обл. в 1964 г.

478. Добровольский I, с. 174, № 17а. *Ульлики понаперины* — ульи снабжены перегородками для укрепления сотов. *Кошики понауженьі* — плетенки для пчел с подпорками для сотов. Припев после каждой строки. В конце песни дополнительный возглас: «Засылай, боже!» нами опущен.

ВЬЮНИШНЫЕ

479. Андронников, с. 39. «Мужской вьюнец». Разбивка на строфы — составителя. Припев после каждого двустишия.

480. Андронников, с. 37. «Мужской вьюнец». Разбивка на строфы — составителя. Припев после каждого двустишия.

481. Некрасов II, № 14. В субботу на Пасхе окликают молодых. Припев после каждого двустишия. Согласно музыкальной фразировке частица «да» относится всегда к первой строке строфы.

482. Снегирев, вып. 3, с. 211. Вьюнишник молодым, «вместо застольной песни». Собравшись с рассветом в конце деревни, молодежь идет к дому молодоженов и, приближаясь к нему, начинает петь. В строфе 11-й исправляется опечатка: «сокатайтеся» вместо ошибочного «се катайтеся». В ст. 30 исправлена ошибка оригинала: «пивом, ендовой» на «пива ендовой». Разбивка на строфы — составителя. Припев после каждого двустишия.

483—485. Зимин, с. 38, 40, 41, №№ 46, 47, 47а. Вьюницы — начальная, молодому и молодухе. Поют одни мужики или вся деревня во главе со стариками. Разбивка на строфы — составителя. Припев после каждого двустишия. В № 483: *деревца кипаристовые* — означает не кипарис, а просто роскошное дерево (ср. эпитет «кипари́сто-высоко́»). В № 485 в ст. 25 исправлена очевидная опечатка оригинала «я ткаха, я пряха» на «я ткала, я пряла», что соответствует последующему «я шелком шила».

486. ЦГАЛИ, ф. 2901, оп. 1, ед. хр. 667. А. Д. Титов, Деревня в песнях, обычаях и обрядах (Ростов, Ярославской обл.). Пели утром в первое воскресенье после Пасхи дети у каждого дома, где есть молодожены.

487. Веселовский. Песня исполняется только раз в год — в пасхальную субботу, начиная еще до солнечного восхода. Окликает пар-

тия молодежи сначала молодоженов в своей деревне, потом и в соседних. Разбивка на строфы — составителя. Припев после каждого двустишия.

488. Сахаров, т. 1, кн. 3, с. 261. Костромская губ. Поют на Фоминой неделе под окнами молодоженов. Припев после каждой строки.

489. Терещенко, ч. 5, с. 23. Нижегородская губ. «Вьюнишник» поют молодоженам в субботу на пасхальной неделе.

490. Андронников, с. 41. «Бабий вьюнец» — поют только женщины. Припев после каждого двустишия.

СЕМИК. ТРОИЦА

Семиковые, троицкие

491. Шейн, № 1203. Владимирская губ. Записано в 1874 г. Пели в Семик девушки при выборе березки для праздника.

492. Добровольский I, с. 191, № 12. *Дух* — Духов день. *Илья* — Ильин день.

493. Усов, с. 126, № 16. Отрывок редкой песни, сохранившейся от древнего обычая обходить дворы в Семик так же, как ходили в Святки.

НА ЗАВИВАНЬЕ

494. Добровольский I, с. 185, № 3.

495. Добровольский I, с. 186, № 6. Песня свидетельствует о том огромном ритуальном значении, которое приписывалось некогда семиковому завиванию венков.

496. Снегирев, вып. 3, с. 117. Вариант продолжения 8-й строфы: «А мне, молодой, с гибкого ветийка».

497. Сумароков, с. 19. Припев после каждой строки.

498. Добровольский, с. 186, № 7. Существует примета: если венок зеленеет целую неделю, то завившая его девушка будет весела целый год.

499. Земцовский, № 16. Каждая строка в пении повторяется дважды. По рассказу исполнительницы, в Троицу «столько *маю* (зеленых веток. — *И. З.*) несут, и всюду май стоит — и березы, и рябины, и песни мы поем на *Дух* (Духов день. — *И. З.*), идем под качель».

500. Смирнов М., с. 29. Собиратель сообщает: «Утром в Семик пекут сдобные «кулички» — круглые лепешки с дырочкой посредине,

украшенные полосками в виде радиусов; варят яйца... Связав в платочки эти припасы, девушки отправляются по большей части в лес или в молодую поросль, по возможности вблизи поля или в самое поле, со срубленной березкой. Дорогой поют...» Подойдя к облюбованной березке, складывают под ней припасы и начинают ее убирать: завивают на ней венок («мирское кольцо»), плетут на ветках небольшие колечки по числу пар девушек, вешают ленты, затем становятся кругом березки хороводом и снова поют. Затем ходят с березкой по селу, поют песни разного содержания, а березку бросают либо в воду, либо в ржаное поле. После чего обмениваются платками или передниками и становятся из подруг «кумами». Иногда предварительно ставят под березку «оленя» с венком на голове — самую маленькую по росту и худенькую девушку-подростка.

501. Смирнов А., с. 186, № 11. Ср. песню Леля «Туча со громом сговаривалася» в пьесе А. Островского «Снегурочка».

502. СДНТ. Записано от Н. З. Моржаковой (р. 1909 г.) и К. С. Петрусевой (р. 1920 г.) в д. Красное Заборье Шумячского р-на в 1968 г.

503. Соболев, с. 42, № 2. В записи, очевидно, нарушен песенный стих.

504. Добровольский I, с. 193, № 18.

505. СДНТ. Записано от П. Ф. Тэповой (р. 1904 г.) в д. Вельня Монастырщинского р-на в 1968 г. Духовская.

506. Добровольский I, с. 194, № 19а.

507. СДНТ. Записано от А. А. Гренковой (р. 1921 г.), А. Е. Белясниковой (р. 1905 г.) и Е. Е. Белясниковой (р. 1911 г.) в д. Крутояки Шумячского р-на в 1968 г.

508. Печ. по записи А. М. Мехнецова в Томской обл. в 1966 г. Сообщено на отчете об экспедиции в Ленинградском отделении Союза композиторов РСФСР. Троицкая. Пели девушки, идя с венками из леса к реке, повторяя песню неоднократно.

509. Добровольский I, с. 191, № 13. Разбивка на стихи — составителя. После ст. 12 в оригинале неоправданно повторены ст. 21—22, что нами не сохранено.

510. Соколов М. I, № 10. Поют в Семик, идя завивать венки. В песнях № 510, 511, 542, 624 сходный мотив («где девки шли» и т. д.) толкуется по-разному.

511. Снегирев, вып. 3, с. 119, № 4. Троицкая. Записано в Переславль-Залесском уезде.

512. Харьков II, № 170. Поется при завивании березки. Ср. рязанский вариант — № 513.

513. Соколова — Гришин, с. 53, № 39. Троицкая. *Заульнески* — из деревни Заулки. Ср. № 512.

514. Печ. по записи составителя от А. И. Слоновой (р. 1902 г.) в д. Заулки Кадомского р-на Рязанской обл. в 1967 г. Троицкая. В ряде деревень Кадомского р-на, пограничных с Мордовией, в Троицу до настоящего времени украшают березку, ходят с ней на поле и поют. Исполнительница рассказала: «Юбки две-три, повойник с лентами оденем на березу, поднимем, всю прикрыв, и несем. . .» Припев после каждой строки. Пели трижды, ходили на реку, бросали венки, после чего все исполнительницы резали каравай хлеба и тут же съедали его.

515. Терещенко, ч. 6, с. 152. Разбивка на стихи — составителя.

ГАДАНИЕ НА ВЕНКАХ

516. Добровольский I, с. 187, № 8. Согласно примете, если венок на голове девушки не вянет, то милый по ней не тужит.

517. Смирнов В., с. 48. Завивают в Семик, а в Троицу ходят смотреть, который поблек: барашкин или матушкин — к смерти, свой — к свадьбе.

518. Добровольский I, с. 206, №№ 48—49. Поются при несении венков к реке для гадания.

519. Троицкий, с. 19, № 20. При бросании в воду венка.

520. Титов, с. 93. Лирическая. Поют возле завитой березки в Семик.

521. Сумароков, с. 20. Троицкое гадание на венках.

522. Терещенко, ч. 6, с. 169. Поют весело, идя с венками к реке.

523. Симбирский сборник, с. 31. Строфика исправлена составителем. Заключительные строки:

Знать, мой веночек уплывает,
Знать, мой веночек пал на дно,
Нас с милым, знать, заодно
На смерть сбирает! —

опущены как сомнительные. В 6-м двустишии восстановлено явно пропущенное слово «миленький». Припев после каждого двустишия.

МАЙСКИЕ

524. СДНТ. Записано от Е. И. Емельяновой (р. 1888 г.) в д. Еськово Демидовского р-на в 1969 г.

525. Харьков I, № 5. Исполнительница пояснила: «Ходят коло жита, завивают венки и поют песни». Ср. № 526.

526. Добровольский I, с. 199, № 30б. Записана в качестве троицкой. Смешение майских и троицких песен естественно, ибо майские песни пелись в период колошения ржи, которое часто приходилось на Троицу. Известны также контаминации мотивов майских и троицких песен в одной песне (см. № 525).

527. СДНТ. Записано от Т. Я. Гришкиной (р. 1902 г.) и О. С. Егоровой (р. 1898 г.) в пос. Починка в 1968 г. Припев после каждого двустишия.

528. СДНТ. Записано от И. Л. Кумачевой (р. 1902 г.) в д. Досугово Монастырщинского р-на в 1969 г. Припев после каждого двустишия.

529. Харьков I, № 6. В песне содержится призыв идти всем на праздничное гулянье — от молодых до старух. Ср. № 530.

530. Харьков I, № 7. В связи с предыдущей песней проясняется содержание этой: девушка, не имеющая родителей, не наряжена для праздника и потому не идет на него. Лирическая песня, приуроченная к майским.

КУМИТНЫЕ И «ПОХОРОНЫ КУКУШКИ»

Собиратели сообщают: «На троицкой неделе девушки, украсив сломанную цветущую ветку черемухи или бузины лентами и цветами (или же сделав куклу), целуются сквозь ветку — «кумятся», затем едят, играют, а к вечеру несут «кукушку» к реке. Одна из участниц, раздевшись, берет «кукушку» и идет с ней в воду, где и оставляет ее на средине реки, при пении приведенной песни. Это и называется „кукушки крестить"». На Брянщине же в Николин день, 9 мая, девочки гурьбой идут в лес, рощу или сад, ищут травки «кукушку» (около березки непременно), одевают их девочкой и мальчиком, кладут под березу, и под ней кумятся, т. е. трижды протягивают друг другу руки, целуются и меняются местами. Затем раскладывают костер, готовят яичницу и тут же едят домашнюю дрочену. При одевании травинок поют:

«Кукушечка боровая,
Чему в бору не сидела?»
— «А мне уже в бору жить скýчилось:
Воли нету,
Воды нету.
Пошла воля по лугам,
А вода по болотáм...»

(Тиханов, с. 200)

Калужские крестьянки собирались в лес «крестить кукушку» всем селением. Две молодые женщины из них отыскивали траву, называемую «кукуша»: она имеет раздвоенный корень — один белый, а другой черный, лист ее усеян желтыми пятнышками. По представлениям калужан, белый корень изображает собою мужа, а черный —

жену. Вырывши эту траву из земли с корнем, на нее надевали заблаговременно приготовленную рубашку и, положив на землю, ставили на нее крестообразно две дуги. Накрыв их платками, вешали с двух сторон кресты и пели:

Кумушки-голубушки!
Кумитеся, любитеся,
Любитеся, даритеся!

В других же местах иначе:

Ты кукушка рябá!
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушки,
Чтоб нам не браниться!

Поцеловавшись из-под дуги, величали друг друга кумами. Затем веселились и брали с собой корень для счастья в семейной жизни (Шейн, с. 343, № 1195). На Смоленщине наряжали березу, вешая ленты, платки, кресты. Потом, «наигравшись песен» и вдоволь наплясавшись, разряжали ее и сломанную макушку дерева бросали в речку со словами: «Березе на стоянне — нам, девкам, на здоровье!» и с песней:

Стань, береза, по-старому,
Как стояла!
Тебе, береза, на стоянне,
А нам на здоровье.

Кумясь и разменивась вещицами, пели:

Вы кумитеся, любитеся
Не на короткий век, а на долгий!

(Добровольский I, с. 206, № 45—46)

531. Смирнов М., с. 29.

532. ПД, Р V, к. 156, п. 3, № 7. Материалы экспедиции ПД 1957 г. Записано О. Б. Алексеевой в Саратовской обл. Песня семикового кумления.

533. Смирнов М., с. 30.

534. Соболев, с. 42, № 1.

535. Киреевский I, № 1098. На третьей неделе Пасхи ходили в лес «кукушку крестить», связывая две березки под эту песню.

536. Халанский I, с. 146, № 126.

537. Мельников-Печерский, с. 7.

538. Халанский I, с. 147. *На круче* — возвышенный берег реки, где плетут венки, вплетая в ветви металлические украшения, вешая

венки на грушу. Под эту песню водят хоровод. Кончив петь, снимают венки, выплетают свои украшения и обмениваются ими, а по венкам гадают, бросив их в воду. Участники обряда считаются кумами до Петрова дня. (Кумятся здесь Марья и Мавра.) Припев перед каждой строкой.

539. Машкин, с. 103. Под эту песню «крестят кукушку» и кумятся через нее, обмениваясь кольцами.

540. Е. Елеонская, Крещение и похороны кукушки в Тульской и Калужской губерниях. — ЭО, 1912, № 1—2, с. 154. Калужская губ. Здесь кукушку крестят на Вознесенье: сажают ее на березу, водят хоровод и поют эту песню. Существует поверье, что кумятся не только друг с другом, но и с самой березой (Зеленин II, с. 271—272), и кумятся для того, чтобы лучше уродился лен (см. там же, с. 273).

541. Кедрина, с. 104.

542. Кедрина, с. 104.

543. Рабинович — Харьков. Троицкая песня Ковровского р-на.

544. Добровольский IV, с. 358. Духовская. Припев перед каждой строкой.

545. Шишонко, с. 98.

546. Гребнер II, с. 42. *Названная сестрица* — кума.

547. Пальчиков, № 34.

548. СДНТ. Записано от Ф. М. Ермаковой (р. 1913 г.), М. И. Павловой (р. 1927 г.) и др. в д. Осипенки Демидовского р-на в 1969 г. Пели, завивая венки на Духов день, обмениваясь платками.

549. Бутова, с. 253.

550. Халанский II, с. 228, № 11. По указанию собирателя, песня троицкого девичьего праздника «кукушку крестить».

551. Ляметри, с. 364. Отдельные мотивы этой троицкой песни напоминают известную святочную игровую «Уж я золото хороню».

552. Кедрина, с. 105. Песня, сопровождающая обряд «похорон кукушки». В лесу выбирается укромное местечко, вырывается ямка, устилается самыми лучшими, непременно новыми лоскутками; туда кладется «кукушка» и зарывается с песней.

553. Кедрина, с. 106. Поют в Троицу, вырывая «кукушку» из земли при обязательном отсутствии мужчин. Ст. 6. «нам аржи», возможно, «намо ржи» .

554. Кедрина, с 107. См. примеч. 553.

НА РАЗВИВАНИЕ

555. Смирнов М., с. 30. Исполнялась при троицком развивании семицкой березки.

556. Добровольский I, с. 206, № 47. Развивание венков и осмотр жита в поле. Ср. 557. Строфика исправлена составителем. «Мы у поле были» исправлено из явно ошибочного в первоисточнике «Мы у пани были».

557. Добровольский I, с. 198, № 29а. Исполнялась при троицком осмотре жита в поле. Ср. № 556. Разбивка на строфы — составителя.

558. Христиансен, № 54. Оригинальная песня, записанная Л. Христиансеном в Перми в 1953 г. Ее пели во время троицкого «раздевания» березки. На вершинке березки оставляли одну красную ленточку. Потом шли толпой к Каме, бросали березку в реку и жалобно причитали ей вслед: «Да отправляем мы тебя, березынька».

Троицкие хороводные и лирические

559. Соколов М. I, № 2. Призыв к троицким хороводам. Припев после каждой строки.

560. Печ. по записи составителя от Е. Ф. Разумовой (р. 1905 г.) в д. Узкое Усвятского с/с Великолукского р-на Псковской обл. в 1964 г. Каждая строка повторяется в пении дважды.

561. Троицкий, № 21. Припев после каждого двустишия.

562. Добровольский I, с. 141, № 111. *Приду двору* — приду домой.

563. Свитова, № 19. Духовская таночная. Последний слог в каждой строфе при исполнении не допевается, переходя в «гуканье»: «У!»

564. Свитова, № 20. Духовская таночная.

565. Свитова, № 23. Духовская таночная. Припев после каждого двустишия. *'Грая* — играет.

566. ПД, Р V, к. 247, п. 1, № 2, с. 26. Д. Р. Глушенко, Наша старина в бытовых и обрядных песнях, машинопись, 1964 г. Записано в Сумской обл. Украинской ССР. Названа «масленской», но должна быть отнесена к весенне-летним песням.

567. Добровольский I, с. 207, № 50. Троицкая. Строфика песни искажена в записи и исправлена составителем. Курсивом выделены явно прозаические вставки (с пересказа). Ср. № 568.

568. Терещенко, ч. 6, с. 182. Петербургская губ. Ср. № 567. Припев после каждой строки.

569. Свитова, № 21. Духовская таночная. Каждая строфа кончается выкриком-гуканьем «у!», здесь снятом.

570. Соколов М. I, № 14. Каждая строка, кроме припева, повторяется дважды. *Сторонски* — другие. *Луга турдакси* — от названия деревни Турдаки, певцы которой исполняли эту песню. Пели, идя завивать венки. Припев после каждой строки.

571. Терещенко, ч. 6, с. 153. Хороводная песня, исполнявшаяся около семиковой березки.

572. Аничков, ч. 2, с. 6.

573. ФК, Т-2219. Записано С. И. Пушкиной в Братском р-не Иркутской обл. в 1964 г. Исполняли четыре певицы д. Дубынино.

574. Соколов М. I, № 20. Семиковый хоровод.

575. ФК, Т-2462. Записано от Н. Ф. Кортенко (р. 1894 г.) в Себежском р-не Псковской обл. в 1966 г.

576. СДНТ. Записано в д. Ворошиловка Монастырщинского р-на в 1968 г. Исполнял хор 5 женщин, запевала А. Т. Зайцева (р. 1895 г.).

577. Троицкий, № 17.

578. ФК, Т-2297. Записано в Монастырщинском р-не Смоленской обл. в 1965 г. В последней строфе исправлено бессмысленное «молоду» на «молодость». *Вулка* — улица.

579. Племянников, с. 30. Оренбургская губ. По свидетельству собирателя, «голос (этой песни. — *И. З.*) отличается каким-то заунывным, особенным напевом».

580. Терещенко, ч. 6, с. 161. Игровой хоровод. *Венок с огороды* — из садовых цветов.

581. Добровольский I, с. 188, № 10б.

582. Смирнов А., с. 186.

583. Добровольский I, с. 211, № 59. Поют в Троицу, бросая разубранную макушку березы в воду. Строфика исправлена составителем. Припев после каждого двустишия.

584. Истомин — Дютш, с. 140. Архангельская губ. Троицкая хороводная. Строфика исправлена составителем. Особенности диалекта («игришше», «кацяли» и т. п.) не сохранены.

585. Лядов, № 28. Рязанская губ. Троицкая хороводная.

586. Свитова, № 1. Записана в качестве веснянки. Последний слог строфы не допевается, переходя в «гуканье»: «У! . .»

587. ФК, Т-2305. Записано от А. М. Артемовой (р. 1910 г.) в д. Тикиль Шумячского р-на в 1965 г. Каждая строфа кончается выкриком «у!», здесь опущенным.

588. Истомин — Ляпунов, с. 163. Вологодская губ. Троицкая.

589. Христиансен, № 46. «Вешняя луговая — проходная семицкая». В строфах 3—7 междометный повтор «О-ей» в первоисточнике опущен.

590. Троицкий, № 18.

591. Владимиров, с. 65. *Котел* — название местной реки. Поют под пляску, меняясь свитыми венками. К заходу солнца развивают венки. Строки 9—12 близки подблюдным.

592. Добровольский I, с. 160, № 148.

593. Снегирев, вып. 3, с. 150, № 14. Троицкая.

594. Славянина. Записано от А. Г. Бохоновой (р. 1910 г.) в с. Юшино в 1965 г.

595. Добровольский I, с. 190, № 116. Разбивка на стихи — составителя. *Вре́меко* — времечко.

596. Христиансен, № 43. Исполнялась при раскачивании на пасхальных «качулях». Редкая запись, свидетельствующая, возможно, об одном из былых магических значений обрядового раскачивания (известен обычай спрашивать у подходящих к качелям имя жениха). В этой песне «формула предсказания» близка поэтике подблюдных песен.

597. Халанский I, с. 142, № 121. «Постовая».

598. ПД, Р V, к. 247, п. 1, № 2, с. 10. Д. Р. Глушенко, Наша старина в бытовых и обрядных песнях, машинопись, 1964. Записано в Сумской обл. Украинской ССР. Троицкая хороводная. Девушки парами, держась за платочек и приплясывая, проходили вдоль улицы. Припев перед каждым двустишием.

599. Руднева II, № 23. «Рельная» (качельная). Припевы «Лелим-е, лелим-е!» повторяются перед, а «Лелим-е»» — после каждой строки. Ср. № 676.

600. Халанский I, с. 136, № 111. Припев перед каждым стихом. *Козинцы* — жители деревни Козино.

601. Халанский I, с. 141, № 119. Припев перед каждым стихом. Постовая величальная.

602. ПД, Р V, к. 247, п. 1, № 2, с. 12. Д. Р. Глушенко, Наша старина в бытовых и обрядных песнях, машинопись, 1964. Записано в

Сумской обл. Украинской ССР. Троицкая хороводная, величальная. Припев перед каждым двустишием. *Урожает* — дает урожай.

603. ЦГАЛИ, ф. 2901, оп. 1, ед. хр. 667. Записано И. К. Зайцевым в Челябинской обл. в 1932 г. Троицкая игра. Девушки встают в хоровод, а в середине круга большая береза, на березу влезают трое: одна называется «яры пчелы», вторая — «белый горностай», третья — «сизый орел», четвертая девушка по ходу песни подходит к дереву и поджигает его; хоровод поет. Последние 6 строк поют девушки, которые сидят на березе, а хор подпевает.

604. ЦГАЛИ, ф. 2901, оп. 1, ед. хр. 667. Записано И. К. Зайцевым в Челябинской обл. в 1932 г.

605. Свитова, № 28. Гряная, то есть исполнявшаяся на гряной (русальской) неделе.

606. Соколов М. I, № 1. Поют на Красную горку, Семик, Троицу и проводы русалки. При пении каждое двустишие, кроме первого и последнего, повторяется. По указанию собирателя, вариант 10-го двустишия: «Ты сидела бы у батюшки в тереме, у сударыни у матушки во высоком». Разбивка на стихи — составителя.

607. ПД, Р V, к. 47, п. 10, № 6. Материалы экспедиции ПД. Запись В. П. Максимова, А. М. Астаховой в с. Кораблино Рязанской обл. в 1934 г. Разбивка на строфы — составителя. В ивановском варианте подруги утешают девушку словами: «Венок по морю ныряет. . .» и т. д. (см.: И. Ельчева, Народные песни Ивановской области, Ярославль, 1968, с. 116).

608. Харьков I, № 3. В источнике приводится пояснение исполнительницы: «Это говорили не на баб, а на девок» (с. 78), т. е. подшучивали над предугадываемым их замужеством.

609. ПД, Р V, к. 247, п. 1, с. 28. Д. Р. Глушенко, Наша старина в бытовых и обрядных песнях, машинопись, 1964. Записано в Сумской обл. Украинской ССР. Весенняя.

610. Шейн, № 1263. Калужская губ. Таночная. «Величают рожь». Разбивка на стихи — составителя.

611. Добровольский I, с. 191, № 14.

612. Некрасов II, № 19. Троицкая хороводная.

613. Соколов М. 1, № 4. Поют на Семик, идя ржаным полем к березнику завивать венки. Припев после каждой строки.

614. Чернышев, с. 96, № 9. Исполнительница пояснила предпоследний стих («И скошу я траву»): «Это на прошести-то!» Соответственно может быть понят последний стих: «стопочку (скошенной травы) складу».

615. Свитова, № 25. Исполняется на гряной (русальской) неделе (восьмой после Пасхи). Припев после каждого двустишия. «По огороду» звучит в пении как «по горóду». Диалектные формы глагольных окончаний («хóдя», «ступáе» и т. п.) сохранены. *Зманяе* — маня, приманивая.

616. Владимиров, с. 65. Этой песней заканчивают троицкое веселье, бросая венки в реку. Разбивка на строфы — составителя.

617. Харьков II, № 171. Поется при завивании березки. Припев после каждой строки. Мотив «тучи — грома» не редок в семиковых песнях (ср. № 501).

618. СДНТ. Записано от М. И. Усаньковой (р. 1910 г.) в д. Андреево Демидовского р-на в 1969 г. Весенняя лирическая.

Русальские

619. Свитова, № 26. По брянской народной терминологии — «гряная». В некоторых местах известна как песня троицкой встречи русалок. Зафиксирована в украинском и белорусском фольклоре (см.: Зеленин II, с. 163, 262). Мотив просьбы рубашек достаточно част в русальских песнях. Следуя старым поверьям, крестьяне Воронежской губернии, например, в русальскую неделю «для смягчения злобы русалок развешивают им по лесам и прибрежным кустарникам холсты для рубашки» (Зеленин II, с. 164). *На святы духовые* — на праздник Духова дня.

620—621. Добровольский I, с. 197, № 28а и 28б. См. примеч. № 619.

622. Свитова, № 24. Припев после каждого двустишия.

623. Терещенко, ч. 6, с. 134. На русальской неделе во вторник поминают умерших неестественной смертью: идут на могилу, едят блины (поминальная еда), разбивают яйцо (символ жизни) и песней призывают русалку. Ей же оставляют на могиле часть блинов. Тогда же исполняются песни магического оберега от русалок. Например: «Обкружусь, обчертюсь от русалок от семицких!» (Кулаковский, с. 89). Или: «От русалки от семицкой очертися, окружися!» (Зеленин III, вып. 2, с. 594, Калужская губ.). По указанию собирателя, также поют в Троицу женщины и девушки, когда в роще связывают макушки двух берез. При пении каждая хватается рукой именно за эти березы. Ср. на Смоленщине:

«А ты бабушка Куприяновна!
Ты ж обчерти нас золотым ножом,
Ты ж обсей нас ярым овсом!»

Бабка обводит чертою девушек, находящихся в кругу, со словами:

«Кто в черте — то наши,
За чертою — то не наши!»

(Добровольский I, с. 184, № 1).

624. Смирнов М., с. 33. Ср. № 625. Хотя здесь имя русалки не названо, обряд может быть отнесен к проводам русалки (см.: В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники, с. 80). Девушки в два ряда идут через все село к ржаному полю, держа на сплетенных руках (или на поленьях) девочку лет 4-х — «колосок». На ходу хор поет, беспрерывно повторяя данную песню.

Похороны Костромы

625. ПД, Р V, к. 156, п. 3, № 30. Материалы экспедиции ПД 1957 г. Записано О. Б. Алексеевой. Саратовская обл. Похороны Костромы выступают в этой песне как последний весенний обряд. Ср. № 627—633. Ср.: Мельников-Печерский, ч. 3, с. 377 и след.

626. Соколов М. I, № 25. Проводы русалки нередко контаминируются с похоронами Костромы или даже совпадают с ними, чем и объясняется исполнение песни о Костроме в данном русальском обряде. В проводах (на заговенье перед Петровым постом) участвовали преимущественно старухи. Брали ржаной сноп, приделывали руки, обряжали по-бабьи, клали на носилки, вопили и несли чучело-русалку в ржаное поле, где и оставляли ее на меже. Во время шествия с чучелом-русалкой несколько раз пели данную песню. В ст. 3, возможно, опечатка: вместо «не Костромушка» следует «Ты Костромушка».

627—629. Шейн, №№ 1258, 1257 и 1259, с. 368. Владимирская губ. Обряд совершался следующим образом: посреди улицы в колоде делали коллективно куклу «Кострому», одевая пук соломы в женский наряд. В это время пели про дочь костромского купца, устроившую большой пир. Куклу украшали цветами, клали в корыто и с песнями несли к реке. Один из парней держал лапоть, изображающий кадило. На берегу вся процессия разделялась на две группы: одна как бы охраняла чучело, другая пыталась его вырвать и разодрать. Побеждали вторые, и растерзанное чучело бросали со смехом в воду. Первая группа оплакивала Кострому под насмешки победителей. Домой возвращались все весело. Обряд совершался в последнее воскресенье перед Петровым постом. Под песню № 628 чучело Костромы несли к реке, изображая похоронную процессию. Строфика исправлена составителем. Под песню № 629 чучело Костромы раздевали и бросали в воду. В ближайших к г. Мурому селениях обычай был таков: наряжали сноп соломы, несли к реке и бросали его, припевая:

«Костромушка, Кострома,
Куда твоя голова?»
— «К бесу, к бесу,
В омут головой!»

(Шейн, с. 368—370)

630. Усов, с. 128, № 2. Собиратель сообщает следующее: похороны Костромы праздновались в Петров день. Молодежь вязала из соломы чучело Костромы и одевала его в нарядный сарафан недавно

вышедшей замуж молодицы. Убирали чучело цветами и клали на доску возле воды. Всю ночь водили хороводы, пели песни, а затем Кострому отпевали, раздевали и пускали по воде. Такой обычай наблюдался в восточной части б. Костромской губ., местами в нижегородском Заволжье и б. Вятской губ. Этими похоронами кончались летние хороводы и гулянья, за ними наступала «страда» (с. 373). С 1 июля увеселенья прекращались до осенних «капусток» (в конце сентября).

631. Листопадов, № 175, записано в 1903 г.

632. Соколов М. I, № 70. Приводим среди песен о похоронах Костромы, хотя данный вариант исполнялся на Благовещенье и Вербное воскресенье.

633. Соболев, с. 15. Детская игра: Кóстромушка сидит на земле, остальные ходят вокруг хороводом и поют. В конце дети разбегаются, Костромушка их ловит. Пойманный становится Костромушкой.

КУПАЛА

Купальские

634—635. СДНТ. Записано от Д. Ф. Павловой (р. 1915 г.) и Ф. М. Ермаковой (р. 1913 г.) в д. Осипенки Демидовского р-на в 1969 г. Песню № 634 пели в купальскую ночь у каждого дома, за что получали кулагу, мед, творог. Потом с песней № 635 шли «гнать ведьм с жита»: жгли колеса около поля. *Свячённое* — освященное. Подробнее об этом обычае см. во вступит. статье, с. 41—42.

636. СДНТ. Записано от М. К. Аверьяновой (р. 1894 г.) и М. А. Касаткиной (р. 1902 г.) в д. Еськово Демидовского р-на в 1969 г. Ср. № 634.

637. Запись студенческой экспедиции Музыкального училища при Ленинградской консерватории в Идрицком р-не Псковской обл. в 1967 г. Сообщено на отчете об экспедиции в Ленинградском отделении Союза композиторов РСФСР.

638. Харьков III. Смоленская обл. Исп. А. П. Исаченкова.

639. СДНТ. Записано от И. П. Казаковой (р. 1913 г.) и Е. П. Емельяненковой (р. 1906 г.) в г. Поречье в 1969 г.

640. Печ. по записи составителя от У. А. Буренковой (р. 1906 г.) в с. Усмынь Великолукского р-на Псковской обл. в 1964 г. По определению певицы, «колдунная песня».

641. ФК, Т-2461. Записано от Н. Ф. Кортенко (р. 1894 г.) в Себежском р-не Псковской обл. В последнем стихе исправлена ошибка

(ослышка) собирателя: вместо очевидного «ста́ток» (домашний скот) было записано: «стадок».

642. Записано Н. Л. Котиковой от Е. А. Корневой (р. 1902 г.) в пос. Назимово Куньинского р-на Псковской обл. в 1965 г. Хранится у собирателя. Купальская «колдунная». В пении строки повторяются. *Заломы ломает* — вид колдовской порчи растущего хлеба в поле. Ср. себежский вариант (б. Витебская губ., ныне Псковская обл.) в записи 1880-х годов (Зеленин III, вып. 1, с. 139, № 7): «Ходят жёночки в Купальню сидеть, трех змеев стеречь!»

643. Семевский, с. 11. Исполнялась накануне Иванова и Петрова дней: девушки «закликали» ведьм, сидя на крышах бань, считавшихся убежищем нечистой силы.

644. Печ. по записи составителя от А. А. Степановой (р. 1893 г.), колхозницы Псковской обл., в Ленинграде в 1967 г. По рассказу исполнительницы, эту песню поют только в купальскую ночь, во время костров, а «тая ночь колдованная». Подчеркивая красоту праздника, А. А. Степанова говорила: «Где рожь запахана, у обочины, девки поют, а рожь колышется!...» *Под грудочком* — под кучей веток. Краткость песни исконная.

645. Рубцов, № 30. Записано от И. Н. Сорокиной в с. Ольша Руднянского уезда в 1920 г. Купальская. Она же на Витебщине известна как жнивная. В центре ее — образ ведьмы. Пели «во́ком» вместо «о́ком».

646. Добровольский I, с. 218, № 9. Припев после каждой строки.

647. СДНТ. Записано от А. И. Анащенковой (р. 1885 г.) в д. Луги Демидовского р-на в 1969 г.

648. Печ. по записи составителя от М. А. Пилюшиной (р. 1881 г.) в д. Узкое Усвятского с/с Великолукского р-на Псковской обл. в 1964 г. Каждая строка в пении повторяется дважды.

649. Дубравин. Записано от А. Ф. Мороки (р. 1912 г.) в с. Чуйковка Ямпольского р-на. Обращает на себя внимание поэтическая параллель, типичная для крестьянской песенности: толстый сноп — хороший жених. *Непо́леный* — непо́лотый. Припев после каждого двустишия.

650. Добровольский I, с. 218, № 10. *У городе* — в огороде.

651. Соболевский, с. 263. *В стре́се* — в стрехе, подстрехе.

652. Добровольский I, с. 216, № 3б.

653. Добровольский I, с. 218, № 8.

654. СДНТ. Записано от А. В. Медведевой (р. 1909 г.) и хора женщин в д. Осипенки Демидовского р-на в 1969 г. *Отказывать* —

здесь: отвечать, возражать. По рассказу запевалы, «девки берутся за руки и платочки и по всему селу ходят». Купальская хороводная.

655. Земцовский, № 17. По словам исполнительницы, «играли (т. е. пели. — *И. З.*), водой обливались».

656. СДНТ. Записано от Е. Е. Скачковой (р. 1903 г.) в д. Полулихи Монастырщинского р-на в 1969 г.

657. СДНТ. Записано от М. И. Усаньковой (р. 1910 г.) в д. Андреево Демидовского р-на в 1969 г.

658. СДНТ. Записано в д. Заики Демидовского р-на в 1969 г. Исполнял хор женщин, запевала К. П. Дудашева (р. 1916 г.).

659. Свитова, № 37, *Под хвортою* — под форточкой. Припев после каждого двустишия.

660. Добровольский I, с. 217, № 6. *Николи* — никогда.

661. Красноженова, № 28. Ср. № 660. Девушки с песней пляшут на улице, а потом идут впервые в году купаться. Припев после каждой строки. *У свекорки* — у свекра. Составителем сняты лишние слова последней строки в первоисточнике («А она»), появившиеся, очевидно, при записи песни с пересказа.

662. Красноженова, № 29.

663. Мельников-Печерский, ч. 3, с. 283.

664. ФК, Т-2461. Записано от Н. Ф. Кортенко (р. 1894 г.) в Себежском р-не Псковской обл.

665. Печ. по записи составителя от Е. Ф. Разумовой (р. 1905 г.) в д. Узкое Усвятского с/с Великолукского р-на Псковской обл. в 1964 г. В пении каждая строка повторяется дважды.

666. ФК, Т-2468. Записано от Н. Ф. Кортенко (р. 1894 г.) в Себежском р-не Псковской обл. Припев после каждого двустишия.

667. Добровольский I, с. 215, № 2а. Припев после каждой строки.

668. Земцовский, № 19. Первая строка каждой строфы кончается припевным возгласом «ой», о котором певица сказала: «Разноголосо «ой» поет, чтоб дальше раздавалось». В настоящем издании этот возглас опущен.

669. Свитова, № 38. Припев после каждой строки.

670. Добровольский I, с. 217, № 5. Разбивка на строфы — составителя.

671. Добровольский I, с. 215, № 1а. *Канаш* — буквально род хлеба или пирога; здесь намеченный жених или милый друг. Метафора применена для оригинального выражения ласки. Ср. № 649 — к аграрной природе поэтических образов календарных песен. Припев после каждой строки.

672. Добровольский I, с. 216, № 3а. *Кулажища* — кулага — типично купальское лакомство. Припев после каждого двустишия. Разбивка на строфы — составителя.

673. Киреевский II, с. 603, № 7. Записано П. В. Киреевским в Новгороде в 1834 г. Поется под Иванов день. Метафорический образ «кочан — парень». Эротизм песни — обрядовый (см. во вступит. статье, с. 21).

674. ФК, Т-2467. Записано от Н. Ф. Кортенко (р. 1894 г.) в Себежском р-не Псковской обл.

675. СДНТ. Записано в д. Осипенки Демидовского р-на в 1969 г. Исп. Ф. Е. Ермакова (р. 1913 г.), Д. Ф. Павлова (р. 1915 г.), М. И. Павлова (р. 1927 г.), А. В. Медведева (р. 1909 г.). О загадывании загадок в календарных песнях см. примеч. 464.

676. Добровольский IV, с. 363. Ср. № 599.

677. Халанский I, с. 151, № 135. Строфика исправлена составителем. Припев после каждого двустишия. Песни о взаимоотношениях брата и сестры часто включаются в купальский репертуар. См. № 678. Белорусский вариант этой песни полагалось петь еще днем, накануне праздника, собирая для коров траву иван-да-марья. Вечером собранную траву давали коровам. (См.: А. Петропавловский, «Коляда» и «Купало» в Белоруссии. — ЭО, 1908, № 1—2, с. 164.) Этой же травой парились в банях, плели из нее венки. Служила она и своеобразным оберегом: нарвав ее в Иванов день еще до восхода солнца, клали по углам избы, чтобы вор не подошел к дому: «брат с сестрой будет говорить; вору будет чудиться, что говорит хозяин с хозяйкой» (см. Макаренко, с. 86).

678. Добровольский I, с. 224, № 24а. Там же (№ 24з) см. другой вариант окончания:

Зацветем-ка мы, братец,
С тобою кра́сочками:
Ты синим цветом,
А я желтеньким,
Ты будешь Иваном,
А я Марьей!

Баллада о происхождении цветка иван-да-марья. Чаще всего встречается в качестве купальской песни. Ср. святочную (№ 340). Сюжет об инцесте брата и сестры имеет международное распространение. Наиболее близки приведенным белорусские и украинские варианты баллады, весьма многочисленные.

Петровские

679. Дубравин. Записано в с. Гудка Шосткинского р-на. Исп. Е. С. Тесленко (р. 1903 г.). Кончается выкриком «Гу! ..». О припеве см. примеч. 680.

680. ПД, Р V, к. 247, п. 1, с. 181. Д. Р. Глушенко. Наша старина в бытовых и обрядовых песнях, машинопись, 1964. Записано в Сумской обл. Украинской ССР. Исполнялась в течение двухнедельного Петровского поста у качелей («релей»), с чем связана этимология припева (*рели* — качели).

681. Добровольский II, с. 208. Калужская губ. Пели тому, кто не принимал участия в традиционной встрече солнца под Петров день; привешивали на крыльце «килу» — лошадиную голову, стучали в окно и пели. Одной из целей петровского обычая «караулить солнце» был оберег от русалок (см.: Зеленин II, с. 173). Конскую голову натыкали обычно для предохранения от скотского падежа (см.: П. С. Ефименко, О Яриле, языческом божестве русских славян. — «Записки РГО по отделению этнографии», 1869, т. 2, с. 110).

682. СДНТ. Записано от И. П. Казаковой (р. 1913 г.) в д. Поречье Демидовского р-на в 1969 г. Величальная песня, говорящая о близкой жатве.

683. СДНТ. Записано от И. П. Казаковой (р. 1913 г.) в д. Поречье Демидовского р-на в 1969 г. *Скресенье* — воскресенье.

ЖАТВА

684. Курские песни, № 16. Покосная.

685. Свитова, № 41. Покосная. Последний слог каждой строфы в пении не произносится, переходя в выкрик «у!».

686. Истомин — Ляпунов, с. 168. Вологодская губ. Покосная. Особенности диалекта («на встречю сестрицям» и т. п.) не сохранены.

687. Свитова, № 42. Покосная. Последний слог каждой строфы в пении не произносится, переходя в выкрик «ы!».

688. Свитова, № 30. Прополочная. Каждая строфа завершается в пении выкриком «у! ..». *Копочки* — здесь: копны.

689. Рубцов, № 35. Записано А. К. Кудышкиной от уроженки Смоленской обл. под Ленинградом в 1949 г. Зажиночная.

690. Свитова, № 43. Зажиночная. Каждая строка кончается в пении выкриком «у!».

Жнивные

691. Шейн, № 1269. Псковская губ. *Долговая нива* — поле, обрабатываемое в порядке взаимопомощи. *По месяцу* — до восхода солнца.

692. МГК, Ф. 2335-П. И. 910-11. Р-5274. Записано Н. Е. Ржавинской от М. К. Сиваевой в с. Катичи Новозыбковского р-на Брянской обл. в 1966 г. В исполнении каждый стих прерывается «гуканьями» по следующему образцу:

Жните, жнеечки, жни... и!... те, у!
В жите горелочка бу... у!... де.
А як дожните... у!... ся, у!
Горелочки напьете... у!..сь.

693. Свитова, № 46. *Постатьку сгоним* — сожнем полоску. Последний слог каждого стиха не допевается, обрываясь «гуканьем» «у!..».

694. Шейн, № 1276. Смоленская губ.

695. Печ. по записи составителя от Е. Ф. Разумовой (р. 1905 г) в д. Узкое Усвятского с/с Куньинского р-на Псковской обл. в 1964 г *У квашне* — в квашне (кадке).

696. Добровольский I, с. 255, № 11. «Добра ночь» в оригинале записано как «Дабранычь», а «дождю» как «дожжу».

697. Свитова, № 45. Каждая строка кончается в пении выкриком «у!».

698. Добровольский I, с. 258, № 23. Хозяйственный достаток перед Ильиным днем противопоставляется голодным Петровкам.

699. Шейн, № 1274. Опечатка в ст. 8—10 («задремало» вместо требуемого «загремело») исправлена составителем. В одном из вариантов песни поется: «Чьи ж это мысли на хвосте повисли?» (Кулаковский, с. 107).

700. Рубцов, № 37. Записано от В. К. Прохоренковой в с. Ольша в 1920 г. Смысл последней строфы уясняется из контекста аналогичных жатвенных песен: сбор урожая предвещает свадьбу. Диалог матери с дочерью представлен сокращенно (вопрос дочери подразумевается). По указанию собирателя, жнивная овсяная.

701. Свитова, № 52. Каждая строфа кончается в пении выкриком «у!» или «и!».

702. ФК, Т-2172. Записано от К. Л. Снегиревой (р. 1904 г.) в д. Жашово Себежского р-на Псковской обл. в 1966 г.

703. ФК, Т-1844. Записано от Е. М. Малаховской (р. 1898 г.) в д. Бояриново Себежского р-на Псковской обл. в 1966 г.

704. СДНТ. Записано в д. Грива Монастырщинского р-на в 1969 г. Исп. Д. С. Величенкова (р. 1923 г.), Ф. Л. Толстенкова (р. 1904 г.), У. Д. Величенкова (р. 1913 г.).

705. ФК, Т-1843. Записано от Е. М. Малаховской (р. 1898 г.) в д. Бояриново Себежского р-на Псковской обл. в 1966 г.

706. Рубцов, № 34. Записано от В. К. Прохоренковой в с. Ольша в 1920 г. *В дорозе* — в дороге.

707. Шейн, № 1278. Смоленская губ. Разбивка на строфы — составителя.

708. СДНТ. Записано от А. Б. Вороновой (р. 1885 г.) и Е. И. Синицыной (р. 1911 г.) в д. Парнево Демидовского р-на в 1969 г.

709. Шейн, № 1268. Псковская губ. По указанию собирателя, припев после каждого двустишия. Разбивка на строфы — составителя.

710. Г. Павлова, Народные песни Смоленской области, напетые А. И. Глинкиной, М., 1969, № 48. В пении каждые два стиха повторяются.

711. СДНТ. Записано от С. Г. Тимошенковой (р. 1912 г.) в д. Поповка Ершичского р-на в 1969 г. Каждая строфа повторяется дважды. *Дворочку* — здесь: домой, на двор. Редкий пример жнивной песни балладного типа.

712. Шейн, № 1279. Смоленская губ. Строфика частично исправлена составителем.

713. Свитова, № 51. Жнивная лирическая. Каждая строфа завершается в пении выкриком «у!».

714. Харьков IV, № 128. Последний слог каждого куплета в пении обрывается.

715. СДНТ. Записано от М. Ф. Артеменковой (р. 1909 г.) в д. Луги Демидовского р-на в 1969 г. Жнивная и дожиночная.

716. Добровольский I, с. 254, № 9.

717. Шейн, № 1277. Смоленская губ.

Дожиночные (обжиночные)

718. ФК, Т-2175. Записано от К. Л. Снегиревой (р. 1904 г.) в Себежском р-не Псковской обл. в 1966 г. В первоисточнике ст. 2 начинается со слова «что», явно чужеродного в данном контексте.

719. Шейн, № 1275. Смоленская губ.

720. Шейн, № 1281. Смоленская губ.

721. Харьков I, № 9. *Ти рад* — рад ли?

722. СДНТ. Записано от М. Ф. Артеменковой (р. 1909 г.) и хора женщин в д. Луги Демидовского р-на в 1969 г.

723. Песни Пинежья, с. 489. Архангельская обл. Жнеи пели, выстроившись в ряд и повернувшись лицом к «лету», то есть к солнцу.

724. Земцовский, № 21.

725. Добровольский I, с. 254, № 10а.

726. Добровольский IV, с. 364. Дожин озимых. Кричат, катаясь по сжатой полосе.

727. Песни Пинежья, с. 439. Архангельская обл.

728. Зернова, с. 33. Завивание «бороды» Егорию на дожинках.

729. Рубцов, № 38. Записано от Н. А. Забеллы в Ильинском р-не в 1938 г.

730. Печ. по записи составителя от А. А. Степановой (р. 1893 г.) в д. Завыково Крестовского с/с Великолукского р-на Псковской обл. в 1964 г.

731. ФК, Т-2302. Записано от М. М. Гурьевой (р. 1885 г.) в д. Шишково Монастырщинского р-на в 1965 г. Последний слог в каждой строфе не допевается.

732. Добровольский I, с. 256, № 15.

733. Шейн, № 1283. Смоленская губ.

734. Печ. по записи составителя от А. А. Степановой (р. 1893 г.) в д. Завыково Крестовского с/с Великолукского р-на Псковской обл. в 1964 г. А. А. Степанова называет все обжинские песни «бородой».

735. Добровольский I, с. 252, № 1в.

736. Печ. по записи составителя от А. А. Степановой (р. 1893 г.) в д. Завыково Крестовского с/с Великолукского р-на Псковской обл. в 1964 г. Последний слог в строфе не допевается.

737. Шейн, № 1282. Смоленская губ. Величальная хозяину. По поэтике родственна свадебным величаниям.

738. Шейн, № 1273. Смоленская губ.

739. Добровольский I, с. 253, № 6.

740. Печ. по записи составителя от М. У. Михайловой (р. 1904 г.) и У. А. Буренковой (р. 1906 г.) в с. Усмынь Псковской обл. в 1964 г. Песню поют до сих пор, применяя традиционный образ спорыни как трудовой удачи. Напев песни видимых изменений не претерпел.

741. Коринфский, с. 369. *Оспóжинки* — тоже, что дожинки (обжинки).

Толочанские

742. Земцовский, № 20.

743. Рубцов, № 40. Записано от В. К. Прохоренковой в с. Ольша Руднянского уезда в 1920 г. *Не ясте* — не едите. *Выпылаем* — от полоть.

744. Дубравин. Записано от П. В. Оливченковой (р. 1900 г.) в пос. Дружба Ямпольского р-на.

745. Рубцов, № 43. Записано от В. К. Прохоренковой в с. Ольша Руднянского уезда в 1920 г. Величальная хозяину. *За* — из-за, из.

746. Добровольский I, с. 280, № 14.

747. Рубцов, № 42. Записано от В. К. Прохоренковой в с. Ольша Руднянского уезда в 1920 г.

748. Рубцов, № 41. Записано от К. И. Толкачевой в с. Ольша Руднянского уезда в 1920 г.

749. СДНТ. Записано от Н. З. Моржаковой (р. 1909 г.) и хора женщин в д. Красное Заборье Шумячского р-на в 1969 г.

750. Харьков I, № 11.

СЛОВАРЬ

Барелка — бочка.
Баса́ — красота, приглядность.
Басловья́ — благословенья.
Берёмечко — охапка.
Бильице, бы́лица — серебряное кольцо.
Бо́ло́зи — на благо, к добру, хорошо.
Борода — последний несжатый пучок или сноп хлеба.
Бортик — пчелиная борть.
Босла, бослави — благослови.
Бра́ны(е) — узорчатые (ткани).
Братыня — бра́тина, сосуд для пива.
Брезготать — звенеть.
Броять, бруять — жужжать.
Брязнуть, взбрязнуть — бренчать, звенеть.
Бурмитское зерно — крупная окатистая жемчужина.

Важко — тяжело, тяжко.
Велик день — Пасха.
Веретейка — веретянка, ядовитая змея.
Верея (ум. верейка, вереюшка) — столб, на котором укрепляются ворота.
Весельля (ум. веселийка) — свадьба, свадебка.
Вздынуть(ся) — поднять(ся).
Водéнь — овод.
Вопрь — вепрь, кабан.
Ворох (ум. ворошок) — вывеянный зерновой хлеб.
Воспелеговать — здесь: вынянчить.
Втоки (подвтоки) — возможно, от «уто́к» (нитка, которую ткут; кусок холста).
Втопор — тогда́.

Гаголка — чайка.
Гарнéц — большой горшок, котел.
Голевый — сделанный из голи — шелковой ткани.
Горнушка (ум. горнушечка) — см. Загнета.
Горо́д — огород.

Грай — играй.
Грубка — печка или труба в русской печи.
Грýско — грустно.
Грядка — поперечная доска под потолком от печки до противоположной стены.
Гузенная кишка — прямая кишка.

Дежá — опара для теста, квашня; кадка, в которой месят тесто для хлеба.
Дивúть — гулять, шалить с парнями незамужним девушкам.
Долженный — длиннейший.
Домóвки — жнеи, уходящие с поля домой.
Древесянный — дресвяный, в мелких трещинках.
Дресвá — гравий.
Дротяной — проволочный.
Дрочона — яичница с молоком.
Дударь — музыкант волочебной артели — исполнитель на дуде.

Ежи — ежéвина, ежевое мясо, сало.
Елдáечки — большие пшеничные лепешки из кислого теста.
Ендовá, яндова — широкая медная чаша с носиком.

Жировать — беззаботно жить в достатке (отсюда «жированье»).
Жирóвка — четырехугольная дощечка, на которую кладут вещи при святочном гадании.
Жóров — журавль.
Журба — печаль, тоска (укр.).

Забратáть — накинуть оброт (недоуздок) на лошадь.
Завитать — посетить, навестить.
Загаркать — закричать.
Загнета (ум. загнетка) — зольник русской печи.
Загукать — зазвать, закликать.
Залукать — забросить.
Зáмчужка — жемчужинка.
Зарýчины — обученье.
Застреха — край соломенной крыши, свес кровли.
Згородь — изгородь.
Зеленушки — недозрелые ягоды.
Зрелки — зрелые ягоды.

Ижно — даже.
Измызгать — испачкать, истаскать.
Инúцый — нижний, обвислый.

Каверзни — лапти.
Калабашечка, кулабашечка — колобок, лепешка.
Камчатная — от «камка», узорная ткань.
Канун — праздничное пиво, брага.
Каравайцы — пшеничные блины.
Карéц — лубяное лукошко или ковш.
Кий — палка, посох.
Кишка — домашняя колбаса.

Клубь — клубок (мяч), сбитый из овечьей шерсти.
Коваль — кузнец.
Коку́р(а) — грош, деньги.
Кокурка — булочка с яйцом.
Комель — корень, нижняя часть ствола дерева.
Комонь (арх.) — конь.
Конёк — здесь: обрядовое печенье в форме коня.
Конец — ларец, сундук.
Конопицы — семя конопли.
Конюшок — конюх.
Копароечка — та, которая роется, копается (в огороде).
Копа (ум. копочка) — единица счета (60 штук).
Коробья — сундуки.
Коровка, мазана (масляна) головка — обрядовое печенье.
Корчик — ковш.
Косарь — род ножа.
Косатый — с головной косой, косичкой.
Косни́к — коса с лентами.
Косящатое, косивчатое — окно с косяками и рамой.
Котяшья — кошки, котята.
Кочет — петух.
Кошуля — верхняя теплая рубашка или полушубок.
Крали — кораллы, бусы.
Краски (ум. кра́сочки) — цветы.
Кросна — ручной ткацкий станок.
Кросе́нца — домотканые рубашки.
Крылос — клирос.
Куга́ — ситник, или камыш, болотное растение.
Кужалечек — 5—10 мочек льна.
Кужаль — кудель, вычесанный лен.
Кужлявиться — кудрявиться, курчавиться.
Кулага, кулажища — сладкое кушанье из муки.
Куляда́ — круглая лепешка из ржаной муки.
Ку́на, куня — куница.
Курчижка — сук, обрубок.
Кут — угол, особенно в избе под образами или около печи.
Кутья́ — разваренные и подслащенные пшеничные зерна.

Ладка — маленькая пышка.
Ластки — цветные четырехугольные вставки под мышками в рукавах женской рубахи.
Лачи́ — ларцы, сундуки.
Ле — возле.
Ле́но — лениво, неохотно.
Летнички — легкая холщовая женская одежда.
Лузь (мн. ч. «во лузях») — прогалина в лесу.
Лука — здесь: луг.
Лукать — бросать, швырять.
Лядо — место, расчищенное под пашню; пустошь; земельный участок.

Мара́ — призрак; злое существо, отождествляемое со смертью.
Ма́тица — средняя потолочная балка в избе.

Мéсик — месяц.
Молостов — свитый, плетеный горшок.
Морда — лозовая плетенка.
Морёна — брусника.
Мочка — пучок льна, нить, волокно.
Муравленный — покрытый глазурью.

Нáволок — низкий луг, заболоченная местность.
Наметка — головной убор, головная белая повязка замужних женщин.
Начёвье — корыто.
Нехтер — связанный из веревок мешок, из которого кормят лошадей.
Новинá — крестьянский льняной холст, на котором, в частности, опускали гроб в могилу.
Носырка — носовой платок.

Облеглись — окружили, осадили.
Ободверенка — притолока, дверной косяк.
Одежить — одеть, покрыть.
Одóнье — подстожье, нижний слой сена в стогу.
Окатный — см. Скатный.
Омхывая — моховая.
Опýтинка — веревка.
Орать — пахать.
Ошметки — сор, тряпье, отбросы; стоптанные лапти.

Пáлица — палка.
Пáрина — поле, стоящее под паром.
Пасáг — приданое.
Пельновать — стеречь, сторожить, караулить.
Перевясло — связка для снопов.
Переженчик — здесь: лепешка в масле, оладушка.
Перелог (ум. переложек) — запущенное пахотное место.
Перепеча (ум. перепечечка) — пресная лепешка, ватрушка, пирог.
Петел — петух.
Пилясина — полоса свиного сала.
Пияти — петь.
Плетюха — плетеная корзина.
Плетяница — плетеный шнур, веревка.
Повалуша — общая спальня в избе.
Поветь, повит, поветка — сарай, хлев, навес, крыша над двором, крытый двор.
Подволока — подпечье.
Подклет — жилая, черная или рабочая часть избы, часто кладовая, зимой используется иногда для скота.
Пóженка — от «пожня».
Пóлбенный — сделанный из полбы (зерновое растение).
Полевать — быть в поле; охотиться.
Пóлик (ум. поличка) — чарка, мерка (водки).
Полица — полка в избе.
Полоз — сани.
Полсточка — полотнище для прикрывания саней.
Полубенные — из луба (липовой коры), лубочные или берестяные; затвердевшие.

Полысть — полсть.
Помуздать — взнуздать, надеть узду.
Понька — лоскут, которым обертывается крестьянка вместо юбки.
Пополье — подполье.
Пороша, поро́ха — падающий ровно снег.
Порятувать — спасать, защищать.
Порятуночка — защитница.
Посконный — из конопляного волокна.
Постать — делянка, участок поля, занимаемый жницами.
По́торг — торг.
Пошевни (ум. пошевеночки) — широкие сани, розвальни.
Пригонятый — пригонщик, сгоняющий крепостных на пригон (работу).
Призакуржеветь — заиндеветь, покрыться изморозью.
Приклясками — прихлопали, притоптали.
Припол — полы одежды.
Приполон(ь) — прибыль.
Пролубь (ум. пролубочка, прорубочка) — прорубь.
Просвира — просфора (церк.).
Простягнися — протянись.
Прошесть — ткань на ткацком стану.
Пу́га — кнут, плеть.
Пу́ня (ум. пунька, ув. пунчище) — сарай, сеновал, хлев.
Пушить — распушивать.
Пушной — пополам с пушницей, хлеб с мякиной.

Ральля, наральля — пашня, вспаханная земля.
Ра́менье — большой, дремучий лес, окружающий поле; опушка леса.
Распу́кнуть — распуститься (о дереве), покрыться почками.
Ретливый — постоянный эпитет к «сердцу» (возможно, ретивый).
Решать — здесь: убивать, приканчивать.
Ринуть — кинуть, бросить.
Роёк — здесь: рой жнецов.
Рожевничек — рожечник музыкальной артели.
Рожство́ — Рождество.
Ручени — веретено с пряжею.
Рытый — узорчатый (бархат).

Сапушка — см. Сопуха.
Свежина — свежее мясо или рыба.
Секера — секира, топор.
Селище — архаическое обозначение места поселений.
Сере́дина — поясница.
Скатный — ровный, круглый.
Скляница — небольшая бутылка.
Скородить — бороновать.
Скородьба — боронованное поле.
Славцы́ — здесь: колядовщики, которые «славят» — величают.
Собе́дучек — шкаф или ящик стола для хранения хлеба, посуды.
Собинник — маленький пирожок, для кого-либо испеченный (им потчуют гостей).
Сопуха — 1) отдушник в печи; 2) сажа в трубе; 3) вырубленное отверстие в стене, в которое мечут сено; 4) дым в курной избе.

Сочить — искать, отыскивать.
Сочовки — сочни.
Спор, спорыня́ — рост, изобилие; по объяснению Шейна, стебель с наибольшим числом колосьев, символ богатства, иначе — «житная матка».
Спорышенчик (ласкат. от «спорыш») — олицетворение спорости в работе, особенно на ниве.
Спустошеть — опустеть.
Став (ум. ставушка) — нечто поставленное, состав, стык (здесь: стог).
Ставе́ц — большая чашка, миска.
Стато́к — домашний скот.
Стёгнушко, стягонышко (ум. от «стёгно») — верхняя часть ноги.
Стрекива — крапива.
Стреха — соломенная крыша.
Сувалка — свалка, валка.
Судна — сосуды (тара) для пчел.
Суколено — коленце в стебле.
Сурепица, сурепка — сорная трава, дикая редька.
Сури́ть — «курить», варить, гнать, изготовлять вино.
Сурнывка — место для мусора.
Суслон — кладка снопов в поле.
Су́тки — передний угол в избе, подыконье.
Сыта́ — медовый взвар.
Сы́ченая — подслащенная медом.

Таврог — творог.
Таланливый — счастливый, удачливый.
Тано́к — хоровод.
Тенета́ — сети для ловли зайцев.
Толочить — топтать, утаптывать.
Торга́ — торг, базар, рынок.
Торчок — сучок, колышек, пенек.
Тростелки — тростник.
Тростить — вить, свивать.

Убачить — увидеть.
Убру́с — нарядный головной убор, свадебная фата.
Уго́да (угодье, ум. угодьице) — удо́ба, польза; всё пригодное хозяйству, включая поля, луга и т. п.
Угожий — пригодный, полезный.
Узоро́д — 1) высокий горох (псковск.); 2) стог овса (новгор.).
Урод — здесь: урожай.

Хляптуха — укоризненное прозвище (от междометия «хляп»).

Цепела́ — ухват для сковородки.
Цуцкий — порода свиней с длинными ушами.

Чанны ворота — ворота с калиткой.
Чело (ум. челышко) — наружное отверстие русской печи.
Чума — здесь: чумичка, грязнуля.

Шамнуть — шуметь, шуршать.
Шан(ь)га (ум. шанежка) — ватрушка, лепешка.
Шáта — плащ.
Швыдче — шибче, быстрее (укр.).
Шемелá — помело, метла.
Ширинка — полотенце, платок.
Шолом — холм, пригорок, возвышение.
Шугавеица — здесь: бездельник.
Шукать — искать, разыскивать (укр.).
Шушпанишко — холщовый кафтан с красной оторочкой и перехватом.

Щепица — шиповник.
Щеплига — щеголь (от «щепливый» — щегольский).

Юшка — суп.

Ялая, яловая — бесплодная (о скоте).
Ярь — яровой хлеб.

КАЛЕНДАРЬ ОСНОВНЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ ПРАЗДНИКОВ[1]

Святки зимние — 25 декабря — 6 января
Святые вечера — 25 декабря — 1 января
Страшные вечера — 1 января — 6 января
Рождество — 25 декабря
Васильев день (Новый год) — 1 января
Крещенье — 6 января
Масленица — восьмая неделя до Пасхи (в период с конца января до начала марта)
Авдотья (Евдокия) — 1 марта
Сороки — 9 марта
Благовещенье — 25 марта
Егорьев день (весенний) — 23 апреля
Пасха (Велик день, Светлый день) — воскресный день в период с 22 марта по 25 апреля
Красная горка — последний день Пасхи
Фомина неделя — первая неделя после Пасхи
Радуница — первый вторник после Пасхи
Вознесенье — сороковой день после Пасхи
Святки летние (русальская, русальная или семицкая неделя) — седьмая неделя после Пасхи
Семик — четверг на русальной неделе.
Троица — всегда в воскресенье, в пятидесятый день после Пасхи
Духов день — пятьдесят первый день после Пасхи
Николин день (весенний) — 9 мая
Аграфена Купальница — 23 июня
Иванов день (Иван Купала) — 24 июня
Петров день — 29 июня
Ильин день — 20 июля
Покров — 1 октября
Егорьев день (осенний) — 26 ноября
Николин день (зимний) — 6 декабря

---

[1] Все даты приведены по старому стилю.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Между с. 64* и *65*. Русские святки. Лубок. 1856 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

2. *На обороте*. Новый год. Лубок. 1858 г. Там же.

3. *С. 87*. Колядная. Н. А. Римский-Корсахов, Сто русских народных песен, СПб., 1876.

4. *Между с. 96* и *97*. Масленица. Лубок. 1839 г. Там же.

5. *На обороте*. Сельская Масленица. Лубок. 1858 г. Там же.

6. *С. 243*. Масленичная. Н. А. Римский-Корсаков, Сто русских народных песен, СПб., 1876.

7. *Между с. 256* и *257*. Масленица. Лубок. 1881 г. Там же.

8. *На обороте*. Семик, или Гулянье в новой деревне. Лубок. 1831 г. Там же.

9. *Между с. 288* и *289*. Чучело Масленицы. «Советская этнография», 1936, № 2, с. 107.

10. *На обороте*. Семик. Лубок. 1857 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

11. *С. 445*. Рисунок куклы русалки из стеблей тростника. «Советская этнография», 1947, № 1, с. 180.

12. *Между с. 448* и *449*. Похороны Костромы. Лубок. «Вестник археологии и истории», 1911, вып. 20, между с. 90 и 91.

13. *На обороте*. Песня «Ай во поле липанька. . .», Лубок. 1871 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

14. *Между с. 480* и *481*. Песня «Как на улице шумят. . .», Лубок. 1868 г. Там же.

15. *На обороте*. Возвращение с покоса. Лубок. 1872 г. Там же.

СОДЕРЖАНИЕ

СВЯТКИ

Колядки

Песни святочных гаданий

Подблюдные

ПЕСНИ ХЛЕБУ И СОЛИ

ПЕСНИ, ПРЕДВЕЩАЮЩИЕ БОГАТСТВО И СЧАСТЬЕ

ПЕСНИ, ПРЕДВЕЩАЮЩИЕ СВАДЬБУ

ПЕСНИ, ПРЕДВЕЩАЮЩИЕ ВЕЧНОЕ ДЕВИЧЕСТВО

ПЕСНИ, ПРЕДВЕЩАЮЩИЕ РАЗЛУКУ, ДОРОГУ

ПЕСНИ, ПРЕДВЕЩАЮЩИЕ БЕДНОСТЬ, ВДОВСТВО

ПЕСНИ, ПРЕДВЕЩАЮЩИЕ СМЕРТЬ

ПЕСНИ О СВЯТОЧНЫХ ИГРИЩАХ

МАСЛЕНИЦА

Встреча Масленицы

Песни масленичных гуляний, катаний, игр

Проводы Масленицы

ВСТРЕЧА ВЕСНЫ

Веснянки

Весенние игровые и лирические

Весенние обходы дворов

ЕГОРЬЕВСКИЕ

ВОЛОЧЕБНЫЕ

ВЬЮНИШНЫЕ

СЕМИК. ТРОИЦА

Семиковые, Троицкие

НА ЗАВИВАНЬЕ

ГАДАНИЕ НА ВЕНКАХ

МАЙСКИЕ

КУМИТНЫЕ И «ПОХОРОНЫ КУКУШКИ»

НА РАЗВИВАНИЕ

Троицкие хороводные и лирические

Русальские

Похороны Костромы

КУПАЛА

Купальские

Петровские

ЖАТВА

Жнивные

Дожиночные (обжиночные)

Толочанские

ПОЭЗИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ПРАЗДНИКОВ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1970, 640 стр. План выпуска 1970 г. № 325

Редактор *Л. А. Николаева*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Ф. Н. Аврунина*

Сдано в набор 7/VII 1970 г Подписано в печать 16/X 1970 г. М 47101. Бумага 84×108[1]/32, № 1. Печ. л. 20+6 вкл. (34,24). Уч.-изд. л. 28,91. Тираж 20 000 экз. Заказ № 1148. Цена 1 р. 25 к.

Издательство «Советский писатель» Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Красная ул., 1/3

«БИБЛИОТЕКА ПОЭТА»

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Большая серия

Второе издание

«Вольная русская поэзия
второй половины XVIII — первой половины XIX в.»

Ленин в советской поэзии

«Песни народов Дагестана»

«Русская силлабическая поэзия

XVII — начала XVIII в»

И. Тургенев. «Стихотворения и поэмы»

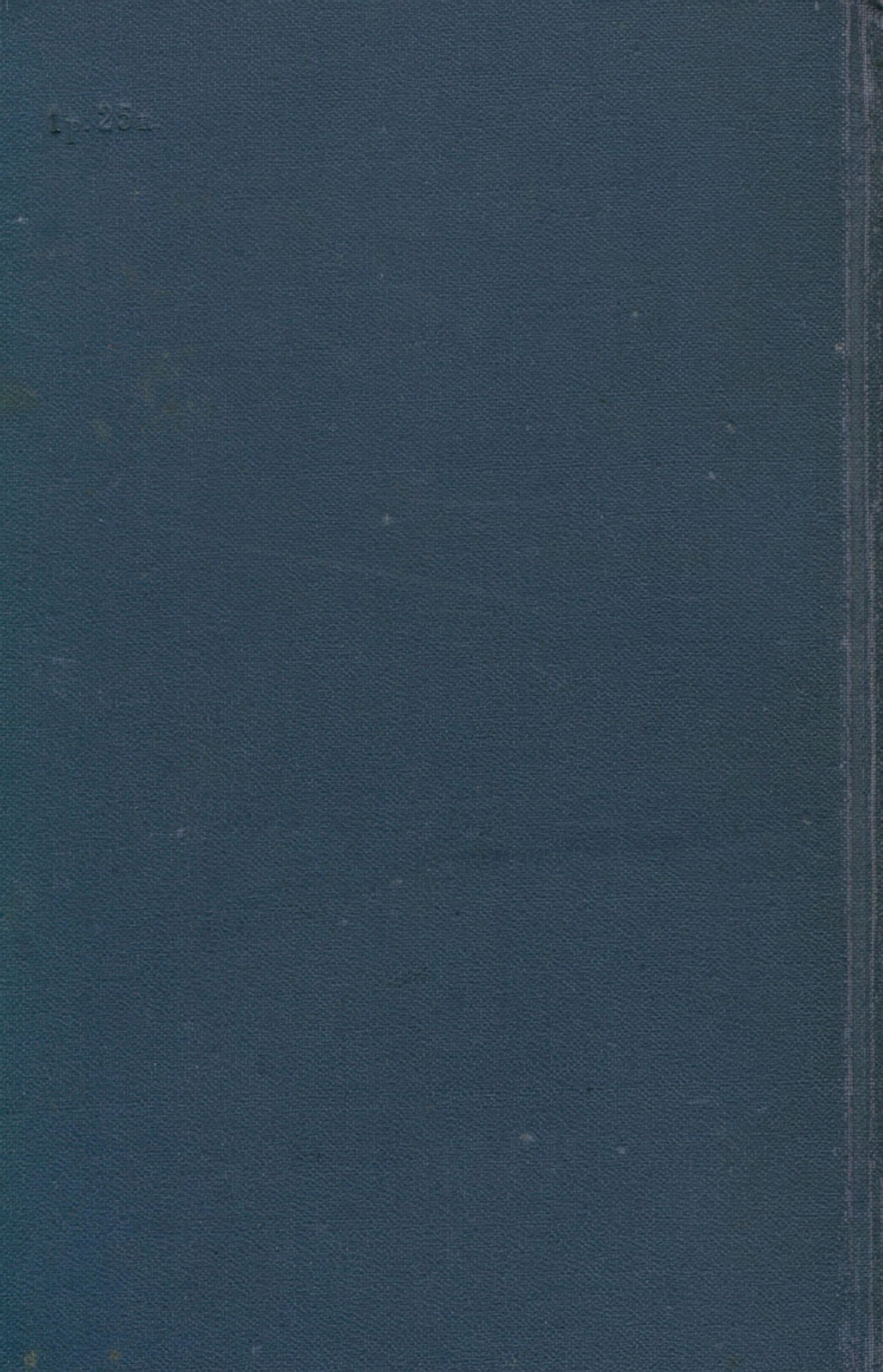
Хамза Хаким-Заде. Стихотворения

Н. Ф. Щербина. Избранные произведения

Малая серия

Третье издание

Поэты Азербайджана

1 р. 25 к.